

Г.З.Алиев
ТУРЦИЯ
в период
правления
младотурок

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО
ВОСТОКА

Ответственный редактор
А. М. ШАМСУТДИНОВ
ВВЕДЕНИЕ

В книге исследуются причины и ход младотурецкой революции 1908 г., внутренняя политика правительства младотурок, причины вступления Турции в первую мировую войну на стороне Германии, влияние этой войны на турецкую экономику, а также ход военных действий, участие Турции в интервенции на Кавказе и банкротство внутренней и внешней политики младотурок, повлекшие за собой крушение Османской империи.

1-6-3 62-72

Гамид Зейналабдин оглы Алиев
ТУРЦИЯ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ МЛАДОТУРОК
(1908—1918 гг.)

Утверждено к печати

Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор М. И. Штемпель Младший редактор Ю. М. С а б
с а и

Художник Л. С. Э р м а н Технический редактор М. М. Фридкина
Корректоры В. В. Воловик и Р. Ш. Ч е м е р и с
Сдано в набор 31/ХП 1971 г. Подписано к печати 28/111 1972 г.

А-05644. Формат 84 X ЮЗ'/зг. Бумага № 2. Леч. л. 12,125.
Усл. печ. л. 20,37. Уч.-изд. л. 22,88. Тираж 4200 экз. Изд. № 2933.

Зак. № 1355. Цена 1 р. 48 к.

Главная редакция восточной литературы издательства
«Наука» Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука» Москва К-45, Б.
Кисельный пер., 4

На современном этапе развития человечества перед советской востоковедной наукой стоят серьезные задачи. Необходимо на конкретном историческом материале раскрыть механизм действия объективных законов общественного развития в жизни народов Востока, исследовать многочисленные варианты поступательного движения этих народов к более высоким общественным формациям, разоблачать измышления буржуазных фальсификаторов истории.

Советские востоковеды не ограничиваются только исследованием современных проблем. Они изучают также исторические события в различные эпохи жизни народов стран Востока, что имеет не менее актуальное значение. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что для своих выводов и обобщений философия, социология, экономическая и правовая науки нуждаются в точных фактах, установленных историей. «Самое надежное в вопросе общественной науки,— указывал В. И. Ленин,— ...не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [40, стр. 67].

Руководствуясь этими указаниями В. И. Ленина при изучении и оценке исторических фактов, необходимо вести широкое исследование социально-экономической и политической истории народов Востока, различные аспекты которой и поныне-изобилуют белыми пятнами.

Как в советском, так и в зарубежном востоковедении новая и новейшая история Турции лучше всего изучена с точки зрения международных отношений, а вопросы ее внутренней жизни и связанные с ними проблемы исследованы недостаточно. Между тем их изучение имеет не только научное, но и политическое значение.

Советские туркологи опубликовали немало интересных статей и монографий по тем или иным проблемам истории Турции, но ни одна из них не ставит своей задачей дать связное и систематическое изложение истории младотурецкого режима за весь период его существования. Тема, избранная автором настоящей работы, не подвергалась монографическому исследованию ни в советской, ни в зарубежной историографии. Нет и ни одной специальной работы по данной теме.

Хронологически данное исследование охватывает десятилетний период правления младотурок — с 1908 по 1918 г.

Десятилетний период, разумеется, небольшой отрезок времени в многовековой истории Турции. Однако за эти годы в стране произошли такие важные события, которые не имели места в течение столетий ее истории. Достаточно указать, что за это время в Турции совершилась первая в ее истории буржуазная революция, свергшая деспотический режим и установившая буржуазно-монархическую форму правления; страна участвовала в четырех войнах — триполитанской, двух балканских и первой мировой империалистической войне.

С 1908 по 1918 г. в Турции сменилось 14 правительств, три

раза в условиях острой внутривластной борьбы были проведены парламентские выборы. Старая официальная политическая доктрина — панисламизм была усилена буржуазно-националистической доктриной — пантюркизмом. Финал этого периода известен: полное банкротство младотурецкого режима и крушение многовековой Османской империи, некогда изумлявшей мир своим могуществом.

Младотурки вышли на историческую арену как буржуазные революционеры, но, захватив власть, стали явными шовинистами. Спустя десять лет они покинули эту арену как политические и военные авантюристы.

Осенью 1918 г. обессиленная, обескровленная войной Османская империя вынуждена была сдать державам

4

Антанты на милость победителя. Войска Англии, Франции, Италии и Греции оккупировали не только бывшие владения Турции, но и ее собственную территорию.

В то же время в Турции нашлись силы, которые под влиянием освободительных идей Великого Октября поднялись на борьбу за независимость своей страны.

Изучение истории Турецкой Республики невозможно без анализа тех социально-экономических и политических факторов, на базе которых возникло современное турецкое государство, а большинство этих факторов сложилось накануне и в период правления младотурок.

Данная работа не претендует на полное освещение истории Турции за рассматриваемый период, столь богатый драматическими событиями, как внутри самой страны, так и в международном плане.

Автор считает своей главной задачей рассмотрение особенностей социально-экономического и политического развития турецкого общества, причин резких поворотов в политической позиции инонациональной компрадорской

буржуазии, а также молодой турецкой национальной буржуазии, которая пришла к власти в результате революции 1908—1909 гг.

В работе рассматриваются такие малоизученные проблемы, как усиление классового антагонизма, борьба рабочих и крестьян за свои права, национально-освободительное движение угнетенных народов Османской империи и т. п. Автор ставил своей задачей также последовательно изложить взаимоотношения между отдельными группировками турецкой буржуазии и ее политическими организациями, все перипетии внутриполитической борьбы в стране.

Для характеристики исследуемого периода весьма важное значение имеет марксистский анализ экономических и социальных корней младотурецкой революции.

Половинчатый, поверхностный характер этой революции объясняется главным образом ее социально-экономическими и политическими предпосылками, соотношением классовых сил и самой природой турецкой буржуазии.

Тем не менее в истории турецкого народа младотурецкая революция имеет важное значение: она была направлена не только против захватнической политики империалистических держав, но и против гнилых устоев феодального деспотизма, выразителем которого был

Абдул Хамид II. Хотя эта революция, по характеристике В. И. Ленина, была полупобедой «или даже меньшая часть победы», тем не менее «такие полупобеды в революциях, такие вынужденные скоропалительные уступки старой власти являются вернейшим залогом новых, гораздо более решительных, более острых, вовлекающих более широкие массы народа, перипетий гражданской войны» [18, стр. 177].

Для решения поставленных в исследовании проблем автор привлек разнообразные по форме и характеру источники.

Использованные материалы, главным образом архивные, дали возможность заново пересмотреть ряд положений и взглядов. Вместе с тем в работе разоблачаются фальсификаторские концепции апологетов западноевропейских и американских империалистов, которые всячески стараются представить именно свою страну бескорыстной сторонницей революционных и демократических преобразований в Турции. Историография данной темы свидетельствует о большой работе советских туркологов в деле марксистской разработки новой истории Турции. Труды М. П. Павловича, В. А. Гурко-Кряжина, А. Алимова, Д. С. Завриева, Х. Габидуллина, А. Ф. Миллера, А. Д. Новичева, Е. Ф. Лудшувейта, А. М. Шамсутдинова, Ю. А. Петросяна, А. Д. Желтякова и других стали для автора данной работы важным подспорьем. Опираясь на богатое наследие советской туркологии, автор надеется внести свой скромный вклад в изучение проблем, являющихся предметом исследования.

Глава 1

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИИ 1908—1909 гг. В ТУРЦИИ

Экономическая отсталость Османской империи и ее причины

В конце XIX — начале XX в. Османская империя представляла собой отсталую, слаборазвитую страну, находившуюся на очень низком уровне экономического развития. Одна из важнейших причин ее отсталости коренилась в типичной для большинства зависимых, полуколониальных стран специфике развития, выражавшейся в сочетании феодальных и капиталистических отношений. Основу экономики страны составляло сельское хозяйство, в котором в конце XIX в. было занято 85% населения. Существовавшая с давних времен монополия феодально-

помещичьего класса на землю' была закреплена земельным кодексом 1858 г., по которому вся земля в Османской империи делилась на следующие юридические категории: мюльк (частнособственническая), мири (государственная), вакф (земля, доходы от которой использовало духовенство, а также текке), метруке (земля, отведенная для общественных нужд) и меват (необработанная земля). До XIX в. в Османской империи, как и во многих странах Востока, большая часть обрабатываемых земель была сосредоточена в руках государства. Однако с развитием товарно-денежных отношений и втягиванием Турции в сферу международного обмена государственное землевладение, ставшее оковами для развития производительных сил, начало разлагаться. В период танзимата (1839—1876) был издан ряд законов, разрешавший продажу государственных земель за определенную земельную пошлину — тапу — в пользу государственной казны.

Государственные земли (в основном поступавшие в распоряжение государства необработанные земли) постепенно переходили в качестве мюльков в руки помещиков, влиятельных государственных чиновников и отчасти представителей компрадорской буржуазии и ростовщического капитала.

Уже к концу XIX в. 65% обрабатываемых земель находилось во владении крупных феодалов и помещиков, составлявших всего лишь 5% общего числа сельского населения. На долю же многомиллионных крестьянских масс приходилось 35% пахотных земель [209, стр. 45]. Безземельных крестьян было около 10% общего числа сельского населения. По мнению турецкого экономиста Риза Кязима, накануне младотурецкой революции число крупных помещиков, владевших 500 га земли, составляло 2 тыс. [568, стр. 10]. Часть этих помещиков состояла из потомков старых феодалов — дерербеев.

Владельцы крупных мюльков (чифтликлер), как правило, жили в городах, занимали видные посты в государственном аппарате. Свои земли они сдавали в аренду крестьянам на кабальных условиях, в большинстве случаев через арендаторов-посредников (мубассирлер), которые не были заинтересованы в развитии производительных сил. Получая в виде «вознаграждения» разницу между поступлениями от арендаторов-крестьян и тем, что причиталось помещику в соответствии с арендным договором, посредники старались лишь выжать из крестьян как можно больше дохода. Такая система еще больше усиливала разорение крестьянства. Процесс развития частновладельческой земельной собственности в Турции в конце XIX — начале XX в. за счет государственных и крестьянских земель может служить конкретным подтверждением вскрытой В. И. Лениным закономерности, что в эпоху развития капитализма «феодалная или крепостническая земельная собственность дворянства продолжает обнимать громадное большинство всей частной поземельной собственности, но развитие идет явственно к созданию буржуазной частной собственности на землю... Возрастает частное землевла-

8

дение, приобретаемое просто-напросто за деньги. Убывает власть земли, растет власть денег» [19, стр. 61].

Вакфы, т. е. разного рода недвижимость, крупные земельные массивы, сады, виноградники, постройки (бани, гостиницы, здания для медресе и др.), а также денежный капитал, принадлежали мечетям, монастырям, медресе и другим религиозным учреждениям или находились под их контролем.

Крупные землевладельцы, стремясь превратить духовенство в свою опору, дарили религиозным учреждениям часть своих поместий. «Жертвовали» в вакф свои земли и многие крестьяне-собственники, а также мелкие помещики с целью оградить себя от конфискации со стороны феодалов, от

тяжелых государственных податей. По условию дара, даритель сохранял за собой право наследственной аренды. В случае вымирания рода прямых наследников участок переходил в неограниченную собственность религиозного учреждения, в результате чего в распоряжении духовенства оказывалось значительное количество земель, ранее принадлежавших отдельным владельцам. По данным Риза Кязима, к концу XIX в. около 50% всех пригодных к обработке земель принадлежало религиозным учреждениям [337, стр. 20].

Вакфные земли, так же как и мюльки, обрабатывались крестьянами-издольщиками и являлись источником обогащения духовенства.

Следует отметить, что рост вакфов за счет таких «пожертвований» сопровождался резким сокращением налоговых поступлений в государственную казну. Во второй половине XIX в. в связи с ухудшением финансового положения Турции в результате ее превращения в полуколонию западных держав султанское правительство было вынуждено стать на путь ограничения вакфов. В 1867 г. в земельном законе 1858 г. был сделан ряд изменений, установивший семь колен наследования государственных и вакфных земель [337, стр. 21]. В 1873 г. султан Абдул Азиз поднял вопрос об ограничении вакфов. Однако попытки сократить доходы духовенства не дали ожидаемых результатов вследствие сопротивления как самого духовенства, так и тех, кто «пожертвовал» земли религиозным учреждениям.

Такие формы землевладения, как меват и метруке, юридически находились в компетенции государства, но сколько-нибудь значительной роли они не играли.

В некоторых районах страны, как, например, в Восточной Анатолии, особенно в Турецком Курдистане, сохранились даже феодально-крепостнические отношения.

Во многих странах, покоренных Турцией и входивших в

состав империи, земли находились в основном в руках их прежних владельцев — местных феодалов и духовенства. Это было обусловлено стремлением султанской власти создать себе внутреннюю опору в этих странах. Так, например, на Балканском полуострове большая часть земель принадлежала феодалам, предки которых отуречились, приняв ислам. Крестьяне же здесь продолжали исповедовать христианство. «Помещики в Македонии (так называемые спаги²), — писал В. И. Ленин, — турки и магометане, крестьяне же — славяне и христиане. Классовое противоречие обостряется поэтому религиозным и национальным» [23, стр. 186].

В арабских странах значительная часть земли принадлежала вождям арабских, берберских племен — шейхам и эмирам. Здесь десятки и сотни деревень находились в зависимости от одного бея, как правило, потомка старого турецкого феодала — бейлербея.

Наиболее отсталые отношения существовали среди скотоводов — юрюков, у которых сохранились даже патриархально-родовые пережитки.

Характерной особенностью производственных отношений, господствовавших в сельском хозяйстве империи в конце XIX — начале XX в., являлось преобладание до-капиталистических методов эксплуатации крестьянских масс — издольщины, испольщины, а в ряде районов и барщины. По мнению большинства турецких исследователей-экономистов (И. Хюсрев, О. Дж. Сардж, О. Л. Баркан, Ш. Ариф и др.), издольщина в Турции в исследуемый период повсеместно была распространена. Ею охвачены были почти все более или менее крупные владения в стране. Самой распространенной была издольщина (ортакджылык), которая имела разные формы в зависимости от географических условий и наличия у издольщика средств производства [522, стр. 86].

В Западной Анатолии, например, крупные землевладельцы

сдавали в аренду обычно не только землю и семена, но предоставляли издольщику-крестьянину и некоторые орудия труда в виде живого и мертвого инвентаря, возлагая на него основные трудовые операции. Такой форма издольщины развивалась, как правило, в районах посевов технических культур (хлопок, табак и т. п.), предназначенных, главным образом, для экспорта. В прибрежных районах встречалась также форма денежной аренды, когда землевладелец получал свою долю не натурой, а деньгами. Наличие и постепенное распространение названных выше форм земельной аренды отражало уже эволюцию в сторону капиталистических отношений в сельском хозяйстве Западной Анатолии. Издольщина имела множество форм и типов так же в зависимости «от рода производимых продуктов» [522, стр. 187]. Иногда в одном и том же районе можно было встретить разные формы земельной аренды. Так было, например, в обширных районах Центральной Анатолии и Восточной Фракии.

Однако самые тяжелые и архаичные типы издольщины — мурабаджылык, кесимджилик, ярыджылык и т. п. действовали в Восточной и Юго-Восточной Анатолии. Согласно издольщине мурабаджылык (четвертина), владелец земли предоставлял издольщику землю, семена, живой и мертвый инвентарь, а получал три четверти всего урожая. Это привело к тому, что издольщик, на долю которого приходилась всего лишь четвертая часть урожая, был обречен на полуголодное существование и постоянно оставался в неоплатном долгу у помещика или кулака.

Величайшим бедствием для крестьян наиболее отсталых в экономическом отношении районов страны — Восточной Анатолии и Верхней Месопотамии — была средневековая форма эксплуатации — барщина. Здесь почти все земли, пригодные к обработке, и пастбища принадлежали беям —

феодалам, которые, как и 500 лет назад, держали крестьян в крепостническом повиновении. Само собой разумеется, что при существовании архаической системы землепользования издольщик-крестьянин проявлял полное равнодушие к усовершенствованию орудий труда, он совершенно не был заинтересован в повышении агротехнического уровня земельных угодий, на которых он трудился, ибо знал, что в любое время может быть согнан оттуда землевладельцем. Таким образом, издольщина являлась главной причиной отсталости сельского хозяйства Османской империи, консервировала уже сложившиеся производствен-

11

ные отношений, Приводила к резкому сужению внутреннего рынка, тормозила развитие производительных сил в стране.

Тяжелым бременем для крестьянских масс было ростовщичество, которое, по словам К. Маркса, лишь низводило «существующий способ производства до более жалкого состояния» [6, стр. 159—160]. В роли ростовщиков выступали как помещики, так и торговцы — скупщики сельскохозяйственных продуктов, тесно связанные с иностранным капиталом. Процент ростовщической ссуды был необычайно высоким — минимум 100% годовых. Представители торгово-ростовщического капитала, так называемые комиссионджи (комиссионеры), кредитовавшие крестьян деньгами и продуктами под их будущий урожай, устанавливали через своих многочисленных агентов-скупщиков разорительные цены на высококачественные технические и продовольственные товары. В результате засилья торгово-ростовщического капитала определенная часть крестьянства попадала «в перманентную задолженность ростовщику, так что каждый год... она начинала всегда со старого долга» [348, стр. 67] и, лишившись последних пожитков, наконец, вынуждена была продавать за бесценок и весь свой земельный надел.

В связи с ростом товарно-денежных отношений и связанной с этим заменой некоторых натуральных налогов денежными гнет ростовщика над крестьянами еще более усилился. Феодалная эксплуатация крестьян, таким образом, дополнялась и углублялась ростовщической кабалой. Налоговый гнет являлся бичом турецкого крестьянства. Основным налогом, взимавшимся с крестьян, был натуральный налог — ашар, формально составляющий одну десятую часть урожая³. При этом налоговую разверстку, они осуществляли по собственному усмотрению, заранее обеспечив себе поддержку местных властей с помощью «бакшиша» [412, кн. 6, стр. 23]. Кроме того, на основе земельного закона 1858 г. мюльтезимы получили право перепродавать свои права на откуп субарендаторам; те же права имели и последние. Таким образом, между крестьянином-налогоплательщиком и казной стояло несколько промежуточных инстанций — откупщики, субарендаторы и т. п.

12

Ашар в действительности составлял почти одну третью часть урожая [235, стр. 165—166; 412, кн. 6, стр. 23]. Кроме него крестьяне платили поземельный налог («верги» или «дённом акчеси») в размере 4% стоимости земельного участка, налог со скота («ресми агнам») — до 40 пиастров с головы, налог за летнюю («ресми отлак») и зимнюю («ресми кышлак») стоянку скота, со строений, за дом в селе, за пчелиные ульи («ресми кован»), налог на мельницу («ресмидегирмен»), школьный сбор («ресми мектеб») и др. Чтобы уплатить налоги, долги и проценты по ним, турецкий крестьянин вынужден был продавать свой урожай деревенскому ростовщику, откупщику и скупщику по устанавливаемой ими цене.

Турецкий профессор Явуз Абадан пишет, что при султанах Абдул Хамиде II «земля и ее обработка усилила только

одно сословие; налоговая система была далека от справедливости» [[432, стр. 20].

По закону все мужское население империи обязано было четыре дня в году нести дорожную повинность или вносить деньгами соответствующий налог («ресми иол»).

Чиновники султана зачастую присваивали собранные в качестве налога суммы, а в экстренных случаях заставляли крестьян безвозмездно ремонтировать дороги. В результате этого крестьяне были вынуждены одновременно платить дорожный налог и нести дорожную повинность.

Феодальные пережитки, развитие товарно-денежных отношений, засилье ростовщического и иностранного капитала привели к массовому ^обезземеливанию крестьян, а это в свою очередь — к росту наемного труда в турецкой деревне. Применение наемного труда особенно заметно было в Западной Анатолии и на Аданской равнине, где выращивались трудоемкие технические культуры — хлопок, табак, виноград, опийный мак и другие — предназначенные, главным образом, для экспорта. Широко было распространено отходничество. Крестьяне, в большинстве случаев из бедных районов страны, стекались в Западную и Юго-Западную Анатолию. Отходничество особенно усиливалось в летние периоды («яз тутмасы»). Основными районами отлива крестьян-отходников были Центральная, Восточная и Северо-Восточная Анатолия, т. е. районы, где господствовала система издольщины. Прав турецкий экономист Т. Сельджук, когда

13

он называет эти районы Малой Азии «краем отходников испокон веков» [537, стр. 104—105].

В районах прилива отходников из года в год увеличивался спрос на наемный труд, землевладельцы-помещики, тесно связанные с внешним, капиталистическим рынком, стали проявлять большой интерес к применению сельскохозяйственной техники и удобрений в своих

хозяйствах, которые являлись верным залогом повышения товарности. В таких хозяйствах, по выражению К. Маркса, «земельный собственник ведет обработку за собственный счет, владеет всеми орудиями производства и эксплуатирует труд батраков,— несвободных или свободных, оплачиваемых натурой или деньгами» [6, стр. 368].

Главной особенностью такого развития капитализма в сельском хозяйстве Турции в конце XIX — начале XX в. было то, что помещичье хозяйство в ряде районов страны стало на путь медленного перерастания в капиталистическое, обрекая крестьян на долгие годы самой мучительной экспроприации и кабалы, при этом незначительное количество мелких и средних производителей становились батраками.

В конце XIX — начале XX в. в Турции капиталистическая аренда («иджаре») получила небольшое распространение. Она имела место, как правило, при аренде земель либо у государства, либо у частных лиц — помещиков и кулаков. В то же время в результате превращения Турции в аграрно-сырьевой придаток империалистических держав и ее втягивания в мировой товарооборот происходила, хотя и медленно, отраслевая специализация отдельных, главным образом прибрежных сельскохозяйственных районов империи. Здесь на смену натуральному хозяйству пришло товарное; личная зависимость крестьянина от землевладельца стала сочетаться с зависимостью от капиталистического рынка и его законов. В этих районах, несмотря на разрушительную деятельность иностранного капитала, наблюдался рост разделения труда, некоторое увеличение посева технических культур. Так, площадь под табаком с 1884 по 1903 г. увеличилась в 3,3 раза, сбор хлопка с 1896 по 1908г.—в 32 раза.

Процесс сплетения докапиталистических методов эксплуатации и развивающихся капиталистических отношений, разделения труда в сельском хозяйстве при-

брежных районов страны,— все это привело к заметному усилению классовой дифференциации в деревне. На одном полюсе оказались десятки и сотни тысяч разорившихся крестьян, на другом'—обуржуазившиеся помещики и кулаки, по-прежнему эксплуатировавшие труд крестьянских масс.

Сочетание полуфеодального гнета с произволом бюрократического государственного аппарата вело к разрушению крестьянского хозяйства — базиса Османской империи.

* * *

Внешняя торговля Османской империи на рубеже XIX и XX вв. носила ярко выраженный зависимый, полуколониальный характер. Турция экспортировала главным образом сельскохозяйственное и промышленное сырье, а импортировала предметы широкого потребления, фабрично-заводское и транспортное оборудование и многие другие промышленные изделия по сильно взвинченным ценам. Основными внешнеторговыми контрагентами Турции были крупные капиталистические страны Европы — Германия, Англия, Франция, Австро-Венгрия и Италия. Доля России и США во внешней торговле Османской империи была незначительной. Но и эти державы умело пользовались привилегиями, которые были предоставлены иностранцам по режиму капитуляций, т. е. правами свободной торговли с уплатой мизерной пошлины. Следует отметить, что с превращением Османской империи в полуколонию когда-то цветущий внутренний рынок пришел в полный упадок и торговля империи в целом перешла к портовым городам. Это подтверждается хотя бы ростом населения прибрежных городов за счет падения доли населения внутренних городов. Так, численность населения городов внутренней Анатолии уменьшилась примерно на 48 тыс. человек, тогда как за это время

население прибрежных городов увеличилось на 154 тыс. человек [346, стр. 117].

В конце XIX и начале XX в. султанское правительство не раз пыталось повысить пошлины на товары, ввозимые иностранцами, но эти меры, а скорее полумеры, почти не имели никакого защитительного значения. Нити управления турецкой торговлей фактически находи-

15

лись в руках иностранных компаний, которые по мере надобности объединялись в тресты с целью держать в своих руках турецкий рынок. Они вытесняли производство местных предприятий хлопчатобумажной и шелковой промышленности, воздвигая на их месте свои предприятия и используя местное сырье и дешевую рабочую силу. В результате всего этого создавалось положение, когда «промышленная жизнь страны хирела и владельцы местных производственных и торговых предприятий оказывались беспомощными перед иностранной конкуренцией. Теперь они сами были вынуждены превратиться в мелких коммиссионеров Европы в своей собственной стране, торгуя их товарами» [792, т. I, 1911, стр. 46]. Но деятельность этой посреднической буржуазии не ограничивалась только лишь продажей товаров иностранных монополий. Они в качестве агентов этих монополий добывали от крестьян почти за бесценок различное сельскохозяйственное сырье.

Турецкая компрадорская буржуазия состояла главным образом из представителей нетурецких национальностей — греков, армян, евреев и др. Поскольку это обстоятельство имело важное значение не только для дальнейшего экономического, но и политического развития турецкого общества, о нем будет идти речь в последующих разделах данной работы.

Но так или иначе внешняя торговля Турции за 25 лет (1884—1908) выросла по импорту на 62%, а по экспорту — всего лишь на 42%; сальдо — на 20% [175, стр. 34]. Этот

рост внешней торговли, хотя и медленный, объясняется главным образом вступлением Турции в мировой капиталистический рынок.

Экономическая отсталость Османской империи выражалась также в весьма низком уровне развития фабрично-заводской промышленности. При наличии действенных запасов природных богатств, плодороднейших земель, лесов и т. п. Турция была одной из самых отсталых в промышленном отношении стран мира.

Несколько десятков паровых двигателей на мукомольнях Стамбула, Адрианополя, Салоник и Багдада, один чугунолитейный, один пороховой, один фарфоровый заводы, несколько мыловаренных, пивоваренных и дубильных заводов, несколько табачных, хлопчатобумажных, шерстопрядильных и суконных фабрик — этим ограничивалась турецкая промышленность. Существующие горнодобывающие предприятия были сосредоточены в основном в руках иностранных фирм, получивших в 1871 г. право на строительство горнозаводских предприятий на территории Османской империи.

Отсталость сельского хозяйства, нерешенность аграрного вопроса, феодальные отношения в деревне, нищета основной массы населения, отсутствие сносных путей сообщения, экономический, политический и финансовый гнет со стороны иностранных монополий и султанский режим, принявший в период правления султана Абдул Хамида II крайне уродливые формы, тормозили развитие промышленности.

Величайшим препятствием на пути промышленного развития Турции были пресловутый режим капитуляций и связанные с ним неравноправные договоры с иностранными державами⁴.

Капитуляции в руках европейских колонизаторов являлись орудием давления на экономику и политику Турции. Они создали благоприятные возможности для хищнической

деятельности иностранного монополистического капитала, которая проявилась главным образом в области "внешней торговли. Торгово-компраторская буржуазия превратилась в агентуру иностранных капиталистов.

Деятельность иностранного капитала на первых порах вызвала некоторое оживление экономической жизни, способствовала расширению внутреннего рынка и внешнеторгового оборота. Однако со временем европейские фабричные изделия, выбрасывавшиеся в большом количестве и по дешевым ценам на рынки Османской империи и легко конкурировавшие с местными изделиями, стали величайшим тормозом на пути создания отечественной промышленности. «Стоило турку,—пишет И. И. Голубородько,—или турецкому подданному открыть какое-либо предприятие, чтобы все, начиная с маленького заптия (жандарма) и кончая мутесаррифом (губернатором) 5, принимались тянуть с него одну подачку за другой. В этом отношении иностранец был поставлен в Турции в более выгодные условия, потому что из опасения внешнего вмешательства с ним церемонились гораздо больше» [235, стр. 146].

Избиения армян в Османской империи в 1895— 1896 гг. также способствовали ухудшению торговли и ремесленного производства, в особенности в малоазиат-

2 г. з. Алиев

17

ских вилайетах, поскольку почти все снабжение страны товарами первой необходимости и закупка продуктов у сельского населения находились в руках армянской буржуазии, с давних времен пользовавшейся широким кредитом и доверием на европейских рынках. После этих событий половина армянских торговых домов переселилась за границу.

К. Маркс отмечает, что «как только народы, у которых

производство совершается еще в сравнительно низких формах рабского, барщинного труда и т. д., вовлекаются в мировой рынок, на котором господствует капиталистический способ производства и который преобладающим интересом делает продажу продуктов этого производства за границу, так к варварским ужасам рабства, крепостничества и т. д. присоединяется цивилизованный ужас чрезмерного труда» [4, стр. 247].

Разложение Османской империи нашло яркое выражение в ее финансовом положении. В течение ряда столетий бюджет империи не составлялся. Только в период танзимата были сделаны первые попытки в этом направлении. Закон 1862 г. обязал правительство составить и обнародовать бюджет. Однако вплоть до 1909 г. бюджет не объявлялся; в то же время он далеко не отражал действительные доходы и расходы страны⁶.

Совершенно не были известны расходы султанского дворца⁷, этой «могилы наций», как о нем говорили передовые люди того времени. Годовые расходы султана в десять раз превышали соответствующие бюджетные сметы. Турецкий историк Тахсин Юнал сообщает, что еще при султанине Абдул Меджиде (1839—1861) только в качестве приданого принцессам было построено восемь великолепных дворцов, на что было израсходовано 24 тыс. кесе, а при Абдул Азизе (1861—1876) — девять дворцов стоимостью 2,7 -млн. кесе. При Абдул Азизе ежегодные расходы двора достигали в среднем около 30 млн. фр., тогда как в эти же годы расходы английского двора составляли около 12 млн. фр., русского и французского императоров — примерно по 26,5 млн. фр., а американского президента — всего лишь 124 тыс. фр.

Ежедневно во дворце султана Абдул Меджида готовили пищу на 5 тыс. человек, а при Абдул Азизе — на 8 тыс. человек [619, стр. 151 —152].

По данным И. И. Голобородько, даже при Абдул

Хамиде 11, несколько сбкратившем расходы Двора, всё еще содержалось 1000 лакеев, 800 поваров и другой кухонной прислуги, свыше 400 музыкантов, комедиантов, певцов, шутов, акробатов и жонглеров, 300 евнухов для гарема, 50 парикмахеров, 50 декораторов, 50 библиотекарей, 50 церемониймейстеров, 60 врачей, 30 аптекарей, 20 переводчиков, 50 охотников за крупной дичью, 30 охотников за птицами, 30 муссанебов, т. е. чиновников, обязанных развлекать султана, и т. д. и т. п. Охрана одной ночи султана обходилась в 5 тыс. фр., что, по мнению дворцовой клики, должно было исключить самую мысль о подкупе ночной стражи.

Камергеров и генерал-адъютантов было 54, причем каждый из них получал в год 60 тыс. руб. жалованья [235, стр. 178—179]. Большое состояние нажили себе главные личные секретари султана — Иззет-паша и Тах-син-паша, каждый из которых ежегодно получал по 120 тыс. лир⁸.

Только по официальному списку, как свидетельствует П. Цветков, дворцовая кухня Абдул Хамида отпускала ежедневно обедов примерно на 4 тыс. человек, в действительности нахлебников было в два раза больше, так как почти все эти лица кормили во дворце и свои семьи. А во время Рамазана все приглашенные после обеда получали еще подарки соответственно своему чину и положению. Кроме того, в дни Рамазана во дворце поочередно обедал весь личный состав стамбульского гарнизона. Каждому солдату после обеда давали по четверть лиры на «диш парасы», т. е. «деньги на зубы» [412, кн. 6, стр. 6].

Все эти непредусмотренные бюджетом расходы султана покрывались, как правило, за счет неуплаты и сокращения жалованья чиновников, сокращения штатов и увольнения служащих из учреждений и нередко за счет прямого нарушения утвержденных бюджетов. Крупным источником доходов дворца была торговля должностями. Казнокрадство и взяточничество были узаконенным явлением. Чиновники,

месяцами не получавшие жалованья, «вознаграждали» себя сами. Финансовая политика турецких султанов облегчала закабаление Турции международным финансовым капиталом.

В период перехода от капитализма к империализму к старым, «классическим» методам угнетения и ограбления народов Османской империи прибавились новые.

2*

19

«Для старого капитализма,— писал В. И. Ленин,— с полным господством свободной конкуренции, типичен был вывоз товаров. Для новейшего капитализма, с господством монополий, типичным стал вывоз капитала» [31, стр. 359]. Со времени Крымской войны (1853—1856) капиталисты Запада путем военного, политического и финансового давления добились широчайших возможностей проникновения на важнейшие командные посты в экономике страны. Иностранный капитал вкладывался главным образом в сферу обращения и в строительство железных дорог, портов, складов. Инвестиции же промышленности составляли ничтожные размеры. Так, например, по данным М. Павловича (М. Вельтмана), из общей суммы французских капиталовложений в период правления султанов Абдул Азиза и Абдул Хаида II в 2,5 млрд. фр. 1,3 млрд. было вложено в турецкие государственные бумаги, около 400 млн.— в железные дороги, 100 млн.— в недвижимую собственность, 80 млн.— в банки, 60 млн.— в торговые конторы, 50 млн.— в мореходные линии и только 60 млн. фр.— в угольные копи. Таким образом, лишь 2,4% всех французских капиталовложений было направлено на развитие производительных сил страны [219, стр. 28].

Иностранный капитал вкладывался также в те отрасли обрабатывающей промышленности, которые были заняты переработкой экспортных культур — табака, хлопка, изюма, инжира и т. п.

Важнейшую роль в финансовом закабалении Турции сыграли иностранные банки, которые стали создаваться здесь с начала 60-х годов XIX в. Крупнейшими среди них были Оттоманский банк (Османлы банкасы) — 1863 г., Оттоманский кредитный банк (Османлы умуми креди банкасы) — 1868 г., Лига Османской империи (Истанбул османлы императорлугу сосьете банкасы) — 1864 г., Салоникский банк (Селяник банкасы) — 1888 г., Австро-Оттоманский банк (Османлы-Авустурья банкасы) — 1871 г. и др. С помощью этих иностранных банков колонизаторы захватили в свои руки руководство денежным обращением, казначейские функции и установили, таким образом, полный финансовый контроль над Османской империей. До конца XIX в. в банковской деятельности Османской империи инициатива принадлежала франко-авст-

20

рийскому капиталу, с начала XX в. в этой области стало преобладать германское влияние.

В конце 90-х годов был создан Немецкий Палестинский банк с капиталом около 1 млн. марок, который уже к 1912 г. возрос более чем в 20 раз. Германский Восточный банк, созданный в 1906 г., имел многочисленные филиалы во многих городах Османской империи.

Старались не отстать от Германии и другие капиталистические страны Европы. В 1907 г. открылся Итальянский коммерческий банк, в 1909 г. — английский банк, а в 1910 г. — Стамбульское отделение русского банка.

Иностранный капитал проникал в Османскую империю также в форме ростовщического ссудного капитала, т. е. в виде частных займов и банковских кредитов. Так, с 1854 по 1878 г. Турция заключила 15 соглашений о займах на сумму (по номиналу) 238773 тыс. золотых лир, фактически же она

получила только 127 120 тыс. лир, или немногим более 53% общей суммы 1[619, стр. 150].

Страна вынуждена была направлять значительную часть своих доходов на покрытие займов. Ежегодно на эти цели выделялось 13 млн. лир, тогда как доходная часть бюджета в среднем не превышала 25 млн. лир⁹. В связи с ростом амортизационных сумм и процентов по иностранным займам Турция для уплаты своих долгов в 1874 г. сделала заем на 1 млрд. фр., из которых получила только 453 млн. фр. [346, стр. 193]. Попытка предотвратить финансовый крах с помощью новых займов не могла, разумеется, дать желаемых результатов. К 1875 г. задолженность Порты иностранным кредиторам достигла огромной суммы — 5,3 млрд. фр., из которых в действительности Турция получила всего около 3 млрд. фр.; остальная сумма была израсходована на оплату процентов вперед, на комиссионные, взятки и т. п. 6 октября 1875 г. Турция признала свое банкротство¹⁰.

Первое финансовое банкротство Османской империи повлекло за собой экономический и политический кризис в стране и сыграло важную роль в свержении султана Абдул Азиза в мае 1876 г.

Однако дворцовый переворот и приход к власти Абдул Хамида II, который несколько сократил расходы государства, в том числе и расходы дворца, не избавили финансы Турции от окончательного краха. За 23 года — от первого займа в 1854 г. до начала русско-турецкой войны в 1877 г. — Турция задолжала европейским дер-

21

жавам \$44 млн. Лир, из которых получила только 12\$ млн. лир (52%) [766]. К тому же в 1878 г. на Берлинском конгрессе на Турцию было возложено бремя тяжелой контрибуции и.

На этом же конгрессе европейские державы предложили Турции образовать специальную комиссию для

рассмотрения претензий держателей облигаций Османского долга. Комиссия после «обследования» финансового положения страны должна была предложить «наиболее действенные средства». Но турецкий представитель Каратодори-паша отверг это предложение как «явное вмешательство во внутренние дела империи» и заявил, что его правительство готово заключить двустороннее соглашение с каждым кредитором в отдельности. Вопрос остался неразрешенным. А уже в 1879 г. Порта была вынуждена во второй раз объявить о своем финансовом банкротстве.

22 ноября 1879 г. турецкое правительство предоставило на десять лет Османскому банку право взимания доходов с некоторых монополий. Согласно заключенной конвенции, внутренним и внешним кредиторам были гарантированы с 1 января 1880 г. поступления в 1350 тыс. лир. Однако основную часть этой суммы составила доля внутренних кредиторов. В результате недовольства иностранных кредиторов Турция вынуждена была 23 октября 1880 г. заключить новую конвенцию.

Наконец, 20 декабря 1881 г. после долгих переговоров между Турцией и ее кредиторами султан Абдул Хамид II издал так называемый Мухарремский декрет¹², по которому для оплаты турецких долгов по займам было создано особое Управление Османского долга (Дет пюблик оттоман). По этому декрету, сумма внешнего долга Турции была определена в 2,5 млрд. фр., т. е. в два раза меньше общей суммы займов.

Жонглируя этими цифрами, буржуазные авторы Запада изображают дело таким образом, будто тогдашние кредиторы проявили большую гуманность по отношению к Османской империи. В действительности из 5276 млн. фр. номинальной суммы внешних займов Турция получила к 1881 г. всего 3012 млн. фр. (за вычетом процентов, комиссионных и т. п.)¹³. Кроме того, в 1854—1881 гг.

Турция погасила 900 млн. фр. своих долгов. Таким образом, остаток турецкого долга ко времени издания Мухарремского декрета составлял фактически 22

2,1 млрд. фр. По подсчетам Аб. Алимова, размер турецкого долга даже после такого «снижения» составлял около 336,3 млн. фр., т. е. был на 16% больше действительно полученной Турцией суммы [175, стр. 16].

Таким образом, почти все финансовые поступления Османской империи оказались распределенными между империалистическими державами: большая часть доходов попала в руки Оттоманского банка и Управления Оттоманского долга, оставшаяся часть шла на уплату русской контрибуции, километрических железнодорожных гарантий, внутренних займов. В донесении русского военного атташе полковника Пешкова в 1898 г. говорилось: «Если 99% населения империи живут лишь сегодняшним днем, не имея сбережений, то Турецкое правительство живет исключительно в счет будущего, внутренними займами, причем случается, что оно иногда учитывает свои поступления за два, за три года вперед или производит расплаты ассигнованиями на провинциальные кассы, не заботясь о том, будут ли ожидаемые доходы в соответствии с ними» [78, л. 33 об.].

Итак, некогда могущественная и грозная Османская империя стала государственным банкротом, лишилась собственного финансового управления и превратилась в полуколонию империалистических держав. Иностранный капитал стал фактически полновластным хозяином страны. Управление Оттоманского долга по сути дела являлось «государством в государстве», охранявшим империалистические интересы европейских кредиторов Турции. Ни одно финансовое мероприятие турецкого правительства не могло быть-осуществлено без его согласия. Исполнительный орган управления — Совет иностранных

купонодержателей (Консей д'администрасьон деля дет пюблик Оттоман) избирался синдикатами кредиторов в Лондоне, Вене, Париже, Берлине, торговой палате в Риме и Оттоманским банком в Стамбуле и имел в своем распоряжении 5 тыс. работников, агентов, инспекторов и прочих, расположенных в 720 отделениях — во всех городах и Даже некоторых крупных селах страны. На содержание этого аппарата турецкое правительство было вынуждено ежегодно тратить около 870 тыс. лир [346, стр. 200].

Совет обладал чрезвычайно большими полномочиями и правами. Согласно его уставу (ст. 19), все спорные

23

вопросы между Советом и турецким правительством разбирались не в турецких судах, а в «особом суде», решения которого не подлежали обжалованию [75, л. 86]. Турецкие власти обязаны были создать «нормальную обстановку» в стране, с тем чтобы агенты Управления Оттоманского долга могли свободно взимать с населения налоги и сборы от табачной, соляной монополий, от гербового сбора, от шелководства и рыбной ловли, а также получать акциз со спиртных напитков, дань с вассальных провинций и ряд других государственных доходов.

Сосредоточив в своих руках основные источники дохода империи, Управление Оттоманского долга получало несметные барыши. Так, если доходы управления с соляной, табачной монополий, со спиртных напитков, с ашара на шелк, рыбного и гербового сборов в 1882—1883 гг. принять за 100%, то через 27 лет, т. е. в 1909—1910 гг., они составили около 235%. За это время поступления с соли выросли в 1,86 раза, с гербового сбора — в 2,86, со спирта — в 1,61, с шелка — в 6,8 и с рыбного сбора — в 3,88 раза. Только в 1909—1910 гг. в кассу управления поступило 7405 тыс. лир, из которых она передала турецкому правительству

1312 тыс. лир, оставив себе 6093 тыс. лир, что составляло более 24% турецкого бюджета [346, стр. 198—200].

Произвольно расширяя свои полномочия, Управление Оттоманского долга в 1883 г. передало сбор акциза с табака, предоставленный ему по уставу 1881 г., акционерной компании «Режи», которая обязалась в течение 45 лет ежегодно выплачивать турецкому правительству по 750 тыс. лир [75, л. 88—89]. Чистая прибыль делилась между правительством, Управлением Оттоманского долга и компанией «Режи» (см. табл. 1).

Основной капитал компании был французский и австрийский.

Компания «Режи» получила весьма широкие права: она владела всей табачной промышленностью, устанавливала надзор за площадями посева табака, имела исключительное право закупки табака в листьях от крестьян, право постройки табачных фабрик и складов, открытия магазинов и лавок для продажи табака и табачных изделий. В отдельных случаях «Режи» запрещала крестьянам производство табака, если это не было выгодно для монополии 14. Произвольно устанавли-

24

Таблица 1 Распределение чистой прибыли от сбора табака*,

Сумма чистой прибыли (лиры)	Правительству	Управлению Оттоманского долга	Компании «Режи»
До 500 ТЫС.	35	30	35
От 500 тыс. до 1 млн.	34	39	27
От 1 млн. до 1,5 млн.	30	52	18
От 1,5 до 2	20	70	10

млн.			
Более 2 млн.	15	75	10

* [686, стр. 301].

вая низкие цены на внутреннем рынке Османской империи, «Режи» беспощадно эксплуатировала труд миллионов крестьян-табаководов. Только за семь лет (1887— 1893) доходы «Режи» увеличились в 6,5 раза; за 30 лет (1884— 1913) они составили 67,7 млн. золотых лир [452, стр. 391]. Управление Оттоманского долга и его дочернее общество «Режи» сыграли важную роль в превращении Турции в полуколонию европейских империалистических держав 15. В закабалении Турции крупную роль сыграли также железнодорожные концессии. «Железная дорога,— писал один турецкий экономист,— это артерия страны, и наша страна тоже имеет такие артерии. Но, к великому сожалению, кровь из этих артерий сосут иностранцы» [75, л. 86]. Для султанского правительства предоставление железнодорожных концессий было средством выхода из финансового кризиса. На этом обогащались десятки высокопоставленных чиновников-казнокрадов и придворная камарилья.

Начиная с 80-х годов XIX в. между империалистическими монополиями разыгралась борьба за железнодорожные концессии в Турции. В 1878 и в 1888 гг. английские фирмы добились у Абдул Хамида концессии на строительство железных дорог в районе Измира. Французы получили концессии в Сирии, австрийцы — на Бал-

25

канах. Но львиная доля железнодорожных концессий на территории Османской империи досталась германскому капиталу.

4 октября 1888 г. представитель «Дойче Банк» Альфред Каулла получил концессию на строительство первого участка гигантской магистрали Берлин — Стамбул (Бизантиум) — Багдад (БББ). В том же году немцы

приступили к ее строительству. Начальным пунктом дороги стала станция Хайдарпаша в Скутари (район Стамбула), расположенном на азиатском берегу Босфора. Часть этой дороги до Измира была уже построена англо-греческим обществом. Султанское правительство, выкупив эту железную дорогу, передало ее немцам. Продолжать дорогу в направлении Багдада через Анкару стал «Дойче Банк». Одновременно с заключением контракта на строительство Багдадской железной дороги «Дойче Банк» выделил ссуду турецкому правительству в размере 30 млн. марок.

Багдадская железная дорога, по замыслам германских империалистов, должна была открыть возможность для колонизации Малой Азии и предоставить Германии выход к Персидскому заливу и, следовательно, возможность закрепиться на подступах к «жемчужине» Британской империи — Индии.

Стратегически Багдадская железная дорога была направлена главным образом против английской колониальной империи. Она должна была стать обнаженным мечом, занесенным над британским могуществом на Ближнем и Среднем Востоке, в Юго-Восточной Азии. При обсуждении вопроса о выдаче германской фирме концессии на строительство Багдадской железной дороги, турецкое военное ведомство, исходя из стратегических потребностей на случай войны с Россией, настаивало на том, чтобы эта линия проходила к Багдаду через северную часть страны (Стамбул — Анкара — Си-вас — Кангал). Но огромные трудности технического характера (такая дорога должна была пройти через горные хребты Тавр и Антитавр), а также экономический и дипломатический нажим со стороны Германии заставили султанское правительство согласиться на южный вариант строительства этой железной дороги (Стамбул — Анкара — Адана — Диярбакыр — Мосул — Багдад) общей протяженностью около 2300 км [75, л. 48].

В 1904 г. германские фирмы под руководством инженера Мейснера приступили к строительству Хиджазской линии — Дамаск — Медина — Мекка. Эта линия, ведущая к «святым местам» ислама, являлась вакфом, и средства для ее строительства были собраны духовенством среди мусульман всего мира¹⁶. Строительство Хиджазской линии преследовало вполне определенные стратегические цели и вело к утверждению германского влияния на всем Арабском Востоке, углубляя экономические и политические противоречия между великими державами в этой части земного шара.

Строительство Хиджазской железной дороги было воспринято правящими кругами Англии как вызов, брошенный Германией британскому колониальному господству на Востоке. Английская дипломатия всеми средствами пыталась сорвать деятельность германских монополистов. Подкупив главарей некоторых бедуинских племен и шерифа Ауна ар-Рафика (1882—1905), а после смерти последнего и его преемника шерифа Али (1905—1907), английским разведчикам удалось поднять восстание бедуинов, одним из главных требований которых являлось прекращение строительства железной дороги и удаление из Аравии немецких инженеров. Тем не менее к 1908 г. Хиджазская линия была проложена до Медины, однако обструкционистская политика нового шерифа Мекки Хусейна II аль-Хашими не дала возможности довести дорогу до Мекки.

Строительство железных дорог в Турции привело к некоторому оживлению экономической жизни страны, развитию капиталистических отношений, расширению внутреннего рынка и т. п. Но в целом оно было подчинено не жизненным экономическим потребностям Турции, а корыстным интересам иностранных монополий и их агентуры внутри страны — правящей феодальной верхушки

и компрадорской буржуазии. Вместе с концессией на строительство железных дорог иностранный капитал имел возможность эксплуатировать природные богатства и земли, прилегающие к строящимся магистралям и боковым веткам, причем границы отчуждения произвольно устанавливались самими иностранцами.

Почти одновременно с европейским капиталом в экономику Турции стал проникать и американский капитал. Еще в 90-х годах XIX в. на территории Османской империи действовали такие американские компании, как

27

«Бординг Компани», «Америкэн Табакко», «Стандард Ойл», «Ремингтон», «Форд» и др.

В начале XX в. между США и Турцией было установлено прямое паровое сообщение, был создан синдикат для торговли с Турцией, объединивший около 150 американских фирм [235, стр. 160]. Успешно конкурируя с европейскими компаниями, синдикат стремился захватить в свои руки закупки сельскохозяйственных продуктов, продажу нефти, швейных машин, текстильных изделий, мебели и т. п. Ежегодно в прибрежные районы Турции сбывалось свыше 2 тыс. американских плугов [235, стр. 160].

Заинтересованные в консервации феодальных пережитков, империалистические державы превратили в свою классовую опору турецких феодалов и помещиков, компрадорскую буржуазию, высшее мусульманское духовенство.

Существование феодальных порядков и усиление экономических и политических позиций иностранного капитала обрекли страну на «долгое, мучительное падение и разложение, мучительное в особенности для всех трудящихся и эксплуатируемых масс народа» [14, стр. 313].

К началу революции 1908 г. Турция была опутана многочисленными кабальными соглашениями и займами, которые давали возможность иностранным монополиям

налагать «свой контроль на распоряжение тем имуществом, которое должно обеспечить возврат данных ими займы денег» ,[12, стр. 260].

Итак, сохранение в сельском хозяйстве страны феодальных пережитков, слабое развитие промышленности, разрушительная деятельность иностранного капитала, установившего контроль над финансами, таможнями и внешней торговлей Османской империи и завладевшего ее торговыми портами и железными дорогами, определяли экономическую зависимость империи от империалистических держав, ее превращение в полуколонию. Только благодаря империалистическим противоречиям между великими державами Турция избавилась от превращения в колонию.

Помимо социально-экономических и внешнеполитических факторов в распаде Османской империи значительную роль сыграла и реакционная внутренняя политика правительства Абдул Хамида II.

28

Деспотический режим султана Абдул Хамида II

В ночь на 30 мая 1876 г. в результате государственного переворота, в котором активное участие приняли великий везир Мехмет Рушти-паша, министр иностранных дел Мидхат-паша, военный министр Хюсейн Авни-паша, а также шейх-уль-ислам Хасан Хейрулла-эфенди, был свергнут султан Абдул Азиз и возведен на престол его брат Мурад V. Однако спустя три месяца безвольного Мурада постигла та же участь.

Новым султаном был избран 34-летний принц Абдул Хамид (1842—1918), процарствовавший около 33 лет (до 1909 г.). Будучи наследным принцем, Абдул Хамид прикидывался сторонником реформ и в первое время своего царствования вынужден был пойти на уступки турецким конституционалистам, которым был обязан трон. Внешне мягкий, приветливый, уравновешенный, новый султан по

натуре был жестоким, скрытным, коварным и чрезвычайно эгоистичным. Историк А. Вамбер, лично знавший султана Абдул Хамида II, писал, что не встречал другого человека с таким противоречивым характером, что в нем переплетались черты благородства и предательства, разума и ничтожества, трусости и смелости, фанатизма и хитрости. Но в конечном итоге в нем всегда брали верх отрицательные черты [664, стр. XVI].

Будучи неверующим, Абдул Хамид II внешне аккуратно исполнял все предписания Корана, не будучи богобоязненным, он был до крайности суеверен. Для достижения своей цели Абдул Хамид не останавливался ни перед какими средствами. Если он уважал что-либо, то только твердость и силу.

В своей внешней политике Абдул Хамид с одинаковым недоверием относился ко всем иностранным государствам и к их политике. Дипломатические приемы султана основывались на том, чтобы избегать осложнений в отношениях с другими государствами. Во всех вопросах, как крупных, так и мелких, он старался упираться до возможного предела и уступал только в случае крайней необходимости, полагая, что преждевременная уступчивость и сговорчивость могут привести к еще .большим требованиям со сторонн держав. Затягивая по
29

возможности решение различных вопросов, он таким образом старался уменьшить число возбуждаемых тем или иным государством требований. В дипломатических переговорах Абдул Хамид обнаружил необычайную гибкость ума, выдержку и умение придавать вопросу тот характер и направление, которые были ему выгодны. Обладая природной проницательностью и дипломатическими способностями, он мог обратить в свою пользу любой благоприятный момент в общем ходе европейской политики.

Составление хатти-хумаюна (рескрипта) по случаю восшествия на престол Абдул Хамид поручил Мидхат-паше. Однако составленный им рескрипт, предусматривавший введение конституции, реформы в области финансов, армии, окончательную ликвидацию рабства и работорговли, резкое сокращение государственных расходов, в том числе расходов дворца и т. п., оказался не по душе Абдул Хамиду.

Созванный по требованию султана тайный совет отверг его и поручил министру юстиции Джевдет-паше составить другой рескрипт, который был обнародован на 12-й день царствования нового султана. В новом рескрипте туманно упоминалось о конституции, обещалось созвать в будущем «общий совет» без указания его назначения и полномочий и т. д.

В декабре 1876 г. «отец первой турецкой конституции» Мидхат-паша¹⁷ был назначен великим везиром, а через десять дней (23 декабря) Абдул Хамид провозгласил составленную Мидхат-пашой конституцию. Большинство министерских портфелей в сформированном Мидхат-пашой кабинете было передано «новым османам», т. е. сторонникам конституционной монархии. Такие видные представители «новых османов», как На-мык Кемаль и Зия-бей, получили назначения на пост секретарей падишаха. Эти события вызвали в Стамбуле взрыв народного восторга, столица надела праздничный наряд, в канцелярию нового великого везира поступали поздравительные телеграммы. Что же побудило Абдул Хамида согласиться на «либерализацию» государства за счет ограничения собственных прерогатив? Это было обусловлено в первую очередь критическим внутренним и внешнеполитическим положением-Османской империи накануне прихода нового султана к власти.

Еще в мае 1875 г. на Балканах (в Герцеговине, а затем в Боснии) вспыхнуло крупное национально-освободительное восстание, поддержанное народами России, Сербии, Болгарии и Черногории. Возникший в результате восстания так называемый восточный кризис был использован западными державами для вмешательства во внутренние дела Турции и балканских стран с целью укрепления там своих позиций.

В январе 1876 г. державы предъявили Порте коллективное требование о проведении реформ на Балканах. Вслед за этим восстание в Боснии и Герцеговине усилилось. Весной 1876 г. к восставшим присоединилась Болгария, а в июне — июле Сербия и Черногория объявили войну Турции. Однако силы сторон были неравны. Против 80-тысячной сербско-черногорской армии турки выставили 200-тысячную армию под командованием видного полководца Осман-паши.

С приходом Абдул Хамида II к власти в конце августа 1876 г. между воюющими сторонами было заключено временное перемирие. Но осенью того же года военные действия возобновились. 29 октября турки нанесли поражение сербской армии и открыли себе путь на Белград.

31 октября 1876 г. Россия предъявила Турции ультиматум, в результате которого Абдул Хамид вынужден был согласиться на перемирие, а 12 декабря по инициативе императора Александра II в Стамбуле открылась международная конференция по выработке реформ в Турции.

Представители держав — участниц конференции подготовили постановление, текст которого должны были огласить на заключительном пленарном заседании 23 декабря 1876 г. Когда представитель Франции де Шоторди передавал тургцким «комиссарам» Савфет-паше и Эт-хем-паше текст постановлений конференции для обсуждения, прогремел салют из 101 орудия. Руководитель турецкой делегации, министр иностранных дел Савфет-паша,

поднялся с места и торжественно заявил: «Господа, эти залпы возвещают обнародование конституции, которую Его Величество султан жалует своим подданным. Это событие изменяет форму правления, просуществовавшую шестьсот лет, и открывает новую эру благоденствия для народов Османской империи. Поскольку произошла эта весьма важная революция, моя

31

делегация полагает, что больше нет надобности обсуждать данный текст о реформах» 1[467а, стр. 59]. Однако участники конференции не приняли во внимание заявление Савфет-паши. Тогда турецкая делегация покинула зал, и конференция продолжала свою, хотя и бесполезную, работу еще месяц, до 20 января 1877 г.

Абдул Хамид, вынужденный «даровать» конституцию, вовсе не имел намерения проводить ее в жизнь. Он даже запретил печатать в газетах поздравительные телеграммы из провинций по случаю объявления конституции. Султан видел в конституции средство отвлечь внимание как европейцев, так и своих подданных и, следовательно, спасти империю от полного развала [715, стр. 123].

Следует отметить, что внешняя политика Турции в период правления Абдул Хамида была чрезвычайно гибка, хотя и недальновидна. Этому способствовала и политика европейских держав, боровшихся за влияние в Турции. Проводя политику обещаний и интриг, султан ловко использовал межимпериалистические противоречия. Так, соглашаясь с требованием европейских держав о проведении реформ в Македонии и Армении, Абдул Хамид не скупился на обещания, но в то же время под разными предлогами оттягивал их выполнение, стараясь перессорить державы и использовать какую-нибудь из них в своих интересах.

Турецкая конституция 1876 г. была скопирована с прусской

конституции 1850 г. и с бельгийской конституции 1831 г. Она провозглашала в первую очередь целостность и неделимость Османской империи, устанавливала систему избрания в нижнюю палату меджлиса (сенат назначался султаном), определяла ответственность министров перед парламентом.

Добиваясь установления конституционных свобод и в то же время выступая за сохранение власти турецкого султана над всеми нетурецкими народами империи, проповедуя идею целостности османского государства, «новые османы» яростно защищали шариат, стремились сочетать свою программу с его «незыблемыми» основами. В соответствии с происламской программой «новых османов» ст. 3 конституции провозглашала султана Абдул Хамида II халифом всех правоверных, покровителем мусульманской религии.

К. Маркс, отмечая эту особенность движения «новых
32

османов», характеризовал его как возникновение пури-танской партии, опирающейся на Коран [см. 7, стр. 13]. По своему характеру первая турецкая конституция не была демократичной: подавляющее большинство населения было лишено избирательных прав; что касается деятельности парламента, то в решении основных государственных вопросов он оказался послушным орудием в руках Абдул Хамида. Не случайно он получил у современников прозвище «Эвет, эфендим!» («Да, господин!»). Тем не менее, конституционалисты в принятии их программы (усиление роли Государственного совета — дивана, свобода печати, независимость юстиции, реорганизация государственного аппарата на основе опытов Западной Европы при строгом соблюдении шариата и т.д.) видели торжество законности, осуществление принципа равенства всех перед законом.

Характеризуя значение первой турецкой конституции, Ф.

Энгельс в середине 1877 г. писал: «Вам еще не раз придется изумляться по поводу того, на что способны турки. Если бы только у нас в Германии был такой парламент, как в Константинополе! Пока остается здоровой народная масса — в данном случае турецкий крестьянин и даже турецкий средний помещик, — а это именно так, до тех пор такое восточное общество может выдержать самые невероятные удары. Четыреста лет столичной, унаследованной от византийцев коррупции погубили бы всякий другой народ — туркам же стоит только скинуть высший слой, и они вполне смогут помериться силами с Россией.

Предательство, продажность военачальников и комендантов крепостей, растрата предназначенных для армии денег, всевозможные мошенничества — словом, все то, что разрушило бы всякое другое государство, — все это есть, конечно, в избытке и в Турции, но не в такой степени, чтобы погубить ее» [10, стр. 216].

Конституция 1876 г. состояла из 12 глав, содержащих 119 статей¹⁸. Права султана ограничивались лишь в незначительной степени. Согласно ст. 4, 5 и 7, регулировавшим его права, личность султана объявлялась «священной и неприкосновенной»¹⁹. Конституция признала султана также «халифом всех мусульман», а ислам — официальной религией государства. По требованию Абдул Хамида, министра юстиции Джевдет-паши и Дама-да Махмуд-паши в конституцию была включена специальная статья (ст. 113), согласно которой султан

3 Г. 3. Алиев

33

Наделялся чрезвычайными полномочиями «во время ситуации, угрожающей безопасности государства» [619, стр. 23]. Иначе говоря, он получал «законные» основания для расправы со всеми неугодными ему лицами. За падишахом было сохранено право престолонаследия, но не от отца к

сыну, как это было в течение нескольких столетий со времени образования империи, а к старшему в роде. Свою светскую власть султан осуществлял через великого везира, а духовную — через шейх-уль-ислама.

Централизация всех дел в руках султана была обусловлена его недоверием правительству и боязнью смут, заговоров, революционных волнений.

Среди турецких историков нет единой оценки конституции 1876 г. Современный турецкий историк Баюр Юсуф Хикмет пишет: «Очень мало было на свете событий, которые разбудили такие большие надежды, как эта конституция, и столь же редки события, которые так быстро и бесповоротно уничтожали связанные с этой конституцией надежды» [469, стр. 225]. Однако большинство турецких авторов старается преувеличить место и значение конституции 1876 г. в истории Турции. Профессор Бекир Сыткы Байкал доходит до того, что якобы эта конституция «по своему революционному (?) содержанию открыла новую эпоху в истории Турции и что она родилась, в отличие от реформ танзимата, в результате борьбы низов» [467а, стр. 89].

В действительности, вся программа «новых османов» ограничивалась решением следующих задач: развитие национального капитализма, установление конституционно-парламентского строя, развитие буржуазной культуры и борьба со средневековым старотурецким укладом жизни и быта. Что же касается конституции 1876 г., то она была принята правящими кругами Турции с целью спасти Османскую империю от краха. Играя на противоречиях между великими державами в связи с дележом наследства «больного человека», они старались отвлечь внимание широких народных масс от борьбы против тирании. Правда, стремясь показать, что объявленные конституцией «свобода и равенство» не пустой звук, Мид-хат-паша специально встречался с армянским и греческим патриархами и

обсуждал с ними различные вопросы. В то же время он обратился к султану с просьбой об амнистии для некоторых политических лидеров

34

(Шериф, Мухиддин, Рамиз-паша), ссылаясь на то, что вина их состояла исключительно в свободе мнения, гарантируемой конституцией. Мидхат-паша добился их возвращения из изгнания. Абдул Хамид вынужден был на некоторое время примириться с действиями «новых османов».

Однако после того, как провалилась Стамбульская конференция держав и ее участники один за другим покинули турецкую столицу, он снял с себя маску приверженца конституционных порядков, показав свое подлинное лицо «убийцы на троне», как его характеризовал лорд Гладстон. Первым долгом Абдул Хамид решил расправиться с ненавистными ему конституционалистами — «новыми османами» и навязанной ими конституцией. В начале 1877 г. из страны были высланы видные деятели «новых османов» — Зия-бей, Намык Кемаль, Али Суавибей и другие, а вслед за тем султан решил покончить и с самим великим везиром Мидхат-пашой. С целью вынудить его подать в отставку Абдул Хамид отклонил его предложения по финансовой и административной реформам.

В связи с отсутствием средств в государственной казне по предложению Мидхат-паши правительство прибегло к внутренним займам. На средства объявленной национальной подписки для составления военного фонда он хотел организовать милицию, но султан воспротивился этому, опасаясь, что национальная милиция может оказаться оплотом конституции. Великому везиру сообщили, что султану очень нравится идея образования национальной милиции, но так как некоторые чисто технические соображения делают это учреждение тесно

связанным с военным министерством, то последнему и предлагается подробно разработать этот вопрос. Пока же, чтобы не было никаких лишних недоразумений, следует остановить набор милиционеров и раздачу оружия до особого распоряжения военного министра [626, стр. 53]. Подобные ответы Мидхат-паша получал на большинство своих предложений. Последней каплей, переполнившей чашу терпения, было следующее обстоятельство, Узнав о казнокрадстве министра финансов Галиб-паши, великий везир потребовал его немедленной отставки, Ввиду очевидности факта султан уволил Галиб-пашу, но через несколько дней выразил желание назначить его

3*

35

председателем сената, который должен был вскоре открыться.

В рапорте Мидхат-паши по этому поводу утверждалось, что пока не будет проверена вся отчетность по министерству финансов, Галиб-паша не может быть назначен на ответственный пост. Султан оставил этот рапорт без всякого ответа. Тогда Мидхат-паша представил султану новый рапорт, в котором писал: «Ваше величество! Мой долг быть Вашим покорнейшим слугой во всем, что касается интересов нации... Но и Вы обязаны знать пределы Ваших полномочий и власти, так как и Вы несете ответственность перед нацией...

Цель введения конституционного образа правления была известна — уничтожить деспотизм, напомнить султану о его обязанностях, определить компетенцию министров и уравнивать права всех подданных, работать на благо родины. Если же падишах предпринимает меры, не отвечающие интересам нации, я не считаю себя обязанным повиноваться султану, так как у великого везира, кроме тяжелой ответственности перед родиной, есть еще и совесть.

...Теперь все дело сводится к тому, что Вы, султан, своими

действиями потрясаете и разрушаете здание турецкого государства, для исправления которого мы («новые османы». — Г. А.) употребляем все свои усилия, Если Его Величеству — султану будет угодно устранить своего великого везира с занимаемого им поста за его правдивые слова, то пусть он вверит власть человеку, который будет способен употребить ее на благо родины» [649, стр. 29].

Представив свой рапорт, Мидхат-паша больше не являлся ни во дворец, ни в Порту, даже несмотря на то, что султан несколько раз посылал ему «приветствия» и приглашения прибыть во дворец.

В числе основных' противников либеральной партии Мидхат-паши были, кроме самого султана, его сановники — генерал-адъютант Махмуд-паша, министр внутренних дел Джевдет-паша и военный министр Редиф-паша, постоянно уговаривавшие султана убрать этого «якобинца», который якобы собирается объявить страну республикой и уничтожить династию Османов.

Собранный султаном по их наущению тайный совет решил арестовать Мидхат-пашу и выдворить его за пределы империи,

36

В ночь на 5 февраля 1877 г., на 49-й день пребывания на посту великого везира, Мидхат-паше было предъявлено обвинение в создании «ситуации, опасной для государства» и на основании ст. 113 конституции он был выслан из страны²⁰.

Новым великим везиром был назначен турецкий посол в Берлине Этхем-паша, бывший в свое время членом турецкой делегации на Стамбульской конференции держав. Пытаясь смягчить впечатление, которое произвела на население столицы высылка Мидхат-паши, рескрипт о назначении нового великого везира был заполнен заверениями султана о «серьезном намерении» выполнять

основные положения конституции и в будущем. Таким образом, Абдул Хамид хотел создать впечатление, будто инициатива конституционных порядков в стране принадлежит не Мидхат-паше и его партии, а самому султану. Но этот маневр не дал ожидаемого результата. После высылки Мидхат-паши по всему Стамбулу были расклеены прокламации, осуждавшие репрессивные меры султана против конституционалистов и в частности Мидхат-паши. В этих же прокламациях требовалось сместить военного министра Редиф-пашу и главного адъютанта султана Махмуд-пашу. «Если падишах не согласится на это,— говорилось в одной из прокламаций,— то дождется беды на свою голову» [78, л. 29 об.].

8 февраля 1877 г. в ответ на высылку Мидхат-паши «новые османы» устроили в Стамбуле большую демонстрацию. Демонстранты несли портрет Мидхат-паши, требовали его возвращения и наказания лиц, «дезинформировавших султана и оклеветавших честных сынов родины». Султан был вынужден «принять» их требования с условием, что демонстранты разойдутся по домам. Однако вслед за этим полиция произвела многочисленные аресты.

19 марта Абдул Хамид, чтобы окончательно не дискредитировать себя, собрал во дворце Бешикташ парламент, избранный на основе конституции. В парламент вошли 119 депутатов (мусульман — 71, немусульман — 48), подавляющее большинство которых составляли чиновники, крупные землевладельцы и представители духовенства. Путем террора и злоупотреблений монархисты всячески препятствовали баллотировке кандидатов «новых османов».

37

V

На первом заседании председателем парламента был избран Ахмед Вефик-паша, известный своим враждебным отношением к Мидхат-паше. В своей речи султан заявил, что он был вынужден даровать конституцию для того,

чтобы избавить государство от ужасного положения, в котором оно оказалось, и изложил программу действий парламента на текущий год. Сразу же после этого султан удалился, не сказав депутатам ни одного приветственного слова, что свидетельствовало о его враждебном отношении к парламенту.

Доступ на заседания парламента посторонним без особого разрешения был воспрещен. Речи депутатов можно было публиковать в прессе только после тщательной цензуры. У всех корреспондентов местных газет была взята подписка, что они ничего не будут печатать без ведома цензуры.

Таким образом, стеснив и подавив парламент с первых же дней, султан превратил его в свое послушное орудие.

Хотя первый турецкий парламент не принял ни одного решения, которое противоречило бы желаниям султана, само его существование служило помехой как для султана, так и для дворцовой клики. Бывало немало случаев, когда в повестку дня парламента включались вопросы о злоупотреблениях, казнокрадстве, взяточничестве и т. п. чиновников государственного аппарата.

Абдул Хамид поставил перед собой задачу окончательно подавить движение «новых османов», ликвидировать конституцию и созданный на его основе парламент. В качестве одной из мер было решено физически уничтожить Мидхат-пашу, деятельность которого за границей не давала султану покоя. Кроме того, огромный авторитет Мидхат-паши, по мнению султана, могли использовать в своих интересах враги Турции в Европе.

Поэтому через некоторое время после изгнания Мидхат-паша был «помилован» султаном. Вернувшись на родину, он получил назначение на должность вали (губернатора) Сирии, а затем Измира. А уже в 1881 г., по указанию Абдул Хамида, был начат судебный процесс по делу об убийстве султана Абдул Азиза²¹, к которому на основе показаний лжесвидетелей был привлечен и Мидхат-паша²².

В результате этого инсценированного судебного процесса Мидхат-паша, Дамад Махмуд-паша и Нури-паша были приговорены к смертной казни, Пытаясь отвести
38

от себя какие-либо подозрения, Абдул Хамид заменил смертную казнь пожизненной ссылкой в Аравию. 28 июля 1881 г. осужденные были доставлены в Таиф²³, а весной 1884 г., после того как был раскрыт план бегства Мидхат-паши и Махмуда Джелаледдин-паши [499, стр. 40], их настигла рука убийцы, подосланного кровавым султаном. Поражения Турции в войнах с Россией и Румынией²⁴ дали султану повод перейти в решительное наступление и против парламента. В январе 1878 г. части русской армии под командованием генерала М. Д. Скобелева заняли Адрианополь и создали серьезную угрозу для турецкой столицы²⁵. Воспользовавшись тяжелым для страны положением, Абдул Хамид 13 февраля 1878 г. объявил о «неспособности и бессилии парламента» [467а, стр. 80] и разогнал его на неопределенный срок²⁶.

Ликвидировав конституцию, Абдул Хамид установил в стране деспотический режим, вошедший в историю Турции под названием «эпохи зулум».

Причины поражения конституционного движения во главе с Мидхат-пашой нужно искать главным образом в слабости и неорганизованности турецкой буржуазии и, в первую очередь, ее передовой части — интеллигенции, которая действовала весьма нерешительно, не опиралась на широкие слои народных масс, не могла поднять эти массы против феодально-клерикальной реакции.

Программа «новых османов» не отличалась ни ясностью, ни целеустремленностью. Партия конституционалистов стояла на дуалистической платформе — она не гнушалась султаном-халифом и в то же время дорожила буржуазно-демократическими принципами Западной Европы.

Поражение Турции в русско-турецкой войне, в результате

которой она потеряла всякий престиж и попала под «опеку» европейских держав, разгром парламента и расправа над лидерами «новых османов» вызвали в стране новый взрыв недовольства²⁷, нашедший свое выражение в восстании Али Суави²⁸.

В трудах современных турецких авторов (А. Б. Ку-ран, Б. С. Байкал) утверждается, что Али Суави был тесно связан с тайной масонской организацией — скалье-ры, членами которой являлись Клеанти Скальери, Али Шевкети-бей, Накшибенд Калфа, Азиз-бей, а также доверенный человек принцессы Сенихы Султан (сестры Абдул Хамида, матери известного впоследствии младб-турецкого лидера Сабахеддин-бея).

Тайно вернувшись из ссылки в Стамбул, Али Суави собрал около 200 человек, главным образом среди нищенствующих беженцев из Румелии, а также недовольных софты и солдат и решил путем переворота свергнуть Абдул Хамида и восстановить на престоле слабавольного Мурада V. 20 мая 1878 г. восставшие ночью окружили дворец Чераган, где жил тогда Мурад, вывели его из дворца и провозгласили султаном.

Однако восстание Али Суави было быстро подавлено лейб-гвардией Абдул Хамида, а сам Али Суави был убит в рукопашном бою вместе со своими 22 товарищами (убил его начальник охраны султанского дворца Бешикташ Едидекиз Хасан-паша²⁹). После подавления восстания главари франкмасонов — Скальери, Накши-бенд Калфа, Али Шевкети-бей и другие скрылись, а затем бежали за границу. Восстание Али Суави дало повод Абдул Хамиду усилить беспощадную борьбу против своих внутренних врагов — «новых османов» и возможных претендентов на султанский престол³⁰. Аиша Османоглу, дочь Абдул Хаида II, в своих мемуарах пишет, что «из восстания Али Суави султан извлек очень важный урок для своей дальнейшей деятельности» [557, стр. 91].

Хотя восстание Али Суави было подавлено, оно имело важное значение для дальнейшей борьбы прогрессивных сил Турции против деспотического абдулхами-довского режима. Оно лишний раз подтвердило, что без политической организации и поддержки со стороны широких народных масс свергнуть деспотизм невозможно. Официальной идеологией «эпохи зулум» был панисламизм в его самой реакционной трактовке. Начало распространения этой идеологии относится к 80-м годам прошлого столетия, когда Турция не оправилась еще от поражения в войне 1877—1878 гг. и внутренних беспорядков, вызванных разгромом движения «новых османов». В этих условиях султан решил использовать фанатизм реакционных мулл и арабских шейхов для создания могучей великодержавной организации. Его эмиссары вели пропаганду, утверждая, что над головой ислама стоит обнаженный меч гяура—неверного: Тунис захвачен Францией, Средняя Азия и Кавказ находятся в руках России, а Индия, Афганистан и Египет — Англии и т. п.

40

В 90-х годах турецкие панисламисты приспособили учение Джемаледдина аль-Афгани о единстве мусульманских народов к своим целям, начав пропаганду в пользу создания всемусульманского государства, которое объединило бы под властью турецкого султана всех мусульман Египта, Северной Африки, Индии, Кавказа, Средней Азии и Поволжья.

В 1882 г. Абдул Хамид вел переговоры с лидерами арабского Магриба о создании «Исламского единения» («Иттихад-ы ислам»), а в 1897 г.— с руководителями индийских мусульман [619, стр. 172].

Как справедливо отмечал И. Бутаев, «для Турции панисламизм был выгоден потому, что именем ислама в ее пользу эксплуатировались мусульманские народы других стран, так же как для Италии в свое время был выгоден

католицизм, во имя которого в пользу Италии папство эксплуатировало весь мир» [209, стр. 108].

В основе панисламистской пропаганды лежало также стремление турецкой реакции сохранить незыблемость власти султана-халифа над покоренными народами империи. Внешне же идеология панисламизма прикрывалась необходимостью объединения всех мусульман для организованного противодействия мусульманского мира захватническим устремлениям крупных империалистических держав Запада. По замыслу панисламистов, в центре общего мусульманского фронта против Запада должна была находиться Турция. В этом отношении титул халифа являлся важным орудием в планах Абдул Хамида, любившего повторять: «Я являюсь прежде всего халифом всех мусульман, только после этого падишахом османов» [619, стр. 172].

«Абдул Хамид II,— писал принц Сабахеддин английскому министру иностранных дел Эдуарду Грею,— никогда не смотрел на халифат с точки зрения всех исторических адептов панисламизма. Единственная причина, по которой религиозная политика пользуется благосклонностью в Константинополе, это то, что она позволяет оказывать влияние на мусульман страны... На простонародном языке слово „панисламизм" выражает противодействие Востока Западу, который далеко не всегда действовал в примирительном направлении, а зачастую является наступательным и даже жестоким... Но панисламистская политика не является взрывом фанатизма. Это скорее всего выражение недовольства вследствие

41

постоянных наступлений европейских держав» [412, кн. 1, стр. 30].

Следует отметить, что вплоть до начала распада Османской империи турецкие султаны не претендовали в своей политике на верховенство над мусульманским миром и

поэтому были в значительной мере равнодушны к официальному халифскому званию. Но с конца XVIII в. положение изменилось; султаны, вставшие перед необходимостью мобилизовать все силы и ресурсы на борьбу за сохранение своего господства над покоренными народами Османской империи, прибегли к усиленному культивированию идеологии панисламизма. Это в известной мере было связано с возникновением патристических организаций, которые вели борьбу за независимость в арабских странах, Курдистане, Албании и др. Апологеты панисламизма хотели использовать также паломничество в Каабу на ежегодно созываемые всемирные мусульманские конгрессы для решения вопросов о судьбе ислама. Наиболее ревностными панисламистами были представители эмигрантских групп из стран, не имевших политической независимости. Они возлагали на панисламистское движение больше надежд, нежели представители самой Турции. Для них Турция являлась «гарантом для политического будущего всего мусульманского Востока» [730, стр. 76].

Турецкие буржуазные националисты охотно пользовались традиционным знаменем ислама потому, что видели в нем силу, способную объединить самые разнородные общественные элементы Османской империи, начиная с кочующих скотоводов-арабов и курдов и кончая представителями крупных землевладельцев и зарождавшейся мусульманской буржуазии.

Таким образом, апологеты панисламизма фактически прислуживали реакционным феодальным ханам, мусульманской буржуазии и духовенству. Разоблачая антинародный характер этой идеологии, В. И. Ленин указал на «необходимость борьбы с панисламизмом и подобными течениями, пытающимися соединить освободительное движение против европейского и американского империализма с укреплением позиции ханов, помещиков,

мулл и т. п.» [42, стр. 166].

Характерной особенностью «эпохи зулюм» являлись слабость и разложение государственного аппарата, которые были одними из важнейших причин ее упадка.

Блистательная Порта состояла из великого вёзйра и его канцелярии и совета министров (меджлис-и вюке-ля). По закону, великий везир считался наместником султана и имел широкие полномочия по управлению государством, выбору и назначению министров, утверждению и кассированию решений совета министров и даже Государственного совета. В действительности же со времени вступления на престол султана Абдул Хамида должность великого везира утратила всякое значение и имела характер лишь передаточной инстанции (и то далеко не всегда) между Портою и султаном, в руках которого была сосредоточена фактически и вся исполнительная власть. Назначения министров, губернаторов и даже самых второстепенных должностных лиц делались непосредственно по султанскому указу, при составлении которого мнение великого везира почти не запрашивалось. В результате должность великого везира и его канцелярия в общем строе государственной организации при Абдул Хамиде становились совершенно излишними, усложняя и без того сложную процедуру делопроизводства.

«Положение великого везира,— писал полковник Пешков из Стамбула,— низведено на столь низкую ступень государственного значения, что не только послы великих держав, но и представители второстепенных государств в важных случаях к нему не обращаются, а если и обращаются, то только для ускорения канцелярского производства дела, предрешенного между ними и султаном, через его секретарей» [78, л. 26 об.].

Министры назначались и смещались султаном. Но при Абдул Хамиде смена министров была довольно редким явлением. Даже при смене великого везира в большинстве

случаев министры лишь обменивались портфелями, причем военный и морской министры зачастую оставались на своих местах.

Основные качества министра . «эпохи зулюм» — это необразованность (за некоторыми исключениями), отсутствие личной инициативы, умение ладить с приближенными султана, быть приверженцем старины и противником новаторства и реформ, закрывать глаза на совершаемые злоупотребления, не выдвигать обвинений «в отношении лиц с известным положением, в общем иметь покладистый характер и шаткую совесть» [78, л. 26 и об.].

43

Министры, как правило, не получали аудиенций" у султана, но почти ежедневно вызывались во дворец для бесед с его секретарями и приближенными, от которых и получали устные повеления — ираде, нередко самые противоречивые. Министры находились под наблюдением и контролем шпионов и тайных агентов.

Высшее административное управление провинций было вверено генерал-губернаторам (вали) и начальникам округов (мутесаррифам). Эти должности приобретались по протекции, чаще всего через приближенных султана, за уступку известной части содержания и в особенности доходов.

В большинстве случаев губернаторы назначались из числа бывших чиновников дворцовой канцелярии и совета министров. Вали назначал и смещал чиновников, судей, созывал «избранный» населением административный совет, в котором каждая каза (уезд), как правило, была представлена двумя делегатами, а каждая смешанная каза — одним мусульманским и одним христианским представителем. В состав административного совета входили также советники вали, начальник его канцелярии, «дефтердар» — заместитель вали по финансовым делам, начальник полиции. Этот совет собирался раз в год и

обсуждал вопросы внутривилайетской значимости (развитие путей сообщения, учреждение кредитных касс, вопросы земледелия, промышленности, торговли, просвещения и т. п.).

Поскольку в руках губернаторов были сосредоточены все дела вилайета, то, естественно, что они имели обширное поле деятельности для злоупотреблений и самоуправства, чем широко и пользовались. Жалобы на действия губернаторов обычно перехватывались и до султана не доходили. В более серьезных случаях население посылало в Стамбул жалобные депутации, на которые губернаторы отвечали отправкой контрдепутаций с «доказательством» несостоятельности жалоб. Если же губернатор не смог оправдаться, а друзья вовремя не отвели от него удар, то его назначали в худшем случае губернатором в другой вилайет. Правда, встречались и честные губернаторы, но таких было очень мало, и, не имея, как правило, поддержки со стороны центральной власти, они вскоре отказывались от своих постов.

Османская империя представляла собой весьма сложный государственный организм. Каждая народность имела своё специфическое внутреннее устройство, вероисповедание и психический склад. В силу этого законодательство в империи являлось смесью самых различных законов и положений. В общем строе государственного механизма эти общины были представлены греческим, армяно-грегорианским, армяно-католическим патриархами, болгарским экзархом и великим раввином. Официально они не касались государственного управления, но косвенно принимали в нем участие, защищая интересы своей паствы. Статьи 108—111 конституции 1876 г., касающиеся системы управления вилайетами, не внесли существенных изменений в административное деление империи. Существовавшая в стране единая система управления вилайетами в действительности не могла способствовать

созданию органической связи между отдельными частями империи, что вело к усилению центробежных сил и росту сепаратизма, особенно в районах, населенных нетурками, например в Албании, Ливане, на о-ве Крит и др.

Антинародная политика султанского правительства и интриги великих держав на о-ве Крит привели в 1897г. к войне между Грецией и Турцией. Турция, поддержанная Тройственным союзом, вышла из этой войны победительницей. Посол Австрии, восхваляя победы турок над Грецией в беседе с министром иностранных дел Турции в конце 1898 г. говорил: «Реформы, которые необходимы в Турции, были выработаны Европой, и их выполнение поручено было послам семи европейских держав в Константинополе до объявления греко-турецкой войны... Если бы Турция не вышла из войны победительницей, были бы представлены ей еще более серьезные требования и, может быть, было бы приступлено к расчленению Турции... Победа турок совершенно изменила политическое положение, и эта победа обеспечила существование Османской империи» [73, л. 41].

В действительности эта победа еще больше осложнила внутривластическое положение в империи, усилила зависимость Турции от Германии и ее союзников по Тройственному союзу, хотя внешне она дала Турции краткую передышку от назойливой «опеки» этих держав. Все угнетенные народы Османской империи — албанцы, болгары, греки и сербы Европейской Турции, армяне — в Малой Азии, арабы — на юге, греки на остро-

45

вах — ждали подходящего момента, чтобы сбросить с себя ярмо турецкого господства.

В отношении этих народов администрация султана Абдул Хамида не ограничивалась применением жестокого террора

и часто применяла пресловутый принцип «разделяй и властвуй».

В Македонии она натравливала болгар против сербов, тех и других против греков, в Малой Азии покровительствовала курдам в их бесчинствах против армян. Лишь силою оружия и подкупами султанское правительство сохраняло единство этого конгломерата народностей.

При феодально-теократическом режиме Абдул Хамида II казнокрадство, взяточничество (нередко проявлявшиеся в виде «бакшиша») и другие виды злоупотреблений чиновников приобрели право гражданства почти во всех ведомствах и учреждениях страны. Глава государства, если бы даже и хотел, был бессилён что-либо предпринять против всего этого.

В беседе с одним из своих приближенных Абдул Ха-мид говорил: «Я знаю, что окружающие меня люди грабят... Но я предпочитаю оставлять у власти этих старых грабителей: ведь они уже богаты, нажили себе состояние и если и продолжают грабить, то в размерах, мне известных, на мелкую взятку они уже не пойдут. Новые лица явятся голодными, с неудовлетворёнными аппетитами и, конечно, будут грабить больше, пока не насытятся. Поэтому смена старых только ухудшит известное положение вещей и для меня будет невыгодной, так как старых я держу в своих руках именно тем, что прошлое их мне известно и что в случае чего-либо им придется потерять слишком многое. Они поневоле мне преданы, тогда как на преданность новых лиц, если им нечего терять, я положиться не могу» [78, л. 45 об.].

В стране были, бесспорно, честные и смелые чиновники, но такие люди составляли весьма незначительную часть всего чиновничества султанской администрации. Кроме того, они никогда не пользовались доверием султанского дворца и, как правило, сами становились объектом преследований. Так, в декабре 1895 г. генерал Иззет-паша, внук

знаменитого великого везира Фуад-паши, представил султану докладную записку о состоянии Турции, недостатках в системе управления и о необходимости реформ. 46

Эта записка, составленная в почтительном тоне, но с необычайной откровенностью, разоблачала не только весь строй государственной жизни Османской империи, но и личный режим султана. Обращаясь к султану с перечислением главных причин упадка империи, Иззет-паша выдвигал ряд мероприятий для ее спасения, которые можно сгруппировать вокруг следующих пунктов:

- 1) необходимость разработать определенную программу реформ;
- 2) уничтожить в стране систему шпионажа и доносов;
- 3) восстановить конституцию 1876 г. [см. 73, лл. 73-76].

Однако за свою откровенность и смелость Иззет-паша понес суровое наказание: он был арестован и предан военному трибуналу, приговорившему его к лишению чинов и пожизненному тюремному заключению. Правда, после четырехмесячного пребывания под арестом, он был «помилован» султаном и под видом назначения командиром 5-й кавалерийской дивизии сослан в Алеппо [73, л. 104]. Правосудие в Турции было пустой фикцией. Судьи в вилайетах, санджаках и казах со смешанным населением состояли из мусульман и христиан, «выбранных» населением. В санджаках и казах с населением исключительно христианским судьи состояли лишь из христиан. Официально судьи считались независимыми от всякого вмешательства при отправлении правосудия и вынесении приговоров и решений по всем делам, подчиняясь лишь «велениям закона» (ст. 81—95 конституции 1876 г.). Однако правосудие регулировалось, за ничтожным исключением, подкупом. Решения по гражданским делам выносились в

пользу того, кто давал больше; при этом процессы всегда затягивались возможно дольше, чтобы с них можно было «извлечь» больше дохода. Проигрывала обыкновенно сторона, у которой не хватало средств на дальнейшие подкупы. Что касается уголовных дел, то бывали случаи, при которых предварительное заключение без всякого разбирательства длилось иногда по десять лет [78, л. 28 об.]. Типичным методом злоупотреблений со стороны судей было также широкое использование лжесвидетелей, которые, как правило, всегда находились где-нибудь поблизости и являлись по первому знаку заинтересованной стороны или самих судей,

47

Истец, не имевший возможности доказать свою претензию, стоял перед выбором: либо заставить ответчика принять присягу, либо пойти на компромисс. В первом случае он мог потерять все, во втором получить хоть что-нибудь. Что касается ответчика, то он принятием присяги также надеялся выиграть дело, ибо отказ от нее считался признанием виновности. Поэтому нередко ответчик принимал ложную присягу или, просто заявив о своей готовности принять ее, заставлял истца пойти на компромисс.

Поскольку не всякий ответчик мог в случае своей виновности принять ложную присягу, то следственные органы нередко использовали людей, для которых принять ложную присягу ровно ничего не стоило. Следствие велось слишком небрежно и, как правило, с предвзятой целью — добиться желаемого результата, не установив действительных фактов.

Все вопросы — гражданские, уголовные и коммерческие между мусульманами и христианами, а также всякие другие смешанные иски разбирались смешанными судами. В некоторых городах функционировали и коммерческие судьи. Во всех административных центрах вилайетов были

также духовные судьи, являвшиеся оплотом реакции и невежества.

Важным источником наживы для высокопоставленных чиновников деспотического аппарата Абдул Хамида была армия. Здесь объектом эксплуатации были и мусульманские и христианские подданные Османской империи.

По закону, все мусульмане обязаны были нести военную службу, однако в некоторых районах, главным образом горных, население само себя освобождало от этой повинности, не являясь на призывы. Кроме того, зажиточные слои населения всегда находили возможность откупиться от военной службы. В результате эту повинность несли не более чем 50% населения империи, так как от службы освобождались также христиане, платившие специальный военный налог взамен несения военной службы.

Таким образом, вся тяжесть военной повинности падала на плечи трудящихся; на простых «мехметчиков», срок службы которых часто в два раза превышал официально установленный.

Назначение на должность и повышение в чинах так-:

4?

же сопровождалась «бакшишем» для тех начальников, от которых это зависело.

Своеобразные порядки получения жалованья армией при Абдул Хамиде стали причиной многих злоупотреблений. Зачастую армия месяцами ничего не получала, офицерам же выдавались лишь квитанции-ассигновки — «хавалэ» на право получения жалованья из той или другой провинциальной кассы. Срока эти ассигновки не имели. Нередко их «владельцам» приходилось держать свои «хавалэ» годами. Описывая дальнейшую судьбу этих квитанций, русский наблюдатель П. Цветков пишет: «Когда же после долгих и мучительных ожиданий у офицера переполняется чаша терпения, он подписывает все

квитанции, является к бригадному генералу и происходит торг. В результате обе стороны остаются довольны: офицер получает 10% наличными и смутное обещание некоторой прибавки потом, а генерал в полную собственность все квитанции. Корпусной командир выдаст под эти квитанции бригадному 20% и перепродает их за 50% военному министру, который, в свою очередь, делится выгодой с дворцом. И это не скверный анекдот, а тысячи раз повторявшийся печальный факт» [412, кн. 6, стр. 21].

Торговлей «хавалэ», как сообщал Пешков, занимались и такие лица, как морской министр Хасан-паша, через двух «доверенных ему лиц, скупавших „хавалэ" от своих же офицеров» [78, л. 35].

В сентябре 1896 г. Пешков сообщал, что с 1 марта турецкая армия получила жалованье только за один месяц, а за весь 1895 г. только за четыре месяца [73, л. 58].

Важнейшим орудием султанского режима была тайная полиция и широкая сеть шпионажа. Современники Абдул Хамида единодушно утверждают, что спасение трона он видел в отвлечении внимания своих подданных, в «контроле над думами».

Шпионаж при режиме «зулюм» был возведен в культ, стал атрибутом чуть ли не каждого служащего-турка, так как считалось, что кто не доносит, тот не может быть патриотом. Часто бывали случаи, когда брат доносил на брата и получал за это солидное вознаграждение [637, стр. 22]. Англичанин Э. Найт приводит в своей книге следующие слова одного младотурка: «в Турции (при Абдул Хамиде. — Г. А.) оставлен был лишь один идеал, лишь один исход для людских стремлений: накоп-

4 г, з.

ление богатств и трата их на грубо чувственные наслаждения. Но для достижения этого надо объявить себя шпионом дворца и дать доказательства своей преданности отречением от отца, матери, братьев, друзей, убеждений,

совести, от всех патриотических чувств и всякого человеколюбия» [343, стр. 37].

Помимо штатных шпионов по всей империи существовала целая армия шпионов-добровольцев, поскольку честным и полезным трудом нельзя было обеспечить семью и достичь более или менее выгодного служебного положения.

Поэтому шпионаж и доносы («джурналджы-лык») ³¹ превратились в своего рода государственную службу, обеспечивавшую блестящую карьеру и в то же время составлявшую ту страшную, неизлечимую язву, которая постепенно заразила все слои населения, развратив всякие понятия о честности, законности и справедливости и уничтожив даже самую мысль о стремлениях к государственной и общественной пользе.

В этой связи характерен следующий факт. После революции 1908 г. Хюсейн Джахид Ялчин, в статье «Джур-наллер» («Доносы») поднял вопрос о необходимости опубликовать все доносы, которые были представлены Абдул Хамиду. Однако младотурецкое правительство на это не пошло, мотивируя свой отказ тем, что «в случае публикации этих доносов, очень многие мелкие чиновники (!), которые в силу своего служебного положения вынуждены были пойти на это, окажутся в безвыходном положении» [505, стр. 5—6, 9]. После этого по специальному постановлению парламента подавляющая часть доносов была сожжена. Прав был Мидхат-паша, когда говорил, что Турция периода Абдул Хамида — «это преимущественно страна сыщиков» [177, № 30, стр. 21]. Личный секретарь Абдул Хамида Тахсин-паша утверждал, что «нити шпионажа тянулись прямо из дворца султана» [593, стр. 22].

Шпионажем занимались и принцы во дворце и рабочие-хаммалы на базаре. Первые получали за свой «труд» тысячные оклады, вторые довольствовались небольшой суммой. Современники Абдул Хамида рассказывают, что высокопоставленные чиновники, министры и сенаторы

также занимались шпионажем. Их назойливость доходила до того, что Абдул Хамид однажды в ярости воскликнул: «Увы, что это? Кто вы такие? Министры внутренних дел или сенаторы? Проклинаю я вас всех!» [619, 50

стр. 174]. Среди этих шпионов—государственных мужей периода «зулюма», как пишет турецкий историк Демироглу, особенно отличались Зеки-паша (маршал артиллерии и министр по делам военных училищ), Еди-Секиз Хасан-паша (начальник личной охраны султана), Фех-ми-паша³², Мехмет Шериф-паша³³ (турецкий посол в Стокгольме), Махмуд Джелаледдин-паша (министр общественных работ, отец Салиха Мунир-паши, турецкого посла в Париже), Арап Иззет-паша³⁴, Галиб-бей (муте-сарриф Манисы), Кабасакал Мехмет-паша³⁵ и многие другие [505, стр. 19—21].

Жорж Голи, французский публицист, много лет живший в Турции и лично знавший многих «сановников-шпионов», писал, что султан Абдул Хамид мог бы легко избавиться от тех или иных своих высокопоставленных лжедоносчиков, «но он не мог освободиться от их совокупности, так как им он вверил заботу о безопасности своего трона. Как бы ни старался он запираяться за высокими стенами, тройной линией вытягивать военный кордон и держать на жалованье массу шпионов, он все же боялся умереть задушенным в своем дворце, по примеру многих своих предшественников. Поэтому он ищет покровительства у проходимцев, которые егскокружают» [689, стр. 47].

Всякий гражданский чиновник или военный мог писать доносы прямо во дворец, минуя все остальные инстанции. Опасным было то, что доносчика не привлекали к ответственности, если его «джурнал» не подтверждался или даже был выдумкой [469, стр. 10]. Из-за таких ложных «джурналов» тысячи людей томились в тюрьмах, умирали в ссылках. Поэтому взаимное недоверие стало настолько сильным, что никто не мог ручаться за другого, если даже

он был его ближайшим родственником или другом. П. Цветков пишет, что, когда в 1908 г. была распущена армия шпионов, «до 30 тыс. человек осталось без куска хлеба» [412, кн. 6, стр. 8].

Шпионаж в империи вели одновременно министерство внутренних дел (Заптие незарети) и тайная полиция (Эмниет идареси), причем последняя имела больше власти. Так, например, начальник тайной полиции всех сыщиков министерства внутренних дел знал в лицо, тогда как министр внутренних дел и понятия не имел о численности агентов охраны — шпионов по политическим делам [177, №30, стр. 22].

51

§ цитированных выше записках Пешкова говорится, что шпионаж и доносы были распространены «почти повсеместно, не исключая и столицы, где, пожалуй, более, нежели в провинциях, полиция действует заодно с грабителями, а жандармы — с разбойниками. Жандармерия в провинции комплектуется почти исключительно бывшими разбойниками; но дело в том, что эти „бывшие разбойники“ по определению на службу изменяют лишь внешний вид свой и из явных разбойников обращаются в еще более опасных — тайных, в видах того, что разбойничье ремесло практикуется несравненно спокойнее и удобнее под личиной охранителя общественного порядка и спокойствия. Во многих местностях, особенно в глубине материка, жандармские чины не носят даже военного мундира, одеваясь в костюм местных жителей, под предлогом, что им удобнее преследовать разбойников; в действительности же для большого удобства и безнаказанности, действуя заодно с ними» [78, л. 28].

Шпионаж и тайная полиция были тесно связаны с деятельностью цензуры, которая должна была следить за идеями и мыслями подданных империи.

В конце XIX в. в Турции, как и в других странах Востока,

появилось большое число газет и журналов. Но султанская власть видела в периодической печати своего опасного врага. Для издания газет и журналов необходимо было получить предварительное разрешение, затем каждый номер подлежал тщательной проверке со стороны цензуры. Нежелательные места книг, журналов вырезались или замазывались черной краской, поступая затем в продажу в изуродованном виде [469, стр. 11]. Турецкая цензура присвоила себе роль идейного руководителя печати. Она постоянно давала газетам инструкции о направлении, которого им следовало придерживаться в том или ином вопросе. Поэтому почти вся турецкая печать казалась официальной.

Журналам и газетам давались указания периодически печатать сведения о «драгоценном здоровье Его Величества», об «улучшении экономики страны за последние годы», «об успехах во внешней политике» и т. п.

Запрещалось печатать известия о болезни султана, упоминать такие имена, как, например, Мидхат-паша, султан Мурад V и другие, а также слова «конституция», «революция», «тирания», «забастовка», «социализм», «республика» и т. п.

52

Абдул Хамид проявлял чрезвычайную чуткость к отзывам газет о его личности. Значительную часть времени он уделял чтению иностранной прессы. Восхвалявшим его газетчикам преподносились богатые подарки, оказывались благосклонные приемы. Зная эту слабость султана, газетные издатели сделали из нее источник самого бессовестного вымогательства. Составляя намеренно оскорбительные для султана статьи, они затем сообщали ему об этом и «вымогали отступные деньги» [45 лл. 49—50; 448, стр. 40—41].

Пресса не имела права помещать на своих страницах сообщения об убийствах иностранных монархов и других

государственных деятелей. Малейшие ошибки, допущенные на страницах газет, принимались цензурой за преднамеренные нападки на существующий режим. Однажды, как пишет Сервер Искит, в газете «Сабах» («Утро») слово «Шевкетлю» («Его Величество») по вине наборщика было напечатано как «Шу Кётю» («дурной», «плохой»), за что газета была закрыта на несколько лет. 27 апреля 1892 г. старейшая турецкая газета «Так-вим-и векаи» («Календарь событий») 36 была запрещена лишь потому, что на одной ее странице вместо слова «ита» («давание», «даяние») было напечатано «хата» («ошибка», «погрешность») [527, стр. 105].

Запрещалось также пользоваться путеводителями по Турции, изданными в Европе, и туристам приходилось при переезде через таможню тщательно прятать их.

Султанская цензура орудовала и в области науки и народного образования, с тем чтобы не дать возможность светским школам и высшим учебным заведениям превратиться в очаг просвещения и свободомыслия, хотя сами правящие круги «исходя из собственных интересов, были вынуждены терпеть кое-какую „европеизацию“, так как без нее представлялось просто невозможным создавать квалифицированные кадры, необходимые для поддержания самодержавного строя» [329, стр. 68].

Исторические исследования, произведения европейских классиков, французских энциклопедистов и т. п. были запрещены не только для издания, но и распространения в стране. Были запрещены книги Намыка Кемаля, Зия-паши, Абдулхака Хамида, Тунуслу Хайретдина, Ахмеда Мидхат-эфенди, Джевдет-паши и других видных деятелей турецкой литературы [439, стр. 12]. Тысячи исторических, философских и литературных книг были публично сожжены в 1902 г. в печах ЧемберлйктаШской бани Стамбула [527, стр. 103].

В учебниках по всеобщей истории период после фран-

цузской революции 1789—1794 гг. почти не получил отражения, ибо при деспотическом режиме Абдул Хамида «издание учебника с описанием буржуазных революций, положивших начало эпохе нового времени, было невозможным» [264, стр. 97].

Что касается истории самой Турции, то она сводилась почти исключительно к истории ислама и биографии султанов.

Султанским указом от 17 января 1886 г. правительство установило контроль министерства просвещения над учебными программами. Будучи совершенно фиктивным в педагогическом отношении, он был введен исключительно для надзора за политической благонадежностью школ, поставив их в полную зависимость от произвола провинциальных властей и духовенства [439, стр. 11]. При малейшем подозрении в политической неблагонадежности местные власти закрывали школы, а учителей, нередко и учеников, бросали в тюрьмы. С особым недоверием правительство относилось к мусульманским семинариям, которые всегда играли значительную роль в государственных переворотах и в которых, несмотря на периодические обыски, аресты и ссылки учащихся, всегда был силен дух враждебности к правительству.

Однако, говоря о положении просвещения в Турции в конце XIX—начале XX в., следует согласиться с выводом советских авторов А. Д. Желтякова и Ю. А. Петросяна о том, что феодально-теократический режим, с одной стороны, вел беспощадную борьбу против свободомыслия и всячески препятствовал прогрессу подлинного просвещения и культуры, а с другой — не мог игнорировать конкретную историческую обстановку, требовавшую создание гуманитарной и технической интеллигенции, без которой государство не могло бы продолжать свое существование. Поэтому, несмотря на враждебное отношение султанского деспотизма к просвещению, «оно шло в основном по пути, намеченному деятелями танзимата и просветителями 60—

70-х годов» [264, стр. 99].

Цензура свирепствовала и в области театральной жизни страны. Немногочисленные театры находились под постоянным наблюдением специального цензурного
54

комитета в Стамбуле, состоявшего из представителей министерства полиции и главного управления печати. В вилайетах это право принадлежало заведующим отделами образования и начальникам полиции [527, стр. 99]. Каждая пьеса, предназначенная для постановки, должна была предварительно пройти через театральную цензуру.

Комитет рассматривал ее сперва по существу, а затем по форме. Если кому-нибудь из членов комитета казалось, что пьеса может возбудить недоверие к власти или симпатию к освободительному движению, ее запрещали к постановке.

Если же подобное подозрение не возникало, комитет вычеркивал все слова, запрещенные к печати общей цензурой, заменял отдельные слова и даже целые фразы другими, иногда противоположного смысла³⁷, вырывал целые акты, а нередко подвергал переделке и изменению само название пьес, что вызывало большие недоразумения [527, стр. 101].

Под строгим наблюдением цензуры находилась и вся почтовая система страны. Еще при Абдул Азизе в почтовых учреждениях был установлен порядок, по которому письма должны были подаваться на почту открытыми. Такса для них была установлена не по весу письма, а по числу листов бумаги. Этот порядок, вызывавший всеобщее возмущение, был частично отменен в 1874 г., когда Турция стала членом Всемирного почтового союза. Однако это изменение касалось главным образом заграничных писем, а для внутренних писем продолжал применяться порядок, существовавший прежде. В почтовых конторах висели объявления следующего содержания: «Управление турецких почт напоминает отправителям, что закрытые

письма не принимаются в конторах местной почты. Такие письма, а также письма, вынутые из ящиков, не отправляются по адресам. Они конфискуются и сжигаются» [527, стр. 101].

Турецкая цензура иногда «ухитрялась находить скрытый смысл в алгебраических или химических формулах. Так, формулу „ $АН=0$ “ цензура подозревала как желание автора сказать, что Абдул Хамид равен нулю и представляет из себя ничтожество» [221, стр. 91].

Таким образом, государственное управление Османской империи при Абдул Хамиде II как по своей форме, так и по внутреннему духу представляло собой воплощение реакции и насилия. За тридцатилетний период правления Абдул Хамида не было предпринято никаких

55

мер, которые имели бы целью хотя бы частично усовершенствовать правительственный механизм или улучшить быт населения.

Режим «зулюма» стал основным и главным источником всех бедствий многомиллионных народных масс Османской империи, страдавших в то же время и от проникновения иностранных монополий.

Недовольство режимом Абдул Хамида охватило как широкие народные массы — крестьян, ремесленников и нарождавшийся рабочий класс, так и представителей турецкой компрадорской и национальной буржуазии.

Такова была обстановка в Турции при диктатуре Абдул Хамида, когда страна переживала критический период своей истории.

Возникновение буржуазно-революционного движения

38

Несмотря на то что конституционное движение «новых османов» было подавлено с невероятной жестокостью, все же оно сыграло важную роль в усилении борьбы

прогрессивных сил против абдулхамидовского режима.

Прямой наследницей «новых османов» была тайная организация «Османское единение» («Иттихады османы»), созданная группой курсантов³⁹ военно-медицинской школы в Стамбуле 21 мая 1889 г.⁴⁰ и явившаяся зародышем партии «Иттихад ве теракки» («Единение и прогресс»).

Вскоре возникли и другие тайные кружки, тесно связанные с обществом «Иттихад ве теракки». Эти кружки состояли в основном из офицеров, государственных чиновников, представителей торговой буржуазии и интеллигенции. В 1894 г. эти кружки объединились в единое Османское общество «Единение и прогресс» («Османлы Иттихад ве теракки джемиети»), членов которого называли «иттихадистами» или «младотурками».

Считая себя законными преемниками «новых османов», младотурки стремились свергнуть абдулхамидовский абсолютизм, восстановить конституцию 1876 г., добиться политической и экономической независимости от империалистических держав, обеспечить руководящую роль в стране турецкой национальной буржуазии.

В целом младотурецкое движение отражало интересы зарождающейся национальной буржуазии и либеральных кругов помещичьего класса.

После объединения кружков младотурки стали развивать широкую агитационно-пропагандистскую работу как в самой стране, так и за ее пределами.

Связь младотурок с единомышленниками в странах Европы осуществлялась главным образом через принадлежавшие иностранцам почтовые отделения [736, стр. 5]. В то же время следует согласиться с Р. Фишем, который заметил, что доставка газет из Парижа в Эрзурум считалась делом гораздо более легким, нежели их доставка из Бейоглы в Галату (районы Стамбула.— Г. А.) [685, стр. 328].

Однако революционная пропаганда младотурок в это время не носила принципиального, последовательного характера и нередко меняла свое направление. Так, испугавшись усиления армянского движения в 1894 г., младотурецкий комитет выпустил манифест, призывавший уже не к свержению деспотизма с его государственными институтами, а к либеральным реформам [545, стр. 45].

Господствовавший в стране режим жестокого террора и шпионажа вынудил многих членов общества «Иттихад ве теракки» эмигрировать за границу. Париж стал центром их организационной и пропагандистской работы. Газета «Мешверет» («Обсуждение»), выпускаемая Ахмедом Риза-беем⁴¹, объединила вокруг себя основную часть эмигрантских кружков младотурок за границей. В состав центрального комитета общества, кроме Ахмеда Риза-бея, входили принц Мехмед Али-паша, издатель сатирической газеты «Карагёз» Фуат-бей, писатель Сами Пашазаде Сезаи, Реджеп-бей и Альбер Фуа (из Салоник).

Эмигранты-младотурки имели организации также в Бухаресте, Женеве и Каире. Бухарестский филиал «Иттихад ве теракки», руководимый одним из основателей общества Ибрагимом Темо, вел организационно-пропагандистскую работу среди турок, проживающих на территории балканских стран. Деятельность женевского и каирского «центров» ограничивалась главным образом изданием оппозиционных абдулхамидовскому режиму

57

газет. При этом основанный в Женеве 21 декабря 1896 г. Османский революционный комитет во главе с Хильми Туналы, Шефиком и Хасан-беем, в отличие от других «центров», ставил перед собой задачу — осуществить государственный переворот путем заговора против султана и его сановников [545, стр. 99].

12 апреля 1896 г. по просьбе турецкого посла Салиха Мунир-паши французское правительство запретило выпуск

турецкого издания газеты «Мешверет», что заставило Ахмеда Риза-бея временно переселиться в Женеву, а затем в Брюссель. Однако в Париже «Мешверет» продолжала издаваться на французском языке соратниками Ахмеда Риза-бея Альбером Фуа, Халилом Ганем и Аристиди-эфенди вплоть до 15 августа 1897 г., после чего и она была перенесена в Брюссель.

Младотурки издавали ряд газет и в других странах. В Египте, а затем в Швейцарии выходила газета «Ми-зан» («Весы»), в Италии (Неаполе) — «Истикбаль» («Будущее»), в Женеве — «Хизмет» («Служение»), выпускаемая Невзетом и Амруллах-беем, в Лондоне — «Хюрриет» («Свобода»), издаваемая Джеваншир-беем (он же Селим Фарис). Кроме того, на арабском языке в Лондоне выходила газета «Хиляфет» («Халифат»), а в Нью-Йорке — «Сурие» («Сирия»). Издавали ряд газет также албанские («Албаниа» в Брюсселе), курдские («Курдистан» в Каире) и армянские революционеры.

По данным турецких авторов, к концу 90-х годов число оппозиционных газет, издаваемых за границей, составило 118 [см.: 604, стр. 157—160; 486, стр. 7].

В структурно-организационном отношении младотурки опирались на опыт западных нелегальных организаций и обществ. Все общество делилось на «отделения», состоявшие из 150 человек, а отделения — на «кружки» из пяти человек, обозначавшиеся номерами. Каждый член общества имел право завербовать лишь пять сторонников и не имел представления о всех других членах организации. Членам общества не был известен также состав центрального комитета, который был законспирирован еще строже [107, л. 106]. Новые кандидаты вербовались с величайшей осторожностью из числа родственников и самых близких друзей опытных членов общества⁴².

Финансовая база общества состояла главным образом из членских взносов, а также пожертвований отдель-

ных лиц. Общество «Иттихад ве теракки» имело тогда наибольшее число членов в средних слоях населения. Его членами были также многие паши, беки, эфенди и другие высокопоставленные чиновники, переходившие на сторону оппозиции по тем или иным причинам, нередко из личных интересов. Проникало в ряды младотурок и немало провокаторов типа Али Кемаля и др. [538, стр. 512].

В конце XIX—начале XX в. во многих городах Малой Азии возник ряд других местных революционных организаций — различные «комитеты» и «федерации» турецких «либералов», которые официально не входили в состав «Иттихад ве теракки», но находились с ним в тесном контакте.

Младотурки стремились объединить все недовольные элементы независимо от их политической окраски и тем самым лишали себя того единства политических убеждений и цели, которое сделало бы их усилия более плодотворными.

Пестрый социальный состав, идейный разброд, отсутствие четкой политической платформы и тактической линии — все это ослабляло и без того слабый организм «Иттихад ве теракки», лишало его возможности пользоваться поддержкой широких народных масс.

Что касается великих держав, то каждая из них, имея собственные империалистические планы, на всякое движение, направленное против существующего режима, смотрела с точки зрения своих интересов. Фактически они являлись союзниками турецкого султана в деле подавления революционного движения.

Пользуясь поддержкой европейских держав, султанское правительство в начале 1897 г. беспощадно расправилось с младотурецкими организациями. По сообщению Пешкова, 260 офицеров были высланы тогда из столицы, 32 курсанта военного училища умерли под пыткой в Иылдызе, 2560

улемов и учеников высших семинарий были высланы из Османской империи в течение двух лет [78, л. 66].

Особые усилия власти приложили к разгрому стамбульской организации младотурок. Были раскрыты два комитета — «Комитет Хюсейна Авни» и «Комитет Су-лейман-паши».

Почти все их члены (81 человек) предстали перед военным трибуналом: 13 человек было приговорено к смертной казни, 22—к каторге, а остальные—

59

к тюремному заключению на различные сроки — от шести месяцев до 30 лет [73, л. 66 об.].

Спустя два года, в 1899 г., произошел второй разгром стамбульской организации младотурок. Было арестовано и тайно казнено много чиновников, которых обвинили в государственной измене и заговоре против существующего режима [73, л. 78].

К 1900 г. единственной уцелевшей крупной организацией младотурок в Стамбуле был «Комитет свободы», который и являлся связующим звеном между местными ячейками и «Иттихад ве теракки» за границей.

Следует отметить, что эмигрантские организации младотурок в этот период не отличались единством взглядов и действий и представляли собой различные течения.

Так, большинство младотурок во главе с Ахмедом Риза-беем выступало с осуждением внутренней и внешней политики правительства Абдул Хамида. В специальной прокламации, выпущенной в 1897 г. газетой «Меш-верет», сторонники Ахмеда Риза-бея требовали свергнуть Абдул Хамида, возвести на трон его сына и составить комиссию по проведению реформ в стране. В программу этой группы были включены такие вопросы, как введение всеобщего, равного и тайного голосования, предоставление парламенту широких прав, независимость судов и т. п. [55, л. 83].

Другое крыло младотурок—сторонники Мурад-бея,—

наоборот, всячески старалось оправдать позорные действия султанских властей по отношению к восставшим армянам и критянам. Группа Мурад-бея искала компромисса с султаном, ограничиваясь требованием проведения умеренных реформ, как, например, ответственность правительства перед парламентом, равенство всех граждан перед законом, либерализация печати и т. п. [55, л. 83 об.]. Третье крыло младотурок — турецкие «либералы», или, как они сами себя называли, сторонники принципа «децентрализации и частной инициативы» («тешеббюсю шахси ве адеми меркезиет»), — во главе с принцем Сабахеддином находилось под сильным влиянием европейских социалистов и анархистов⁴³ и требовало широкой автономии отдельным национальностям империи, выступая в отличие от группы Ахмеда Риза-бея за вмешательство европейских держав во внутренние дела Турции⁴⁴.

60

Социально-политические взгляды принца Сабахеддина формировались под влиянием идей западных мыслителей Хаскеля, Бухнера, Фулле и Эдмонда Демолена, для которых «индивидуум», его «свобода» и воспитание имеют первостепенную . важность [591 а, стр. 218—219].

По мнению принца Сабахеддина, все народы Османской империи (турки, арабы, курды, армяне, албанцы, македонцы, евреи и др.) составляли единую османскую нацию. Поэтому он считал, что они должны совместно бороться не только против тиранического режима Абдул Хамида, но и против системы «централизованного государства, являвшейся по существу и могилой отечества» [641, стр. 23].

В отличие от правого крыла, сторонники Сабахеддина придавали важное значение социальным вопросам, считая, что корень зла заключается в средневековом экономическом строе Турции и в отсутствии частной предпринимательской инициативы. Они открыто проповедовали, что Турция как в

области государственных институтов, так и в экономическом развитии должна следовать за Англией и США (641, стр. 65].

В 1900 г. сторонники принца Сабахеддина опубликовали прокламацию «Ко всем гражданам-османам!», в которой предлагали созвать конгресс для объединения всех младотурецких группировок.

Первый младотурецкий конгресс открылся 4 февраля 1902. г. в Париже. Преследуемый французской полицией, он заседал в разных местах, но чаще всего в доме социалиста Ледефра Папталиса и в квартире принца Сабахеддина.

Кроме младотурецких организаций в конгрессе участвовали также представители армянских, греческих, арабских, албанских и курдских политических организаций (всего 47 человек) (736, стр. 92].

На конгрессе обнаружились два противоположных течения. Первое из них во главе с Ахмедом Риза-беем, отражавшее интересы турецкой национальной буржуазии и либеральных помещиков, требовало не ограничиваться ведением агитационно-пропагандистской работы, а применить силу для свержения деспотического режима султана Абдул Хамида II. Оно объявило себя сторонником национального равноправия, но было против предоставления широкой автономии национальным меньшинствам.

61

Выступая по этому вопросу, сторонники Ахмеда Риза-бея открыто заявили, что предоставление широких прав национальным меньшинствам равносильно расчленению империи на отдельные куски. Называя себя последователями Мидхат-паши, они мечтали о соединении либеральных идей Европы того времени с верностью шариату и стремлением спасти Османскую империю от гибели.

Второе течение, представлявшее компрадорскую буржуазию нетурецких национальностей и определенную часть

турецких помещиков, придерживалось изложенных выше взглядов принца Сабахеддина.

Представители этого течения, отделившись от общества «Иттихад ве теракки», образовали так называемое Общество личной инициативы и децентрализации, в которое входили наряду с принцем Сабахеддином такие видные младотурки, как Хюсейн Тосун, Мурад-бей (из Минаса), Хюсейн Сийрет, д-р Сабри, д-р Нихад Решад, д-р Рифаат, полковник Зеки и др. Одну из важнейших своих задач это общество видело в усилении пропаганды среди турецкого народа необходимости создания нового государства, «основанного на широкой федерации». Общество личной инициативы и децентрализации, объявившее себя «большинством», приняло следующую резолюцию:

«1. Единственный источник несчастий, постигших империю и возбуждающих негодование всего мира, — это существующий режим, под игом которого мы живем в течение четверти века. Поэтому мы отвергаем всякую солидарность между народами империи и данным режимом.

2. Мы считаем необходимым установить согласие между отдельными народами и племенами империи, которое обеспечит всем без исключения права, провозглашенные в хатти-шарифах⁴⁵ и освещенные международными договорами, удовлетворит их законные притязания на участие в местном управлении, внушит им чувство верности по отношению к династии Османов, которая призвана руководить ими и поддерживать связь между ними.

3. Мы будем направлять все наши усилия к достижению следующих целей:

- а) целостность и единство Османской империи;
- б) восстановление порядка и внутреннего мира, столь необходимого для нашего

прогресса;

в) уважение к основным законам империи, а именно к конституции 1876 г., которая бесспорно является важнейшей частью наших основных законов и которая дает необходимую гарантию общих реформ, прав и политической свободы народам империи.

4. Мы провозглашаем наше твердое решение уважать международные трактаты и в частности Берлинский трактат» [791, № 17, стр. 19].

В резолюции далее указывалось на необходимость учреждения специального комитета, который претворил бы эти принципы в жизнь и принял необходимые меры, чтобы добиться «нравственной поддержки европейских держав, подписавших Парижский трактат 1856 г. и Берлинский трактат 1878 г.» [791, № 17, стр. 19].

В то же время группа Ахмеда Риза-бея («меньшинство») приняла свою резолюцию, в которой выступала против вмешательства европейских держав во внутренние дела Турции. «Мы, меньшинство, — говорилось в этой резолюции, — убеждены, что державы руководятся интересами, которые не всегда совпадают с интересами нашей страны. Мы решительно отвергаем всякое действие, которое может вызвать чье бы то ни было посягательство на независимость Турецкой империи. Тем не менее мы не враждебны Европе, как это утверждают наши противники. Наоборот, наше главное желание состоит в том, чтобы европейская цивилизация, европейская наука и полезные общественные учреждения Европы распространились в нашей стране. Мы идем по дороге, по которой шла сама Европа, и даже в нашем нежелании допускать вмешательство иностранцев мы вдохновляемся патриотическими решениями, которые приняты гордыми своей независимостью народами Европы» [73, лл. 58—59]. Таким образом, раскол первого младотурецкого конгресса произошел главным образом из-за того, что группы Ахмеда

Риза-бея и' принца Сабахеддина не смогли прийти к соглашению по наиболее важному вопросу — каким путем восстановить конституцию 1876 г. Не менее важным был и вопрос об иностранном вмешательстве во внутренние дела Турции.

Хотя первый младотурецкий конгресс показал разншерстность состава и противоречивость взглядов в партии «йттихад ве тераккй», тем не менее он имел большое значение для развития буржуазно-революционного движения в стране, для объединения оппозиционных организаций в борьбе против деспотического управления Абдул Хамила.

К числу таких организаций можно отнести, в первую очередь, Внутреннюю Македоно-Одринскую революционную организацию (ВМОРО), возникшую еще в 1893 г. и являвшуюся по своему характеру революционно-массовой демократической организацией⁴⁶.

После младотурецкого конгресса 1902 г. наметилось новое течение и в арабском национализме. Если до этого основное требование арабских националистов сводилось к предоставлению автономии в рамках Османской империи, то теперь часть арабских националистов выступила с требованием полной независимости.

Созданный в 1902 г. Арабский национальный комитет опубликовал свою программу под названием «Возрождение арабской нации», в которой ставилась задача отделения арабских стран от Османской империи и создания общеарабской империи с центром в Хиджазе. Султан «Арабской империи» должен был стать и халифом всех правоверных мусульман [750, стр. 62].

Однако ввиду слабости арабской национальной буржуазии сторонники «полной независимости» оказались в меньшинстве, и подавляющее большинство арабских националистов решило бороться против султанского режима вместе с младотурками и революционными силами других

подвластных Турции народов.

Обстоятельства заставили пойти на сближение • и совместные действия с младотурками и армянские буржуазные организации. Еще на первом Парижском конгрессе армянские национальные организации установили тесную связь с Обществом личной инициативы и децентрализации. Эта связь еще больше укрепилась в 1903 г., когда представители партии «Дашнакцутюн» вели в Париже и Женеве переговоры с Сабахеддином и Ахмедом Риза-беем о разработке мероприятий для совместной борьбы [554, стр. 234]. Процесс сближения армянских организаций с младотурками заметно усилился-после разгрома Зейтунского восстания 1904 г.

Таким образом, революционные движения в европейской и азиатской частях империи значительно отличались друг от друга как по содержанию, так и по форме,

64

но вместе с тем они были направлены против деспотического режима Абдул Хамида. В силу этого постепенно происходила консолидация всех сил, боровшихся за свержение ненавистой диктатуры кровавого султана, складывался их единый фронт вокруг партии «Йттихад ве тераккй».

Русская буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. открыла эпоху «пробуждения Азии», дав мощный импульс к усилению национально-освободительного движения угнетенных народов, колониальных и полуколониальных стран Востока. «Мировой капитализм и русское движение 1905 года, — писал В. И. Ленин, -*• окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию» [[26, стр. 146].

Героическая борьба русского пролетариата и крестьянства вдохновила народы Востока на борьбу с деспотизмом. Под

непосредственным влиянием русской революции усилилось революционное движение в Турции, направленное не только против самодержавного строя и господства феодально-клерикальных кругов, но и против засилья крупных империалистических держав Запада.

Это влияние объясняется не только силой и размахом русской революции, ее особенностями как первой народной революции периода империализма, происходившей под руководством рабочего класса, во главе которого стояла марксистская партия нового типа, но и тем, что в странах Востока на основе внутренних социально-экономических процессов именно к началу первой русской революции создались предпосылки для национального пробуждения.

Характер назревших в странах Востока революций сближал их с революцией в России. «Русская революция, — писал В. И. Ленин, — вызвала движение во всей Азии. Революции в Турции, Персии, Китае доказывают, что могучее восстание 1905 года оставило глубокие следы и что его влияние, обнаруживающееся в поступательном движении сотен и сотен миллионов людей, неискоренимо» [33, стр. 326].

5 Г. З. Алиев

65

В условиях обострения социальных противоречий в Турции и влияния русской революции и революционных событий в соседнем Иране нарастала борьба широких народных масс против тиранического управления Абдул Хамида, за национальное освобождение нетурецких народов империи. Весть о событиях 9 (22) января, которые явились началом революции в России, с быстротой молнии распространилась в Турции. Уже на второй день после «кровавого воскресенья» русский посол в Стамбуле Зиновьев сообщил, что в Турции «распространяются самые невероятные слухи о движении среди фабричного населения Петербурга, грозящем будто бы безопасности столицы и государственному порядку» [136, т. 9, стр. 3].

Революционные события в России, а затем и в Иране сильно насторожили и без того подозрительное правительство Абдул Хамида II. По его указанию турецкие границы были закрыты для политических эмигрантов. Даже паломникам, направлявшимся из России в Мекку и Медину, пришлось вернуться из-за подозрений турецких властей, считавших и их участниками «кровавого воскресенья» в России {415, стр. 17—18}.

В донесениях русских дипломатов и военных наблюдателей приводится множество фактов о волнениях среди турецкого населения в Центральной и Восточной Анатолии в 1905—1906 гг. и о противодействии им со стороны властей.

Вице-консул в г. Ризе Маевский 17 января 1906 г. сообщал, что «современные события на Кавказе встретили здесь боязливо робкое, недоумевающее отношение к этим событиям турецкой администрации, готовой отгородиться от Закавказья как от зачумленной страны» [58, л. 7].

Русский консул в Трапезунде (Трабзон) Брандт писал: «Самосознание мусульманского населения анатолийских вилайетов в последнее время начинает усиленно пробуждаться, — причем, конечно, не обходится без влияния событий, происходивших в России, в особенности же на соседнем Кавказе, с которым местное население имеет постоянные и частые сношения и всегда хорошо осведомляется обо всем, что там происходит. С другой стороны, ясно, что турецкое правительство понимает опасность» ([58, лл. И —12].

Султанское правительство приняло спешные меры,
66

чтобы отрезать восточные вилайеты от Закавказья, хотя это лишало заработка многих турецких рабочих-отходников и задевало интересы большей части анатолийского купечества, которое поддерживало широкие торговые связи с Закавказьем.

В донесении Брандта сообщалось также, что местные

власти восточных вилайетов прекратили выдачу паспортов для проезда в Закавказье не только рабочим-отходникам, но и торговцам [58, лл. 11 —12]. «Вследствие происходящих в России событий, — писал Брандт, — и в особенности забастовок и беспорядков на Кавказе, сношения между последним и анатолийскими портами сильно сократились, и таковое положение дел также очень чувствительно отзывается на местном населении в экономическом отношении. Уже с начала истекшего года заметно уменьшилось число отправляющихся отсюда на заработки в Россию рабочих, а с месяц тому назад движение это окончательно прекратилось» 1[70а, лл. 1—2]. В то же время был разослан правительственный циркуляр с указанием «не принимать в анатолийских портах приезжающих из Батума пассажиров» [70а, лл. 1—2]. Мероприятия турецких властей усилили всеобщее недовольство деспотическим султанским режимом.

Султанское правительство всячески препятствовало «своим подданным христианам возвращаться из России на родину, вероятно из опасения внесения ими сюда революционных идей», в то же время проявляя «большую заботливость о своих подданных мусульманах, принимая меры для спасения их от кавказских смут и беспорядков» !70а, л. 4].

Несмотря на1 принятые правительственные меры и жестокие цензурные преграды, вести о революционных событиях в Закавказье проникали в Турцию через ряд демократических, революционных газет и журналов, ввозимых в страну нелегальным путем. К их числу можно отнести газету «Давет-Коч» («Приглашение»), выходившую на азербайджанском и армянском языках под редакцией М. Азизбекова, С. М. Ахундова, П. Мнацак-няна, газету «Иолдаш» («Товарищ») под редакцией А. Ахундова, «Гуммет» («Старание»), «Текамюль» («Эволюция»), юмористический журнал «Бахлул» («Насмешник») и др. Весьма большое распространение получил в Турции;

Особенно в Восточной Анатолии, издававшийся в Тифлисе (Тбилиси) с апреля 1906 г. на азербайджанском языке юмористический журнал «Молла Насреддин», основателем и главным редактором которого был выдающийся азербайджанский революционер-демократ Мирза Джалиль Мамедкули-заде. Этот журнал был очень хорошо осведомлен также о жизни в Турции и Иране, откликался на злободневные политические события в этих странах.

Говоря о задачах журнала М. Д. Мамедкули-заде впоследствии писал, что «перед „Молла Насреддином" стояли, подобно черной скале, не только царь Николай II, но и султан турецкий и шах иранский, которые олицетворяли восточный деспотизм и религиозный фанатизм» [319а, стр. 424—425]. «Молла Насреддин» беспощадно бичевал турецкий и иранский деспотические режимы, разоблачал панисламистскую и пантюркистскую пропаганду, враждебную интересам всех народов Востока. Выступая против Али Гусейн-заде, Ахмеда Агаева (Ага оглы) и других панисламистов, восхвалявших турецких султанов, «Молла Насреддин» писал: «Мне помнится, что турецкие султаны были главарями разбойничьих банд, они никогда не думали о том, чтобы позаботиться о нас, бедных. Их мечтой и занятием было... принесение в жертву народного счастья ради своих интересов» (804, № 1].

Весьма характерен тот факт, что основной темой первого номера журнала, оригинально оформленного художником О. И. Шмерлингом, было «пробуждение мусульманского мира». Надеясь на усиление революционного движения в Иране и Турции, журнал указывал, что «хотя на Востоке многие все еще спят, но кое-кто уже проснулся». В журнале систематически печатались написанные простым народным языком остроумные и едкие сатирические стихи великого поэта М. А. Сабира, направленные против реакционных

порядков, фанатизма и невежества как в России, так и в странах мусульманского Востока. Высмеивая абдулхамидовский режим, журнал писал: «Правительство его величества турецкого султана запретило своим верноподданным даже чихать на улице» (804, № 1]. Влияние кавказской, особенно азербайджанской, революционно-демократической прессы, было настолько велико, что турецкое правительство официально обратилось к царскому министерству иностранных дел с просьбой запретить пересылку в Турцию бакинской прогрессивной прессы [326, стр. 36].

Характерная черта нового этапа революционной борьбы в Турции — выступление широких народных масс ряда городов, преимущественно Восточной Анатолии, поддержанное крестьянами окружающих районов. В 1906—1907 гг. в Трабзоне, Ване, Битлисе, Эрзуруме, Самсуне, Кастамону, Диярбакыре, Дамаске, Хайфе и других городах все население, независимо от национальной принадлежности, вело совместную борьбу против местных властей, объединившись вокруг революционных мелкобуржуазных организаций, комитетов турецких либералов, Мусульманской федерации, братства «Джан верир» («отдающий душу»), находившихся под влиянием младотурок и выдвигавших в своих петициях требования, направленные против феодальных налогов, откупов, произвола местных властей и т. п. {76, лл. 225—226}.

В начале марта 1906 г. султанское правительство объявило новый подушный налог. Каждый турецкий подданный обязан был внести в казну сумму, равную трехдневному доходу или заработку. Это вызвало стихийные волнения среди населения. Одним из крупных центров таких волнений стал Эрзурум.

В секретной телеграмме, русского генерального консула в Эрзуруме Скрябина послу в Стамбуле говорилось, что общество «Джан верир» было создано купечеством и что в

его состав «вошло большинство обывателей Эрзурума» (61, л. 20]. Далее консул сообщал, что общество призвало «препятствовать злоупотреблениям властей» и послало султану телеграмму с требованиями из 11 пунктов; оно запретило населению платить некоторые подати и потребовало от вали замены четырех высших чиновников (61, л. 18].

Комитет турецких либералов Эрзурума обратился к правительству с просьбой отменить подушный налог и облегчить положение населения, но ответа на эту просьбу, разумеется, не последовало.

10 марта в с. Ачверан было устроено народное собрание, которое выбрало «депутатов» и отправило их к вали Эрзурумского вилайета с просьбой «облегчить их без того тяжелое положение, вызванное новым подушным налогом».

Одновременно к вали явились вдовы по-

69

гибших солдат и умерших чиновников с требованием выдать им пенсию.

Консул Скрыбин сообщал, что в Эрзуруме свыше 20 тыс. горожан собралось около «телеграфного бюро» и шесть представителей манифестантов по прямому проводу предъявили свои требования в султанский дворец Иылдыз [61, л. 38]. В эти дни, писал консул, «город Эр-зерум фактически находился во власти народа» (61, л. 38].

В то же время Назым-паша, вали Эрзурума, действуя по полученной им из Стамбула инструкции, пустил в ход все средства, чтобы склонить на свою сторону руководителей армянских организаций города. Расчет был прост: если армяне согласятся платить нововведенный подушный налог, то мусульмане быстро успокоятся. «Однако, — сообщал в этой связи русский полковник Краснов, — планы Назым-паши рухнули, раздраженная толпа двинулась всей массой по городу. Вали вызвал роту солдат, но они отказались открыть огонь по демонстрантам» (76, лл. 128—129]. Чтобы

выйти из неловкого положения, правительство отстранило Назым-пашу с поста вали, назначив на его место Шевкет-пашу, инспектора артиллерии при генеральном штабе турецкой армии, прибывшего в город 28 марта 1906 г. [76, лл. 128— 129].

Движение горожан в Эрзуруме было поддержано крестьянами в Байбурте, Хнасе, Наримане, Хасан-кале и в других районах вилайета и было сочувственно встречено большинством солдат и частью офицеров эрзурумского гарнизона. Скрябин писал, что «при настоящих условиях беспорядки в Эрзеруме обещают быть угрожающих размеров и расчеты правительства прекратить мятеж войсками местного гарнизона могут оказаться прямо несбыточными, так как большинство солдат и офицеров гарнизона в действительности дети и братья ви-лайетских обывателей и являются сторонниками младотурок» ([62, л. 14]. Несмотря на мероприятия властей, в 1906—1907 гг. в Эрзуруме продолжался дальнейший рост революционного движения.

В конце 1906 г. население Гиресуна открыто выражало недовольство действиями каймакама Ибрагим-паши и начальников полиции и жандармерии. «Из Кирасуна (Гиресуна. — Г. А.) были отправлены телеграммы за подписью некоторых мусульманских, греческих и армян-70

ских нотаблей, почти всех членов административного совета и духовных представителей всех трех вероисповеданий. Телеграммы эти, адресованные в султанский дворец, великому визирю, министру внутренних дел и трапезундскому валию, выражали требование отозвать Ибрагима пашу и других его приспешников» [58, л. 41], — говорилось в сообщении одного из консулов, считавшего, что в этих событиях следует видеть «отголоски эрзерумских событий, которые не могли не произвести влияние на умы соседних вилайетов». В самом Трабзоне «стали

распространяться прокламации, приглашающие население отказываться от уплаты нового налога „бедели-шах-си" (личный налог. — Г. А.), к окончательному взысканию коего власти еще не приступили» [58, л. 42].

Восстание в Измире, в котором участвовали представители национальной буржуазии, ремесленники и другие слои населения, было подавлено в самом начале. Все его главные организаторы были арестованы. В Ване властям удалось захватить большое количество вооружения, которое подготовили к восстанию армяне, что послужило поводом для новых репрессий против них.

Мощная демонстрация, имевшая место в Кастамону в 1907 г. во время муниципальных выборов, заставила правительство заменить губернатора, начальника жандармерии и ряд других высокопоставленных чиновников вилайета, отсрочить взимание подушного налога. Аналогичные события произошли и в Синопе [784, стр. 820].

В середине 1906 г. в Эрзуруме вспыхнуло новое крупное волнение, которое переросло в вооруженное восстание.

Было убито много агентов полиции во главе с шефом жандармерии [784, стр. 820]. Войска отказались выполнить приказ командующего открыть огонь по восставшим.

Опасаясь присоединения военных к восстанию, командующий связался с центром, в результате чего вали Шевкет-паша также был смещен.

В 1907 г. в Эрзуруме готовилось новое вооруженное выступление. По мнению Джеври, в подготовке эрзурумского восстания важную роль играли посланцы младотурок Хюсейн Тосун-бей и Сытки-бей, тайно прибывшие в Анатолию еще задолго до этих событий [652, стр. 33].

Однако на этот раз властям удалось раскрыть план восстания и арестовать тайный комитет, который его подготавливал. Двое арестованных умерли, не выдержав пыток, остальные были преданы суду. Процесс длился

до 28 января 1908 г. Восемь повстанцев были приговорены к смертной казни, восемнадцать человек — к десяти годам и остальные к различным срокам тюремного заключения. Приказом военного министра эрзурумский гарнизон был заменен частями из Трабзона [107, л. 89]. Тем не менее, Эрзурум продолжал оставаться одним из очагов новых революционных выступлений.

Русская революция 1905 г. дала толчок новому подъему освободительного движения и в Турецком Курдистане. Уже в конце 1905 — начале 1906 г. вспыхнули восстания курдских племен в Дерсиме, Диярбакыре, Баязиде, Битлисе, Эрзуруме. Причиной этих восстаний было недовольство курдов политикой султанского правительства, произволом местных властей, сбором незаконных поборов и податей. Восстание было поддержано армянским населением, руководимым различными армянскими организациями (47, л. 41].

Угрожающее для султанского правительства положение создавалось в результате восстания племен Пенд-жар в конце 1905 г. в Гарзане, руководимого «бесстрашным» Чато Бешар.

В начале января 1906 г. отряд Чато полностью уничтожил жандармский взвод (18 человек во главе с офицером), прибывший в деревню Казик для взимания податей [77, л. 220].

Победа, одержанная Чато над двумя турецкими карательными батальонами Алай-бея, сделала его весьма популярной личностью среди курдов Малой Азии и привлекла к нему сотни новых сторонников.

Когда карательные отряды Алай-бея начали бомбардировать позиции, занятые курдами, на сторону последних перешло около 500 вооруженных армян и арабов. В этом бою каратели только убитыми потеряли 80 солдат и офицеров [77, л. 220].

Лишь в мае — июне 1906 г. турецкому правительству

удалось подавить восстание Чато. Его отряд был разбит, а сам Чато бежал за границу [48, л. 136].

Следует отметить, что в большинстве районов Турецкого Курдистана руководителями движения были феодальные вожди, преследовавшие свои корыстные цели и ориентировавшиеся главным образом на помощь и поддержку империалистических держав. Для примера можно указать руководителя движения курдского племени милли в Юго-Западном Курдистане крупного феодала

72

Ибрагима, который, получив от султана в 1905 г. титул «паши», фактически перестал повиноваться султанским властям и в то же время подвергал грабежам население почти всех деревень от Диярбакыра до Мардина [784, стр. 822—823].

В июле 1907 г. толпа горожан направилась ко дворцу губернатора Диярбакыра с требованием строго наказать Ибрагим-пашу. Их требование не было удовлетворено. Тогда демонстранты захватили телеграф и свои требования предъявили дворцу. На одиннадцатый день из Иылдыз-киоска сообщили, что для расследования дела Ибрагим-паши из Стамбула прибудет специальная комиссия, а губернатор будет смещен. Однако прибывшая комиссия «занялась не Ибрагим-пашой и его преступлениями а выявлением участников восстания» [110, л. 17 об.].

Волнения из Диярбакыра распространились на Аар-пут и Дерсим, где правительство оказалось бессильным подавить курдское восстание.

Освободительное движение в Турецком Курдистане продолжало расти и в дальнейшем. Курдские племена отказывались покориться, препятствовали постройке военных казарм, прокладке дорог, уклонялись от поставки солдат как в ряды «хамидие», так и в регулярное войско. После восстания Чато султанское правительство всячески

пыталось подкупить вождей курдских племен и в то же время увеличить численность карательных войск в районах, населенных курдами⁴⁷.

Эти меры не дали желаемых результатов. Тогда султанское правительство прибегло к жестоким репрессивным мерам против курдов. В апреле 1907 г. правительство закрыло курдский лицей в Стамбуле («Аширет мек-теби хюмаюну») (510, т. 3, стр. 979], ставший к тому времени своего рода очагом курдских националистов. Из столицы были высланы 25 знатных курдов, которых обвинили в «антиправительственной деятельности» 146, л. 177].

Однако репрессивные меры правительства не только не устрасили курдов, а, наоборот, вызвали новые восстания, углубили пропасть между многострадальным курдским народом и правящими кругами Турции.

Влияние русской революции 1905—1907 гг. проявилось и в росте освободительного движения народов Арабского Востока против турецкого господства. Особо

73

выделялось восстание йеменских племен в начале 1905 г. под руководством имама Яхьи бен Мухаммада ⁴⁸.

В первые же дни повстанцы добились значительных успехов: турецкие гарнизоны капитулировали один за другим. Почти все солдаты арабского происхождения отказывались сражаться против своих соплеменников и переходили на сторону восставших. В то же время поспешно переброшенные из Турции новые войска, «верные» правительству, либо были истреблены восставшими, либо погибли от голода и эпидемий, широко распространившихся в то время в Йемене. Стремясь выиграть время, турки начали переговоры с представителями имама о сдаче г. Санаа (Сана) ⁴⁹.

Йемен справедливо был назван «могилой турок». Восстание арабов в Йемене истощило султанскую казну, привело к

большим людским потерям на полях сражения, а также от многочисленных лишений и болезней. В турецких войсках росли антивоенные настроения и массовое дезертирство солдат, происходили стихийные военные бунты и волнения среди солдат, отправлявшихся в Йемен.

Султанское правительство, будучи бессильным подавить восстание, прибегло к переговорам с шейхами отдельных йеменских племен. Русский посол в Турции Зиновьев в 1907 г. сообщал, что, «убедившись в бесплодии своих усилий силою побороть восстание в Йемене, султан решился в начале минувшего апреля отправить в область эту специальную комиссию с поручением уговорить наиболее влиятельных местных шейхов оказать свое содействие к умиротворению Йемена». Посол добавлял, ' что «комиссии разрешено было объявить населению, что султан дарует амнистию всем участникам восстания, которые содержатся в йеменских тюрьмах... и что сверх того его величество слагает с населения все числящиеся за ним по 1905 год недоимки и долги». Тем не менее предпринятая султаном попытка умиротворить население Йемена «не увенчалась успехом» [52, л. 50].

йеменский народ добивался национальной независимости, и всякие полумеры султанского правительства не могли его удовлетворить. Абдул Хамид продолжал посылать все новые войска в восставшие районы Йемена. В 1907 г. туда были направлены под командованием мушира Ахмеда Фейзи-паши новые воинские части с задачей окончательно подавить восстание йеменских ара-

74

бов. Многочисленные потери заставляли Фейзи-пашу непрерывно требовать новых подкреплений. Зиновьев в конце июня 1907 г. писал, что Фейзи-паше будут отправлены подкрепления в 10 тыс. рекрутов, «однако командующий протестовал против высылки рекрутов, как совершенно ему непригодных» [52, л. 95].

Война с йеменскими повстанцами требовала от султанского правительства больших жертв. Каждый год войны в Йемене уносил десятки тысяч солдатских жизней. А к повстанцам присоединялись все новые и новые племена. Ахмед Фейзи-паша в телеграмме султанскому правительству от 17 июня 1907 г. сообщал, что еще несколько главных йеменских племен перешло на сторону Яхьи и что «сообщения между Санаа и Амраном совершенно прекращены мятежниками и что осажденный ими пост Ревээ, находящийся в расстоянии 12 километров на севере от Санаа, должен будет на днях сдать» [52, л. 95].

Несмотря на непрерывную отправку турецких войск в Йемен, положение турок становилось с каждым днем все хуже и хуже. Среди турецких солдат усиливалось глухое недовольство, переходившее в открытые волнения. Так, согласно донесению ходейдского мутесаррифа, «в порте Ходейда возникли большие беспорядки, вызванные турецкими солдатами, выслужившими сроки и которым обещано было, что в самом непродолжительном времени выслан будет пароход для доставления их на родину» [52, л. 176].

Пароход не пришел, и в порту начались беспорядки. Брандт в августе 1906 г. сообщал, что «в конце июля текущего года, из числа призванных по Трапезондскому вилайету 5000 новобранцев около 1800 человек было отправлено морским путем в Йемен для подкрепления турецких войск, оперирующих против арабских племен». Один из пароходов вернулся «вследствие бунта новобранцев, не желающих быть отправленными в Йемен» [58, л. 29].

Волнения были настолько серьезны, что султанское правительство уже не рискнуло их посылать на йеменский фронт. «После подавления мятежа солдаты, по приказанию султана, были доставлены обратно в порт Черного моря и через несколько дней отправлены эшелонами внутрь страны» [58, л. 29]. Власти свирепо расправились с

Консула указывалось: «Главные зачинщики бунта, в числе 12 человек, были задержаны в Трапезонде и заключены под стражу» [58, л. 29].

Султанские власти огнем и мечом стремились подавить освободительное движение народных масс Йемена.

Турецкие карательные экспедиции уничтожали арабские селения. Но никакие зверства не могли помешать расширению движения. Так, по сообщению ходейдского муте-саррифа от 3 сентября 1907 г., в окрестностях Амрана (40 км на северо-запад от Саны) около четырех дней длилось сражение между турецкими войсками и мятежниками.

«Оставшиеся до сих пор спокойными племена начинают переходить открыто на сторону имама, и вследствие занятия мятежниками путей сообщения прекратился подвоз провианта в Санаа»... Турецкие войска «замышляют покинуть город, пока он еще не совершенно обложен» [52, л. 224].

Командующий турецкими войсками в Йемене мушир Ахмед Фейзи-паша посылал буквально панические донесения. 18 сентября 1907 г. он писал: «Уже 4 дня как сообщения мои с Асиром прерваны. В Санаа имеется продовольствия всего на 15 дней. Гарнизон грозит дезертировать» (52, л. 237].

Русский посол Зиновьев в своей депеше отмечал: «За последний месяц командующий войсками в Йемене мушир Ахмед Фейзи паша не переставал обращать внимание Порты на прискорбное положение дел на театре восстания. Донося о постепенном переходе арабских племен на сторону претендента Шейха Махмуд Яхьи, он продолжал жаловаться, что обещанные ему подкрепления не высылаются» [52, л. 286].

Турецкое правительство не могло внять жалобам Фейзи-паши, несмотря на все свое желание подавить восстание в

Йемене. Солдаты не хотели воевать за чуждые им интересы. Так, по сообщению Зиновьева, «вследствие настойчивых жалоб мушира Ахмед Фейзи-паши на его крайне затруднительное положение, из Константинополя дано было приказание командующему войсками 5-го корпуса мобилизовать 4 батальона редифа и отправить их в Йемен» (52, л. 338]. Однако турецкие власти не смогли выполнить приказ, так как «нижние чины дезертируют и производят беспорядки» [52, л. 338]. Волнения в самой Турции не позволили отвлечь значительные силы. Карательные экспедиции султанских войск не могли подавить восстание йеменского народа, боровше-

76

гося бок о бок с другими угнетенными народами Османской империй.

Национально-освободительное движение в других арабских странах в этот период носило более или менее «мирный» характер: большинство арабских националистов рассчитывало на поддержку младотурок и с их помощью хотело добиться автономии для арабских стран.

Часть арабских националистов, отстаивавших независимость своей родины, искала опору за рубежом — у великих европейских держав. Такова была, например, программа Лиги арабской родины, руководимой арабом-христианином Неджибом Азури. Его программа, опубликованная в конце 1905 г. в Париже в книге «Пробуждение арабской нации» (на французском языке), выдвигала лозунг «Арабские страны — арабам!», осуществление которого, как признавал сам автор, могло быть достигнуто только при содействии европейских держав, в частности Франции и Англии.

Национально-освободительное движение в арабских странах было направлено против турецких сатрапов, за восстановление конституции и предоставление арабам автономии в пределах Османской империи. Этим и

объясняется связь арабских националистов с младотурками, выступившими против султана.

Русская революция 1905 г. вдохнула новую жизнь в деятельность македонских революционеров. В Македонии, походившей тогда на пороховую бочку, вновь усилилось партизанское движение. Однако после подавления «илинденского» восстания в 1903 г. освободительное движение здесь постепенно начало ослабевать, что было вызвано борьбой между отдельными течениями ВМОРО. В этих условиях резко сократился и приток материальных средств организации — добровольных пожертвований со стороны правительств балканских стран (Болгарии, Сербии, Греции и др.), и ВМОРО угрожал полный распад.

Тогда во всех балканских странах стали раздаваться голоса в пользу объединения всех революционных организаций Македонии. Видные руководители ВМОРО генерал Цончев, полковник Янков и Груев в сентябре 1905 г. внесли предложения созвать в Софии конференцию из представителей всех революционных организаций Македонии для «создания единого фронта» [78, л. 208].

77

Однако сербские и греческие элементы отказались принять это предложение, опасаясь, как бы не взяло верх на этой конференции болгарское крыло ВМОРО. Тогда Цончев, Груев и Янков внесли новое предложение: созвать конференцию всех болгарских революционных организаций, которая и открылась в Софии 4 декабря 1905 г. На «общенародную македонскую конференцию», как она была официально названа, собралось около 250 делегатов [78, л. 290].

С первого же заседания на конференции обнаружилось два течения — «большинство» и «меньшинство».

«Меньшинство» старалось превратить конференцию в революционное собрание, выдвигая на первый план политическую сторону македонской проблемы, а «боль-

шинство» требовало ограничиться вопросами организации материальной и моральной поддержки «бедствующим македонским единоплеменникам», полагая, что только такая цель может рассчитывать на сочувствие как в Македонии, так и во всем мире [78, л. 211 об.].

Второе мнение восторжествовало, и в результате на своем последнем заседании 7 декабря конференция решила образовать «Благодетельный союз», который должен был заменить все отдельно действующие благотворительные македонские сообщества.

Вместе с тем конференция выработала резолюцию, требовавшую предоставления Македонии и Одринскому (Адрианопольскому) вилайету автономии, объявления амнистии для «сосланных в Малую Азию и сидящих в тюрьмах Адрианополя македонских политических заключенных. Специальный пункт резолюции призывал все революционные силы Македонии объединиться перед лицом турецкого тирана Абдул Гамида II» [78, л. 211 об.].

Отзвуки первой русской революции донеслись и до Албании. Этому способствовала демократическая часть албанской эмигрантской прессы, которая с энтузиазмом приветствовала революцию в России. Сравнивая русский царизм с режимом Абдул Хамида, она призывала албанский народ бороться с турецкой тиранией по примеру русского народа [370, стр. 113]. Как в самой Албании, так и за ее пределами стали создаваться комитеты, ставившие своей задачей борьбу за освобождение страны, формировались вооруженные отряды.

Среди этих комитетов особо выделялся Комитет в за-
78

щиту Албании, созданный в 1905 г. в г. Монастыре (Битоль). Основателем комитета был учитель гимназии Байо Топулы. Комитет ставил своей ближайшей целью переход от пропаганды к вооруженной борьбе против Турции. Отделения комитета были открыты в некоторых городах

Южной Албании — Корче, Колёнье, Гьирокастре. Эти отделения руководили деятельностью вооруженных отрядов — чет. Албанский комитет вел переговоры с болгарями о совместных действиях против турок. С начала 1905 г. в Албании начало нарастать революционное брожение. 21 августа английский вице-консул в Ускюбе телеграфировал генеральному консулу в Салониках о «беспорядках» в Ипеке. Албанцы требовали освобождения 200 арестованных крестьян, отказавшихся платить налоги [159, стр. 7]. С весны 1906г. небольшие четы партизан перешли к вооруженным действиям, которые были прекращены на время зимы и снова возобновились весной 1907 г. Отряд под командованием брата Байо Топулы Чер-чиза и Михалья Грамена прошел по всей Южной Албании от Влоры до Карчи, призывая народ к вооруженному восстанию против османского ига, объединяя вокруг себя добровольцев из самых разнородных слоев населения. 8 марта 1908 г. у деревни Машкулоре произошел бой между небольшим отрядом албанских партизан и турецкими карательными войсками. Силы были неравны, поэтому партизаны вынуждены были отступить, но известие об этом героическом сражении распространилось по всей Албании, привлекая к освободительному движению новых сторонников. Карательным отрядам удалось несколько «смирить» албанских четников, но в то же время происходило сближение турецкой армии с албанскими патриотами, так как в ее рядах было немало младотурок. С начала революции в Турции албанские партизаны стали действовать совместно с младотурками. Под непосредственным влиянием революционных выступлений в русском Черноморском флоте вспыхнули серьезные волнения в турецкой армии и флоте. 2 декабря 1905 г. среди турецких матросов в Стамбуле вспыхнуло недовольство. Несколько сот матросов напали на квартиру начальника генерального штаба Ахмед-паши,

требуя выплаты задержанного жалованья

79

и увольнения отслуживших срок службы. Ахмед-паша и несколько его слуг были ранены.

9 декабря солдаты 2-й гвардейской дивизии, охранявшей дворец султана и считавшейся самой надежной, не подчинились приказу и не вышли на учения. Поводом послужило неувольнение в запас выслуживших срок действительной службы.

Большое впечатление в Турции, особенно на турецких солдат и матросов, произвело известие о восстании на броненосце «Потемкин», патриотизм и мужество лейтенанта П. П. Шмидта, возглавлявшего Севастопольское восстание 1905 г., и его товарищей⁵⁰. Очень интересно в этом отношении обращение группы из 28 турецких офицеров к сестре и сыну казненного П. П. Шмидта: «Великий русский народ должен сказать свое последнее слово. Оно грозным эхом пронесется по всему свету. Совершилось неслыханное преступление. Полные негодования, мы, нижеподписавшиеся офицеры армии и флота Оттоманской империи, собравшиеся в количестве 28 человек, шлем с берегов Босфора наше глубочайшее почтение. Да будет вам утешением наша искренняя любовь к погибшему борцу и его доблестным товарищам Сергею Частнику, Александру Гладкому и Никите Антоменко, принявшим мученическую смерть во имя счастья своей родины. В наших сердцах лейтенант всегда останется великим борцом и страдальцем за права человека. Он будет учителем нашему потомству. Клянемся и мы великому гражданину Шмидту, клянемся его дорогим для нас трупом вместе с русским народом, что будем бороться до последней капли крови за святую гражданскую свободу, во имя которой у нас погибло немало лучших граждан.

Мы клянемся еще и в том, что будем всеми силами и мерами стараться знакомить турецкий народ с событиями в

России, чтобы общими усилиями завоевать себе право жить по-человечески» '[136, т. 43, стр. 13].

Среди подписавших обращение были турки, курды, арабы, албанцы, черкесы, лазы и др. Здесь были подписи офицеров армии и флота, служащих, преподавателей. Подписи под обращением говорят о пестром составе участников революционного движения в Турции.

Султан Абдул Хамид и его окружение опасались, что броненосец «Потемкин» прорвется в Проливы и это явится поводом для революционных выступлений в турецкой столице — Стамбуле. Вспоминая об этих днях, секретарь Абдул Хамида Тахсин-паша писал: «Вслед за восстаниями и происшедшими изменениями в России, броненосец „Потемкин“, принадлежащий Черноморскому флоту, покинул порт, вышел в открытое море и после длительного странствования приблизился к Проливам».

Только этот факт, по словам Тахсин-паши, «стоил султану нескольких бессонных ночей» [[593, стр. 174]. Появление героического «Потемкина», вблизи Проливов вызвало переполох среди правящей верхушки турецкой столицы.

Власти стали принимать спешные меры к укреплению Проливов, чтобы помешать возможному прорыву экипажа революционного судна. В порту Эрегли (на Черном море) турецкие военные суда были приведены в боевую готовность, а находившийся там начальник морского штаба получил предписание принять надлежащие меры для того, чтобы поскорее выпроводить непрошеного гостя, т. е. «Потемкина», если он появится там [415, стр. 17].

В. И. Ленин в газете «Пролетарий» опубликовал тогда статью, в которой писал: «Заграничная печать всех стран и всех партий полна известиями, телеграммами, статьями по поводу перехода части судов Черноморского флота на сторону русской революции. Газеты не находят слов для выражения своего изумления, для достаточно сильной характеристики того позора, до которого довело себя

самодержавное правительство.

Верхом этого позора было обращение царского правительства к Румынии и Турции с просьбой о полицейской помощи против восставших матросов!» [13, стр. 345].

Командир русской яхты «Колхида» 11 апреля 1908 г. сообщал, что 6 и 7 апреля «происходили беспорядки в турецких морских командах, каковые отказывались от пищи, бросали посуду и кричали, что должны служить три года, а их задерживают на службе до 6 лет» {107, л. 65}.

В донесении русского консульства в Дамаске от 12 июня 1905 г. сообщалось, что «несчастные события в России, видимо, заразили и турецких солдат» и, в частности, указывалось на волнения среди солдат, отправлявшихся в Медину. «Вечером 7 июня, — сообщал консул, — около 300 солдат призыва 1313 г. (1897 г.), засели в мечети „Мекане Сейиддин Яхья“, требуя предоставления им отпускных билетов. Население окрестностей обес-

6 г. 3. Алие?

81

печивало их съестными припасами. Мушир (маршал) Хаккы паша лично и через начальника гарнизона Тахсин пашу пытался уговорить солдат, однако эти хлопоты не увенчались успехом. Тогда мушир был вынужден с согласия Константинополя удовлетворить их требования» [74, л. 14].

Рэмсор пишет, что «турецкий мехметчик (солдат. — Г. А.), призванный защитить родину и осуществить контроль его величества султана над подданными империи, ненавидел своего хозяина, и, если его отправляли в Йемен, он терял всякую надежду на благополучное возвращение к родным, которых оставил в деревне в жалком состоянии» [74, л. 127].

Младотурецкая пропаганда находила благоприятный отклик в армии вследствие роста революционных настроений не только среди солдатских масс, но и офицерства, особенно

молодого, вышедшего из военных школ, где возникали многочисленные революционные кружки. В армии были созданы младотурецкие организации, в которые вступал средний и даже старший офицерский состав. Солдатские массы в годы, предшествовавшие младотурецкой революции, открыто выражали свое недовольство. Однако эти выступления, как правило, имели стихийный характер. В армии были недовольны задержкой выдачи солдатам и офицерам жалованья. Офицеры испытывали большие материальные затруднения, а солдаты при этом просто голодали.

Подавляющее большинство солдат принадлежало к крестьянству, значительная часть которого страдала от малоземелья и безземелья. Французский автор А. Сарру, современник и свидетель событий в Турции в те годы, сообщал, что турецкие крестьяне должны были непрерывно нести всю тяжесть военной службы, «поставлять необходимые контингента как для бесконечных йеменских экспедиций, так и для подавления восстаний в Македонии и Албании» [739, стр. 37]. Он указывал, что крестьянин покидал свою семью и отправлялся на чужбину без одежды, без обуви, плохо снаряженный и полуголодный. «Он мог считать себя счастливым, когда после семи или восьми лет службы возвращался целым и здоровым в свой дом... Он приносил тогда долговое свидетельство— сенед, констатирующее, что султан ему должен еще жалованье за четыре или пять лет, которое для турецкого крестьянина представляло значительную сум-

82

му; он уступал за бесценок этот документ какому-либо ростовщику» (739, стр. 37]. Естественно, турецкий солдат ничего, кроме ненависти, не мог питать к султанскому режиму. Это учитывала младотурецкая организация, которая вела пропаганду в армии.

На всем протяжении 1906, 1907 и в начале 1908 гг. в

Османской империи происходили волнения в армии и военном флоте, которые принимали иногда форму открытых выступлений. Все это говорит о том, что накануне младотурецкой революции 1908 г. в армии были широко распространены революционные настроения.

Крупные волнения произошли в частях гарнизона Трабзона. Поводом к ним послужила казнь лейтенанта Наджи-бея, который по решению комитета «Иттихад ве теракки» убил известного своим деспотизмом генерала Хамди-пашу.

Наджи-бей заявил перед казнью: «Я спас своих товарищей от тирании. Я выполнил небольшую службу для безопасности османцев» (58, л. 19]. Власти, опасаясь обращения Наджи-бея к народу во время публичной казни, как сообщал послу в Стамбуле управляющий русским консульством в Трабзоне Мусатов, казнили его тайно, в ночь на 29 июня 1907 г. [58, л. 19]. За несколько дней до этого консул Брандт, сообщая об убийстве Хамди-паши, указывал, что Наджи-бей застрелил его не только «из-за личных чувств, как это очевидно хотелось бы изобразить правящей верхушке, но также с целью избавления своих товарищей от невыносимого начальника» [58, л. 4].

Усиление революционного движения почти во всех частях Османской империи под влиянием русских событий 1905—1907 гг. открыло новые возможности перед младотурками для свержения деспотического режима Абдул Хамида. В связи с этим в 1906 г. центр партии «Иттихад ве теракки» был перенесен из Парижа в Салоники, где младотурки установили тесный контакт со всеми революционными и оппозиционными силами внутри империи.

Выбор младотурецкой партией Салоник в качестве своего штаба не был случайным. Салоники играли важную роль как в экономической, так и в политической и культурной жизни Османской империи. Здесь была сосредоточена значительная часть табачной промышленности страны.

Помимо рабочих табачной промышленности в городе было

много мелких ремесленников. После

83

Стамбула и Измира Салоники занимали тогда третье место в обороте внешнеторговых операций страны. В Салониках младотурки могли установить непосредственную связь с ВМОРО, руководившей крестьянским движением в Македонии — очагом народной антифеодальной борьбы. Говоря о значении этого города в подготовке младотурецкой революции Э. Найт пишет: «Салоникам пришлось выступить на первый план мировой истории, и жители его теперь гордятся тем, что именно там занялась заря многообещающей оттоманской свободы... В Салониках даже в те мрачные дни было несколько свободнее; здесь люди могли делать многое такое, за что они немедленно были бы наказаны в Константинополе...

В Салониках, где живут и говорят на своих языках турки, греки, евреи, албанцы, болгары и левантинцы, легко прятаться и переодеваться, но трудно шпионить. Ни в одном другом городе нет такого разнообразия племен и живописных костюмов, как в Салониках» {343, стр. 79—80}. Поэтому, убедившись, что только в Салониках можно ускользнуть от постоянных преследований сыщиков абдулхамидовской тайной полиции, младотурецкие лидеры выбрали его своей новой резиденцией.

«Город этот, — пишет Э. Найт, — ...сделался для патриотов-турок своего рода святыней» (343, стр. 78].

Обосновавшись в Салониках, младотурецкий комитет «Единение и прогресс»⁵¹ развернул широкую организационную и пропагандистскую работу по подготовке свержения абдулхамидовского абсолютизма. Первоочередная задача комитета заключалась в установлении тесных контактов с действовавшими в то время в различных городах империи антиправительственными организациями, обществами, кружками и т. п., что нашло свое выражение в создании Османского общества свободы.

Вопрос о создании этого общества и его организаторах в исторической литературе все еще остается спорным. В трудах ряда турецких (Узунчаршылы Исмаил Хаккы, Ахмед Бедеви Куран, Энвер Бехнан Шапольо, Вердер Галип), западноевропейских (А. Сарру, Э. Найт и др.), а также советских ученых (А. Ф. Миллер, Аб. Алимов, А. М. Валуйский и др.) создание Османского общества свободы связывается с именем Талаата, Мехмета Тахира (из Бурсы), Исмаила Джанбулата, Мидхата Шюкрю и других, к которым впоследствии при-

84

соединились Кязим Намы Дуру (адью'ган'? генштаба), Рахми (бывший вали Измира), Исмаил Хаккы-паша, видный оратор Омар Наджи и др.

В работах ряда других авторов, в том числе американца Рэмсора [736], весьма настойчиво утверждается, что Османское общество свободы было основано Муста-фой Кемалем (Ататюрком). Так, по мнению Рашида Уната 1[612, стр. 339—349], который ссылается на данные, опубликованные еще в 1912 г. в учебнике «Ени юсул-и талим кырааты» («Новое учебное пособие»), а также на официальный «Тарих» («История») [см.: 599, т. 3, стр. 140—141; т. 4, стр. 18—19] и на беседу самого Му-стафы Кемаля с Ахмедом Эмином Ялманом в начале 1922 г. {803, № 1468}, инициатива создания этого общества принадлежит Мустафе Кемалю. Подобные утверждения имеются и у одного из первых биографов Ататюрка, бывшего главного секретаря президента Тев-фика Быйыклы-оглу (1888—1961) [483, стр. 50—51], а также у близкого к Ататюрку историка Афета Инана [523, стр. 605—610]. С этими авторами соглашается и видный младотурецкий деятель — Хюсрев Сами Кы-зылдоган в своей статье «Родина и свобода», опубликованной в «Бюллетене исторического общества» в 1937 г. [см. 542, стр. 619—625].

Точка зрения этих историков, базирующаяся на более

достоверных источниках, на наш взгляд, соответствует действительности, и -Ататюрка следует считать основателем Османского общества свободы, которое сыграло столь важную роль в консолидации антидеспотических сил в стране накануне революции 1908—1909 гг.

Обратившись к этому периоду деятельности Ататюрка, можно констатировать следующее. Мустафа Кемаль после окончания военной академии в январе 1905 г. был арестован властями за политическую неблагонадежность. Будучи освобожден через два месяца, он был направлен на обязательную стажировку, предусмотренную для выпускников военной академии, в кавалерийский полк Пятой армии, расположенной в Дамаске, хотя ранее, по просьбе самого Кемаля, стажировка должна была проходить в Третьей (македонской) армии, расположенной на родине Кемаля, в Салониках⁵².

В Дамаске Мустафа Кемаль познакомился с доктором Мустафа-беем ⁵³, который отбывал здесь ссылку за свои политические убеждения, и совместно с ним создал

85

Новую революционную организацию — общество «Родина и свобода» («Ватан ве хюрриет») (477, стр. 70].

Побывав в Бейруте, Хайфе и Иерусалиме, Мустафа Кемаль организовал филиалы общества [803, № 1468], однако он хорошо сознавал, что без тесной связи с салоницким центром революционного движения возглавляемое им общество не может рассчитывать на успех. Поэтому Мустафа Кемаль решил приехать в Салоники, что ему удалось сделать полулегальным путем (через Египет — Грецию) лишь в конце апреля — начале мая 1906 г. [612, стр. 345]. Здесь он завязал дружбу с Шюкрю-пашой (1857—1915), главным инспектором артиллерии, впоследствии руководившим обороной Адрианополя в период балканских войн. В целях создания салоницкого отделения общества «Родина и свобода» он установил контакты с Баха-хакки

Парсом [519, стр. 56— 60], Омаром Наджи, Мустафой Неджипом и Хюсревом Сами, которые, поддержав в принципе его предложения, указывали на то, что «в настоящее время идет процесс объединения всех оппозиционных организаций вокруг комитета „Иттихад ве теракки“, главная квартира которого уже находится в Салониках» [542, стр. 619; 478, стр. 9].

Почти во всех источниках создание Османского общества свободы датируется 22 июля 1906 г. Эта дата совпадает с пребыванием Мустафы Кемалю в Салониках 54. Однако подробности создания этого общества, как нам кажется, можно будет осветить лишь тогда, когда станут достоянием гласности материалы личного архива Кемалю Ататюрка, все еще недоступные для исследования.

По мнению турецких авторов Тахсина Демирала и Энвера Шапольо, Османское общество свободы в первый период своего существования было тесно связано с франкмасонскими ложами⁵⁵. Систематическая связь между обществом и масонами, по утверждению этих авторов, осуществлялась через так называемую Высокую миссию («Хейет-и Алие»), состоявшую из трех членов общества — Мехмета Талаата, Рахми и Исмаила Джан-булата {504, стр. 8; 589, стр. 440—441}.

Официальное присоединение Османского общества свободы и через него «Родины и свободы» к комитету «Иттихад ве теракки» произошло 21 апреля 1907 г., после чего объединенная организация стала именоваться

86

Османское общество «Единение и прогресс» («Османлы Иттихад ве теракки джемиети») [618, стр. 106].

Слившись с этими обществами, а также с другими оппозиционными организациями, комитет «Иттихад ве теракки» укрепил свое лидирующее положение в Салониках, а Ахмед Риза-бей и некоторые другие младотурецкие лидеры остались в Париже. Находясь здесь в полной

безопасности, они считали себя представителями комитета и разными способами содействовали развитию революционного движения в стране.

Салоникский комитет создал свои отделения в Ску-тари, Монастыре, Янине и других городах. Позже появились также крупные филиалы комитета в албанских и македонских городах: Охриде, Пресне, Струге, Гьирокастре, Шкодере, Ускюбе, Феризовиче, Мировице, Призрене и др. [371, стр. 31]. Незадолго до революции отделения комитета появились во всех крупных городах Азиатской Турции, в том числе в Измире и Трабзоне [343, стр. 83; 739, стр. 14].

Следует отметить, что организационная и пропагандистская деятельность младотурок не ограничивалась территорией Османской империи, она развернулась и в других странах, в частности в соседнем Закавказье.

Вопрос о попытках младотурецких организаций создать свои филиалы среди мусульманского населения России, в частности Закавказья, в исторической литературе не разработан. Ряд архивных материалов подтверждает, что младотурки действительно предпринимали подобные попытки. Речь идет в частности об организации в Азербайджане партии «Дифаи» («Партия национальной защиты») и распространении в Закавказье младотурецкой литературы. Так, среди циркуляров канцелярии Тифлисского губернского жандармского управления, разосланных по всем губерниям Закавказья, имеется «протокол», составленный подполковником Башинским, относительно деятельности партии «Дифаи». В этом «протоколе» говорится, что в 1906 г. по инициативе редактора и издателя газеты «Иршад» («Руководство») Ахмед-бея Агаева (впоследствии Ахмед Ага-оглы) в Баку была создана политическая организация «Дифаи» [121, л. 164].

Согласно «протоколу», по инициативе того же А. Агаева

образовались отделения «Дифаи» во всех «мусульманских городах Закавказья» [121, л. 164]. С этой целью

87

А. Агаев в первых числах августа 1906 г., вскоре после последней «армяно-татарской резни», приехал в Баку, где собрал «влиятельных и почетных татар» (азербайджанцев. — Г. А.). «На этом собрании татары (азербайджанцы — Г. А.) находились в весьма возбужденном состоянии и говорили речи политического характера, возбуждающие мусульман против правительства и властей... Вскоре после этого в Шуше был создан местный «Ди-фаи» и появились антиправительственные воззвания» (121, л. 164].

Крупные комитеты «Дифаи» были образованы также в Елизаветполе (ныне Кировабад), Агдаме и Бардях Джеванширского уезда. Председателем Елизаветпольского отделения «Дифаи» был Молла Мамед Пишнамаз-заде, «известный своими давнишними связями с константинопольскими и тевризскими бунтовщиками» [121, л. 164]. По донесению подполковника Башинского, еще в 1901 г. было обнаружено письмо, адресованное из Нухи на имя Моллы Мамед Пишнамаззаде, в котором говорилось: «Здесь (в Нухе. — Г. А.) жандармы произвели обыск в „Худжре"56 казия Молла Гасана, но ничего не нашли, потому что книги казия находились у Мирзы Алекпера Ахундова... Прошу тебя предупредить Молла Халила, чтобы он не называл имени Мирзы Алекпера Ахундова. Если спросят, то пусть скажет, что израсходовал сам и не сознается об отсылке денег в Константинополь» (121, л. 165].

Полицейские донесения утверждают, что «Дифаи» производил большие сборы с населения, главным образом с богатых, значительную часть которых отсылал в Иран и Турцию «бунтовщикам» [121, л. 165].

В этих же документах царских властей утверждается, что после начала революции 1905 г. в городах Закавказья

наряду с русской революционной литературой появилось много брошюр на французском и турецком языках 57. В одном из донесений полицмейстера Елизавет-польской губернии сообщается, что 5 мая 1906 г. со станции Сувалки Санкт-Петербургско-Варшавской железной - дороги были посланы два ящика в Елизаветполь с произведениями Г. В. Плеханова, Л. Надеждина, П. Б. Струве, В. И. Засулич, А. С. Мартынова и других общим тиражом 2,5 тыс. экземпляров, в том числе на французском и турецком языках {121, д. 79}.

§8

Эти ящики с революционной литературой без определенного адреса попали в руки царской полиции, которая о «турецкой и французской» части этой литературы ничего не сообщает. Тем не менее спустя некоторое время в Елизаветполе при обыске у того же М. М. Пишнамазде, а позднее и у других активных членов «Дифаи» (Гамид-бея Усуббекова, Мирзы Мамеда Ахундова, Алескер-бея Хасмамедова) было обнаружено много брошюр, воззваний и т. п. на разных языках, а также две печати партии «Дифаи» 58.

Такая же литература была захвачена полицией в середине октября 1906 г. в Тифлисской, Бакинской и Эри-ванской губерниях [121, л. 160]. Все задержанные показывали, что эту литературу «купили во время движения (имеются в виду революционные события 1905 г.— Г. А.), что в то время даже раздавали их даром, и что они их не бросили потому, что не считали их вредными» [121, л. 73].

По архивным данным, среди этой литературы внимание царских властей привлекла брошюра видного младотурецкого лидера д-ра Абдуллаха Джевдета 59. Брошюра, как видно из описания титульного листа, называется «Воззвание к мусульманам Кавказа» и опубликована в Женеве в 1905 г. Брошюра-воззвание начинается с перечисления событий армяно-татарской резни в Баку, Нахичевани и Эривани (Ереван) в феврале — июне 1905 г.

Далее автор пишет: «Что служит основанием этих ужасов? Неужели все это происходит на национальной, религиозной или экономической основе? Думается, что нет. Братья мусульмане! Поймите, что вы обмануты, что вы сделали низким орудием русского самодержавия, того самодержавия, которое, желая потопить в крови охватившее его революционное движение, сеет рознь и вражду между своими подданными, придерживаясь иезуитского правила: „Хочешь повелевать — разъединяй!“. Благодаря стараниям царя и его чиновников в будущем вы еще больше будете побиты, тем более, что эти их старания встречают полное сочувствие со стороны другого тирана — Абдул Гамида» [121, л. 77].

Анализируя расстрел петербургских рабочих и предательство попа Гапона, автор пишет: «События 9 января, когда улицы Петербурга были обагрены невинною кровью жителей, способны открыть самые заспанные глаза» [121, л. 81]. Брошюра кончается призывом ко всем мусульманам Кавказа «открыть глаза, выйти из заблуждения, объединиться со всяким другим народом, требующим справедливости, свободы, равенства» [121, лл. 81—82].

Весьма примечателен следующий факт. На обороте обложки одного экземпляра брошюры Абдуллаха Джевдета, найденной полицией у Алескер-бея Хасмамедова, написано было по-русски: «Через мирового посредника Гарина прислано „на память“ хорошо грамотному мусульманину от члена армянского комитета Леона Мнацканова, январь 1906 г.» [121, л. 101]. Это дает основание предполагать, что в распространении младотурецкой пропагандистской литературы не последнюю роль играли и филиалы армянской партии «Дашнакцутюн» [120, л. 140]. Эти связи, видимо, иногда выходили и за рамки чисто пропагандистской деятельности.

В рапорте Елизаветпольского полицмейстера губернатору

от 16 марта 1906 г. сообщается, что «14 марта во дворе Ивана Туманянца в куче обломков кирпича обнаружена была жестяная коробка, в которой оказалось 5 начиненных македонских бомб» [120, л. 140].

Следует отметить и то обстоятельство, что младотурки, стремившиеся заручиться поддержкой в России, действовали через Иранский Азербайджан, используя сложившуюся там революционную ситуацию. Русский генеральный консул в Тавризе в донесении русскому послу в Тегеране от 3 сентября 1905 г. сообщил, что редакция тавризской газеты «Хадид» («Железо») получила воззвание на турецком языке от младотурецкого журнала «Ичтихат» («Усердие») к проживающим в России мусульманамбо. Основные положения воззвания сходны с положениями вышеуказанной брошюры Абдуллаха Джевдета. Это подтверждает, что оба документа исходили из одного и того же источника. «Все элементы,— говорилось в воззвании,— стремящиеся к свободе и государственным реформам, сделались орудием в руках русского царя и турецкого султана, которые руководствовались принципом: „Отее е! 1трега“, чтобы подавить в корне освободительное движение, посеять вражду и раздоры между своими подданными».

В прокламации говорилось, что «вся ответственность за пролитую кровь ложится на русского императора и турецкого султана, которые из властолюбия посеяли
90

смуту через своих щедро награждаемых чиновников среди своих народов» [см. 72].

На основе исторических примеров в воззвании доказывалось, что русское правительство не заботится о своих мусульманских подданных, и содержался призыв к мусульманам стремиться к просвещению и к борьбе с собственным невежеством [72].

Как видно, в основе обоих документов (брошюры

Абдуллаха Джевдета и воззвания группы младотурок из «Иттихад ве теракки») лежало стремление младотурок организовать широкий фронт против султанского деспотизма как внутри страны, так и за ее пределами. Вопрос об общем количестве членов младотурецких организаций не выяснен до конца в исторической литературе. В работах турецких авторов он замалчивается. Некоторые источники указывают всего лишь около 300 человек [677, стр. 65]. Эта цифра резко отличается от данных Э. Найта, по мнению которого перед провозглашением конституции в одной только Македонии младотурецкая партия насчитывала 15 тыс. членов [343, стр. 87].

Уточнить численность партии «Иттихад ве теракки» затруднительно и потому, что в ряде городов Македонии и Албании члены младотурецкого комитета являлись в то же время членами местных революционных организаций [63, л. 98]. Что касается стамбульской организации младотурок, то по данным, почерпнутым русским историком В. В. Водовозовым из эмигрантской газеты «Албаниа», выходившей в Брюсселе, она насчитывала около 3 тыс. членов [221, стр. 164].

В целом, можно констатировать, что в количественном отношении младотурецкая организация в канун революции 1908 г. была невелика. Тем не менее младотурецкая пропаганда имела большой успех как в армии, так и среди гражданского населения и содействовала росту популярности младотурок среди всех слоев турецкого населения, с одной стороны, и привлечению в организацию новых членов, главным образом из числа родственников и близких друзей старых и опытных младотурок—с другой. Руководящая роль в организации принадлежала главным образом военным членам комитетов. Во многих гарнизонах Европейской Турции (Ускюбе, Монастыре, Корче, Дибре и др.) примерно три четверти офицерского

состава принадлежало к младотурецкой партии [60, л. 75]. «Я встречался,— пишет Э. Найт,— со многими из числа тех, кто составлял салоникский комитет. Все это были люди высшего и среднего класса: молодые офицеры, окончившие военные школы... молодые чиновники разных государственных учреждений... македонские землевладельцы, профессора, юристы, врачи и даже улемы. Из высших военных чинов и начальников гражданских учреждений там не было никого, потому что большинство их являлось креатурами двора, а те, которые сочувствовали младотурецкому движению, находились вследствие своего положения под слишком тщательным наблюдением сыщиков Йылдыза, чтобы принимать в движении активное участие» [343, стр. 83].

Уже к концу 1907 г. комитет «Иттихад ве теракки» настолько усилился, что имел своих членов-агентов во многих правительственных учреждениях: почти во всех министерствах, включая и тайную полицию, в турецких посольствах за границей, в таможнях, в местных иностранных почтовых конторах и т. п. Это дало возможность комитету быть в курсе всех планов правительства и даже самого султана.

Организованный комитетом «Иттихад ве теракки» контршпионаж в конечном итоге расстроил шпионаж правительства [343, стр. 88]. По поручению комитета действовали в качестве шпионов не только отдельные его члены, но и видные руководители младотурецкого движения. Так, например, Бахаэддин Шакир (впоследствии секретарь центрального органа «Иттихад ве теракки»), служивший врачом при одном из принцев, будучи отправлен в ссылку в Восточную Анатолию, весной 1908 г. тайно вернулся в Стамбул и «спокойно прожил во дворце три месяца и доставил комитету много ценных сведений»

[343, стр. 88]. Или же д-р Назым-бей, который, бежав из ссылки, нелегально перебрался из Парижа в Салоники, полтора года путешествовал по Малой Азии, переодеваясь то разносчиком, то ходжей (учителем), и вербовал новых членов в ряды комитета [343, . стр. 89].

Таким образом, в сравнительно короткий срок, установив связь с другими организациями, младотурецкий комитет в Салониках создал широкую агентурную сеть. Теперь перед Османским обществом «Единение и прогресс» встала другая важная задача — выработать поли-

92

тическую платформу и план тактических действий, приемлемые для всех партий и групп, боровшихся с деспотическим режимом Абдул Хамида.

С этой целью с 27 по 29 декабря 1907 г. в Париже был созван «общий конгресс» всех буржуазно-революционных организаций Османской империи. Организационный комитет разослал приглашение всем оппозиционным организациям, однако в заседаниях конгресса приняли участие только представители Османского общества «Единение и прогресс», Общества личной инициативы и децентрализации, армянской буржуазно-националистической партии «Дашнакцутюн», еврейской рабочей организации «Лавора», арабских оппозиционных обществ «Ахди Османи» и «Хайфет», а также представители различных эмигрантских газет: младотурецких («Мешве-рет» и «Шура-и уммет»), албанской («Албания») и др.

После окончания конгресса к его решениям присоединился также ряд организаций и обществ, не принимавших участия в работе конгресса — Внутренняя Македонская революционная организация, Общество турецких либералов, Федерация османских революционеров и др.

Деловой президиум конгресса составил своего рода «триумвират» в составе председателя Парижского комитета «Иттихад ве теракки» Ахмеда Риза-бея, руководителя

Общества личной инициативы и децентрализации принца Сабахеддина и председателя «Дашнакцутюн» К. Малумяна. В отличие от первого конгресса (1902 г.) Парижский конгресс 1907 г. представлял собой значительный шаг вперед в деле консолидации оппозиционных сил Османской империи. Именно здесь сложился единый фронт национально-революционных организаций на почве общности ближайших целей.

В результате взаимных уступок как со стороны младотурок, так и представителей национальных меньшинств конгресс выработал декларацию, резко осудившую ненавистный для всех народов империи режим Абдул Хамида. «Мы осуществляем,— говорилось в манифесте-декларации конгресса,— искренний и братский союз для совместной работы, уважая программу каждого комитета и особенности движения».

Младотурки согласились с принципом предоставления автономии национальным меньшинствам, а предста-

93

вители последних, в свою очередь, заверили младотурецкий комитет, что поддержат его в стремлении свергнуть Абдул Хамида.

При этом младотурки дали понять армянским комитетам, что их мечты о создании в Малой Азии самостоятельного армянского государства не могут быть осуществлены, но зато в случае восстановления конституции армянское население «наравне с прочими народностями получит право на самоуправление, а следовательно, будет иметь полную возможность законно ограждать свои интересы...» [73, л. 68].

Конгресс разработал конкретный план борьбы, состоявший из пяти пунктов⁶¹.

1. Добиться изменения существующего режима и установления системы представительного правления, т. е. конституционной монархии, путем

восстановления конституции 1876 г. и отречения Абдул Хамида от престола.

2. Основным средством свержения абдулхамидовской деспотии должно быть вооруженное восстание.

3. Широко использовать также «мирные» формы политической и экономической борьбы, как, например, повсеместный отказ от уплаты государству налогов, отказ от присяги в армии, забастовки чиновников и полицейских в целях дезорганизации государственного аппарата и т. п.

4. Развернуть широкую антиправительственную пропаганду среди народных масс, особенно в армии.

5. Принимать другие меры в зависимости от хода событий.

Самым важным из этих пунктов, разумеется, был пункт о всеобщем вооруженном восстании. Его принятие явилось ярким примером революционизирующего влияния русских событий 1905—1907 гг. на все прогрессивные, демократические элементы в Турции. Даже американец Рэмсор признает, что «решения конгресса о вооруженном восстании были очень похожи на мероприятия русских революционеров 1905 г.» [736, стр. 67].

В резолюциях конгресса подчеркивалось, что главную ударную силу вооруженного восстания должна составить армия. Восстание было намечено на октябрь 1908 г. Однако международные события и резкое обострение внутривосточного положения Османской империи ускорили начало революции.

Глава II

РЕВОЛЮЦИЯ 1908—1909 гг. И ПРИХОД К ВЛАСТИ
МЛАДОТУРОК

Первый этап революции

Младотурецкая революция была подготовлена всем ходом

социально-экономического и политического развития турецкого общества в конце XIX — начале XX в.

Непосредственным поводом для начала революции, начавшейся на три месяца раньше намеченного Парижским конгрессом революционных организаций срока, послужили два обстоятельства: усиление карательных мероприятий султанского правительства против национально-освободительного движения в европейской части империи и резкое ухудшение международного положения Османской империи, выразившееся в угрозе вооруженного вмешательства империалистических держав во внутренние дела Турции.

Еще в марте 1908 г. в Йылдыз-киоск стали поступать сведения от тайных агентов об усилении организационной и пропагандистской деятельности комитета «Иттихад ве теракки» в Македонии и Анатолии, о подозрительной активности офицеров II и III армейских корпусов, расквартированных в Македонии, и т. п. Согласно этим сведениям, по всей Македонии происходили тайные «народные собрания, на которых обсуждались революционные события» [218, стр. 268].

Для раскрытия готовившегося выступления младотурок султан направил в Македонию своих лучших агентов; из Стамбула были переброшены значительные полицейские силы. Султанское правительство хотело разда-

95

вить революцию в самом ее зародыше. В середине мая комендант Салоник, известный своим близким отношением с Абдул Хамидом, полковник Назым-бей отдал приказ о массовом аресте младотурок. Абдул Хамид немедленно послал в Салоники облеченную широкими полномочиями специальную комиссию из пяти человек под руководством Исмаила Махир-паши [448, стр. 158].

Говоря о деятельности этой комиссии, Э. Найт пишет, что приезд Махир-паши в Салоники сильно обеспокоил комитет

«Иттихад ве теракки», и молодые офицеры, примкнувшие к комитету, не могли не учитывать «всю опасность своего положения и пришли к заключению, что следует как можно скорее начать восстание, пока новые аресты не нанесли еще делу серьезного ущерба» [343, стр. 83].

Публицист А. Е. Кауфман, свидетель революционных событий в Турции, отмечает, что русский дипломат «П. Н. Милюков, с которым я встретился в Константинополе, сейчас после переворота заявил мне, что о последнем (революции.— Г. А.), как о явлении неизбежном и неминуемом, знали в Софии за две недели до его совершения» [284, стр. 191].

Усиление империалистической экспансии, грозившей летом 1908 г. военной интервенцией, еще больше осложнило обстановку. В начале того же года султанское правительство предоставило Австро-Венгрии концессию на строительство железной дороги от австрийской границы через Ново-Базарский санджак до Салоник.

Осуществление этого проекта привело бы не только к укреплению стратегического, политического и экономического влияния Тройственного союза на Балканах, но и, по образному высказыванию А. П. Извольского, «к германизации Македонии» [151, т. 5, стр. 242]. Новая концессия наряду с Багдадской железной дорогой создавала непосредственную угрозу империалистическим позициям Англии и России в Турции и вызвала их совместное дипломатическое выступление перед Портой.

В. И. Ленин осенью 1908 г. отмечал, что двигателями всей европейской политики являются: «Конкуренция капиталистических держав, желающих „урвать кус" и расширить свои владения и свои колонии,— затем - боязнь самостоятельного демократического движения среди зависимых или „опекаемых" Европой народов...» [20, стр. 223].

В. И. Ленин гениально предвидел заговор империалистических держав во имя «прямого подавления революции в Азии или косвенных ударов этой революции» [20, стр. 229].

Появление на мировой арене нового хищника в лице германского империализма заставило Англию и Россию на время «забыть» о своих противоречиях и объединить усилия в деле дальнейшего проведения колониальной политики. Установив «сферы влияния» в Иране в 1907г., они стремились теперь к разделу Османской империи'. 9—10 июня 1908 г. в Ревеле (Таллине) состоялось свидание русского императора Николая II с английским королем Эдуардом VII, во время которого основной темой переговоров была «судьба Македонии». Для «восстановления порядка» в Македонии державы выдвинули ряд условий, в том числе ввод в Македонию 10—12-тысячной армии империалистических государств. Англо-русский план реформ предусматривал также уничтожение в Македонии движения четников во всех его проявлениях [151, т. 5, стр. 287—289]. При этом английская дипломатия широко использовала вражду между различными национальными группами в Македонии, поощряла соперничество между балканскими государствами — Сербией, Болгарией, Грецией и Черногорией, которые претендовали на Македонию. Было ясно, что ввод иностранных войск в Македонию приведет не только к отторжению ее от Турции, но и полному разгрому общего революционного движения в Турции, колыбелью которого была европейская часть империи. Не случайно поэтому Ревельское соглашение вызвало бурю возмущения в Турции и послужило новым толчком для роста антиимпериалистических настроений среди широких слоев населения. В ревельском сговоре младотурки усматривали новую серьезную угрозу для государственных интересов.

Империалистические державы, будучи заинтересованы в поддержке султанской власти в Турции, изображали младотурецкое движение враждебным христианам. «В действительности,— указывалось в прокламации комитета, адресованной посольствам иностранных держав,— младотурки не знают никакого различия между нациями и религиями. Напротив, они желают, чтобы конституция одинаково послужила в пользу мусульман, христиан и евреев» [769, 5.УШ.1908].

7 Г, 3. Алиев

97

Все эти обстоятельства побудили младотурецкий комитет в Салониках выступить без промедления. В конце июня 1908 г. комитет принял решение, по которому офицеры— члены комитета должны были покинуть правительственную службу, сформировать в различных местах отряды, удалиться вместе с ними в горы и поднять общее восстание мусульманского и христианского населения [343, стр. 109]. Первым таким офицером оказался комендант г. Ресны, майор Ахмед Ниязи-бей². 28 июня по его инициативе в доме Ходжи Ага состоялось тайное собрание, на котором присутствовало около 50 офицеров-младотурок³. Здесь был принят конкретный план восстания [545, стр. 252].

Выступая на этом собрании, Ниязи-бей говорил, что он «не мог спать три ночи после того, как узнал о результате ревельского свидания», и что восстание будет направлено «не против отдельных лиц, а против системы управления, против подлого турецкого правительства» [662, стр. 87]. 3 июля 1908 г. Ниязи-бей вывел восставший в тот же день отряд (более 200 человек) из крепости Ресны в Македонские горы.

Это событие и следует рассматривать как начало первого этапа революции. Некоторые источники, в том числе и газета «Тан», сообщают, что Ниязи-бей оставил батальон, которым он командовал, еще в конце июня 1908 г., сообщив

властям в Салониках и Монастыре о том, что он «бросает свою службу правительству с тем, чтобы служить своему отечеству, и что он готов умереть за благо и свободу родины» [785, 7.VIII. 1908].

Прокламация Ниязи-бея «Македония принадлежит нам» подняла на ноги и армию и четнические отряды Румелии. К восставшему отряду Ниязи-бея стали переходить батальон за батальоном. К концу июля в рядах революционных войск Ниязи-бея насчитывалось уже 3 тыс. человек [622, стр. 79]. Спустя несколько дней к нему присоединился Энвер-бей, в распоряжении которого находилось тогда три сотни солдат [674, стр. 45].

Сам Ниязи-бей в своих мемуарах пишет, что перед восстанием он связался с представителями младотурецкой партии в г. Преспе Джемаль-беем, Тахсин-беем, а также главой муниципалитета Ресны Тахир-беем. Там же его отряд захватил оружие с помощью нескольких албанцев-федаев (патриотов). Место сбора было назначено в окрестностях с. Влахчи (между Преспой и Рес-

98

ной), покрытых густыми, малодоступными лесами [622, стр. 12]. В день выступления Ниязи-бей послал во дворец Иылдыз телеграмму с требованием немедленно восстановить конституцию 1876 г. [см.: 622, стр. 46; 448, стр. 158].

«Когда Ниязи отправился,— пишет Э. Найт,— на свое отчаянно-отважное предприятие в сопровождении небольшого отряда партизан, то все участники предприятия дали клятву не возвращаться к своим семьям до тех пор, пока Турция не станет свободна; перед уходом они простились с теми, кого любили, не зная, увидят ли их опять, потому что у них было только два исхода: победа или смерть» [343, стр. 104].

К отряду Ниязи-бея кроме турок присоединились албанские, македонские, болгарские, сербские, греческие

четники. Восстание охватило также распропагандированные младотурками военные гарнизоны в Салониках, Монастыре, Ускюбе и др.

В революционных отрядах Ниязи-бея в отличие от султанских войск была установлена крепкая, сознательная дисциплина. Категорически запрещалось мародерство. За продовольствие расплачивались деньгами или выдавали расписки, которые предъявлялись сборщикам налогов в качестве официальной правительственной квитанции об оплате части причитаемых налогов. Сборщиков, являвшихся сторонниками султанского режима, вынуждали принимать эти расписки под угрозой смертной казни. По сообщению русского консула в Монастыре, в ряде районов Европейской Турции расписки Ниязи-бея выполняли функции денег наравне с правительственными денежными единицами [136, т. 43, стр. 17—18]. „

В речи перед федаями Ниязи-бей призвал их «уважать честь всех жителей, независимо от национальности и вероисповедания, никого не притеснять и ничего не красть, целиком посвятить себя борьбе за спасение отечества» [622, стр. 174—175]. По поводу этого выступления комитет «Иттихад ве теракки» писал Ниязи-бею: «То, что вы не нарушаете прав христиан, а, напротив, предлагаете им союз в совместной борьбе, произвело самое лучшее впечатление на иностранцев. Если вы будете продолжать эту линию и в дальнейшем, то для жалоб иностранцев никогда не будет повода, а, наоборот, они будут относиться к нам весьма благосклонно» [622, стр. 175].

99

Особую активность проявили албанские четы во главе с Джерджисом. В донесении управляющего русским гражданским агентством в Македонии Петряева от, 6 июля 1908 г. сообщается, что революционно настроенные военные власти установили тесную связь как младотурецкой партией, так и с албанскими революционными

комитетами, действующими на юге Монастырского вилайета (в Ресне, Преспё, Прилепе, Курушеве, Охриде и Корице) и выработали совместный план действий [136, т. 43, стр. 12]. Далее Петряев пишет: «Как я знал доверительным путем, главари албанского революционного комитета в Корице решили оказать бежавшим офицерам-младотуркам широкое содействие деньгами и людьми и предоставить в их распоряжение шайки албанцев для действия против турецкого правительства» [136, т. 9, стр. 53—54].

Таким образом, в результате правильной тактической и политической линии Ниязи-бея отдельные революционные элементы, несмотря на многолетнюю, искусственно разжигаемую властями межнациональную рознь, объединили свои усилия для совместной борьбы против тирании.

Э. Найт пишет, что в первые же дни после выступления Ниязи-бея к его отряду «направлялись из окрестностей тысячи крестьян, горевших желанием принести присягу комитету; они шли туда вместе с множеством солдат, которые дезертировали, захватив оружие, из соседних гарнизонов, с целью присоединиться к Ниязи». Далее автор указывает, что «мусульманские и болгарские крестьяне, которым комитет „Единение и прогресс“ раздал много оружия, ждали только приказа, чтобы принять участие в общем восстании. Десять тысяч албанцев были готовы сражаться, страстно желая ударить на слуг деспота» [343, стр. 133, 137].

Почти во всех деревнях Македонии крестьяне безвозмездно снабжали федаев провизией, давали им приют, сообщали о передвижениях правительственных войск. «Четническое движение приобрело такой размах, что ни турецкие войска, ни руководимая иностранными офицерами жандармерия не могли справиться с ним» [326, стр. 37].

В день ухода отряда Ниязи-бея в горы Йылдыз-киоск

уполномочил генерала Шамси-пашу, находившегося • тогда в Митровице, принять все меры для немедленного
100

подавления восстания [448, стр. 158]. 5 июля, еще до прибытия Шамси-паши, этого палача албанского народа, в Монастыр, младотурки вручили монастырскому вали для передачи султану обращение «теневого кабинета» с требованием восстановить конституцию [448, стр. 159]. А на следующий день прибывший в Монастыр с карательным отрядом Шамси-паша был убит.

Убийство Шамси-паши вызвало замешательство султанского правительства и усилило процесс перехода войсковых частей на сторону восставших. Правительство потеряло веру в верность турецких войск, расквартированных в европейской части империи, и решило послать азиатские дивизии для подавления революционного восстания в Македонии. 9 июля по приказу султана были приведены в боевую готовность Айдынская запасная дивизия («редиф фыркасы»), Йозгатская бригада и один кавалерийский полк. Всего из Анатолии в европейскую часть империи предполагалось перебросить 48 батальонов [343, стр. 103]. Для поощрения солдат и офицеров султан приказал выплатить им жалованье в тройном размере, прежде чем они будут отправлены из измирского порта в Салоники [677, стр. 61—62].

В тот же день адъютанты султана, командир артиллерийской дивизии генерал Шюкрю-паша и генерал Рах-ми-паша, находившиеся в Салониках, получили султанское ираде, предписывавшее им объявить от его имени амнистию восставшим, если они сложат оружие, и строго наказать тех, кто не повинуется [448, стр. 159]. Но от этого положение правительства ничуть не улучшилось.

Комитет приступил к репрессиям в отношении наиболее ярых приверженцев султана. 10 июля были убиты муфтий монастырского артиллерийского полка Мустафа-эфенди,

который ехал с особым поручением от следственной комиссии в Стамбул, и полицейский офицер в Монастыре Сами-бей. При бегстве из Салоник на пароходе были умерщвлены все члены этой комиссии (Юсиф-паша, Реджеп-паша, Садык-паша), за исключением случайно спасшегося Махир-паши. Однако спустя некоторое время та же участь постигла и Махир-пашу, который был убит младотурками в Стамбуле в декабре 1908г.

12 июля 1908 г. «Иттихад ве теракки» разослал меморандум всем иностранным консульствам в Салониках, в котором торжественно заявлялось о том, что револю-

101

ционные силы, возглавляемые комитетом, желают только восстановления конституции и что они будут избегать кровопролития, «если на это не заставят султанские власти» [136, т. 43, стр. 15]. Этот меморандум, резко отличавшийся от требований Ниязи-бея, свидетельствует о том, что руководство младотурецкой партии с самого начала старалось ограничить задачи революции.

План султана подавить движение с помощью «верных» ему анатолийских войск потерпел провал. Почти половина этих войск (21 батальон из 48) вообще отказалась ехать в Салоники, а прибывшие туда 16 июля батальоны сразу же были распропагандированы эмиссарами комитета⁵ и отказались стрелять в восставших. Фон Микуш свидетельствует, что большинство прибывших в Салоники частей «без колебаний перешло во вражеский лагерь» [677, стр. 62]. Среди перешедших на сторону революции воинских частей особым энтузиазмом отличались Назиллийский батальон, а также восемь других батальонов. Газета «Одесский листок» сообщала 11 августа 1908 г., что среди солдат батальонов, предназначенных для подавления восстания, были распространены прокламации, изданные в Эрзуруме.

Правительство было вынуждено прибегнуть к другим

мерам, в частности, к старому, испытанному приему «разделяй и властвуй». «Салих Мунир-паша,— пишет Э. Найт,— бывший турецкий посол в Париже, отправился в Афины, получив поручение позаботиться об организации греческих чет, которые напали бы на мусульманских и христианских сторонников комитета „Единение и прогресс"» [343, стр. 135]. В то же время Энвер-бею, Ниязи-бею и другим руководителям восстания были посланы султанские рескрипты с обещанием предоставить «не только прощение, но и щедрое денежное вознаграждение вместе с производством в генеральские чины» [343, стр. 102]. Демонстрируя свое «великодушие», султанское правительство воздержалось от репрессий к 38 арестованным офицерам, а 21 июля выпустило их на свободу⁶.

В то же время за головы Ниязи-бея и Энвер-бея власти обещали громадную сумму.

Однако никакие средства уже не могли «умиротворить» страну. Многие деревни открыто отказывались повиноваться правительству и платить подати. Вали Монастырского вилайета Хыфзы-паша в письме к вели-

102 кому везиру от 18 июля сообщал, что поимка главарей восстания не представляется возможной хотя бы по той простой причине, что никто не осмеливается их не только преследовать, но даже разыскивать, так как фактически власть над вилайетом выпала из-под контроля правительства. Для примера вали указывал, что «направленные из Охриды в деревни представители властей возвратились, получив предупреждение от комитета, что они могут быть приговорены к смерти, если будут препятствовать делу революции» [см.: 677, стр. 182—183; 448, стр. 159].

В конце письма вали просил великого везира «учесть серьезность положения и чрезвычайно быстрое распро-

странение влияния идей комитета и принять такие срочные меры, которые были куда эффективнее по сравнению с угрозой и уговорами» [677, стр. 182—183]. Кроме того, вали предлагал восстановить конституцию. Но вместо того, чтобы всесторонне и серьезно изучить донесения вали, великий везир Ферид-паша «сделал ему по телеграфу выговор за недостаток усердия и дал некоторые инструкции» [343, стр. 150], которые Хыфзы-паша так и не выполнил.

Хотя наиболее дальновидные чиновники предвидели грозящую опасность, правительство не теряло надежду на подавление восстания. Однако остановить революционный порыв было невозможно. В донесении Петряева от 19 июля сообщалось о переходе в Тиквеше (Солунский вилайет) и в Кайларе (Монастырский вилайет) на сторону восставших нескольких вооруженных рот и о том, что в окрестностях Монастыре офицеры-младотурки открыто обращались с революционными речами «к своим товарищам офицерам и солдатам». Из представителей местных военных властей никто не решался арестовать их [136, т. 43, стр. 20].

90 офицеров из Монастыра обратились в Стамбул с телеграммой, в которой спрашивали, «как долго будет продолжаться нынешнее несчастное положение», ставя в зависимость от ответа на этот вопрос свой дальнейший образ действий [769, 5.УШ.1908].

В своем обращении к болгарским четникам Ниязи-бей говорил, что пришла пора начать борьбу с тем злом, которое ряд лет губило отечество,— деспотизмом, который становится все более и более невыносимым [136, т. 43, стр. 19].

103

19 июля четники убили мутесаррифа Дебре Хюсню-бея, а 20 июля 30 тыс. человек (преимущественно албанцы) в г. Фирзовике Косовского вилайета с оружием в руках собрались на митинг и дали клятву бороться за

восстановление конституции. Участники митинга приняли решение-требование о безотлагательном восстановлении конституции, которое было подписано от имени участников митинга 180 улемами и представителями знати и немедленно телеграфно сообщено в Иылдыз-киоск [448, стр. 160].

В этот же день Ниязи-бей по приказу комитета «Иттихад ве теракки» прибыл во главе тысячного отряда в Охрид, где соединился с отрядом федаев во главе с Эйюб-беем и двинулся к Монастыру, твердыне турецкого господства в Македонии. 21 июля в дер. Лабче к ним присоединились батальон редифов Охридского уезда, а также партизанские отряды Зия-бея. После суточного перехода в ночь с 22 на 23 июля объединенные силы, насчитывавшие около 2 тыс. человек, под общим командованием Ниязи-бея вступили в Монастыр, окружили, а затем разоружили гарнизон города. К ним присоединилось еще 3,5 тыс. местных жителей [622, стр. 221]. Что касается самого маршала Осман-паши, то он был увезен в Ресны в качестве «почетного гостя» [448, стр. 160], т. е. заложника комитета «Иттихад ве теракки». При аресте люди Ниязи-бея вручили Осман-паше письмо комитета, в котором указывалось, что маршалу «следовало пользоваться армией в войнах с врагами отечества, а не употреблять их против самой нации» [117, л. 36].

Весьма серьезные события произошли 22 июля одновременно в Салониках и в Стамбуле. Француз А. Сарру пишет, что уже в ночь на 22 июля младотурецкий комитет в Салониках захватил телеграф и послал депеши различным местным комитетам с инструкциями относительно провозглашения 23 июля 1908 г. конституции Османской империи.

Ход событий заставил султана пойти на уступки. Абдул Хамид понял, что он не в состоянии справиться с революционным движением и противостоять хищническим поползновениям империалистических держав на.

Османскую империю. 22 июля правительство Ферид-па-ши ушло в отставку. Новый кабинет Саид-паши, целиком состоявший из старых абдулхамидовских сановников [448, стр. 160], после первого экстренного заседания дал «совет» султану восстановить конституцию. Однако партия «Иттихад ве теракки» опередила султана. За день до этого центральный комитет «Иттихад ве теракки» в Салониках разослал во все окружающие селения своих представителей с целью ознакомить как население, так и местные власти со своим планом провозглашения конституции [117, л. 39].

23 июля 1908 г. к 10 часам утра около 50 тыс. жителей Монастыра (117, л. 39) и десятки тысяч крестьян окрестных деревень заполнили улицы празднично убранного города, ликуя и распевая песни свободы. «Народная толпа из людей всех классов, рас и религий, — турки, греки, болгары, евреи и простые солдаты, окружившие здание префектуры, с величайшей радостью комментировали очень важное событие. Люди держали в своих руках красное знамя революции с надписями „Да здравствует конституция!“, „Свобода, равенство, братство, справедливость!“.

Вдруг, поднявшись на артиллерийский лафет с номерным обозначением 60, к собравшимся обратился начальник Монастырского военного училища майор Вехиб-бей (впоследствии паша. — Г. А.): „Соотечественники и братья мои, — говорил он, — настало время положить конец „зулюму“, длившемуся более 31 года. Пора разрушить стену, существующую между нацией и султаном со времени Сулеймана Кануни. Герои свободы, которые томятся в тюрьмах, сейчас же должны быть выпущены на свободу, и по всей империи должны восторжествовать законность, справедливость, равенство и братство"» [629, стр. 84]. На балконах префектуры появились турецкий муфтий,

болгарский, греческий и армянский епископы, которые призвали народ и армию принять присягу верности конституции.

Комитет «Иттихад ве теракки», организовавший манифестацию, выбрал своим представителем вали Хыфзы-пашу, открыто перешедшего на сторону восставших. Он прочел составленный комитетом манифест о провозглашении конституции, после чего раздался артиллерийский салют. Вслед за тем Хыфзы-паша отправил телеграмму в Иылдыз-киоск и великий везират с уведомлением о провозглашении конституции.

Конституционные торжества состоялись также в других городах Европейской Турции — Салониках, Прошо-ве, Кёпрюлю, Ускюбе, Серезе и др.

Фон Микуш пишет, что ранним утром 23 июля 1908 г. всюду в Салониках были расклеены прокламации-воззвания комитета «Иттихад ве теракки», которые охранялись революционными солдатами и федаями, заполнившими ночью город. Начальник городской полиции, приказавший своим подчиненным немедленно сорвать воззвания, тут же был расстрелян «неизвестными» [см.: 677, стр. 62; 305, стр. 92].

К полудню на площади Свободы собралась огромная толпа, перед которой с балкона Олимпос-палас выступали офицеры-младотурки. В своем выступлении Энвер-бей, между прочим, заявил: «Мы все братья. Болгары или греки, сербы или румыны, мусульмане или евреи, мы все османцы...» [305, стр. 63]. Выступления других младотурецких офицеров также носили чисто демагогический характер в соответствии с официальной доктриной младотурок, основанной на шовинистических принципах и затушевывавшей классовые противоречия среди народов Османской империи.

В то время как младотурецкий комитет стремился ограничить цели революции созданием конституционной

монархии, в некоторых районах, особенно в тех, где было сильно партизанское движение, местные комитеты младотурок, блокируясь с другими революционно-демократическими организациями, выдвигали программные требования, резко отличавшиеся от линии центрального комитета «Иттихад ве теракки». Так, в Неврокопе представители болгарских и греческих революционных организаций совместно с местными младотурецкими комитетами выработали программу, содержащую наряду с общедемократическими требованиями и такие положения, как всеобщее и равное избирательное право, полная свобода печати и собраний, отмена всех национальных привилегий, широкое социальное законодательство и охрана труда, отчуждение помещичьих, султанских и вакфных земель и раздача их безземельным крестьянам и общинам, прекращение взимания с населения натуральных податей и введение прогрессивного налога, учреждение народной милиции, отделение церкви от государства и т. д. [117, л. 27].

В выработке этой революционно-демократической программы важную роль сыграли представители македонского отряда Яне Санданского [117, л. 27]. Однако точка зрения младотурецкого комитета по этим вопросам

106

Отнюдь не отличалась каким-либо радикальным характером и была весьма непоследовательна.

В телеграмме, поступившей в Йылдыз-киоск из Салоники 23 июля, комитет «Иттихад ве теракки» ультимативно потребовал у султана санкционировать в течение суток 7 акт восстановления конституции. В противном случае комитет угрожал двинуть на Стамбул II и III армейские корпуса, а также 50-тысячный отряд восставших (739, стр. 22)8. Аналогичную телеграмму получил глава султанской администрации в Македонии, генеральный инспектор трех вилайетов (Салоники, Монастыр, Косов) Хюсейн Хильми-

паша (1855—1933) 9. Он должен был убедить султана в том, что тот может сохранить свой трон лишь в случае издания ираде о немедленном восстановлении конституционного порядка в стране. Сам Хильми-паша получил предупреждение, что в случае невыполнения поручения он будет приговорен к смертной казни.

Положение Хильми-паши было не из легких. Будучи проницательным политиком, он видел неустойчивость султанского режима, но в то же время считал своим долгом повиноваться приказам правительства. Когда младотурецкий комитет предложил ему присоединиться к революции, он ответил: «Так как мною не получен приказ от моего повелителя провозгласить конституцию, я не последую за вами, вы можете приговорить меня к смерти или живым потащить из конака (правительственное здание. — Г. А.), но я должен хранить верность султану» [739, стр. 24].

В то же время Хильми-паша посылал в Йылдыз-киоск телеграмму за телеграммой, доказывая бесполезность сопротивления и советуя султану скорее провозгласить конституцию. В одной из телеграмм говорилось:

«Настоящее движение не является делом только комитета „Иттихад ве теракки" или же нескольких молодчиков, которых можно заставить подчиниться и вынудить прекратить волнения, речь идет о народном движении, которому сопротивляться просто невозможно. Даже я сам едва могу рассчитывать на верность одного слуги среди моего многочисленного персонала. Я считаю, что в нынешних условиях единственный выход — это восстановить конституцию. Но каким бы ни было ваше указание, я готов его выполнить» [739, стр. 34]. Поступившая в это же время в Стамбул депеша от командира III армей-

ского корпуса маршала Ибрагим-паши также призывала

правительство удовлетворить требования «армии и народа» [638, т. 2, стр. 441].

Только за два дня (22 и 23 июля 1908 г.) во дворец Иылдыз поступило 67 телеграмм от султанских чиновников с рекомендациями восстановить конституцию [469, стр. 220]. Султан и его правительство фактически были поставлены перед свершившимся фактом. В беседе с корреспондентом газеты «Одесский листок» начальник жандармерии г. Сереса французский майор Гастон Фулон заявил: «Еще за несколько дней до объявления конституции офицеры Салоникского вилайета приводили к присяге войска на верность конституции, которую хотели добыть у султана хотя бы ценою жизни. Накануне же дарования конституция те же офицеры с войском и гражданами собрались у резиденции вали и объявили, что они до тех пор не разойдутся, пока не будет провозглашена конституция» (769, 29.УП.1908].

Эти и другие факты опровергают утверждение историка Зии Шакира о том, что Салоники плелись в хвосте событий (583, стр. 94].

Для обсуждения создавшегося положения вечером 23 июля 1908 г. во дворце Иылдыз было созвано последнее при старом режиме заседание Государственного совета под председательством великого везира Саид-паши. Как сообщает фон Микуш, на этом заседании присутствовали кроме министров почти все высшие сановники Абдул Хамида. Присутствовал и сам падишах, сидя «по другую сторону занавеса, в смежной комнате». Хотя почти все участники заседания понимали, что спасти положение можно только лишь санкционированием конституции, никто, за исключением «видавших виды» Саид-паши и Кямиль-паши, не осмелился высказаться об этом вслух. Большинство участников заседания в той или другой форме уклонялись от прямого ответа на поставленный вопрос. Некоторые ярые сторонники деспотической монархии, как,

например, Иззет-паша (секретарь султана), требовали отвергнуть ультиматум комитета 1[638, т. 2, стр. 441]. Но когда Саид-паша стал поочередно опрашивать министров, не думают ли они, что надо посоветовать султану даровать конституцию, последние молча один за другим опускали глаза под его испытующим взглядом. После паузы Саид-паша, как он пишет в своих мемуарах, привел

108

турецкую пословицу, которая означала: «молчание — знак согласия». Султан сейчас же был уведомлен о решении министров и, к облегчению всех присутствующих, немедленно согласился восстановить конституцию 1638, т. 2, стр. 442—443]10.

Сразу же после заседания Государственного совета, в ночь с 23 на 24 июля 1908 г., телеграф разнес во все уголки империи сообщение о том, что султан Абдул Хамид «по воле, проявленной народом», отныне «дарует» своим подданным конституционный образ - правления [447, стр. 3; 305, стр. 27]. Султанским указом были назначены выборы в высший законодательный орган — меджлис (парламент). В то время как вилайеты получили весть о восстановлении конституции ночью, население столицы просыпалось в полном неведении. Утренние газеты в Стамбуле поместили весьма скудное сообщение в несколько строк об этом важнейшем событии. Как пишет в своих воспоминаниях Ахмед Ихсан, некоторые читатели решили, что это сообщение является очередным маневром тайной полиции и цензуры (см. 442].

«Враги в течение долгих столетий — турки, греки, болгары, албанцы, евреи — падали друг другу в объятия; возгласы: „свобода“, „равенство“, „братство“, „справедливость“ раздавались со всех сторон; вожди враждебных религиозных сообществ рука об руку показывались на улицах... дикие обросшие люди, вооруженные с головы до ног, одетые в овечьи шкуры, спускались с гор п, и толпа

приветствовала их как вестников мира и украшала венками. Это было трогательное зрелище, и даже те, кто знал, как глубока была рознь, созданная долгими годами смертельной вражды, готовы были отказаться от своего недоверия и присоединиться ко всеобщему ликованию. Это казалось похожим на сон, но сны иногда снятся наяву» [218, стр. 268—269].

Другой очевидец, француз Рене Пинон, в эти дни писал: «Революция в Турции началась как военный заговор, а продолжается как народный праздник... Это самая странная и неожиданная революция!.. Во всем народе пробуждалось чувство свободы, проявившее себя главным образом желанием манифестации и шума, изобилием слов и жестов, казалось, что каждый, торопясь воспользоваться новой свободой, старался доказать себе, что он, наконец, владеет ею» (351, стр. 120—121).

109

Бурному восторгу и ликованию населения не были границ. В этот день предприятия в крупных городах прекратили работу, во всех церквях звонили колокола, люди танцевали на улицах, обнимали друг друга, свистели, с песнями катались на фаэтонах, трамваях. Каждый выражал свой восторг как мог.

Русский военный агент Хольмсен в донесении от 28 июля 1908 г. сообщал, что народные манифестации в Стамбуле в честь конституции «проходят без всякого нарушения порядка», что «власти ни разу не вмешивались, даже при выпуске заключенных они не помешали оvationам» 1[136, т. 43, стр. 36]. Обращаясь к собравшимся перед Иылдыз-киоском, султан Абдул Хамид открыл окно и с волнением в голосе сказал: «Дети мои, я всегда был конституционалистом. В том, что конституция запоздала, виноваты окружающие меня дурные советники. Даю клятву Кораном и мечом защищать конституцию» [236, стр. 277]. Торжество народных масс было понятным и естественным:

слишком велики были жертвы и лишения, которые выпали на их долю в годы «зулюма». У многих с объявлением конституции связывались самые радужные надежды на будущее. Однако в день провозглашения конституции не только рядовые граждане, но и руководители революции вряд ли представляли себе, какие жестокие испытания ожидали Турцию и ее народ в ближайшем будущем. Конституционные веяния проявились в Измире главным образом в стачке портовых рабочих и носильщиков, что заставило все иностранные пароходы уйти из Измира неразгруженными 12.

В то же время по требованию младотурок многие чиновники султанской администрации вынуждены были покинуть свои посты; население Измира, состоявшее в основном из турок и греков, стремилось придать новому движению характер греко-турецкого братания 13.

В донесении Беяева из Измира от 12—13 августа 1908 г. говорится, что «деятельность Смирнского (Измирского. — Г. А.) комитета младотурок носит явно враждебный по отношению к султану характер. По настоянию комитета войска вместо прежнего приветствия султана кричат теперь „Да здравствует нация!“, что звезда на фесках устранена, так как „звездой“ (йылдыз) называется султанский дворец» [83, л. 21].

ПО

Народные торжества в Бурсе, вызванные восстановлением конституции, сопровождались выдвижением демократических требований. Получив известие о восстановлении конституции, как сообщалось в депеше Зиновьева, толпа горожан потребовала от местного вали немедленно уволить большое число лиц, занимавших наиболее видное положение в местной администрации [83, л. 9].

Одновременно демонстранты разгромили типографию местной газеты, восхвалявшей режим Абдул Хамида, затем толпа двинулась к дому директора табачной монополии

(«Режи») Боа де Луара «с явно враждебным намерением», но, убедившись в его отсутствии, «воздержалась от насилий». Правительство послало в Бурсу батальон карателей, солдаты которого отказались стрелять в народ. К тому времени прибыла делегация центрального комитета «Иттихад ве теракки» из пяти человек во главе с адвокатом Риза-беем и успокоила толпу [83, л. 9 об.].

Султанская администрация в отдаленных вилайетах всячески оттягивала провозглашение конституции.

В Трабзоне, например, местные власти во главе с вали Ферид-пашой «запоздали» с объявлением конституции на целые сутки. Они решили «никому не показывать полученную ночью телеграмму и обратиться за советом в столицу». Однако на следующий день, в воскресенье, как сообщал русский консул в Трабзоне Брандт, в конак явилась большая толпа народа во главе с майором Сафвет-эфенди и школьным учителем. Они потребовали Ферид-пашу, который вынужден был явиться к ним в сопровождении муфтия и главного прокурора. Толпа заставила Ферид-пашу принести присягу в том, что он во всем будет исполнять постановления конституции, и затем потребовала освободить из тюрьмы политических заключенных. Вали обещал удовлетворить это требование.

Однако через несколько дней «население стало волноваться и устраивать сходки и манифестации, были даже попытки силою открыть тюрьму и освободить заключенных, но вовремя вызванные солдаты остановили этот порыв народа» [59, л. 29]. Далее консул сообщал, что Ферид-паша «не мог устоять перед возбужденным населением и отдал приказ об освобождении заключенных... Но возбужденная толпа в количестве нескольких сот человек, не удовлетворившись поведением властей,

111

отправилась на телеграфную станцию, овладела ею и обратилась по телеграфу к великому визирю с требованием

о немедленном отрешении от должности Фериды паши, прокурора и муфтия... Все требования толпы, одно за другим, были удовлетворены и 5.УП1 утром вали, прокурор и начальник полиции были отстранены» [59, лл. 30—31].

Власть в Трабзоне перешла в руки местного комитета младотурок, состоявшего главным образом из офицеров, во главе с Сафвет-эфенди.

Противодействие властей народным торжествам по случаю победы революции имело место и в Гиресуне. В донесении русского вице-консула Колларо от 9 августа 1908 г.

указывается, что местные власти в Гиресуне задержали весть о восстановлении конституции на целую неделю.

Лишь 30 июля, когда из Трабзона прибыл пароход с политическими ссыльными, возвращавшимися в столицу, население узнало правду. На грандиозном митинге, состоявшемся по этому поводу, выступил представитель младотурецкого комитета. В своей получасовой речи оратор много говорил «о принципах конституции и рекомендовал единение и братство между всеми классами населения» [59, л. 41].

В самый отдаленный вилайет Анатолии Эрзурум весть о конституции пришла утром 24 июля. Но комендант крепости Аббук Ахмед-паша и вали боялись «изъявить свою радость раньше времени» и не были расположены организовать торжества по этому поводу. Тогда инициативу взяли на себя офицеры — сторонники младотурок во главе с капитаном 19-го полка Гюсамед-дин-беем и, прибывшим сюда из Хасан-Калы. Собрав группу офицеров в городском саду, он утром 24 июля в сопровождении огромной толпы «низов», со значками и флагами отправился к резиденции вали с требованием отпраздновать восстановление конституции. Испуганный вали после совещания с Аббуком Ахмед-пашой вынужден был удовлетворить требование манифестантов. Демонстрация горожан и парад войск, сопровождаемые артиллерийским салютом из 21 орудия,

превратились в подлинный праздник народа {763, № 23, 1908, стр. 15}. Спустя несколько дней население Эрзурума устроило пышный прием в честь 15 представителей младотурок, возвратившихся с каторги [763, № 23, 1908, стр. 16].

В Ване произошло примерно то же, что и в Эрзуру-
112

ме. Лишь под давлением народных масс власти согласились отпраздновать восстановление конституции.

В Измире солдаты и горожане выпустили из тюрьмы 1800 заключенных и решили на месте, где находилась тюрьма, разбить «Сад свободы» [769, 1.УШ.1908].

Огромный энтузиазм по случаю победы революции наблюдался и в арабских вилайетах империи. По свидетельству очевидцев, весть о «даровании» конституции была встречена в Сирии с большой радостью. «Христиане и мусульмане,— писал очевидец,— даже священники и муллы, обнимались на публичных собраниях... погасла вековая религиозная вражда... люди братски обнимали друг друга» [318, стр. 294—295].

Среди арабов широко распространилась иллюзия о возможности решения насущных проблем при новом режиме. Эту идею широко пропагандировала организация арабских националистов «Арабо-османское братство» («Ухуввети арабиейи османие»), имевшая филиалы почти во всех странах Арабского Востока.

В Бейруте, как сообщал коллежский советник князь Гагарин в донесении от 30 июля 1908 г., жители не сразу поверили известию о провозглашении конституции, «но когда увидели, что цензура фактически перестала существовать и турецкие чиновники стали поскромнее, то радость сделалась всеобщей». Народ заполнил все улицы, придавая городу праздничный вид. «Надежды,— пишет князь Гагарин,— возлагаемые на новый строй, огромные, далеко превосходящие то, чего можно от него ожидать». Героями

народного торжества были турецкие офицеры — сторонники младотурок. Под давлением народных масс бейрутская администрация, особо отличавшаяся продажностью и взяточничеством, «подверглась значительной чистке» [см. 83, л. 14].

События в Турции нашли отражение и в Египте, население которого также стало выступать с требованием установления конституционных порядков.

Несколько иная реакция на победу революции была в Курдистане. Курдские феодалы, являвшиеся опорой деспотической монархии Абдул Хамида, «встретили весть о победе революции с нескрываемой враждебностью, предчувствуя в скором времени конец своему своеволию» [82, л. 118]. В своем донесении английский посол в Турции Джералд Лоутер отмечал, что в то время, как народы империи праздновали восстановление конститу-

8 Г, 3. Алчен

113

ции, курдские беи и ага открыто выражали свое недовольство победой революции. «Ведь они хорошо знали,— писал он,— что новый режим положит конец беззаконию и анархии, при которых им легко было держать в повиновении своих соплеменников и угнетать беззащитных армян» [151, т. 5, стр. 253].

Что касается пассивного отношения народных масс Курдистана к революционным событиям в Македонии, то это объясняется как ограниченностью самой революции, так и неорганизованностью и отсталостью этих масс. «Те крупницы прогресса и демократии, которые принесла с собой младотурецкая революция, почти не дошли до гор Курдистана и никак не ощущались курдскими народными массами» [308, стр. 142].

На следующий день после издания султанского ираде о конституции послы иностранных держав, аккредитованные в Стамбуле, нанесли визит великому везиру Саид-паше и

министру иностранных дел и от имени своих правительств поздравили их с восстановлением конституции и созывом парламента [448, стр. 160]. Однако за внешней лояльностью, проявленной правительствами крупных европейских стран, скрывалось стремление ввести в заблуждение общественность как в Турции, так и в своих странах.

Весть о победе младотурецкой революции вызвала противоречивые комментарии в разных странах. «Мы знали турка,— писал один иностранец,— с кальяном во рту, флегматично наслаждающегося кейфом. Привыкли слышать от него: „благодаря халифу все спокойно, все счастливы". Мы знали, что турок проводит все дни в гареме среди многочисленных жен, совершает „намаз", 5 раз в день читает Коран...

Турка же с красным флагом в руках нам трудно было себе представить, и когда он уже стоял перед нами во всей своей реальности, мы все еще думали, что это курьез, шутка» [341, стр. 117].

Следует отметить, что, в то время как прогрессивная печать в странах Европы единодушно приветствовала турецкую конституцию, реакционная пресса двурушничала, «похлопывая по плечу „бунтовщика" Ниязи-бея и делая „дружеские" выговоры в адрес Высокой Порты за неповоротливость и непонимание духа времени» [769, 29.УП.1908].

Разоблачая фарисейскую политику этих кругов,
114

французский социалист Жан Жорес писал в газете «Юманите»: «Не следует верить в искренность приема Европой турецкой революции; она ей улыбается, но вынужденной улыбкой алчущего наследника, который, внезапно увидев „больного человека" (т. е. Турцию.— Г. А.) помолодевшим и выздоровевшим после болезни, от

которой он ждал смерти, дающей возможность ограбления» [782, 3.УШ.1908].

Итак, 24 июля 1908 г. восстановлением конституции 1876 г. кончилась «бескровная» младотурецкая революция.

Следует отметить, что младотурецкая революция закончилась полупобедой. В этой связи В. И. Ленин писал: «В Турции одержало победу революционное движение в войсках, руководимое младотурками. Правда, эта победа — полупобеда или даже меньшая часть победы, ибо турецкий Николай Второй отделался пока обещанием восстановить знаменитую турецкую конституцию. Но такие полупобеды в революциях, такие вынужденные скоропалительные уступки старой власти являются вернейшим залогом новых, гораздо более решительных, более острых, вовлекающих более широкие , массы народа, перипетий гражданской войны» [18, стр. 177].

Однако подобные перспективы не входили в расчеты младотурецких лидеров. Для них смысл революции заключался в том, чтобы добиться установления власти национальной буржуазии, интересы которой они представляли.

Еще накануне выступления Ниязи-бея один из руководящих деятелей партии «Иттихад ве теракки» Ахмед Риза-бей в беседе с корреспондентом газеты «Юманите» признал, что «он и его друзья вовсе не настаивают на полном проведении демократических начал в Турции. Там это явно невозможно... Партия „Иттихад ве теракки" стремится к возрождению конституции 1876 г. посредством справедливости, свободы и порядка... Все турецкие подданные должны иметь равные права и обязанности... Большого партия не желает». Далее он заявил, что младотурки «будут уважать все права иностранцев» [782, 26.УП.1908].

В первое время после победы революции младотурки не только не сформировали новое правительство, но и не

изъявили желания войти в состав кабинета Саид-паши. Объясняя эту тактику комитета «Иттихад ве

115

Тёраккй», д-р Назым-бей заявил, что осйбватёль Младб-турецкого комитета ради свободы и прогресса (?!) не будут добиваться .никаких должностей, не исключая и званий депутатов. По его словам, младотурки «не хотят также денег». Назым-бей в категорических выражениях утверждал, что «младотурки не желают править, а только стоять на страже и контролировать» [769, 17.УШ.1908]. Говоря об отношении комитета к султану, Назым-бей отметил, что «комитет поставил султана в положение, при котором он ему не может вредить... Для нас важно удержать его на престоле, так как не хотим слишком потрясти страну и обострить кризис... Теперь для нас главное — во что бы то ни стало покончить с европейским вмешательством» [769, 17.УШ.1908].

Как видно, младотурки, не желая открыто брать в свои руки власть, хотели пользоваться ею, оставаясь в стороне. Иначе говоря, они стремились управлять страной, не неся при этом ответственности. Разумеется, что такая линия комитета была не только ошибочной, но и вредной с точки зрения государственных интересов.

В те дни младотурецкий комитет настаивал лишь на удалении с руководящих постов наиболее скомпрометированных деятелей старого режима. Кабинет Саид-паши, сформированный 22 июля, состоял в основном из сторонников старого режима, считавших, что восстановлением конституции султан сделал просто ловкий шахматный ход, лишив революцию массовой народной поддержки, и что при первом же удобном случае «опять восторжествуют старые порядки» [769, 17ЛШ1.1908].

Партия «Иттихад ве теракки» не ставила перед собой задачу уничтожения деспотической монархии Абдул Хамида. Она с самого начала революции объявила личность султана-

халифа выше всякой ответственности. Младотурецкая пропаганда утверждала, что во всех бедствиях, выпавших на долю страны, виноват не султан, а сановники и вельможи, прикрывавшиеся его именем; младотурки якобы вывели его из заблуждения, и он горько сожалеет о вреде, причиненном ему советниками; личность падишаха-халифа, живого символа национального и государственного единства турок, неприкосновенна. Тот же Ахмед Риза-бей, по словам Рене Пинона, как-то сказал: «Моя любовь к отечеству заставляет меня не подозревать добросовестности султана» [351, стр. 138].

116

Вместе с тем следует отметить, что младотурки не доверяли султану. «Иттихад ве теракки» опирался на армию, но ударной силой комитета были лишь македонские части. На поддержку стамбульских войск, сохранивших в известной мере преданность султанскому правительству, комитет не рассчитывал и поэтому и после провозглашения конституции сохранил местом своего пребывания Салоники 15. Все усилия младотурок теперь были направлены на упрочение своей организации: во многих городах империи (в том числе и в Стамбуле) были созданы новые филиалы комитета, возникла и официозная пресса партии. К этому времени «Иттихад ве теракки» стала чрезвычайно разветвленной организацией, все нити которой сходились в центральном комитете партии.

В народных торжествах по случаю восстановления конституции младотурки не без оснований видели стремление народных масс добиться серьезных социально-экономических и культурных преобразований. Считая задачи революции выполненными, младотурки направили острие своей пропаганды на примирение классовых противоречий, на заигрывание с империалистическими державами.

«Вот уже 32 года,— говорилось в воззвании младо-гурок по

поводу провозглашения конституции,— как некоторые из наших вилайетов отторжены от нашей родины, а остальные залиты кровью. Вот уже 32 года, как 35 миллионов людей подвергаются гонениям, словно стадо животных, не вызывая сострадания человечества. Вот уже 32 года, как семена вражды брошены в среду наших соотечественников, как мы подверглись изгнанию— одни отправлялись в ссылку, другие были брошены в тюрьму... Целых 32 года! Отныне мы освобождены от кровавых когтей, которые погружали в сердце нации восемь или десять изменников, пытавшиеся управлять во имя лжи, вероломства и позора. Благодаря аллаху, комитет „Иттихад ве теракки" объединил под своим знаменем всех братьев единой родины. Будем же любить друг друга и работать сообща над освобождением родины. Надо, чтобы впредь всякий был свободен, радостен и горд».

Далее в обращении комитета давались «советы» всем подданным империи: «Пусть никто не посягает на имущество и жизнь другого. Любите других. В частно-
117

ети, имущество, честь и жизнь иностранцев, живущих в нашей стране, да будет под вашей охраной. Постараемся оставить хорошую репутацию в истории и в потомстве, работая над спасением родины честно, в порядке и с доброжелательством» [799, 3.УШ.1908].

В циркуляре комитета, адресованном всем редакциям газет, указывалось на нежелательность публикаций «статей несдержанных и способных оскорбить самолюбие всех классов» [53, л. 147].

Следуя этим советам, такие влиятельные газеты, как «Сабах» («Утро»), «Цкдам» («Упорство»), «Сервет-и Фюнун» («Сокровищница наук») и другие, призывали народ «забыть старые невзгоды и не предаваться мести, а всем сплотиться в труде, чтобы обеспечить будущее родины» [797, 7.УШ.1908]. Газета «Сабах» в явном противоречии с

фактами писала, что якобы «султан отменил конституцию на 30 лет только потому, что хотел подготовить к ней свой народ. Последний теперь совершенно подготовлен и доказательством этому служит тот общий энтузиазм, с которым народ встретил конституцию» [797, 27.УП.1908]. Такая пропаганда была на руку Абдул Хамиду. Во время первого после провозглашения конституции селям-лыка султан заявил: «Я люблю свой народ, но изменники до сих пор меня обманывали. Отныне народ будет жить со мной и я с ним. Я уверен в его верности» [797, 29.УП.1908].

Будучи вынужден согласиться на восстановление конституции ввиду невозможности предотвратить дальнейшее нарастание революции, султан быстро приспособился к обстоятельствам и даже решил приписать себе роль «восстановителя» конституции.

«Вскоре по вступлению моем на престол,— говорил он русскому послу Зиновьеву,— некоторые из моих министров посоветовали мне ради обеспечения благосостояния моей империи даровать конституцию. Я согласился на это, но после нескольких заседаний законодательных палат я убедился, что мои подданные еще недостаточно созрели и не в состоянии пользоваться правами, обеспечиваемыми им конституцией, вследствие чего я и решился приостановить действие последней. Узнав в недавнее время, что часть моих подданных до-магаются восстановления конституционного образа правления, я вновь посоветовался с моими министрами,

118

которые уверили меня, что, благодаря моим непосредственным заботам о поднятии народного образования, население моей империи уже достаточно созрело. Эти соображения и побудили меня согласиться на применение приостановленной в начале моего царствования конституции» [83, лл. 6—7].

28 июля 1908 г. шейх-уль-ислам Джемаледдин Эфенди

официально известил комитет «Иттихад ве теракки» и население империи о том, что Абдул Хамид принял присягу в верности конституции [448, стр. 161].

Следует отметить, что младотурецкая конституция сохраняла за султаном такие значительные права, как право назначения великого везира, шейх-уль-ислама, военного и морского министров, сенаторов, роспуска палаты депутатов и т. д. Султан являлся главнокомандующим вооруженными силами, имел право объявлять войну и заключать мир. В ст. 4 конституции говорилось: «Великий халиф, покровитель мусульманской религии, Его Величество султан является падишахом всех османцев». Кроме того, в начале августа 1908 г. комитет «Иттихад ве теракки» в специальном воззвании к народу сообщил, что «отныне комитет не намерен вмешиваться в дела правительства, и призывал народ подчиняться падишаху и его правительству» [448, стр. 165].

Совпадение по ряду вопросов интересов султанского дворца и турецких буржуазных националистов, обусловленное недостаточной зрелостью капиталистических отношений в стране и другими факторами, лишь отсрочило крушение Османской империи. Известно, что, характеризуя подобную политику в жизни отдельных стран, К. Маркс гневно замечал: «С подобным же успехом можно было бы попытаться приостановить на определенной стадии гниение трупа павшей лошади и предотвратить его полное разложение» [1, стр. 5].

Каковы же были результаты практической деятельности младотурок?

Младотурецкая пропаганда утверждала, что конституционный образ правления избавит Турцию от вмешательства иностранных держав и создаст «атмосферу свободы». Благодаря конституции, утверждала она, в ближайшее время Турция превратится в современную евро-

пейскую державу, управляемую конституцией и законами, основанными на принципах равноправия и братства. При этом особо подчеркивалось значение ст. 8 и 17 конституции 16.

Младотурки убеждали массы, что основанная ими «новая Турция» будет развиваться по пути прогресса за счет собственных средств, без иностранных займов, и в результате экономического развития граждане империи получат благополучие, а государство — полную экономическую и политическую независимость.

Рост общего благосостояния, уверяли они, положит конец многовековым столкновениям, которые «несправедливо квалифицируют как расовую и религиозную борьбу», тогда как это была борьба за существование, носившая характер экономических и социальных конфликтов [799, 17.УШ.1908].

Вслед за провозглашением конституции по требованию младотурок было издано султанское ираде об амнистии участникам революционного движения. Амнистия распространилась на 40 тыс. политических заключенных и эмигрантов [117, л. 13 об.]. Но еще задолго до этого во многих городах империи население освободило из тюрем большую часть политических заключенных [469, т. 1, стр. 241]. Народ явочным порядком освободил ненавистного султану Фуад-пашу, которому в Стамбуле была устроена восторженная встреча. Выступив на митинге в саду «Таксим», Фуад-паша произнес речь, направленную против султанского режима и окончившуюся словами «долгой тиранию!» [769, 5ЛШ1.1908].

3 августа 1908 г. из Салоник в Стамбул прибыла специальная делегация комитета в составе Талаат-бея, Джавид-бея, Джемаль-бея, Хафыз-бея, Хюсейн-бея и Рахми-бея для переговоров с султаном и его правительством по ряду вопросов [618, стр. 148]. По поручению великого везира Саид-паши правительственную делегацию

возглавил бывший великий везир Кямиль-паша.

Посланники комитета настаивали на том, чтобы было образовано конституционное правительство или, по крайней мере, изменен состав кабинета Саид-паши [448, стр. 163].

Как пишет Рашит Фаик Унат, два члена младотурецкой делегации встретились с султаном, который им заявил, что вся нация принадлежит комитету «Иттихад ве теракки», и он, султан, вправе считать себя президентом

120

этого комитета. «Давайте же,— обратился султан к своим собеседникам,— потрудимся вместе рука об руку на благо родины» [448, стр. 163].

Переговоры кончились своего рода компромиссом: младотурки еще раз подтвердили свое намерение сохранить власть султана как конституционного монарха, а правительство обязалось выполнить требования младотурецкого комитета по ряду вопросов внутренней политики.

;

Под нажимом комитета правительство вынуждено было издать циркуляр о ликвидации султанской тайной полиции, распустить 30-тысячную армию доносчиков, разогнать наиболее скомпрометированных людей из султанской камарильи, как, например, второго секретаря султана Иззет-пашу, министра сельского хозяйства Се-лим-пашу Мельхамэ, его брата Неджипа Мельхамэ, бывшего военного министра Риза-пашу, основателя системы военного шпионажа Исмаил-пашу и других. Было сообщено, что «все старые служащие, замешанные в грязных делах, заменены сторонниками младотурок» [790, ЗО.УП1.1908]¹⁷. В числе смещенных, оказались губернаторы вилайетов Хиджас — Ахмед Ратип-паша, Эрзурум — Абдулвахап-паша, Трабзон — Ферид-паша, Кастамону — Фуад-паша, Бейрут —

Мехмед Али-беи, Адана — Бахри-паша и др. Ряд сановников, таких как вали Бурсы, молочный брат Абдул Хамида Фехим-паша, главный адъютант султана Кабасакал Мехмет-паша и других лиц, известных своим темным прошлым, толпа линчевала [см.: 600, стр. 5; 448, стр. 164]. В результате этих мер был нанесен решительный удар по дворцовой камарилье и султанской администрации в вилайетах, запятнавших себя многочисленными злоупотреблениями и хищениями. Кроме того, были арестованы первый секретарь султана Тахсин-паша, бывшие министры Риза-паша (военный), Хасан Рахми-паша (морской), Мемдух-паша (внутренних дел), главный начальник артиллерии Зеки-паша и некоторые другие менее значительные лица.

Следовало ожидать, что новое турецкое правительство, пришедшее к власти в результате победы революции и безусловно находившееся под влиянием центрального комитета «Иттихад ве теракки», будет руководствоваться духом правосудия по отношению к обвиняемым, но на деле оказалось иначе. Некоторым заключенным

121

..

предложили с целью избавиться от ответственности за свои преступные деяния внести в государственную казну (в кассу пожертвований «Иттихад ве теракки», организованную 6 августа 1908 г.) определенную сумму денег и возвратить имения, незаслуженно пожалованные им султаном. Это беспрецедентное решение было принято младотурецким комитетом 13 августа 1908 г. Бывший военный министр Риза-паша уплатил 100 тыс. лир и возвратил недвижимое имущество приблизительно на такую же сумму. Зеки-паша также согласился отказаться от имений, оцениваемых в 100 тыс. лир. Столько же внес бывший морской министр Хасан Рахми-паша [см.: 83, л. 26 об.; 448, стр. 166].

Младотурецкие газеты того времени настойчиво

утверждали, что и сам султан внес в кассу 4 млн. лир из «своих собственных сбережений» [799, 29.УШ.1908].

Сделки комитета с преступниками и казнокрадами, хотя они и были обусловлены необходимостью пополнить опустевшую казну государства, разумеется, были позорным актом.

Некоторые ограничительные меры были приняты комитетом и в отношении султанского дворца. Существовавшая во дворце Йылдыз Верховная военная комиссия, имевшая огромное влияние на военное и морское министерства, а также Главное артиллерийское управление были упразднены. Все члены комиссии и управления (всего 64 человека) были переданы в распоряжение военного министерства, а все руководство вооруженными силами фактически было сосредоточено в руках великого везира. Была упразднена также военная канцелярия султана, а ее начальник Абдулла-паша был назначен командиром IV корпуса. По данным газеты «Икдам», из 390 адъютантов султана 360 были уволены и переданы в распоряжение военного министерства [799, 30.УШ.1908]. Из многочисленных придворных чинов при Абдул Хамиде остались лишь его секретарь Али Дже-ват-бей и камергеры Нури-паша и Эмин-паша. Комитет заставил султана значительно сократить расходы дворца, часть которых ранее покрывалась из государственных доходов. Около 200 упряжных лошадей, принадлежавших султану, были отданы военному министерству. Упразднены были также придворный оркестр и придворная итальянская драматическая труппа. Значительно был сокращен штат придворной прислуги.

122

Султан был вынужден безропотно покориться предъявленным требованиям.

Тем не менее Абдул Хамиду удалось сохранить в своих руках 2-ю гвардейскую пехотную дивизию, насчитывавшую

20 тыс.' человек. Хорошо вооруженная, дислоцированная в Иылдыз-киоске и его окрестностях, эта гвардия, в отличие от других воинских частей, не была приведена к присяге верности конституции. Как офицеры, так и нижние чины этой дивизии всегда пользовались особым благоволением и заботой султана и потому не примкнули к революционному движению. Чтобы лишить султана этой сильной опоры, младотурки заявили, что «ради спокойствия Его Величества весьма желательно, чтобы он временно переселился во дворец Бей-лербей» на азиатском берегу Босфора, но Абдул Хамид решительно отклонил этот «совет» [83, л. 27 об.]. В течение первой половины августа был опубликован ряд ираде о проведении парламентских выборов в стране, о неприкосновенности жилищ, о праве свободного выезда за границу и т. п. 8 августа в Стамбуле открылось Османское общество прав (Османлы хукук джемиети), а 12 августа — Османское научное общество (Джемиет-и иттихадие-и ильмие) [448, стр. 165].

В первый период революции реформаторская деятельность младотурок почти не встречала противодействия. Султан безоговорочно санкционировал их требования и старался не показывать свою ненависть к мероприятиям «турецких якобинцев».

Но все эти мероприятия носили поверхностный характер и не могли решить коренных социальных проблем. Между тем после победы революции перед младотурками, по выражению А. Сарру, стояли задачи «разрядки противоречий между различными народами империи, устранения религиозной розни, претворения в жизнь обещанного конституцией равенства, уничтожения фанатизма, проведения чистки в государственном аппарате, реформы в армии, флоте, упорядочения финансов, урегулирования спорных вопросов между Турцией и другими странами и т. п.» [739, стр. 38].

Однако лишь восстановление конституции 1876 г. и

проведение ряда других мер не могли ликвидировать социальные противоречия и обеспечить экономический, политический и культурный прогресс страны.

Тем не менее упразднение тайной полиции, отмена
123

цензуры, равно как и другие подобные мероприятия младотурок, создали благоприятные условия для оживления общественно-политической, культурной и научной жизни страны, в частности активизации либеральной прессы, роста ее авторитета и степени участия в обсуждении злободневных вопросов.

Накануне революции на турецком языке в Стамбуле выходили только три малоформатные ежедневные газеты тиражом от 2 до 15 тыс. экземпляров и несколько журналов. Кроме того, было несколько изданий на языках национальных меньшинств и европейских языках. Их общий тираж не превышал 5 тыс. экземпляров. Число периодических изданий в Турции было значительно ниже, чем в Сербии, Болгарии и Греции. С отменой цензуры в стране возникла по существу новая пресса.

26 июля 1908 г., сразу же после отмены цензуры, было создано Общество османской печати (Матбуат-ы османие джемиети) во главе с Абдуллахом Зухди-беем. В тот же день стала выходить ежедневная газета «Сер-вет-и Фюнун», а с 1 августа 1908 г. группа видных писателей и журналистов (Хюсейн Кязим, Тевфик Фик-рет, Хюсейн Джахид и др.) начали выпускать «Танин» («Эхо»), которая, между прочим, с первых же номеров начала печатать «Мать» М. Горького. 30 июля вышел в свет первый номер газеты «Икдам», владельцем и редактором которой был вернувшийся из Египта видный младотурок Али Кемаль-бей. Одновременно в Салониках младотурецкий комитет начал выпускать свою официальную газету «„Иттихад ве теракки" джемиети» («Общество „Единение и прогресс"»).

Возобновил издание своей сатирической газеты «Мизан» («Весы») Мурад-бей 18. 4 августа в торжественной обстановке было открыто государственное издательство («Матбаа-и ами-ре»), закрытое в 1901 г.

Новая пресса с самого начала своего существования стала публиковать материалы, разоблачающие султанских сановников и членов правительства. Некоторые газеты, как, например, «Сервет-и Фюнун», требовали отставки кабинета Саид-паши, «консервативного, далеко стоящего от принципов революции». Отражая мнение, младотурецкого комитета, «Сервет-и Фюнун» прямо указывала, что «большинство министров кабинета Саид-паши— это деятели старого режима... Частичные заме-

124

ны некоторых министров и других должностных лиц, произведенные под нажимом публичных манифестаций, не могут удовлетворить комитет, который настаивает на полном обновлении правительства».

Далее газета сообщала, что «вчера (3 августа 1908 г.—Г. А.) к великому везиру Саид-паше явилась делегация комитета „Иттихад ве теракки" во главе с Рефик-беем и предъявила требования об отставке правительства. Весьма долго продолжавшиеся переговоры закончились возгласом великого везира: „Что же? Вы желаете, чтобы я подал в отставку? Я готов!" Делегация предпочла молчать, давая тем самым понять, что таково ее желание» [794, 4.УП1.1908].

В тот же день «Танин» поместила статью, разоблачавшую правительственные махинации в связи с предстоящими выборами в парламент. Газета писала, что «комитету известно содержание тайной циркулярной телеграммы, посланной правительством, вилайетским властям относительно кандидатов в будущие депутаты. В телеграмме местным властям дается указание заранее наметить подходящих людей из административных советов в

качестве будущих депутатов» [799, 4.УШ.1908].

И действительно, 5 августа 1908 г. кабинет Саид-паши ушел в отставку. Но и новое, первое конституционное правительство, сформированное 6 августа 1908 г. Кямиль-пашой, также подверглось яростным атакам младотурецкой прессы.

Новый великий везир Кямиль-паша, ранее не раз занимавший этот пост, несмотря на свой 80-летний возраст пользовался репутацией способного, энергичного и главное «бескорыстного» сановника Абдул Хамида. При формировании его кабинета возник спор по вопросу о назначении кандидата на пост военного министра, на которого, по мнению правящих кругов, должна была выпасть нелегкая задача — восстановить дисциплину в армии и упрочить с ее помощью конституционный порядок в стране.

Младотурецкий комитет настаивал на том, чтобы этот пост занял губернатор Триполи маршал Реджеп-паша 19, в то время как султан выдвинул кандидатуру маршала Али Риза-паши. После долгих споров, как пишет в своих мемуарах шейх-уль-ислам Джемаледдин Эфенди, султан и на этот раз вынужден был пойти на уступки [591, стр. 151]. Однако в связи с внезапной кон-

125

•

чиной Реджеп-паши²⁰ портфель военного министра все-таки достался яркому стороннику султана маршалу Али Риза-паше, что лишний раз свидетельствовало о намерении султана в подходящий момент захватить в свои руки всю полноту власти.

Несмотря на разногласия между комитетом и правительством Кямиль-паши по ряду вопросов, решающее слово в конечном итоге принадлежало комитету. Программа нового правительства была составлена под диктовку

комитета. В числе первых мероприятий правительство предусматривало проведение повсеместных выборов городских управлений. Эта мера была направлена против попыток отстраненных от службы чиновников старого режима повлиять на ход предстоящих парламентских выборов. В одной из статей программы указывалось, что «правительство считает недействительными все прежние распоряжения и инструкции, несовместимые с духом конституции» [799, 9 .VIII. 1908]. Эта статья показывает, что младотурки стремились сломить законодательное наследие и административную практику старого режима. Важное место в программе отводилось преобразованию центральных административных органов и сокращению штатов в целях уменьшения расходной части бюджета. Указывалось, что «должности, учрежденные вследствие ничем не оправдываемых соображений и совершенно излишние, должны быть ликвидированы».

Авторы правительственной программы, однако, уклонились от изложения позиции кабинета по наиболее важным социально-экономическим проблемам (аграрное и рабочее законодательство, национальный вопрос и т. п.). Вместе с тем в программе указывалось, что «текущие дела, за исключением не терпящих промедлений, откладываются как вследствие недостатка времени, так и потому, что правительство считает своим долгом ждать созыва парламента, который и определит окончательное направление как внутренней, так и внешней политики страны» [799, 9.7111.1908].

Несмотря на такую оговорку, в программе нашло отражение стремление младотурок избавиться от гнета капитуляционного режима. «Правительство,— отмечалось в программе,— с согласия заинтересованных государств постарается уничтожить исключительные привилегии, которыми пользуются подданные некоторых держав

в Турции вопреки общепринятым нормам международного права, согласно каким-то устаревшим условиям и обычаям. Оно постарается создать общие условия, внушающие всем державам доверие в то же время показывающие иностранцам бесполезность их привилегий». Намекая на необходимость «ревизии и пересмотра коммерческих договоров», авторы программы, как бы обращаясь к великим державам за поддержкой, писали: «Турция находится в настоящее время на таком нравственном уровне, при котором нужно считаться с ее обидчивостью» [799, 9.VIII. 1908].

Правящие круги Турции, запугивая Европу возможностью падения «первого конституционного правительства», если оно не получит хотя бы «моральную поддержку» Европы, настойчиво проводили мысль о необходимости действовать в мире и согласии с иностранцами. «Мы торжественно заявляем,— писала „Икдам“, излагая правительственную программу,— что правительство Его Величества сделает все, чтобы жизнь и имущество иностранцев, равно как и наших соотечественников были в полной безопасности» [790, 11.УШ.1908].

Идея «мира между народами и классами» в те дни занимала важное место в повседневной деятельности «Иттихад ве теракки». В циркуляре комитета от 15 августа 1908 г., адресованном всем редакциям турецких газет, говорилось: «В первый и последний раз мы приглашаем османскую прессу не помещать статей, посягающих на единение всех народностей Турции или затрагивающих чувство различных национальностей, а равно статей, оскорбляющих самолюбие людей всех сословий и всех состояний. Газеты и журналы не должны помещать статьи, касающиеся Египта, Боснии и других провинций, пользующихся известными привилегиями. Все лица, виновные в нарушении этого распоряжения, будут считаться изменниками родины» [см.: 53, л. 147; 801, 1924, № 140].

Действуя в этом направлении, младотурки вели переговоры с представителями нетурецких общин с целью создать, как они сами говорили, «25-миллионную нацию османцев»²¹. С помощью такой пропаганды младотурки стремились замаскировать шовинистическую направленность своей идеологии.

Половинчатый, поверхностный характер младотурецкой революции нашел отражение также в новой про-
127

грамме партии «Иттихад ве тераккй», Принятой в середине сентября 1908 г. Салоникским (тайным) конгрессом партии²².

Основное место в программе занимали поправки к конституции и избирательной системе. Конституция, по мнению руководителей комитета, должна была удовлетворить оба стремления младотурок — либеральное и национальное, осуществить чаяния молодой национальной буржуазии, выражавшиеся в лозунге «Турция принадлежит Турции».

Изменения, внесенные новой программой «Иттихад ве тераккй» в конституцию, выразились в следующих основных положениях:

1. Однопалатная система народного представительства (Хейет-и мебусан), избираемого сроком на четыре года из расчета один депутат на 50 тыс. жителей мужского пола.

2. Избирательным правом первой степени должны пользоваться все османские подданные мужского пола старше 20 лет²³, являющиеся плательщиками прямых налогов и проживающие не менее года в данном избирательном округе.

3. Депутаты должны быть не моложе 30 лет и уметь говорить по-турецки²⁴.

4. Правительство должно нести ответственность

перед парламентом, а не перед султаном, как это предусматривалось конституцией 1876 г.

5. Во изменение ст. 62 и 113 конституции чрезвычайные права султана были несколько ограничены: за султаном сохранялось право назначать лишь треть числа сенаторов с мандатом на ограниченный срок²⁵.

Другие поправки к конституции провозглашали право «свободно» создавать политические организации, объявляли турецкий язык единственным официальным государственным языком, вводили воинскую повинность для всех подданных независимо от национальной принадлежности и вероисповедания.

С целью предотвратить возможность использования выборов для каких-либо политических манифестаций и выступлений, авторы поправок ввели статьи, согласно которым избиратели должны были, прежде чем подойти к урнам, «помолиться под руководством имама (или священника, если избиратель христианин) о продлении жизни султана и о прославлении его имени; после голосования избиратель обязан был „немедленно возвратиться

домой"» [343, стр. 201].

В то время как маловажные вопросы занимали в программе младотурок значительное место, такие злободневные вопросы, как рабочее законодательство, наделение крестьян землей, право самоопределения национальных меньшинств и т. п., почти не нашли в ней отражения. Ее авторы весьма неохотно и в туманных формулировках заявляли, что «будут предложены законы, которые позволят крестьянам стать собственниками земель, при условии, чтобы не нарушались охраняемые законом права собственности нынешних землевладельцев» [604, стр. 209].

Ст. 15 младотурецкой программы обещала уточнить расчеты при определении ашара и провести кадастр, а ст. 13, касаясь рабочего законодательства, также в весьма

неопределенной форме заявляла, что в будущем будут предложены законопроекты, регламентирующие взаимные права и обязанности рабочих и работодателей [604, стр. 209—210].

Ст. 16 и 17, посвященные образованию и просвещению, требовали, чтобы преподавание во всех государственных школах, а также в средних и высших учебных заведениях велось на турецком языке. Эти пункты отражали шовинистический курс младотурок, не считавшихся с интересами петурецкогр. населения даже тех районов, где оно составляло подавляющее большинство. В конце своей работы младотурецкий конгресс тайно избрал центральный комитет (меркез-и умуми) партии, в который вошли Хюсейн Кадри, Энвер-бей, Мидхат Шюкри Хайри, Талаат-бей, Ахмед Риза-бей, Хабиб-бей и Ибрагим Хафиз Ипекли²⁶.

Как в своей программе, так и в повседневной деятельности младотурки опирались на привилегированные классы, а не на народные массы.

Парламентские выборы были двухстепенные. Вначале выбирались так называемые выборщики, которые в свою очередь должны были избирать депутатов парламента. Младотурецкий комитет использовал все свое влияние, чтобы получить в парламенте подавляющее большинство. С этой целью младотурки всячески препятствовали во время выборов свободному волеизъявлению нетурецких народов империи.

В донесении генерального консула Беляева из Измира

9 Г. 3. Алиев

129

от 30 сентября 1908 г. сообщается, что «власти Делаю-г все, чтобы обеспечить за турками большинство, разделив в городе выборные участки, рассчитанные таким образом, чтобы в каждом участке по количеству населения большинство осталось за ними. В результате в четырех из

пяти выборных участков прошли исключительно турки и лишь в одном — греки. Армянам же не удалось провести ни одного выборщика». Последний фазис выборов в Измирском санджаке, — добавлял консул, — «прошел довольно бурно». В донесении далее говорится, что «допущенный властями произвол сильно раздражал греческое население и вызвал в нем не только охлаждение к туркам после недавнего братания, но и разочарование в новом режиме» [58, л. 35].

Правда, в ряде районов младотуркам не удалось достичь своей цели. Русский генеральный консул в Трабзоне Бранд сообщал, что во время выборов депутатов от Трабзонского вилайета большинство «оказалось приверженцами старого режима», враждебно относящимися к младотурецкому движению. Консул Бранд объяснял это тем, что «партия младотурок... здесь вовсе не сильна и среди местного населения имеет мало приверженцев» [59, л. 57].

Однако среди депутатов-нетурок было немало сторонников младотурецкого комитета, что свидетельствует о том, что буржуазные националисты, как турки, так и нетурки, находили «общий язык», особенно там, где речь шла об отстранении от активного участия в политической жизни страны подлинных представителей трудового народа. Тем не менее преобладание турецкого элемента, по мнению лидеров комитета, должно было обеспечить за партией «Иттихад ве теракки» привилегированное положение в парламенте.

Программа, принятая в сентябре 1908 г., была призвана обеспечить младотуркам победу на предстоящих выборах в палату депутатов (Меджлис-и мебусан). Большое значение имело и то, что «Иттихад ве теракки» ' ; шла к выборам почти без конкурентов. Хотя новая программа провозгласила свободу собраний, организаций и обществ, к осени 1908 г. единственной оппозиционной партией могла считаться только лишь «Ахрар» («Либералы»), о создании

которой официально было объявлено 14 сентября 1908 г. Но и эта партия не успела укрепиться как самостоятельная политическая сила.

130

Воспользовавшись благоприятной политической ситуацией, созданной в результате победы революции, младотурки сумели одержать внушительную победу на выборах и провести всех своих кандидатов в палату депутатов.

Выборы закончились в конце октября, и 1 ноября 1908 г. открылось первое заседание меджлиса. Из 275 депутатов турок было 142, арабов — 60, албанцев — 25, греков — 23, армян — 12, евреев — 5, болгар — 4, сербов — 3 и куцовалов — 127. За день до открытия сессии меджлиса стали известны имена 39 сенаторов, назначенных султаном 28.

Председателем парламента был избран Ахмед Риза-бей, который возвратился на родину 25 сентября 1908 г. из 20-летней эмиграции, а его заместителями депутат от Адрианополя Талаат-бей и депутат от Измира грек Аристиди-эфенди. 17 ноября султан Абдул Хамид выступил на объединенном заседании палаты депутатов и сената с речью, в которой вновь, как и после победы революции, заявил о своей верности конституционному строю и т. д. [см.: 448, стр. 25—28].

К концу 1908 г., как сообщил в своей депеше от 14 марта 1909 г. Зиновьев, против младотурецкого большинства в парламенте образовалась оппозиция, состоявшая из правых реакционеров и депутатов национальных меньшинств [136, т. 44, стр. 37], что грозило партии «Иттихад ве теракки» политической изоляцией. Причиной тому являлась антинародная, шовинистическая политика младотурок, воспользовавшись которой реакционные силы сделали попытку восстановить свергнутый революцией абсолютистский режим.

Контрреволюционный мятеж 31 марта (13 апреля) 1909 г. и

его подавление. Второй этап революции
Первые же месяцы существования нового режима показали, что младотурки не склонны выполнять собственные обещания по ряду важнейших вопросов — национальному, аграрному, рабочему и т. д. Они совершенно не считались ни с классовыми интересами трудящихся масс, ни с национальными особенностями и чаяниями различных народов империи, ибо младотурецкое движение носило ограниченный, буржуазно-националистиче-
9*

131

ский характер и имело целью возрождение и усиление Османской империи, а не расчленение ее.
Хотя внутренняя и внешняя политика партии «Итти-хад ве теракки» не затронула непосредственных классовых интересов феодально-клерикальной реакции, тем не менее некоторые, весьма незначительные мероприятия младотурок, направленные против старого режима, рассматривались этими кругами как расшатывание вековых устоев феодально-клерикальной системы. Поэтому правое крыло парламента, выражавшее интересы этих кругов, опираясь на реакционную прессу (газеты «Вулкан», «Сербести», «Мизан» и др.) 29, проводило обструкционистскую тактику в парламенте, обвиняло младотурок в «якобинстве», «республиканстве» и т. п. Не удивительно поэтому, что со времени своего созыва и вплоть до апрельских событий 1909 г. турецкий парламент не принял ни одного решения по какому-либо серьезному вопросу. Несмотря на полную бездеятельность парламента, Абдул Хамид II не мог примириться с существованием самостоятельного законодательного органа, с потерей значительной доли своих прерогатив в области исполнительной власти. Парламент был для султана лишь удобной ширмой для целей внешней политики. Не исключена вероятность, что будучи вынужден подписать ираде о

восстановлении конституции, он еще тогда решил избавиться от парламента, как только представится благоприятная возможность.

Вынужденной уступкой в июле 1908 г. султан, с одной стороны, признал свое моральное и политическое поражение, но, с другой — ввел в заблуждение только тех, кто сам хотел быть обманутым. Возникает вопрос: как же младотурки не могли предвидеть это неизбежное будущее в момент своего июльского триумфа и почему они не приняли соответствующих мер противодействия?

Дело в том, что классовые интересы самих младотурок ограничивались свержением деспотического режима и установлением конституционной монархии, в которой ключевые позиции были бы в руках национальной буржуазии и либеральных помещиков. Вступив в борьбу с султаном, младотурки пытались установить в стране буржуазную законность и порядок, ликвидировать некоторые, особенно тяжелые для страны формы феодальной эксплуатации. На большее в первое время они и не пре-

132

тендовали. Этим и объясняется причина проявленной младотурками нерешительности в борьбе с реакцией, которая серьезно готовилась к контрреволюционному мятежу-реваншу.

?

Для достижения своих целей Абдул Хамид рассчитывал на поддержку крайних реакционеров, группировавшихся вокруг черносотенной партии «Иттихад-и Му-хаммеди» («Единение магометан»), во главе которой стоял некий дервиш Вех-и-эфенди. Орган этой партии газета «Вулкан», начавшая выходить с 10 ноября 1908 г., использовала любой предлог для агитации против младотурок.

Обвиняя их в «якобинстве» и даже в атеизме, газета призывала правоверных мусульман «восстановить шариат»,

объединиться вокруг султана-халифа. Подливая масло в огонь, газета писала, что младотурецкий комитет замышляет свергнуть Абдул Хамида и возвести на трон принца Юсуфа Иззеддин-эфенди, что султанский двор получил из Диярбакыра телеграмму, в которой сообщается о готовности курдских эширетов оказать султану-халифу всевозможную помощь для священного дела защиты шариата и т. п. 30.

Посол России Зиновьев, указывая на связи Абдул Хамида с этой партией, сообщал, что «согласно общему убеждению, Абдул Гамид поддерживает тайные сношения с реакционными группами, которые постепенно усиливаются и в состав которых входит часть духовенства, враждебного к либеральным реформам» [136, т. 44, стр. 18].

Али Джевдет-бей свидетельствует, что дервиш Вехде-ти являлся во дворец Йылдыз с просьбами оказывать финансовую помощь его газете «Вулкан» [448, стр. 45]. По утверждению других очевидцев, «младотурки имели вид лежачий и доверчивый, в то время как султан старался показать себя человеком, довольным своей судьбой...

Действительно же, под этой искусственной поверхностью бились беспокойные и глубоко озлобленные сердца» [783, 1. У. 1909].

В донесении русского дипломата В. Майкова говорится, что «не меньшую тревогу вызывает в населении и двусмысленное поведение султана, которого подозревают в намерении ради личного своего интереса произвести кровавые беспорядки в Константинополе и тем самым вызвать иностранное вмешательство в свою лич-

133

ную пользу» [83, л. 18]. Естественно, что в результате положение первого конституционного правительства, возглавляемого Кямиль-пашой, несмотря на многолетний опыт и ясный ум великого везира, было довольно шатким.

В действительности Кямиль-паша был одним из самых способных, но и одним из самых вероломных политиков в «эпоху зулюм». Политический дуализм, свойственный Кямиль-паше, не удовлетворял ни младотурец-кий комитет, ни ультраправых реакционеров, почему он и подвергался двустороннему обстрелу³¹. В правительстве Кямиль-паши сторонниками младотурок были Рефик-бей, Хаккы-бей, Маньяси-заде и некоторые другие. Но в целом кабинет проводил политику, которая не могла удовлетворить младотурецкий комитет. В то же время крайне правые, роялисты, обвиняли его в заигрывании с комитетом «Иттихад ве теракки», в отказе от защиты «устоев шариата» и т. п.

Отказавшись от сотрудничества с младотурецким комитетом и ультраправыми (главным образом, с партией «Иттихади Мухаммеди»), правительство Кямиль-паши опиралось на партию турецких либералов «Ахрар», созданную ближайшими соратниками принца Сабахед-дина и принявшую за основу своей программы принцип «децентрализации и частной инициативы». Турецкий историк Демирай Тахсин считает, что «Ахрар» была первой турецкой партией типа западной демократии³². Но подавляющее большинство турецких авторов относит «Ахрар» к числу реакционных партий.

Как руководство «Ахрар», так и великий везир Кямиль-паша придерживались проанглийской ориентации. Это обстоятельство также сыграло немаловажную роль в активизации германофильских и франкофильских группировок в стране, особенно среди офицерства, и в падении правительства Кямиль-паши.

13 января 1909 г. палата депутатов минимальным большинством выразила доверие кабинету³³, утвердив правительственную программу. Младотурецкие депутаты голосовали против. На следующий день правительство Кямиль-паши прибегло к излюбленному в Турции методу

избавления от неприятных лиц путем назначения их на дипломатическую должность за рубежом. Видные лидеры младотурок Энвер-бей, Фетхи-бей и Хафыз-бей были назначены на должности военных атташе соответ-
134

ственно в Берлине, Париже и Вене [448, стр. 176]. Но эти меры не спасли кабинет Кямиль-паши.

После получения правительством вотума доверия младотурецкие министры — военный, морской и юстиции — вынуждены были подать в отставку. Согласно внесенным младотурками изменениям в конституцию 1876 г., назначение и смещение военного и морского министров входило в компетенцию парламента. Попытка великого везира Кямиль-паши обойти эту оговорку вызвала протест даже в самом правительстве³⁴. 12 февраля 1909 г. министр внутренних дел Хюсейн Хильми-паша, министр финансов Зия-паша, председатель государственного совета Хасан Рахми-паша, а также шейх-уль-ислам Джемаледдин Эфенди, считавшие себя «независимыми», в знак протеста против нарушения конституции подали в отставку [448, стр. 178].

На следующий день, 13 февраля, палата депутатов, по инициативе Ахмеда Риза-бея и Талаат-бея, совсем недавно выразившая вотум доверия правительству, потребовала у великого везира объяснения. Кямиль-паша, ссылаясь на болезнь, пытался уклониться от ответа. И когда он появился в зале заседаний, переполненном офицерами, поддерживавшими младотурок, ему было вотировано недоверие. Кямиль-паша ушел в отставку.

14 февраля 1909 г. было сформировано новое правительство во главе с Хюсейном Хильми-пашой. Однако и на этот раз младотурецкий комитет остался недовольным составом кабинета «независимых», поскольку такие важные посты, как военного министра и министра иностранных дел, опять-таки достались деятелям, не желавшим подчиняться

младотурецкому комитету — маршалу Али Риза-паше и Рифаат-паше, бывшему турецкому послу в Лондоне [790, 26.11.1909]. Комитет остался недовольным также новым шейх-уль-исламом — Зияедди-ном Эфенди.

Серьезное недовольство вызвал у комитета приказ нового военного министра, категорически запрещающий офицерам заниматься политикой, становиться членами политических организаций, выступать с речами перед публикой и т. п. [790, 26.11.1909].

У широких кругов населения вызвал резкий протест также специальный циркуляр министерства внутренних дел, запрещающий всякие собрания и митинги без предварительной (за 24 часа) санкции органов власти. Пра-
135

вительство Хильми-паши подверглось нападкам со стороны младотурецкой прессы, требовавшей действовать только лишь по указаниям комитета «Иттихад ве теракки».

В статье депутата от Синопа д-ра Ризы Нура «Вижу, что дела идут плохо», опубликованной в «Икдаме», резко осуждались грубые приемы комитета «Иттихад ве теракки», которыми он старался воздействовать на правительство [790, 12.11.1909]. Вслед за тем в газете «Так-вим-и векаи» («Календарь событий») была напечатана телеграмма великого везира ко всем губернаторам вилайетов, в которой с откровенным намеком на младо-турецкий комитет указывалось, что «правительство не потерпит вмешательства в его функции со стороны любой организации и общества» [802, 22.11.1909].

Серьезные затруднения встали перед правительством Хюсейна Хильми-паши и в области внешней политики. Падение англофильски настроенного кабинета Кямиль-паши вызвало недовольство в английских правительственных кругах. В беседе с турецким министром иностранных дел Рифаат-пашой Эдуард Грей заявил, что падение Кямиль-паши и замена его Хильми-пашой, известного

своими германофильскими настроениями, представляются английскому правительству вызовом со стороны совершившей этот переворот группы и что ввиду этого Турция не должна впредь рассчитывать ни на Англию, ни на ее друзей [136, т. 44, стр. 35]. В результате всего этого правительство Хильми-паши в весьма скандальной обстановке было вынуждено выйти в отставку [448, стр. 51]. Кульминационной точки борьба между младотурками и ультраправыми реакционерами достигла 13 апреля 1909 г., когда начался контрреволюционный мятеж-реванш, нити которого шли одновременно и от Йылдыз-киоска и от некоторых империалистических держав Европы.

Перед началом мятежа в Стамбуле происходили митинги в знак протеста против нового закона о прессе, резко ограничивающего свободу печати [448, стр. 179]. Один из организаторов этих митингов редактор «Сербесте» Хасан Фехми-бей был убит выстрелом из револьвера на Галатском мосту, а его друг Шакир-бей был ранен. Убийца, одетый в офицерскую форму, скрылся и остался неизвестен.

136

Хотя в исторической литературе причастность комитета «Иттихад ве теракки» к этому преступлению все еще остается спорной, тем не менее в широких кругах турецкой общественности в связи с этим резко возросли антимладотурецкие настроения. Похороны Фехми-бея, состоявшиеся 10 апреля, превратились в настоящую демонстрацию против младотурок. Ораторы, выступавшие перед 60-тысячной толпой, изображали Фехми-бея «невинной жертвой произвола иттихадистов» [619, стр. 182]. В статье «От имени пятого полка», опубликованной в газете «Вулкан» 10 апреля 1909 г., комитет обвиняли в «создании смуты в стране». Газета указывала, что 5-й полк, укомплектованный главным образом из «знатных албанцев» — сторонников абдулхамидовского режима, весьма недоволен своим положением³⁵ и что большинство его

офицеров склонно принять программу партии «Иттихади Мухаммеди».

Только после этого младотурки поняли, насколько велика угрожавшая им опасность со стороны Стамбульского гарнизона, подобранного в свое время из самых «верных» султану воинских частей.

12 апреля по требованию комитета личная охрана Абдул Хамида была переведена в Ташкышлы (ныне здание Технического университета), но на ее место были поставлены не менее опасные части, так называемые охотничьи батальоны.

13 апреля 1909 г. начался мятеж некоторых частей Стамбульского гарнизона. В семь часов утра 30 тыс. солдат, руководимых офицерами Хамди-чавуша, Мехмет-чавуша, Ариф-беем и другими, большая часть которых была отстранена младотурками, собрались на площади Айя-Софья под зелеными, черными и белыми знаменами. Часть офицеров-младотурок была заперта в казармах, часть была убита или бежала [763, 1909, № 25, стр. 77].

Описывая это событие, французский журнал «Ревю де дёмонд» в мае 1909 г. писал: «Нельзя требовать от турецких солдат, чтобы они были философами — они верили в то, что Аллах един, а Магомет — его пророк, дальше этого они мало что мыслили». В депеше Зиновьева от 14 апреля сообщается: «Не подлежит ни малейшему сомнению, что движение вызвано было пропагандой низшего мусульманского духовенства... Вчера, по данному сигналу, на площади, прилегающей к мечети

137

св. Софии, стали направляться туда батальоны, расположенные в городских казармах. Все они следовали под начальством своих унтер-офицеров, так как офицеры, не внушавшие доверия солдатам, были арестованы ими. В короткое время около св. Софии собралось до 12 батальонов пехоты и число это продолжало увеличиваться

благодаря прибытию частей, расположенных на азиатском берегу Босфора» [136, т. 45, стр. 23]. Кроме того, к мятежникам присоединились люмпен-пролетарские элементы турецкой столицы. Общее число мятежников достигло более 100 тыс. человек [218, стр. 270]. Восставшие части, как сообщил Зиновьев, опирались на поддержку духовенства и партию «Ахрар»³⁶, которая «сошлась с зачинщиками военного движения, что подтверждается, между прочим, предъявленными взбунтовавшимися батальонами требованиями» [136, т. 45, стр. 30].

Эти требования, переданные султану через шейх-уль-ислама, заключались в немедленном упразднении законодательных палат, смене министерств, восстановлении шариата и власти султана, замене великого везира Хиль-ми-паши Кямиль-пашой, председателя палаты депутатов Ахмеда Риза-бея — лидером партии «Ахрар» Исмаилом Кемаль-беем, а также в отставке видных младотурецких деятелей Талаат-бея, Джавид-бея, Хюсейна Джахид-бея и редактора газеты «Шура-и уммет» Бахаэддин-бея и др. [619, стр. 180—181].

Не дождавшись ответа султана, часть мятежников отправилась к зданию парламента, а часть — ко дворцу Иылдыз³⁷. При этом они нигде не встретили сопротивления, кроме военного министерства, охраняемого кавалерией под командованием генерала Махмуда Мухтар-па-ши. По словам последнего, если бы он имел широкие полномочия, то «подавил бы мятеж в самом зародыше, а если бы министерство вовремя приняло надлежащие меры, бунт можно было бы прекратить без кровопролития» [343, стр. 224]. Мятежники открыли здесь ружейную стрельбу, убили нескольких кавалеристов и прохожих, разгромили помещения комитета «Иттихад ве те-ракки» и его печатных органов «Танин» и «Шура-и уммет».

Как в правительстве, так и в парламенте младоту-рецкие лидеры оказались в затруднительном положении. Многие

депутаты-младотурки, в том числе председатель парламента Ахмед Риза-бей, спаслись бегством. Джа-138

Вид-бей и Хюсейн Джахид-бей укрылись в русском посольстве, а затем бежали на русском пароходе в Одессу, где пользовались гостеприимством генерала Толмачева [392, стр. 115]. Остальные депутаты-младотурки бежали в Салоники. Оставшиеся в здании парламента 30 депутатов — сторонники переворота — решили выразить недоверие правительству и послали к султану «специальную парламентскую делегацию» в составе восьми человек. Идя навстречу мятежникам, они избрали Исмаила Кемаль-бея председателем парламента.

Правительство Хюсейна Хильми-паши было охвачено паникой и растерянностью. Когда командир I корпуса генерал Махмуд Мухтар-паша и начальник генерального штаба маршал Иззет-паша, сторонники младотурецкого комитета, предложили подавить мятеж силой, великий везир Хильми-паша счел это «опасным и рискованным» и фактически капитулировал. «При подобных случаях, — заявил он, — правительству ничего не остается, кроме как известить Его Величество султана о том, что оно не в состоянии обуздать положение и ходатайствует об отставке» [448, стр. 184].

Абдул Хамид II, несомненно, подготовленный к этим событиям, поспешил выполнить требования мятежников, вполне соответствующие его желаниям. Великим везиром был назначен бывший министр иностранных дел в кабинете Хильми-паши Ахмед Тевфик-паша, а военным министром — Этхем-паша. Вечером 13 апреля бунтовщики возвратились в свои казармы и султанским указом все они были «амнистированы». Характерно, что султан назвал их «своими детьми» [343, стр. 225]. В беседе с Исмаилом Кемаль-беем Абдул Хамид заявил, что, по его мнению, «настоящее движение солдат и народа (!) никаких других целей, кроме укрепления конституционных порядков, не

преследует» [448, стр. 184].

Итак, превращенный в результате революции в конституционного монарха, Абдул Хамид снова, хотя и на короткое время, восстановил свою неограниченную власть. В донесении Зиновьева указывалось, что «восстановив свою власть, султан немедленно потребовал возвращения войсковых частей, удаленных на днях из Йылдыза. За исключением министра иностранных дел Рифаат-паши, новый кабинет составлен исключительно из старых элементов, покорных султану» [136, т. 45, стр. 31].

139

Мятежные солдаты в течение 48 часов праздновали победу, занимаясь мародерством. Фактически в течение этого времени столица была в их руках. «У солдат было много денег,—писал очевидец событий,—и они швыряли ими; каждый наблюдатель видел, что организаторы заговора затратили немалую сумму, чтобы купить поддержку со стороны армии. Как многие солдаты признались впоследствии, их соблазнили денежными подарками и увлекли на ложный путь лживые проповедники, обращавшиеся к ним во имя религии» [343, стр. 226].

Так завершился контрреволюционный мятеж, подготовленный крайне реакционными силами во главе с ультрароялистами, духовенством и с помощью партии «Ахрар», выразительницей" интересов турецкого полуфеодално-клерикального землевладения и инационального компрадорско-ростовщического капитала³⁸.

Любопытно, что в ряде работ турецких авторов, особенно в последнее время, делаются попытки реабилитировать истинных виновников «событий 13 апреля» и переложить основную вину на комитет «Иттихад ве теракки». В этом отношении особо выделяется работа Джевата Рифата Атилхана [см. 460, стр. 195], выступающего в качестве апологета реакционного духовенства и абдулха-мидовской тирании. «Анализируя» события 13 апреля, Атилхан пишет,

что якобы «это восстание было направлено против невежества и гнета, к свету и знаниям». Причину мятежа он видит в «оскорблении нации и ее религии» [460, стр. 8]. Подобные утверждения, несомненно, далеки от исторической истины и имеют целью во что бы то ни стало оправдать реакционную роль мусульманского духовенства и «турецкого Николая II» — Абдул Хамида II.

Как указывалось выше, младотурки после мятежа 13 апреля бежали в свое «старое гнездо» — Салоники. Они оказались и на этот раз подготовленными к событиям и не растерялись. Они хорошо понимали, что сопротивление военному путчу можно организовать только в Салониках и Адрианополе, где гарнизоны были верны им; В Салониках комитет собрал преданных ему офицеров и, пользуясь поддержкой своих единомышленников, занимавших ответственные посты, стал стягивать

140

туда верные себе воинские части. Там же обсуждался и план действий.

В телеграмме управляющего русским гражданским агентством в Македонии Петряева послу Зиновьеву от 15 апреля 1909 г. сообщалось, что «младотурецкий комитет заседает беспрерывно... Решено не признавать нового правительства в Константинополе. Полученному от султана телеграфному заверению о неприкосновенности конституции офицеры третьего корпуса не придают никакой веры. Идут переговоры с третьим корпусом о совместном движении в Константинополе. Первые отряды войска приготовлены к отправке отсюда сегодня ночью. Из Монастыра ожидается прибытие майора Ния-зи с 15 батальонами. В случае успеха младотурки предполагают свергнуть султана» [136, т. 45, стр. 31].

Не только в Македонии, но и во всей стране поднялась волна гнева и возмущения контрреволюционным переворотом. Демократические силы еще раз поддержали

младотурок, вновь объединившись перед лицом серьезной опасности. Обращение младотурецкого комитета ко всем патриотам, как пишет А. Сарру, было воспринято македонским населением, как мусульманским, так и христианским, «с большим энтузиазмом и чувством подлинного патриотизма» [739, стр. 100].

По свидетельству того же автора, за несколько дней в городах Македонии в отряды записались тысячи волонтеров всех народностей. Революционные четы Сандан-ского и отряд федаев Ниязи-бея снова встали на защиту революционных принципов. Присоединение этих сил к младотурецкому комитету значительно подняло авторитет и влияние комитета, как единственной в то время организации, имевшей силу и способной обуздать реакционные элементы.

Однако главной ударной силой младотурок по-прежнему были Салоникский и Адрианопольский корпуса, составившие основу 100-тысячной «армии действия» («харекет ордусу») под командованием генерала Махмуда Шевкет-паши.

С выступлением «армии действия» против контрреволюционного мятежа 13 апреля начался второй период революции.

16 апреля 1909 г., когда в Стамбуле реакция торжествовала победу, первые эшелоны III (Салоникского) корпуса численностью 1300 человек под командованием

141

майора Мухтар-бея и Галйп-бея уже находились на пути к столице [136, т. 45, стр. 34]. Прибыв к Чаталдже, они не встретили сопротивления местного гарнизона и овладели главным фортом — Хадем-кёй. Вскоре и главные силы «армии действия» подошли к окрестностям Стамбула.

Султан послал к войскам парламентаров в составе военачальников и представителей духовенства во главе с Хуршит-пашой, которые пытались убедить младотурецких

лидеров в том, что якобы последние события были только недоразумением и что гарнизон столицы не противостоит македонской армии [763, 1909, № 25, стр. 78]. В донесении Зиновьева сообщалось, что руководители «армии действия» заявили посланцам султана о необходимости обеспечить конституцию и свободу действий палаты депутатов, а также наказать зачинщиков последнего военного выступления, но от предъявления более точных условий уклонились.

«Фактически,— пишет посол,— они отказываются от всяких переговоров с правительством» [136, т. 45, стр. 35].

17 апреля правые партии в Стамбуле огласили «совместную декларацию» о создании так называемой Османской союзнической миссии (Хейет-и мюттефика-и османие) якобы «для защиты принципов конституционных порядков» [448, стр. 186].

Однако эти маневры не могли изменить ход событий, и «армия действия» продолжала наступать на Стамбул. 18 апреля отдельные части армии заняли железнодорожную станцию Кючюкчешме, а салоникский жандармский батальон — станцию Ешил-кёй (Сан-Стефано). 19 апреля было опубликовано воззвание (из девяти статей) Хюсейна Хюсни-паши, одного из руководителей «армии действия», в котором содержалось категорическое требование младотурок о безоговорочной капитуляции мятежников [448, стр. 186]. Очевидец этих событий, английский профессор В. Рамсей впоследствии писал, что «младотурки поняли свою ошибку, допущенную в июле

1908 г., и не намерены были повторять ее вновь. Или султан, или младотурки... Так обстояло дело в апреле

1909 г.» [735, стр. 25).

Либералы изменили младотуркам и перешли на сторону султана, который стремился уничтожить не только младотурок, но и либералов. Таким образом, вопрос сводился к борьбе между реакционными силами и мла-

дотурецким комитетом «Иттихад ве теракки». Последний
142

был «полон решимости сурово наказать своих врагов» [735, стр. 25].

Однако младотурки стремились войти в Стамбул без кровопролития, чтобы избежать гражданской войны³⁹.

Руководители комитета в своих выступлениях утверждали, что все «друзья свободы» должны на время оставить свои партийные счета и объединиться для спасения конституции; что касается военных действий, то этим якобы должна заниматься армия, которой «никакого дела нет ни до политики, ни до партии. Это армия нации, и, вступив в столицу, она должна объявить военное положение и строго наказать изменников, соблазнивших солдат и использовавших их в своих реакционных целях». Армия младотурок остановилась у стен столицы. Правда, на соглашение с представителем Стамбульского гарнизона, начальником штаба Назым-пашой главнокомандующий «армией действия» не пошел, выразив сомнение в том, что Назым-паша сумеет обуздать разбушевавшуюся солдатскую массу Стамбульского гарнизона.

22 апреля в Сан-Стефано, захваченном «армией действия», собралось так называемое национальное собрание— совместное тайное заседание палаты депутатов и сената под председательством Саид-паши для обсуждения условий командования «армией действия», выдвинутых в телеграмме Махмуда Шевкет-паши султану Абдул Хамиду II. В телеграмме говорилось, что «вследствие распушенности в султанской гвардии могущество правительства было совершенно уничтожено и что его армия призвана восстановить порядок в столице». В конце телеграммы Шевкет-паша заявлял «о своем полном почтении к особе Его Величества» [763, 1909, № 25, стр. 81].

Абдул Хамид поспешил отметить, что «при настоящих

обстоятельствах дело касается не столько его особы, сколько средств к избавлению страны от тех мук, которыми она страдает». При этом он заявил, что обвинение против солдат в том, что они были подкуплены, является очень важным, а потому крайне необходимо произвести серьезное следствие. Далее хитроумный султан добавил, что «если солдаты получили деньги, чтобы принять участие в политических распрях, нельзя себе представить, сколько произойдет от этого зла» [763, 1909, № 25, стр. 81].

Но дело в том, что именно агенты султана пытались
143

подкупить солдат революционной армии, как об этом впоследствии сообщал В. Рамсей [735, стр. 49]. По словам того же автора, «план обороны султана основывался также на вмешательстве европейских держав и на оккупации ими Константинополя» [735, стр. 46]. Но В. Рамсей, явно защищая интересы английских колонизаторов, заранее оговаривает, что Англия якобы не была причастна к этим событиям, хотя и признает, что «ожесточенная борьба между англичанами и немцами за влияние в

Константинополе сильно мешала установлению мира и порядка в стране» [735, стр. 29]. Еще задолго до апрельских событий Э. Грей в письме английскому послу в -Стамбуле выражал опасения за последствия, которые могли произойти в английских колониальных владениях на Востоке вследствие «упрочения революционных институтов в Турции» [151, т. 5, стр. 263].

Не отставала от Англии и Франция. В дни контрреволюционного мятежа французское правительство, обеспокоенное враждебной пропагандой некоторых младотурецких газет против «Режи», попыталось объединить действия западных держав в отношении младотурок. 22 апреля французский министр иностранных дел Пи-шон дал инструкцию послам в Вене и Берлине согласовать с Австрией и Германией вопрос о совместном меморандуме,

«адресованном младотуркам с требованием твердой гарантии к иностранным капиталам, помещенным в Османской империи» [цит. по: 207, стр. 141].

Поддержка европейскими державами Абдул Хамида против младотурок подтверждает ленинские слова о том, что «на деле ни одна европейская страна, называющая себя демократией, ни одна европейская буржуазная партия, именующаяся демократической, прогрессивной, либеральной, радикальной и т. п., не доказала ничем своего действительного желания помочь турецкой революции, ее победе, ее упрочению» [20, стр. 222].

Однако объединенный фронт внутренней и внешней реакции не смог спасти трон кровавого султана. Опасаясь прямой военной интервенции западных держав в поддержку Абдул Хамида, младотурки на этот раз серьезно готовились к штурму цитадели тирании и деспотизма. Они предприняли меры «для подавления мятежа и недопущения какого-либо вмешательства со стороны европейских держав» [735, стр. 48].

Следует, однако, отметить и тот факт, что прямая
144

военная интервенция в турецкие дела оказалась невозможной главным образом из-за империалистических противоречий между самими европейскими державами. В то же время они не могли не видеть растущую с каждым днем непопулярность султана. По словам В. Рам-сея, каждая держава в отдельности решила, что, «поддерживая младотурок против султана, можно получить гораздо больше, чем от поддержки старого режима» [735, стр. 76]. Нельзя не согласиться с В. Рамсеем и в том, что «Германия поддерживала султана до поры до времени, т. е. до тех пор, пока тот обладал наивысшей властью. Но когда она убедилась, что не получит ничего от поддержки султана, пересмотрела свою политику» [735, стр. 76].

22 апреля 1909 г. главная ударная сила младотурок—

«армия действия», состоявшая из регулярных частей и большого числа добровольцев, вплотную подошла к стенам столицы. В ее рядах чувствовался дух решимости и твердости. По свидетельству В. Рамсея, «солдаты регулярной армии Шевкет-паши, а также добровольцы, одетые в самое разнообразное, потрепанное обмундирование, часто повторяли слова: „У старца Хамида дни сочтены“ („Баба Хамид битти“)» [735, стр. 76]. Когда стало известно, что телеграф и все средства транспорта находятся под контролем революционных войск, в Стамбуле началась паника. Главари мятежа и дворцовые шпионы решили бежать из столицы на кораблях флота, которым тогда фактически командовал английский адмирал Кемпбелл. До 22 апреля, когда «армия действия» уже в полном составе начала стягиваться к столице, корабли покинули свои стоянки и ушли в открытое море «для проведения учебных маневров». К вечеру стало известно, что флот «изъявил желание содействовать революционным войскам» [735, стр. 62]. В пятницу, 23 апреля, Абдул Хамид явился на свой последний селямлык⁴⁰. В тот же день «армия действия» четырьмя колоннами начала наступление на Стамбул. Военная операция по разгрому мятежников проводилась по заранее составленному плану [448, стр. 187]. Левый фланг армии к вечеру занял господствующие над городом высоты, а правое крыло с боем захватило расположенные в пригороде воинские казармы «Давуд-паша» и «Рахми»⁴¹.

10 Г 3. Алиев

145

По свидетельству историка Ахмеда Рефика, генеральное сражение началось утром 24 апреля. Оно длилось несколько часов. К вечеру были захвачены крупные воинские казармы «Таксим кышла», «Таш кышла» с их арсеналами, а батареи Махмуда Шевкет-паши уже угрожали бомбардировкой Иылдыз-киоску, окруженному отрядом Энвер-бея [631, стр.

62]. Батальоны Ниязи-бея в это время атаковали в наиболее трудных местах. Отчаянное сопротивление оказал гарнизон казармы «Сели-мие» на малоазиатском берегу Босфора. Мятежники, видимо, ожидая сурового наказания, «хотели дорого продать свою жизнь» [85, л. 5].

Артиллерийским огнем было подавлено сопротивление охраны военного министерства и султанской кавалерии, только что вернувшейся из селямлыка. 26 апреля Стамбул полностью находился под контролем армии генерала Махмуда Шевкет-паши. В отличие от солдат мятежных частей, которые все время занимались в столице мародерством, в «армии действия» господствовали «порядок, уверенность и революционный энтузиазм» {735, стр. 95}.

По мнению В. Рамсея, «если бы штурм города был отложен хотя бы на один день, было бы очень поздно предотвратить величайшую резню в истории, венчавшую зверства режима Абдул Хамида» [735, стр. 95]. В назидание реакционным кругам младотурки повесили на площадях столицы многих мятежных солдат. 26 апреля был объявлен приказ Махмуда Шевкет-паши о введении в Стамбуле военного положения. Реакционное движение 13 апреля 1909 г. было подавлено сравнительно легко потому, что страна нашла в себе достаточно здоровых, передовых сил, чтобы смять мятеж людей, лишенных всякого идеала и действовавших на деньги дворцовой камарильи.

27 апреля на заседании Национального собрания (палата депутатов и сенат) была оглашена фетва шейх-уль-ислама о низложении султана Абдул Хамида и лишении его сана халифа. «Если повелитель правоверных,— гласила фетва,— присваивает себе общественное достояние и расточает его, если он без законной причины умерщвляет, заключает в тюрьму и изгоняет своих подданных и творит насилия, если он затем, поклявшись вернуться на стезю добродетели, нарушает клятву, создает смуту, вызывает междоусобные

кровопролития,

146

то пбдлѣжит ли он низложению? Священный Закбн Гла-сит —да!» [85, л. 9].

На престол был возведен младший брат Абдул Хамида, дряхлый и безвольный Мехмед V Решад (1844— 1918), более 30 лет проведенный в тиши гарема, вдали от политической жизни страны. По словам очевидцев, при вступлении на престол Мехмед V выразил радость по поводу того, что именно он является «первым конституционным монархом» [218, стр. 270—271]. Решение Национального собрания было вручено Абдул Хамиду специальной делегацией, состоявшей из четырех депутатов. Вечером того же дня низложенный султан с частью своего гарема был отправлен под усиленным конвоем в Салоники⁴².

Младотурки сохранили султану жизнь больше из политических расчетов, чем по великодушию, так как насильственная смерть, по мнению лидеров комитета, «могла бы вызвать в некоторых частях империи волнения и вспышки, против которых было бы трудно принять меры» [783, 15.У.1909].

После свержения Абдул Хамида младотурки не ограничились установлением своего контроля над деятельностью правительства, а сосредоточили власть непосредственно в своих руках. Однако они решили сохранить монархию, стремясь использовать личность султана в целях укрепления своих позиций.

Младотурки взяли на себя огромную ответственность перед своей страной, перед историей. «Эра опасностей для них миновала, началась эра затруднений», — так охарактеризовал положение младотурок французский журнал «Ревю де дё монд» после подавления контрреволюционного мятежа и свержения абдулхамидовского режима [783, 15.У.1909].

С низложением Абдул Хамида позиции реакционных сил в стране значительно ослабли, однако тяжелое положение широких народных масс, их постоянная материальная нужда, нерешенность аграрного и национального вопросов, отсутствие рабочего законодательства и другие проблемы социально-экономического и политического характера оставались мощными «союзниками» реакции в борьбе против младотурок.

Последние же вместо того, чтобы взяться за решение этих проблем, пошли по иному пути. Подавив мятеж феодально-компрадорской реакции и захватив власть

10*

147

в свои руки; они переродились,- полностью порвали с массами и по существу установили режим, мало отличавшийся от абдулхамидовского.

В. И. Ленин следующим образом характеризовал турецкую революцию 1908—1909 гг.: «Если взять для .примера революции XX века,— писал В. И. Ленин,— то и португальскую и турецкую придется, конечно, признать буржуазной. Но „народной" ни та, ни другая не является, ибо масса народа, громадное большинство его . активно, самостоятельно, со своими собственными экономическими и политическими требованиями, ни в той, ни в другой революции заметно не выступают» [38, стр. 39].

Ограниченность младотурецкой революции проявилась в том, что она была направлена по существу только против султанского самодержавия. Как национальная турецкая буржуазия, так и инонациональная, компрадорская, боялись рабоче-крестьянских масс и того, что эти массы вырвутся из-под их влияния. Младотурки не хотели повести широкие крестьянские массы на борьбу с помещичьей эксплуатацией и произволом. Выступления крестьян носили в большинстве случаев стихийный характер. Что касается турецкого рабочего класса, то он был еще очень слаб, неорганизован,

чтобы возглавить революционную борьбу народных масс. Ограничение задач революции «установлением порядка и законности» вполне устраивало и бесхарактерных и подлых либеральных помещиков, для которых это понятие означало не что иное, как подавление классовой и национально-освободительной борьбы народов Османской империи. Многие помещики, например в Македонии, из страха перед крестьянским движением искали поддержку у младотурок и вступали в их партию. Их вполне устраивало то, что младотурки вовсе не собирались разрешать аграрный вопрос и стремились сохранить крупное феодально-помещичье землевладение при безземелье и малоземелье основной массы крестьян.

Революция 1908—1909 гг. показала «ту же бесхарактерность и подлость либерализма, то же исключительное значение самостоятельности демократических масс, то же отчетливое размежевание пролетариата от всяческой буржуазии» [25, стр. 4].

148

Политика руководившей революцией турецкой торговой буржуазии и либеральных помещиков вызывала восторги у империалистических кругов Европы и США. «Июльская революция,— писал французский журнал „Ревю де дёмонд“,— была красива как волшебство, как прекрасный сон, развеянный пробуждением. Грубые потрясения апреля 1909 г. были мрачны и кровавы. К ним-то и привели опьяняющие, но быть может, наивные надежды, которые существовали в течение десяти месяцев после революции» [783, 15.V.1909].

«Младотурков хвалят за умеренность и за сдержанность,— писал по этому поводу В. И. Ленин,— т. е. хвалят турецкую революцию за то, что она слаба, за то, что не пробуждает народных низов, не вызывает действительной самостоятельности масс, за то, что она враждебна начинающейся пролетарской борьбе в империи

оттоманов...» [20, стр. 223].

Здесь уместно вспомнить слова Августа Бебеля о том, что «если хвалит тебя враг, то значит ты работаешь в его пользу».

Половинчатость и узость младотурецкой революции выражались и в том, что как в июле 1908 г., так и в апреле 1909 г. она не обезглавила реакцию, хотя значительное число участников контрреволюционного мятежа было казнено на площадях Стамбула. Младотурецкая верхушка в конечном итоге капитулировала перед феодально-клерикальными группировками, компрадорами и империалистами. Помещичье-феодальная олигархия, ростовщики, компрадоры, «ашрафы», реакционное духовенство — вся эта камарилья, недовольная потерей своих старых привилегий, в ходе революции не только не была разгромлена, а, наоборот, объединилась, создав различные политические организации, общества, партии типа «Ахрар», «Иттихади Мухаммеди» и т. п.

Внутренняя политика младотурок в известной степени определялась и внешними факторами. Начиная с Крымской войны (1853—1956), Турция подпала под контроль иностранного капитала, вследствие чего она фактически превратилась в полуколонию западных держав. Весьма важную роль в закабалении этой страны сыграл режим капитуляций, навязанный ей странами Запада. В результате всего этого в конце XIX — начале XX в. Турция принадлежала одновременно всем великим державам и по существу никому: постоянные трения

149

между последним превратили Турцию в арену межимпериалистической борьбы за сферы влияния, сбыта товаров и приложения капиталов.

Буржуазная революция 1908—1909 гг. не могла разрешить задачу освобождения стонущих под кровавым гнетом феодально-деспотического режима и иностранного

империалистического засилья народов Османской империи.

Тем не менее младотурецкая революция была важной вехой в истории Турции. Она была первой в истории Турции буржуазной революцией. Победа младотурецкой революции и восстановление конституции встряхнули все слои турецкого общества, развязали инициативу народных масс, этих последовательных защитников принципов демократии. Революция вовлекла в движение немногочисленный турецкий пролетариат, не имевший к тому времени своей рабочей организации. Поднялось на борьбу турецкое крестьянство, надеявшееся улучшить свое положение. «Исторические заслуги судятся не по тому, — пишет В. И. Ленин, — чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками» [11, стр. 178].

Несмотря на всю свою ограниченность и узость, младотурецкая революция значительно обогатила духовную жизнь турецкого народа, который стал испытывать на себе влияние всемирной борьбы идей и принципов. Она представляла собой начало нового периода турецкой истории — периода борьбы за социальное и национальное освобождение.

Глава III

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА МЛАДОТУРОК В 1909—1914 гг.

Некоторые мероприятия по укреплению власти

В октябре 1912 г. В. И. Ленин писал: «В Восточной Европе (Австрия, Балканы, Россия)—до сих пор не устранены еще могучие остатки средневековья, страшно задерживающие общественное развитие и рост пролетариата. Эти остатки — абсолютизм (неограниченная самодержавная власть), феодализм (землевладение и привилегии крепостников-помещиков) и подавление национальностей» [21, стр. 155].

Эту ленинскую характеристику полностью можно отнести и к полуколониальной Турции в период и даже после младотурецкой революции. Отсюда понятно, что, не устранив эти «могучие остатки средневековья» и кабальную зависимость от иностранного капитала, младотурки не должны были браться за решение важнейших социально-экономических проблем, стоявших тогда перед страной. Как же понимали младотурки эти задачи и как они отнеслись к их решению?

В первые дни после свержения Абдул Хамида в стране фактически не было правительства. Внешне существовал один повелитель — армия, главнокомандующий которой генерал Махмуд Шевкет-паша сделался самым популярным военачальником в стране.

Но эта грозная сила был всего лишь орудием в руках всемогущего комитета «Иттихад ве теракки», который, не правя непосредственно страной, свергал и назначал по своему усмотрению министров.

Младотурецкий комитет так мало придавал значение правительству, что даже не сменил сразу Ахмеда Тевфик-пашу, назначенного Абдул Хамидом великим везиром после переворота 13 апреля, в результате чего его правительство просуществовало до 18 мая, т. е. более 20 дней после низложения Абдул Хамида.

Новый кабинет возглавил Хюсейн Хильми-паша. Несмотря на то что не все министерские портфели занимали младотурки, деятельность правительства направлялась «Иттихад ве теракки». Кроме того, младотурки заняли посты губернаторов, послов при иностранных государствах, большую часть высших должностей в армии, а также влиятельные придворные должности. Как правило, решения комитета являлись директивами для министров, депутатов, провинциальной администрации.

Одними из своих главных задач младотурки считали реорганизацию армии и жандармерии и упорядочение

финансов, без чего страна не могла бы существовать как самостоятельное государство. Однако эти задачи были второстепенными по сравнению с такими важнейшими, неотложными вопросами, как удовлетворение насущных нужд миллионов крестьян, решение национальной проблемы, введение рабочего законодательства, реформ в области экономики, социального обеспечения, правосудия, народного образования и т. д. Младотурки же отложили решение этих вопросов на неопределенный срок и все свои усилия направили на укрепление военного могущества государства.

Они считали, что вся тяжесть' революции как в июле 1908 г., так и в апреле 1909 г. была вынесена на плечах армии, поэтому «в первую очередь она и должна быть вознаграждена». Кроме того, по мнению младотурок, реорганизация армии на европейский лад должна была ликвидировать возможность реставрации деспотического режима.

Действительно, победа младотурецкой революции стала возможной благодаря совместным действиям двух сил — партии «Иттихад ве теракки» и находившейся под ее контролем армии. К армии младотурок принадлежали многие офицеры, преимущественно воспитанники высших военных училищ. Общность интересов соединила младотурецких теоретиков, выработавших свои взгляды задолго до революции, с армией, с теми ее офицерами, которые получили образование за границей. Тем не менее «Иттихад ве теракки» никогда не была «партией армий», как и армия не была частью организации этой партии. Их объединяло лишь общее дело.

Следует отметить, также, что победа революции была достигнута при помощи не всей армии, а лишь части ее. Остальная часть армии либо была против революции, либо выжидала. После победы революции эта часть армии вынуждена была молчаливо подчиниться младо-турецкому

правительству.

Поэтому младотурки при проведении «реформы» армии, с одной стороны, старались укрепить позиции своих сторонников, с другой — расчистить армию от «нежелательных» для себя элементов — сторонников старого режима.

Для проведения военной реформы младотурецкое правительство назначило специальную комиссию с широкими полномочиями. В состав комиссии вошли военный министр Салих-паша (председатель), маршалы Ахмед Мухтар-паша и Этхем-паша, а также главный начальник артиллерии, командир султанской гвардии и председатель военного трибунала [786а, 12.УП.1909].

Для проведения чистки в армии младотурки в первые послереволюционные дни учредили военно-полевые суды, которые приговаривали ярых сторонников султана к расстрелу или к ссылке. Однако в большинстве случаев смертные приговоры были заменены разжалованием и ссылкой в отдаленные места империи.

После июльской революции младотурки провели законопроект, по которому турецкая армия должна укомплектовываться не только мусульманами, но и христианами. Эту меру младотурки пропагандировали как «начало новой эры в жизни турецкой армии» [786а, 21.XI.1908]2.

В конце сентября 1908 г. стало известно, что немусульмане могут поступать в военные училища, если выдержат приемные экзамены [786а, 29.XI. 1908]. Спустя некоторое время военное министерство выработало новую программу для приема в военные училища. Тем не менее, немусульман по-прежнему не брали на военную службу, а продолжали взимать с них военный налог [786а, 19.XI.1908].

Главное в военной реформе было введение в турецкой армии германской военной системы. Основные принципы реформы были разработаны германским генералом фон дер Гольтцем. По распоряжению военного

министерства в пехотных частях был принят германский военный устав 1905 г. [786а, 22.1X.1908].

Снабжение новейшим оружием турецкой армии должно было осуществляться путем размещения заказов главным образом среди германских фирм (Крупна, Ман-несмена и др.). В результате военные расходы турецкого бюджета в эти годы составляли 35—37%.

Изыскивая дополнительные средства на реорганизацию армии, военное министерство прибегло к сбору пожертвований, широко практиковавшемуся в Турции [786а, 10.1X.1908]3. Многие офицеры отказались в пользу армии от содержания, которое не было им выплачено при старом режиме. К концу 1908 г. эта сумма составила более 132 тыс. пиастров [786а, 20.XII.1908].

Военная реформа предусматривала обязательное ношение единой формы 4, проведение в Турции, по примеру европейских армий, ежегодных маневров, имевших не только военный, но и политический характер — средство демонстрации силы нового режима.

Реорганизована была также система военных училищ. Вместо Главного управления военных училищ было создано так называемое Ведомство военного воспитания и образования во главе с генералом Зекки-пашой [786а, 4.IX.1909]. При старом режиме члены султанской фамилии учились в специальном высшем военном училище «Панкальди». Младотурки объявили, что «по желанию» самих высокопоставленных учеников это училище ликвидируется, и молодые принцы «обязаны были проходить курс вместе с остальными курсантами военных училищ» [786а, 16.X.1909].

Определялись льготы офицерам, которые должны были служить в отдаленных районах империи (Йемене, Триполи, Хиджазе и др.), причем срок пребывания в этих районах был сокращен с трех до двух лет [786а, 24.Y.1910].

Младотурки придавали важное значение усовершенствованию знаний офицеров, военных врачей и других военнослужащих, для чего резко увеличили число офицеров, командируемых за границу.

Большинство перечисленных мер, составлявших отдельные звенья военной реформы, было принято еще до событий 13 апреля 1909 г.

Основные дебаты по военной реформе происходили в парламенте после свержения Абдул Хамида.

154

Вопрос «О правильности чинопроизводства высшего командного состава турецкой армии» стал предметом бурных дискуссий на заседаниях парламента 8 и 9 июля 1909 г., на которых присутствовало большое число офицеров всех чинов и всех родов войск.

При старом режиме офицеры из привилегированных сословий делали быструю карьеру. Нередко их производили в генералы ранее 30 лет от роду, тогда как лучшие офицеры оставались в течение многих лет в одном и том же чине.

Немало было офицеров с высокими чинами, которые не кончали военных училищ и не служили ранее в армии. Они носили офицерскую форму благодаря прихоти султана. «Иногда военную форму носили даже простые артисты», — писала газета «Истанбул» [786а, 17.УШ.1909].

Во внесенном в парламент законопроекте был точно определен срок службы в том или ином офицерском чине: лейтенант (тегмен) — три года, старший лейтенант (юсттегмен) — четыре, капитан (юзбашы) — четыре, майор (бинбашы) — четыре, подполковник (ярбай) — пять, полковник (албай) — четыре, бригадный генерал (туггенерал) — четыре, дивизионный генерал (тюмгене-рал) — четыре года. Офицеры могли выходить в отставку после 15 лет службы, а на пенсию — после 22 лет.

При рассмотрении вопроса о чинах, произведенных до революции 1908 г., возникли разногласия между парла-

ментом и военным министерством. Основная причина разногласий заключалась в том, что на обсуждение одновременно были представлены два проекта — парламентской комиссии и комиссии военного министерства за подписью министра Салих-паши. Эти проекты резко отличались друг от друга, так как военное министерство старалось сохранить привилегии большинству генералов. Когда парламент решил принять за основу проект парламентской комиссии, докладчиком которой был молодой депутат, председатель комиссии Васфи-бей, представители военного министерства, в том числе Салих-паша, отказались обсуждать этот вопрос. Чтобы выйти из создавшегося тупика, парламент пошел на сговор с военным министерством. Председатель палаты депутатов Халил-бей (Ментеше), который лично вел переговоры с Салих-пашой, сообщил, что «обе стороны пришли к компромиссу по основным статьям законопроекта» [786а, 18.У1П.1909].

155

Была изменена и система производства в офицеры генерального штаба («Эркан-ы харбие»). Если раньше такие офицеры избирались из числа наиболее способных выпускников военных училищ, то теперь они обязаны были прослужить минимум два года в строевой части, а затем сдавать вступительные экзамены в Академию генерального штаба.

После этого парламент перешел к обсуждению «категории офицеров» султанской гвардии «хамидие». Депутаты доказывали, что большинство офицеров этой категории получило звание от своих отцов по наследству, например, дети вождей курдских племен. В парламенте приводились случаи, когда трех-четырёхлетние мальчики имели чин полковника.

Депутат Нафи-паша указал, что отмена привилегий может привести к волнениям курдских племен. Его выступление вызвало недовольство многих депутатов парламента.

Депутат Зохраб-эфенди, прочитав список юных курдских «полковников», «майоров» и т. п., отметил, что «предоставление таких привилегий подрывает престиж всей военной системы Османской империи» [786а, 19.УШ.1909]. Некоторые более консервативные депутаты, как Му-стафа Азим-эфенди и полковник Хаккы-бей, доказывали, что для Турции кавалерия «хамидие» необходима. Поэтому они предлагали сократить эту гвардию, несколько реорганизовать ее и изменить название [109, л. 18]. Но эти домогательства были отклонены большинством парламента. При обсуждении данного вопроса представители духовенства высказали пожелание восстановить чины тех военачальников, которые впали в немилость при старом режиме. Однако Васфи-бей указал, что «финансовое положение страны, которое явилось одним из важнейших причин для внесения данного законопроекта, никак не позволяет удовлетворить эту просьбу» [786а, 18.УШ.1909]. Следует отметить, что Васфи-бей принадлежал к группе офицеров, которые получили образование в Германии; по утверждению современников, он был «одним из рьяных почитателей кайзера Вильгельма II» [786а, 18.УШ.1909]. О нем говорили, что «он предан Германии больше, чем многие немцы» [109, л. 18 об.].

Некоторые депутаты заявили, что авторы проекта преследуют личные цели, надеясь занять высшие долж-

156

ности, которые должны освободиться после принятия парламентом законопроекта.

Хотя законопроект был принят большинством голосов, все же часть депутатов предложила две существенные поправки: 1) отстоять неприкосновенность некоторых высших военных чинов, нужных младотурецкому правительству по политическим соображениям; 2) повесить в чинах тех, кто, благодаря своему либеральному образу мыслей оказался обойденным при старом режиме Г786а,

25.У1П.1909].

По первому пункту соглашение не было достигнуто, так как некоторые высшие чины, тесно связанные с «Ит-тихад ве теракки», сами просили их разжаловать 5.

По второму пункту была принята поправка в виде дополнительной статьи, согласно которой разрешалось в отдельных случаях повышать в чине тех, кто, имея на это право, был в свое время обойден правительством.

В последних числах июля сенат вернул в парламент законопроект для повторного обсуждения. При этом сенаторы внесли в проект значительные изменения: правительству предоставлялась свобода выбора офицеров, которые должны были сохранить свои чины в виду особых политических соображений. Эти поправки сената были приняты парламентом при окончательном утверждении законопроекта.

Согласно новому закону, 13 маршалов (Шевкет-паша, Риза-паша, Абдулла-паша, Шюкри-паша, Иззет-паша, Фуад-паша и др.) были разжалованы в дивизионные генералы и полковники, а главный адъютант султана—му-шир (маршал) Кемаледдин-паша — в майоры. 25 дивизионных генералов было разжаловано в полковники и майоры. В общей сложности более 2600 офицеров было уволено из армии и флота [85, л. 14].

Отдельные генералы выразили протест. Так, Пертев-паша подал петицию в парламент с требованием сохранить ему чин маршала, но парламент отказал ему в* этом.

Приняв закон «О чинопроизводстве», младотурки рассчитывали расчистить путь для молодых офицеров, их опоры в турецкой армии. Таких молодых офицеров было около 22 тыс. (786а, 25.У1П.1909].

Военная реформа преследовала не только политические, но и экономические цели. По признанию Шевкет-даши, число генералов и полковников турецкой армии в

два-три раза превышало число полков. Такой многочисленный генералитет, пожиравший громадные суммы из казны, достался младотуркам в наследство от режима Абдул Хамида.

Младотурецкое правительство одновременно реорганизовало жандармерию и полицию. Оно распространило систему македонской жандармерии (принятую в 1904 г.) на всю империю, за исключением Йемена и Хиджаза, оставив на службе британских, французских и (до начала войны с Италией) итальянских офицеров. Реорганизацией турецкой жандармерии руководил граф Робилант. Османская империя была разделена на пять жандармских округов, со штабами в Стамбуле, Измире, Трабзоне, Бейруте и Багдаде [85, л. 103].

Жандармы были разбросаны по стране по «кара-колам» (постам), состоявшим из одного — двух унтер-офицеров и трех — восьми нижних чинов. Штабы жандармских полков находились, как правило, в вилайет-ских центрах.

Численность младотурецкой жандармерии к 1909 г. составляла около 35 тыс. человек. В то время как жандармерия находилась главным образом в сельских местностях, полиция была сосредоточена в крупных городах. Административным начальником всей полиции был начальник Департамента общественной безопасности («эмниет-и умумие идареси реиси»). Численность полиции в середине 1909 г. — 6,5 тыс. человек. Кроме того, в распоряжении младотурецкого правительства имелась и военная полиция, которая набиралась из военнослужащих частей гарнизонов и отличалась от них лишь ношением медного значка с надписью «канун» (закон) [85, л. 104].

Младотурки произвели чистку и в гражданской администрации. Принятый с этой целью закон «Об оставлении чиновников за штатом» предусматривала ревизию во всех гражданских министерствах и ведомствах. Согласно закону, специальные комиссии должны были

«освободить государственные учреждения от недобропорядочных ' чиновников и казнокрадов» [799, 29.У.1909]. Чисткой и реорганизацией руководила специальная комиссия из иностранных специалистов во главе с министром финансов Джавид-беем, одним из видных деятелей «Иттихад ве теракки». По его же инициативе из европейских стран пригласили десятки инженеров и техников для «усиления общественных работ».

Для реорганизации министерства юстиции в 1909 Г. был приглашен французский юрист граф Остророг, который, однако, через полтора года подал в отставку из-за недовольства оппозиции.

Реорганизацию таможенной системы младотурки поручили комиссии во главе с англичанином Граффор-дом.

Однако при проведении этих военных и административных «реформ» младотурки проявили свойственную им буржуазную ограниченность и узость. Во время чистки в учреждениях и ведомствах, как и при старом режиме, младотурки руководствовались больше своими симпатиями, чем заслугами или даже степенью преступления чиновников и офицеров. «Очень скоро, — свидетельствует А. Мандельштам, — протекция стала играть огромную роль и в младотурецком обиходе» [321, стр. 21].

Младотурки и аграрно-крестьянский вопрос

В своей аграрной политике младотурецкое правительство руководствовалось защитой интересов крупных помещиков. До революции младотурки не скупились на обещания турецким крестьянам значительно облегчить их положение. Они обещали вернуть армянским крестьянам земли, отнятые у них турецкими и курдскими феодалами, обещали отдать македонским крестьянам государственные и вакфные земли этой провинции. Эти обещания приняли официальную форму в совместном решении «Иттихад ве теракки» с греческими и болгарскими комитетами еще в июне 1908 г. [см. 330, стр. 206—207]. Но это решение было

принято, как писал П. Милюков, под влиянием «русской политической жизни» [330, стр. 207].

Кроме того, следует отметить, что и при младотурках продавались государственные земли (в основном переходившие когда-то в распоряжение государства из-за их необработанности), которые приобретались не безземельными крестьянами, а городской буржуазией с аукциона по весьма низким ценам. В этом деле определенное значение имело и то, что «большая часть турецкой буржуазии, лишенная возможности вследствие захвата торговли иностранными капиталистами и инациональ-
159

ной буржуазией вести большие торговые операции, вкладывала свои капиталы в землю и ростовщичество» [348, стр. 57].

Помещичье землевладение в Турции, как, впрочем, и в других странах Востока, с точки зрения генезиса было представлено двумя основными формами.

Первая форма возникла в процессе развития феодализма и создавалась на основе превращения в частную собственность условных пожалований и откупов, прямого захвата государственных и общинных земель [см. 338, стр. 13—14].

Вторая форма явилась результатом концентрации земли, скупаемой у разорившихся крестьян, в руках «новых» помещиков, торговцев и ростовщиков, представителей городских средних слоев, в особенности высших чиновников государственно-бюрократического аппарата [см. 420, стр. 255—256].

Младотурецкая пропаганда твердила о серьезном намерении младотурок отменить ашар и систему откупов по всей империи. Им нужна была тогда помощь и поддержка крестьянства, поскольку они опирались на массы крестьян, в частности на крестьян в солдатских шинелях 6.

Обещания крестьянам давались в туманных формули-

ровках. В одном из пунктов партийной программы, принятой в августе — сентябре и опубликованной 6 октября 1908 г., младотурки обещали «дать крестьянам возможность стать собственниками земли, не нарушая при этом право собственности землевладельцев». Программа изобиловала также обещаниями уничтожить ашар и заменить его процентным сбором, предоставить крестьянам широкий кредит на льготных условиях и т. п. [604, стр. 209].

Но IV съезд партии «Иттихад ве теракки» (в Салониках) в новой программе принял еще более туманный пункт «о замене в будущем» ашара денежным налогом, а в качестве первого шага предлагалось «ограничиться устранением злоупотреблений в области взимания налогов, в том числе ашара» [167, стр. 12—13]. Однако при младотурецком режиме, как и до революции, основную тяжесть налогов несло трудовое крестьянство. Достаточно указать, что шесть седьмых всей суммы прямых и косвенных налогов падало на долю крестьян, а одна седьмая на долю городского населения [348, стр. 66].

160

Младотурецкая программа обещала также принять меры для упорядочения отношений между помещиками, батраками и испольщиками — «ярыджы» [167, стр. 12—13].

Младотурки использовали недовольство широких крестьянских масс против абдулхамидовского режима, ограничив его узкими задачами буржуазной революции. Захватив власть, младотурки и не подумали выполнить свои обещания. Напротив, они сохранили крупное феодально-помещичье землевладение при безземелье и малоземелье основной массы крестьян.

Крестьяне же, как указывалось выше, победу революции восприняли как благоприятную возможность для решения аграрной и налоговой проблем. Но революция не привела к разрешению аграрного вопроса, не уничтожила феодализма в турецкой деревне. Это неизбежно вело к длительному и

мучительному развитию капиталистических отношений, которые переплетались с пережитками феодализма, и наложило своеобразный отпечаток на социально-экономическую структуру младотурецкого общества. После победы революции 1908 г. крупные землевладельцы-помещики, составлявшие всего лишь 1 % сельского населения, владели 39,3% всей обрабатываемой земли; мелкие помещики и кулаки (4%) располагали 26,2% земельной площади, а на долю крестьянских хозяйств (95%) приходилось только 34,5% обрабатываемой земли [209, стр. 45—46].

Собственность помещиков и кулаков на подавляющую часть обрабатываемой земли служила материальной основой жестокой эксплуатации сотен тысяч крестьянских семей феодальными, полуфеодальными и капиталистическими методами.

При этом следует указать, что если обезземеливание крестьян в Восточной и отчасти Центральной Анатолии происходило в основном путем помещичьей экспроприации, то в Западной и в некоторых районах Центральной Анатолии этот процесс шел за счет расслоения крестьянства и выделения из его среды кулацких элементов, а также превращения части помещичьих хозяйств в капиталистические предприятия. Аб. Алимов отмечает, что турецкая деревня не знала раньше таких быстрых темпов расслоения, как в годы правления младотурок [175, стр. 58].

И Г. З. Алиев

161

Ё Европейской Турции на каждый крестьянский двор в среднем приходилось от 40 до 13 дёнюмов земли.

В Адрианопольском вилайете 55% общего числа всех крестьянских семейств обрабатывали участки от 1 до 10 дёнюмов. Разумеется, что такой клочок земли, да еще малопригодной для обработки, не мог даже минимально прокормить семью.

Поэтому основная масса крестьян, лишенная земли, вынуждена была на кабальных условиях арендовать участки у помещиков. Другая часть крестьян, особенно молодежь, уходила в город в поисках работы, соглашаясь на самую низкую плату. Приток крестьян в города пополнял ряды люмпен-пролетариев, еще больше ухудшал и без того тяжелое положение пролетариата.

Младотурецкая революция способствовала усилению процесса концентрации земли в руках крупных земельных собственников. Одновременно шел затяжной процесс разложения феодализма и развития капиталистических отношений в деревне, в результате чего создавались благоприятные условия для паразитической деятельности торгово-ростовщического капитала.

Главной формой эксплуатации крестьян в этот период, как и при Абдул Хамиде, было сочетание издольщины с ростовщичеством. В. И. Ленин назвал эту форму «старокитайской» или «турецкой»; она заключалась в том, что «помещики кабелят крестьян, как было и сто и триста и пятьсот лет тому назад, заставляя их крестьянской лошадей, крестьянскими орудиями обрабатывать помещичью землю» [27, стр. 275].

Положение турецких крестьян усугублялось тяжелым налоговым гнетом. В стране по-прежнему взимался средневековый налог с урожая — ашар, сбор которого происходил при посредстве системы откупов, хотя младотурецкая программа и обещала «внести предложение о замене ашара налогом, размер которого определится на основании средней урожайности за последние пять лет» [604, стр. 209].

После победы революции был повышен поземельный налог, возросли поборы и по другим видам обложения — налог на скот, на строения, местные налоги и т. п.

Тем не менее политика младотурок в аграрно-крестьянском вопросе была направлена на усиление капиталистических

отношений в сельском хозяйстве путем частичных реформ, которые, правда, не затрагивали ос-

162

нов феодальных пережитков. «Все турецкое офицерство, — писал очевидец событий, — опора нового режима, вышло из рядов помещиков-беев. Оно связано с земледельческим классом морально и материально. И потому вполне понятно, под каким углом зрения смотрят его идейные вожди на земельные отношения и в каком духе они будут их реформировать» {222, стр. 98}.

После апрельских событий 1909 г. младотурки также обещали «обратить внимание на упорядочение налоговой системы, право передачи земли по наследству, обеспечение крестьянам кредита» и т. н. [604, стр. 212].

Но эти туманные формулировки в партийной программе, принятой младотурками в 1909 г., не могли скрыть от общественности подлинный характер их политики по отношению к крестьянским массам страны.

В этих условиях, разумеется, крестьянство могло добиться уступок у правящих кругов только лишь революционной борьбой. Когда стало известно, как признает один из младотурецких теоретиков Текли Альп, что младотурки отказались от своих предреволюционных обещаний, крестьянам ничего не оставалось делать, как снова взяться за оружие [745, стр. 1].

В донесении посла Зиновьева 19 июня 1909 г. сообщалось, что «в провинциях, в особенности малоазиатских, власть дискредитирована, вследствие чего во многих этих провинциях господствует анархия и подати поступают весьма неаккуратно. Помимо этого, в восточных азиатских областях свирепствует голод, доведены трудящиеся массы населения до полного разорения... Почти на всем пространстве Турецкой империи положение дел представляется тревожным, повсюду существуют смуты или зародыши их» [54, л. 142].

Крестьянские волнения не только в Албании и арабских вилайетах империи, но и в самой Турции (вилайеты Бурса, Эрзурум, Диярбакыр, Сивас) напугали младотурок.

«Борясь против попыток революционного разрешения аграрного вопроса в Турции, — пишет А. Д. Новичев, — будучи в этом смысле верными сынами своего класса» младотурки пытались отдельными частичными реформами расширить путь развития капитализма в сельском хозяйстве» [346, стр. 85].

В этой связи следует остановиться на принятых младотурецким правительством от 5, 16, 21 и 25 февраля П*

163

1913 г. и от 30 марта 1914 г. законах по аграрному вопросу⁷. По закону от 5 февраля решено было создать кадастр по европейскому образцу — провести по всей стране точную перепись каждого земельного участка с вручением владельцу соответствующих документов. При этом младотурецкие лидеры уверяли, что ими серьезно учтены причины неудач всех предыдущих попыток турецкого правительства (в 1860, 1874, 1895 и 1900 гг.) в области принятия кадастра европейского типа. Но и на этот раз закону о кадастре, уже принятому меджлисом, не суждено было осуществиться.

Закон о владении недвижимым имуществом юридическим лицом (16 февраля 1913 г.) предусматривал значительное расширение круга наследников как казенных, так и вакфных земель — «предоставил супругам и родственникам до третьего колена» права на владения [348. стр. 72].

Согласно закону от 21 февраля всем официальным учреждениям, торговым, промышленным, строительным и сельскохозяйственным обществам, члены которых являются турецкими подданными, разрешалось приобре* сти земельные участки вне деревень и крепостей.

В силу закона, принятого 25 февраля 1913 г., банкам и

обществам предоставлялось право на ипотечный кредит в городах и торговых пунктах. Должник, получая кредит у этих банков и обществ под заклад, имел право предоставить свой земельный участок (или дом) в счет своего долга. Закон охватил весьма незначительную часть крестьян, живущих главным образом в непосредственной близости от больших городов.

Наконец, последний (до начала мировой войны) закон младотурецкого правительства по аграрному вопросу от 30 марта 1914 г. несколько упорядочил систему владения мири и вакфов. Оформление и опись этих видов земельной собственности должны были производиться исключительно в земельном управлении, где владельцам вручались соответствующие документы. Согласно ст. 5 этого закона владельцам мири и вакфов предоставлялось право продажи своих земель окончательно или с условием обратного выкупа, сдачи в аренду, право закладывать и т. п. [348, стр. 73].

Указанными выше законами младотурецкое правительство разрешило закладывать вакфные и государственные земли, попыталось точно определить границы

164

землевладения путем проведения переписи земли. При этом значительно расширились права владельцев как казенных, так и вакфных земель [175, стр. 48]. Эти законы должны были юридически укрепить земельную собственность.

Значительно расширив круг наследников, к которым могли переходить государственные или вакфные земли, эти законы сыграли важную роль в деле капиталистической концентрации земельной собственности.

В то же время ипотечным банкам разрешалось скупать государственные и вакфные земли у разорившихся мелких владельцев.

Согласно этим законам, Сельскохозяйственный банк обязан был по мере возможности обеспечивать помещиков

кредитами и сельскохозяйственной техникой [см. 161]. Как во время революции, так и после нее турецкая буржуазия имела весьма слабые позиции в экономике страны, она находилась под постоянной угрозой со стороны империалистических монополий. Поэтому после взятия власти в свои руки буржуазия всячески стремилась укрепить материально-производственные основы своего господства.

Классовые интересы молодой турецкой буржуазии тесно связаны были с основной отраслью экономики страны — сельским хозяйством, развитие которого на новой, капиталистической основе сильно тормозилось вторым могучим остатком средневековья — привилегиями крепостников-помещиков [см. 21, стр. 155].

На пути развития частного предпринимательства, к которому стремилась молодая национальная буржуазия, стояла серьезная преграда — отсталость сельского хозяйства, нерешенность аграрной проблемы, феодальные пережитки в деревне. Поскольку младотурецкая революция не разрешила эти вопросы, то развитие капитализма в сельском хозяйстве шло медленно и, главное, слишком мучительно, продолжала сохраняться прежняя узость внутреннего рынка.

Законодательная деятельность младотурок по аграрному вопросу в 1909 и 1913 гг. свидетельствовала об их стремлении создать более или менее устойчивые условия для развития капитализма в деревне. Следовательно, турецкая буржуазия, руководившая революцией 1908—1909 гг., несмотря на тесную связь с помещичьим землевладением, принятием этих законов поощряла еще

165

слабый процесс капиталистической концентрации земельной собственности и вложения капиталов в сельскохозяйственное производство.

Эти куцые реформы, провозглашенные перец началом

первой мировой войны, были направлены против наиболее уродливых форм феодальных пережитков, на создание устойчивых правовых основ и укрепление зарождающихся капиталистических элементов в турецкой деревне.

Такие законодательные меры объективно имели известное прогрессивное значение в деле создания более или менее благоприятных условий для развития производительных сил в сельском хозяйстве страны. Но в конечном счете и эти незначительные шаги младотурок не были осуществлены главным образом потому, что они оказались слишком слабыми, чтобы уничтожить докапиталистические пережитки и освободить Турцию от империалистической зависимости.

Младотурки отнюдь не желали покушаться на самые основы феодальных отношений в деревне. Они и не собирались наделять землей безземельных и малоземельных крестьян.

Кроме того, младотурецкое правительство даже не приступило к реализации этих «реформ». Через полтора года после их опубликования началась мировая война.

Аграрный вопрос так и остался не решенным.

Отношение младотурок к рабочему движению

В Турции, как было отмечено выше, отсутствовал современный фабрично-заводской пролетариат. Рабочий класс Турции как до, так и после младотурецкой революции состоял из десятков тысяч рабочих мануфактур, табачной и горнодобывающей промышленности, транспорта, рабочих различных мастерских и учреждений вроде таможен, рыбных промыслов, типографий и т. п. Он был сосредоточен в главных промышленных и портовых городах империи — Стамбуле, Салониках, Измире, Сивасе, Кавале (на архипелагах), Бейруте, Трабзоне и др.

У рабочих не было ни профессиональных союзов, ни партий. В политическом отношении это был чрезвычайно отсталый пролетариат, ряды которого в своем

большинстве пополнялись за счет разорившегося крестьянства и ремесленников с характерными для них мелко~буржуазными и цеховыми традициями. Словом, турецкий пролетариат, подобно пролетариату других отсталых стран, страдал «не столько от капитализма, сколько от недостатка развития капитализма» [15, стр. 37].

В силу этих причин рабочий класс Турции не мог стать гегемоном революции. Наоборот, в начале революции он, как и мелкобуржуазные слои населения, шел за национальной буржуазией, либеральными помещиками и частью духовенства.

Однако младотурки не оправдали надежд молодого турецкого пролетариата. Рабочие по-прежнему были заняты на производстве не менее 14—15 часов в сутки, получая за свой труд гроши. В парламенте депутат-болгарин Влахов утверждал, что в пекарнях рабочий день длился 18 часов, в табачном производстве — составлял 7,5, а летом 9—9,5 часов, а заработная плата колебалась от 12 до 28 пиастров. Особенно тяжелым было положение женщин и детей. Очевидец рассказывает, что около 10 тыс. детей, выполняя самую тяжелую часть работы на табачных фабриках — шитье листьев, получали в день от 2 до 10 пиастров [240, стр. 256].

Несмотря на свою малочисленность и неорганизованность, турецкий рабочий класс был вовлечен в революционное движение с первых же дней после провозглашения конституции. Первыми забастовали рабочие алатинского кирпичного завода [584, стр. 16], а затем грузчики Стамбула 8.

В те дни газета «Одесский листок» сообщала: «В Константинополе началось рабочее движение. На улицах толпы рабочих со знаменами. На всех углах расклеены аршинные прокламации, призывающие трудящихся очнуться от тяжелого гнета и осознать в себе человека»

[769, 6.У111.1908].

26 июля 1908 г. в Измире началась забастовка паровозных рабочих, носильщиков, рабочих ковровых фабрик [69, л. 12]. Крупные забастовки в середине августа происходили в Салониках и Стамбуле, особенно на предприятиях, принадлежащих иностранцам, в том числе на железных дорогах и городском транспорте (585, стр. 18) Приказчики торговых домов, рабочие табачных фабрик, кирпичных заводов и других предприятий

167

предъявляли во время этих забастовок требования, которые имели «существенное основание в самой жизни, в особенности в отношении иностранных предприятий, при прежнем режиме безнаказанно эксплуатировавших население империи» [51, л. 63].

Рабочие аладинского кирпичного завода, например, требовали повышения заработной платы на 50%, рабочие Салоник — на 30% 1[584, стр. 16].

В конце августа — начале сентября 1908 г. забастовками были охвачены служащие железных дорог на линиях Демиркапы—Метровица—Ускюб, Измир—Айдын (принадлежала английской компании) и на французском участке железной дороги Салоники—Стамбул [584, стр. 16—17]. Прекратили работу рабочие и служащие бельгийской трамвайной компании в Салониках [51, л. 63]. Число забастовщиков среди железнодорожников, а также рабочих различных предприятий легкой промышленности в Салониках, по данным болгарского исследователя С. Беликова, к концу августа доходило до 6 тыс. [744, стр. 42]. 17 августа 1908 г. стачечное движение охватило и Анатолийско-Багдадскую железную дорогу. Турецкий историк Шанда пишет, что основное требование железнодорожников — добиться организации своих профсоюзов. Рабочие требовали также увеличения заработной платы, бесплатного лечения, восстановления на работе уволенных

по случаю болезни и т. п. Иностранные компании отвергли это законное требование и настаивали на том, чтобы турецкое правительство приняло «действенные меры для быстрейшего усмирения рабочих» [584, стр. 17].

Таким образом, спустя месяц после прихода к власти младотуркам пришлось помимо их воли столкнуться с рабочим вопросом: иностранные компании требовали наказать бастующих рабочих, в то время как эти же рабочие называли себя младотурками и считали «Иттихад ве теракки» чуть ли ни своей партией [240, стр. 258].

Характерно, что забастовочное движение турецких рабочих было направлено как против иностранных империалистических монополий, так и местных эксплуататоров. «Таким образом, — пишет Шанда, — доверчивые турецкие рабочие, шагавшие в июле 1908 г. под звуки гимна свободы, вскоре поняли, что врагами их являются не только иностранные империалисты, но и не отставав-

168

шее от них полуколониалистское правительство младотурок» [584, стр. 20].

В первые дни забастовки младотурецкая пресса двурущничала, восхваляя «спокойствие и лояльность рабочих» и выражая надежду, что «они получают удовлетворение без кровопролития и насилия» [799. 23.УШ.1908]. Но когда эти уговоры не дали ожидаемых результатов, тон младотурецких газет стал угрожающим. Так, газета «Икдам», отражавшая точку зрения младотурецкого комитета, жаловалась на то, что «два месяца тому назад на страницах турецких газет нельзя было встретить слово „забастовка“, которое стало теперь символом революционной эпидемии, наносящей серьезный удар по экономике страны, особенно по ее финансам». Газета с раздражением предупреждала, что «такое положение нетерпимо не только для иностранного капитала, с помощью которого мы создаем нашу промышленность, но и

для нас самих» [790, 16.IX.1908]. В конце сентября эта же газета опубликовала циркуляр центрального комитета партии «Иттихад ве теракки», в котором, в частности, говорилось: «Служащие и рабочие должны воздерживаться от неосновательных требований. Но если они, не соблюдая этого принципа, бросят работу, правительство вынуждено будет поставить на их место железнодорожные батальоны. Нужно помнить, что железные дороги — это нервы государства и останавливать их движение недопустимо... Забастовщики должны быть благоразумными, в противном случае их упорство поведет лишь к общему ухудшению их материального состояния» (790, 27.IX.1908].

В начале забастовочного движения младотурки пытались примирить забастовщиков с хозяевами. Когда же политика лавирования не увенчалась успехом, младоту-рецкое правительство внесло в парламент законопроекты, не признающие за рабочими права на забастовки, права создавать общества и организации в «таких предприятиях, приостановка работы которых нанесет ущерб стране» [см.: 163, стр. 17; 540, стр. 16].

Закон «О забастовках», вернее о запрещении забастовок, был принят 9 августа 1909 г. и фактически предоставлял рабочих полному произволу хозяев. Согласно ст. 8, забастовки запрещались на предприятиях общественного значения. Нарушение этого положения каралось годичным тюремным заключением и крупным денежным

169

штрафом. Одна эта статья, пишет А. Сарру, делала невозможным проведение забастовок [739, стр. 258].

Закон «Об обществах» от 18 августа того же года запрещал рабочим создавать свои профсоюзы [739, стр. 258]. Он признавал незаконной деятельность демократических организаций и клубов национальных меньшинств, сыгравших довольно значительную роль в июльской революции 1908 г. Шанда пишет, что младотурецкие

власти вели борьбу даже против создания рабочих касс взаимопомощи, видя в них «нелегальные профсоюзы» [584, стр. 27].

Закон «Об обществах» нанес серьезный удар по и без того слабому рабочему движению. Чтобы замаскировать свои истинные антирабочие намерения, младотурки внесли в этот закон следующую оговорку: «В случае возникновения конфликта между рабочими и хозяевами дело передается на рассмотрение арбитражной комиссий-. При этом каждая сторона — и рабочие, и компания — выделяют по три делегата, а правительство — своего представителя, который и председательствует в арбит-, ражной комиссии» [163, стр. 18].

Но на практике осуществить эту оговорку к закону оказалось не так уж просто: лишенные своей организации и профсоюзов, рабочие не имели возможности вырабатывать свои требования и даже делегировать представителей в арбитражную комиссию.

В то же время закон запрещал проведение митингов и собраний главным образом «на крупных узлах транспортного движения» — в морских портах, на железнодорожных станциях и т. п. Что касается проведения митингов и собраний в других местах, то закон требовал, во-первых, за 48 часов до их проведения извещать власти о цели, времени и месте митинга или собрания, во-вторых, присутствия на них полицейских чинов, которые могли распускать эти митинги и собрания, если усматривали в них «опасность для государства».

Младотурки жестоко расправлялись с люмпен-пролетарскими элементами турецких городов. Проведенный ими через парламент летом 1909 г. специальный закон «О бродячих и подозрительных лицах» предусматривал физическое наказание (палками) десятков тысяч безработных, стекавшихся из деревень Анатолии в поисках куска хлеба, и высылку их из крупных городов туда, «откуда они

приехали» (739, стр. 255].

170

Несмотря на такие жестокие меры младотурецкого правительства, рабочее движение не утихало, а продолжало расти. Турецкие рабочие быстро раскусили младотурок, они перестали себя называть младотурками, как это делали в июле 1908 г.

Это был крупный шаг в развитии классового самосознания пролетарских масс, в деле создания ими своих, хотя и слабых, рабочих организаций, кружков и т. п.

В начале 1911 г. начались забастовки рабочих предприятий табачной промышленности Стамбула и Салоник. В столице они продолжались 50 дней, а в Салониках — 20. Рабочие Стамбула требовали освобождения своих арестованных товарищей, повышения заработной платы на 30%, установления восьмичасового рабочего дня и 250 рабочих дней в году (240, стр. 259]. Они требовали также вознаграждения за дополнительную работу. Это последнее требование было вызвано тем, что на фабриках работу распределяли по группам из пяти человек и, когда не являлся один из рабочих, эту работу выполняли четверо, ничего не получая за свой дополнительный труд. Не получал ничего также и не явившийся на работу, хотя бы и по причине болезни {240, стр. 259].

Забастовки рабочих табачной промышленности в Стамбуле и Салониках потерпели поражение. Стамбул тогда находился на осадном положении, а в Салониках забастовки носили разрозненный характер, хотя движением здесь руководили члены недавно созданной Османской социалистической партии.

Несмотря на то что эти забастовки были подавлены, они имели большое значение для дальнейшего роста рабочего движения в стране. По мнению Аб. Алимova, именно стамбульские и салоникиские забастовки явились «такой демонстрацией силы рабочего класса, что их смело можно

считать поворотным пунктом в истории рабочего движения Турции» [175, стр. 50].

* * *

Турецкие авторы Джеррахоглу и Мете Тунчай считают, что начало пропаганды идей социализма в Турции относится к 70-м годам XIX в. Они утверждают, что усилиями «новых османов» 21 февраля 1871 г. в газете «Хакаик уль-векаи» («Правда о событиях») был опубликован перевод письма Карла Маркса, напечатанного

171

До этого в «Дейли Ньюс», в котором он указывал, что агрессивная политика Как наполеоновской Франции, так и бисмарковской Пруссии направлена не только друг против друга, но и против всех демократических, свободолюбивых сил в Европе 1 см.: 496, стр. 21—23; 549, стр. 10]10.

Турецкий автор Кемаль Сулкер пишет, что портовые рабочие Касым-паши и рабочие обрабатывающих предприятий Бейкоза, несмотря на их малочисленность, под влиянием парижских коммунаров в 1871 г. создали первые рабочие кружки («Амелепервер джемиети»), которые и руководили их забастовками [540, стр. 7].

Касаясь вопроса о влиянии Парижской Коммуны на «новых османов», тот же Тунчай пишет, что руководители турецких конституционалистов — Намык Кемаль и Ахмед Мидхат на страницах газет «Ибрет» («Наставление») и «Басирет» («Проницательность»), несмотря на цензуру, «подчеркнуто одобрительно отнеслись к деятельности парижских коммунаров» [549, стр. 36, 38].

Однако с приходом к власти Абдул Хамида II начатая пропаганда социалистических идей, в какой бы форме она ни была, прекратилась. Это видно и из замечаний Ф.

Энгельса в предисловии к английскому изданию «Манифеста» в 1888 г.: «Армянский перевод («Манифеста». — Г. А.), который должен был быть напечатан в Константинополе несколько месяцев тому назад, как мне

передавали, не увидел света только потому, что издатель боялся выпустить книгу, на которой стояло имя Маркса, а переводчик не согласился выдать „Манифест" за свое произведение» {9, стр. 366}.

Первая социалистическая группа в Турции возникла в Салониках летом 1909 г. Основателем ее был Абрам Бенорой, еврей по национальности.

Группа А. Бенороя, первоначально состоявшая из 50 человек, называла себя Салоникской социалистической федерацией и издавала еженедельную газету «Ишчи газетеси» («Рабочая газета») на четырех языках — турецком, греческом, болгарском и еврейском [744, стр. 31—32]. На некоторое время «федерация» объединилась с Организацией болгарских рабочих, но спустя несколько месяцев между ними произошли серьезные разногласия по принципиальным вопросам. Организация болгарских рабочих, находившаяся под сильным влиянием болгарских социалистов, которыми руководил

172

убежденный ленинец Дмитрий Благоев, не могла согласиться с оппортунистической линией группы А. Бенороя и отделилась от нее.

Социалистическая федерация пыталась захватить руководство профсоюзами в Салониках, которые объединяли 15 тыс. рабочих из 35 тыс. рабочих этого города [240, стр. 261] п. Федерация входила в состав Второго

Интернационала и стремилась проводить анархистско-ревизионистский курс руководства этого Интернационала.

Примерно такой же линии придерживалась небольшая группа социалистов в Измире, основная деятельность которой ограничивалась изданием газеты «Ир-шад». К левым социалистическим течениям примкнули и некоторые представители турецкой интеллигенции, среди которых следует отметить юриста Хайдара Рифата (Йорурмаз), переведшего на турецкий язык книгу известного

французского историка Карла Сайнбоза (1854—1942) — «Международные революционные партии» («Бейнельмилель ихтиляль фыркалары»). В этой книге анализируется понятие «социализм», исследуются программы левых, марксистских и анархистских, партий [549, стр. 43].

До 1910 г. в Стамбуле не было социалистической организации, если не считать греческой группы из 30 человек, которая по существу не имела никакой связи с рабочими. В начале сентября 1910 г. в Стамбуле в здании издательства «Хюрриет» («Свобода») была создана Османская социалистическая партия — ОСП (Османлы сосьялист фыркасы).

Главную роль в ее основании играла группа журналистов: Хюсейн Хильми-бей, будущий председатель партии (издатель газеты «Иштирак» — «Участие»), Намык Хасан (издатель газеты «Социалиста»), Пертев Тевфик (издатель газеты «Муахиде» — «Конвенция»), Ибнил Тахир Исмаил Фаик (издатель газеты «Инсани-ет» — «Человечество»).

Вскоре к ним присоединились: д-р Тевфик Невзад, Ахмед Селим, Сулейман Фаик, Мех-мед Хасиб, Мустафа Субхи (в дальнейшем один из основателей КПТ), греческий социалист Попандопуло, кавказские социалисты Нуреддин Агаев и Джелаль Коркмазов, Аббас Ширинли (из Крыма) и др. (797, 14.1X.1910).

173

В организаций партий турецким социалистам большую помощь оказывал французский революционер-демократ Жан Жорес 12, а также один из правых лидеров Второго Интернационала ренегат Парвус. Они часто переписывались с Хюсейном Хильми-беем и другими социалистами, группировавшимися вокруг главного органа партии еженедельника «Иштирак», девизом которого была фраза: «Бедствие заключается в том, что одни сыты, другие—нет» («Бири ер, бири бакар, киямет ондан копар») [см.: 604, стр.

306; 549, стр. 28].

Программа ОСП, опубликованная 15 сентября 1910 г. в «Иштираке», состояла из 22 пунктов и требовала национализации принадлежавших иностранному капиталу железных дорог, банков и страховых компаний, ликвидации монополий (ст. 6), ликвидации антирабочих законов, принятых в 1909 г. (ст. 14), введения восьмичасового рабочего дня (ст. 18), признания за рабочими права на отдых и отпуск (ст. 17), свободы слова, митингов, печати и т. п. [см.: 604, стр. 311; 549, стр. 30]. Как видно, в программе ОСП основное внимание уделено вопросу политической свободы для рабочих. В то же время в ней ничего не говорилось о таких важнейших вопросах, как аграрный, национальный и т. п. Таким образом, программа этой партии также носила ограниченный характер.

Османская социалистическая партия была тесно связана с профсоюзами рабочих, принимала активное участие в организации забастовок, митингов и т. л.

Турецкие социалисты понимали, что основной опорой их партии может быть только рабочий класс. В их органах печати, особенно в «Иштираке» печатались статьи, посвященные идеям Карла Маркса о социализме. Так, например, статья одного из основателей партии Баха Тевфика называлась: «Переход от одной общественной формации к другой не будет мирным путем». «Социалисты убеждены, — писал Б. Тевфик, — что мирными средствами своей цели никогда не добьются. Вот почему они являются сторонниками насильственного, революционного переустройства общества» (цит. по: 549, стр. 29].

Турецкие социалисты искажали суть марксизма, они утверждали, что между марксизмом и догмами мусульманского шариата «почти никаких разногласий нет» и, следовательно, «истинный мусульманин должен быть ортодоксальным социалистом» (549, стр. 31]. Горцев, очевидец подобной пропаганды, которую вели турки-со-

циалисты в общественных местах турецкой столицы (ресторанах, кофейнях, бульварах и т. п.), пишет: «Многие из этих пропагандистов старались доказывать, что «сам Мухаммед всегда стоял за свободу и равенство, что он в своей первой общине обязал людей с достатком вносить $\frac{1}{40}$ часть дохода в пользу бедных общинников...». Один из рабочих на мой вопрос, понял ли он все, что говорил пропагандист, и сочувствует ли он его взглядам, ответил, что общности имущества, поскольку это касается фабрик, земли, домов и других видов собственности, он сочувствует, тем более что, как доказал оратор, сам Мухаммед проповедовал это, но вдруг захотят, чтобы и женщинами владели все сообща! Ведь теперь уже многие поговаривают о том, что необходимо разрешить им ходить с открытыми лицами» :[см. 240, стр. 262].

Деятельность ОСП, несмотря на ее ограниченность и нерешительность, вызвала раздражение комитета «Ит-тихад ве теракки». Младотурецкие власти стали преследовать руководителей и активных членов ОСП, закрывать ее клубы и печатные органы. Был закрыт орган партии «Иштирак», а ее активные сотрудники Сулейман Фаик и Мехмед Хасиб сосланы в Восточную Анатолию

13

ю •-.

Репрессии особенно усилились осенью 1910 г., после подавления организованной социалистами забастовки рабочих Айдынской железной дороги, принадлежавшей английской компании. Председатель партии Хюсейн Хильми-бей 14 и ряд других деятелей-социалистов были сосланы в Центральную Анатолию, некоторые эмигрировали за границу. Один из основателей партии Ахмед Селим был убит в Стамбуле агентами младотурецкой тайной полиции.

Репрессии против турецких социалистов вызвали бурю возмущения среди демократической общественности Европы. VIII конгресс Второго Интернационала, состоявшийся в Копенгагене в 1910 г., выразил протест против репрессивных мер младотурецкой партии в отношении социалистов. В. И. Ленин еще в 1908 г. отмечал, что политика младотурок «враждебна начинающейся пролетарской борьбе в империи оттоманов» [20, стр. 223]. Несмотря на преследования, турецкие социалисты продолжали борьбу. В парламенте имелась социалистическая фракция из пяти депутатов. Наиболее деятельным И теоретически подготовленным депутатом-социалистом 175

был Дмитрий Влахов 15 (депутат от Салоник, по национальности болгарин), который умело использовал парламентскую трибуну для разоблачения реакционной политики младотурок. Он выступал против антирабочих законопроектов о забастовках и об обществах.

Когда власти решили закрыть в Салониках клуб социалистов, Д. Влахов обратился с письмом к министру внутренних дел, требуя отмены этого решения. «В противном случае, — предупреждал он, — социалисты начнут антиправительственную агитацию среди рабочих во всех городах империи» (240, стр. 263].

В статье «Беззаконие и наступление на рабочие профсоюзы», опубликованной в газете «Социалиста» (№ 16), Д. Влахов разоблачил антирабочую политику правящих кругов Турции [549, стр. 34].

Депутаты-социалисты внесли в парламент законопроект «Об охране и защите труда» 16. В объяснительной записке они указывали на «отсутствие в стране трудового законодательства, в результате чего рабочий день в среднем достигает 14 часов, а в хлебопекарнях — даже 18 часов; рабочие постоянно находятся под угрозой потери трудоспособности и здоровья».

Авторы законопроекта требовали запрещения труда детей моложе 14 лет и стариков старше 70 лет, установления восьмичасового рабочего дня, запрещения женского труда на производствах, отрицательно влияющих на здоровье женщин, предоставления им оплачиваемого декретного отпуска.

Согласно законопроекту, каждый фабрикант, имевший 500 рабочих на одном или на нескольких предприятиях, обязан был содержать больницу и врача из расчета две койки на каждые 100 рабочих, предоставлять рабочим бесплатное лечение, соблюдать санитарные правила при постройке фабрик, заводов и жилья для рабочих.

Авторы законопроекта считали необходимым создать специальную комиссию для установления минимума заработной платы в каждой отрасли промышленности и транспорта и строгого контроля за выполнением этого закона.

Законопроект предусматривал разрешение конфликта между рабочими и предпринимателями через третейские суды, т. е. так, как это предусматривалось правительственным законом «О забастовках»,

Специальный пункт законопроекта указывал, что, «если рабочий нанят на постоянную работу, его нельзя уволить без основания» [604, стр. 314]. Предусматривалось также установление пособий рабочим в случае потери трудоспособности или увечья, но при этом пособие не должно превышать суммы ежемесячной заработной платы рабочего за десять лет.

В пункте о праве рабочих на забастовки лидеры ОСП, следуя за правыми социалистами Запада, соглашались с тем, что «за три дня до объявления забастовки рабочие должны поставить спорный вопрос перед третейским судом. В случае, если суд не сможет разрешить спор, обе стороны свободны в своих дальнейших действиях» [604, стр. 314].

Внимательное изучение законопроекта, внесенного парламентской фракцией ОСП, свидетельствует о мелко-буржуазной ограниченности, неопытности и юридической неподготовленности его авторов, ставивших знак равенства между рабочими и «работодателями» и по сути дела защищавших интересы турецких капиталистов не меньше интересов трудящихся, от имени которых они выступали. Несмотря на серьезные недостатки, этот смелый акт социалистов вызвал большое оживление не только среди турецкого рабочего класса, но и прогрессивной общественности Европы. После внесения социалистами законопроекта в парламент на имя Д. Влахова поступили тысячи писем с поздравлениями и пожеланиями успеха. Под одним письмом стояло 2 тыс. подписей рабочих [240, стр. 266]. В крупных промышленных центрах (Стамбул, Салоники, Кавала и др.), несмотря на объявленное властями военное положение, состоялись митинги рабочих в поддержку законопроекта социалистов. На одном митинге в Стамбуле присутствовало 1 тыс. рабочих, а в Салониках — 7 тыс. (240, стр. 266].

Летом 1910 г. в Кавале состоялся первый конгресс рабочих табачной промышленности страны. Председательствующий Д. Влахов резко критиковал рабочую политику младотурецкого правительства.

Конгресс решил полностью поддержать требование парламентской фракции социалистов, утвердил организационный устав профсоюзов табачной промышленности. В его решении особо отмечалась необходимость издания

12 г. з.

177

в Стамбуле рабочей газеты, редактором которой должен был быть Д. Влахов.

Всеобщая поддержка законопроекта социалистов заставила парламентскую комиссию одобрить его и внести на утверждение парламента.

В 1911 г., накануне парламентских выборов, социалисты внесли новый законопроект о всеобщем, равном, тайном и прямом голосовании для всех граждан, достигших 20 лет, без различия национальности, пола, социального положения, а также о свободе печати, собраний, совести и т. п. (604, стр. 311—312],

С началом итало-турецкой войны социалисты организовали в ряде городов антивоенные митинги среди рабочих.

Рабочие принимали резолюции, осуждающие милитаристскую политику правящих кругов Италии и Турции, выражали дружеские чувства к итальянскому рабочему классу, который также протестовал против войны. В 1912 г. в Стамбуле были созданы ряд профсоюзов и рабочий клуб.

Младотурецкое правительство наряду с репрессиями против рабочего и социалистического движения в стране вело борьбу с ним и путем создания различных ремесленных обществ (эснаф джемиетлери), во главе которых стояли хорошо оплачиваемые мастера. Эти общества-корпорации, объединявшие рабочих, мастеров, подмастерьев и владельцев кустарных предприятий определенной отрасли производства, фактически препятствовали развитию классового самосознания рабочего класса и представляли собой орудие в руках младотурок.

С началом балканских войн, а затем первой мировой войны, рабочему и социалистическому движению был нанесен новый серьезный удар. В стране установился режим диктатуры; передовые рабочие, а также оставшиеся на свободе члены ОСП были призваны в армию и оказались под началом младотурецких и германских офицеров.

Реакционная сущность национальной политики младотурок В. И. Ленин придавал важное значение национальному вопросу. Решительно выступая как против узко-националистических, так и против великодержавных концепций, В. И. Ленин писал: «...Если мы хотим понять

значение самоопределения наций, не играя в юридические дефиниции, не „сочиняя" абстрактных определений, а разбирая историко-экономические условия национальных движений, то мы неизбежно приходим к выводу: под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чужденациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства» .{28, стр. 259}.

В новых исторических условиях, говорил В. И. Ленин, национально-освободительное движение народов превратилось в важную составную часть мирового революционного процесса. По всем ленинским работам по национальному вопросу красной нитью проходит идея «двух наций» в каждой буржуазной нации и «двух культур» в каждой национальной культуре, хотя это не исключает существования общего языка, общенациональных черт культуры, быта, традиций и т. д.

В. И. Ленин выступал против рассмотрения вопроса о «нации вообще», без учета ее социальной структуры. Он критиковал Сисмонди за то, что в его работах «понятие „нации" построено... на искусственном абстрагировании от противоречий между теми классами, которые эту „нацию" образуют» {11, стр. 221}.

Исходя из этого научно обоснованного положения, следует иметь в виду, что нации буржуазного общества любой страны и в любое время не могут быть сплоченными, поскольку здесь имеет место столкновение интересов различных классов. Антагонизм наций в этом обществе неразрывно связан с классовым угнетением. Национальный гнет, порождающий национальную вражду, — неизменный спутник буржуазного общества.

Одна из важных особенностей буржуазного национализма угнетенной нации состоит в том, что этот национализм носит двойственный характер. С одной стороны, он

прогрессивен, поскольку направлен против национального гнета и вопиющих пороков феодально-клерикального режима, с другой — этот национализм является орудием в руках эксплуататорских классов в их борьбе против трудящихся масс «своей» нации.

Исходя из всего этого, можно без преувеличения сказать, что среди причин, вызвавших распад и крушение Османской империи, важное место занимает национальный гнет, длившийся здесь веками, и борьба против этого гнета покоренных турками народов.

12*

179

Младотурки, йогДа-то выдвигавшие лозунги «б национальном равенстве», теперь стали разжигать в стране национальную рознь и, вопреки собственным обещаниям периода революции, выступили в роли душителей национально-освободительного движения нетурецких народов.

Младотурецкая буржуазия по своей классовой природе не могла быть сторонницей равноправия народа. Она стремилась, с одной стороны, сохранить и пропагандировать идеи «османизма», чтобы разоружить народы, ведущие борьбу за свой национальный суверенитет, а с другой — разрабатывать идеологию пантюркизма — оголтелого шовинизма и расизма, чтобы подготовить «свой», турецкий народ к продолжению захватнической политики султанов ".

Следует отметить, что обе эти формы национализма, широко пропагандировавшиеся младотурками, несмотря на их кажущиеся различия, служили одной и той же цели — укреплению власти национальной буржуазии, сохранению и расширению Османской империи. Лейтмотивом «османизма» являлось то, что якобы «отныне в Турции нет ни мусульман, ни христиан, ни различных народностей; имеется лишь один османский народ» [57,

л. 33].

Но как ни парадоксально, национализм младотурок, будучи лишен подлинно патриотических идей и чувств, в значительной степени облегчал империалистам возможность закабаления народов Османской империи. Падение основной опоры феодально-клерикальной реакции в Османской империи — абдулхамидовского деспотизма в результате революции 1908 г. открывало широкие возможности для освободительного движения национальных меньшинств. Общественность этих народов с большим воодушевлением поддержала младоту-рецкий лозунг о «свободе, равенстве и братстве». Основной движущей силой национально-освободительного движения этих народов являлись крестьянство и городская беднота, которые, участвуя в революции, надеялись добиться удовлетворения своих насущных нужд.

Но революция 1908 г. не носила демократического характера. После прихода к власти младотурки не только забыли свои обещания, но, идя на уступки внутренней и внешней реакции, превратились из буржуазных революционеров в контрреволюционеров, в ярых врагов

180

национально-освободительного движения народов. Вб имя сохранения Османской империи они стремились управлять народами своей страны лишь методами насилия и произвола.

Националистические тенденции в партии «Иттихадве теракки» появились еще до революции 1908 г. Но в то время младотурки маскировали свои националистически-шовинистические цели революционными лозунгами.

С приходом младотурок к власти младотурецкий национализм, оставив в силе лозунг «османизм» 18, перерос в пантюркизм, пропагандировавший объединение всех тюркоязычных народов вокруг турецкой нации путем захвата территории соседних стран, в первую очередь

России, для обеспечения господствующего положения турецкой буржуазии.

Перерастание турецкого национализма в пантюркизм происходило в условиях дальнейшего усиления национального гнета в стране. Младотурки не только не признавали национального равенства, но все более склонялись к политике ассимиляции национальных меньшинств. Такая политика вызвала сопротивление со стороны нетурецких народов империи — албанцев, арабов, греков, армян, курдов, евреев и др.

* * *

Арабы с энтузиазмом приняли конституцию, видя в ней возможность добиться уравнивания в правах с турками. Однако младотурецкое правительство с его лозунгом «пантюркизм» не шло ни на какие уступки арабскому национальному движению. Произвол и беззаконие, чинимые младотурецкой администрацией, почти ничем не отличались от произвола времен Абдул Хамида. Турецкие власти, как и прежде, собирали налоги и подати с населения зачастую с помощью силы. «До сих пор,— писала одна арабская газета,— мы боролись против одного Абдул Гаида, в настоящее же время губернаторы арабских вилайетов ничем не отличаются от Его Величества султана» [90, л. 136].

Все это рассеяло иллюзии руководителей арабских национальных организаций о возможности радикальных преобразований и национального возрождения арабов в рамках новой Турции. Руководители арабских револю-

181

ционных организаций, вернувшиеся из эмиграции, сконцентрировались в Стамбуле. Носителями идей арабского возрождения были представители арабской национальной буржуазии — офицеры, чиновники, студенты и т. д., которые создавали свои политические организации. Еще незадолго до революции 1908 г. арабские эмигранты и

студенты образовали так называемый Парижский комитет сирийских патриотов (ПКСП), пропагандировавший идею насильственного отделения от Османской империи всех арабских вилайетов и образования особого государства или конфедерации.

Комитет издавал на французском языке журнал «Арабская независимость». «Недостойно арабской расы, — писал журнал, — носительницы древней и высокой культуры, стонать под игом представителей грубой силы... Арабы способны создать свой самостоятельный государственный организм с той же или другой формой правления». В политических кругах Франции тогда с одобрением отнеслись к этой идее и такие деятели, как Берар, Шерадам, Пинон, Тардые и другие, «стали постоянно сотрудничать с сирийским комитетом» [763, 1908, № 24, стр. 56].

Однако младотурецкая революция и установление конституционного режима на время заглушили эти мечты арабских националистов: равенство перед законом и мирное процветание всех народов Османской империи казались уже достигнутыми. Младотурки ловко поймали на эту удочку все оппозиционные элементы в империи. Поэтому сразу же после восстановления конституции появилась декларация ПКСП, в которой говорилось: «Ввиду достижения общими с младотурками усилиями конституции, комитет на время складывает оружие в уверенности, что новый режим окажется действительно либеральным и сделает ненужной на определенное время особую автономию для Сирии». Далее отмечалось, что, «если эти ожидания не будут оправданы, комитет оставляет за собой свободу действий для продолжения, прежней кампании...» [763, 1908, № 24, стр. 57].

Кроме ПКСП действовала и другая организация — Арабо-османское братство, созданная осенью 1908 г. и имевшая свои филиалы почти во всех арабских странах.

Но эти оппозиционно-национальные организации, состоявшие из разнородных социальных групп, не имели

182

ясной программы действий и преследовали различные цели. Так, например, Арабо-османское братство, председателем которого был бывший офицер генерального штаба турецкой армии, близко стоявший к комитету «Иттихад ве теракки» Садык-паша аль-Азм, фактически стояло на позициях «панисламизма», в его программе «не было ни единого слова не только о независимости, но даже о самоуправлении арабов, о каких-либо органах автономии» [318, стр. 206]. Не было единства и среди депутатов арабской фракции парламента, хотя по числу мандатов (60) она стояла на втором месте после турок. Часть депутатов-арабов открыто высказывалась за поддержку принципа децентрализации, выдвинутого принцем Сабахеддином, согласно которому арабские вилайеты должны были получить широкую автономию в рамках Османской империи. Эта группа депутатов добивалась признания арабского языка государственным, наравне с турецким, и даже обязательным в парламенте [54, л. 138].

«Мы, арабы, составляем две трети населения империи,— говорили они,— поэтому мы должны занимать две трети всех должностей» [763, 1909, № 26, стр. 35].

Другая часть арабской фракции, доказывая «неустойчивость такого нестройного политического конгломерата, каким является Османская империя» [763, 1908, № 24, стр. 57—58], мечтала о создании большого арабского государства от Средиземного моря до Персидского залива с помощью великих европейских держав [51, л. 62].

Они выражали недовольство крайней «мягкостью» революции 1908 г. «Что это за революция? — спрашивали они через одну из бейрутских газет. — Никто не делает революции без кровопролития. Как это возможно, что тот или иной чиновник носит свою голову на плечах. Никогда

свобода не проявлялась так живо, как в лужах крови. Кровь есть удобрение прогресса» [цит. по: 763, 1909, №26, стр. 36].

В числе деятелей этой группы арабских националистов был и Шефик-бей аль-Муайяд, находившийся «в тесной связи с французскими дипломатами на Востоке» [156, стр. 68].

Среди депутатов-арабов были и такие, которые выдавали себя за «героев нации», «критиковали» младотурок, а на самом деле являлись агентами младотурецкого комитета.

Характеризуя одного из таких депута-

183

тов — Надира Муртана, русский консул Гагарин писал, что он является «до низости преданным властям, но играет в арабский национализм» [50, л. 262].

В конце 1909 г. по инициативе арабов — офицеров турецкой армии было создано тайное общество «Аль-Кахтания», названное именем легендарного арабского героя.

Руководителями этого общества были офицер генерального штаба Азиз аль-Масри, активный участник революционных боев в июле 1908 и в апреле 1909 г., а также крупный арабский просветитель Абд аль-Керим Халил. Общество имело свои отделения в Сирии, Ираке и Ливане.

Политическая программа «Аль-Кахтания» предусматривала отказ от принципа паносманизма и создание дуалистической арабо-турецкой империи по типу Австро-Венгрии. Турецкий султан официально должен был носить и титул «короля арабов», а арабские вилайеты должны были образовать единое целое со своим парламентом и правительством [156, стр. 111].

Однако пестрый социальный состав общества «Аль-Кахтания», неясность цели и борьба его лидеров за руководящие посты, оторванность от широких народных масс привели в 1910 г. к распаду общества. И все же, деятельность общества не прошла бесследно. Оно способствовало рождению новых тайных организаций,

вызванных к жизни ходом национально-освободительного движения арабов.

В 1911 г. наиболее левые элементы арабского движения в Париже основали «Младоарабское общество» («Джамият аль-арабия аль-фатат»). Строго засекреченное по примеру «Иттихад ве теракки», оно широко пользовалось массопской терминологией («мой брат», «заход и восход солнца», «моя любовь» и т. д.). Общество создало свои отделения в арабских вилайетах. Общее число его членов превышало 2 тыс. [50, л. 273]. Среди лидеров общества были Джемиль Мардам, Фарис Хури, Шюкри Куатли и др. Основное внимание в программе «Младоарабского общества», как и в программе предыдущих националистических организаций, было уделено достижению политических прав. Экономические и социальные вопросы почти не затрагивались. Это объясняется тем, что руководящий состав общества и основная часть его рядовых членов были представителями имущих классов.

Осенью 1912 г., когда Турция вступила в первую
184

Балканскую войну, в Каире была организована еще одна арабская политическая организация — «Хизб аль-лямарказия аль-идария аль-османи» («Османская партия административной децентрализации»).

Партия «Лямарказия», руководимая крупным арабским общественным деятелем Рафиком аль-Азмом, добивалась расширения участия арабов в государственном аппарате Османской империи, признания арабского языка государственным, преподавания его в школах арабских вилайетов.

Руководство «Лямарказия» соглашалось даже на установление французского контроля над Сирией и Ливаном и английского — над большей частью Палестины и над Ираком [318, стр. 302].

В июне 1913 г. по инициативе «Младоарабского общества»

собрался конгресс арабских организаций. Приняв за основу принцип «децентрализации», конгресс поручил руководству «Младоарабского общества» вступить в переговоры с турецким правительством относительно предоставления автономии арабским вилайетам Османской империи. Посредником в этих переговорах, как ни странно, стало французское правительство, которое рассчитывало принять участие в дележе наследства «больного человека». Младотурки, которые обратились тогда к Франции предоставить им заем, пошли на переговоры с арабскими националистами и даже заключили с ними соглашение «о реформах в арабских вилайетах» (54, л. 27]. Однако это соглашение осталось на бумаге: младотурки саботировали его, затягивали его осуществление. По решению конгресса, центр «Младоарабского общества» был перенесен сначала в Бейрут, а затем в Дамаск. В одном из своих воззваний младоарабы горестно жаловались на то, что младотурецкое правительство «обмануло арабов, не сдержав своего слова о проведении реформы в арабских вилайетах», и призывали «всех арабов Сирии, Палестины, Аравии, Европы и Америки обратиться с настойчивыми телеграммами в Константинополь в целях понуждения правительства к безотлагательному проведению обещанных реформ» [[58а, л. 148]. И действительно, после этого в Стамбул хлынула масса телеграмм и писем с просьбой осуществить план автономии в арабских вилайетах империи.

185

Младотурецкое правительство ответило на просьбу арабов усилением репрессивных мер: были произведены многочисленные аресты¹ и закрыты оппозиционные газеты и журналы в арабских вилайетах [68, л. 13]. Прав был, пожалуй, полковник Лоуренс, который писал, что руководство младоарабов ожидало, что «свобода придет благодаря мольбам, а не жертвам» [708, стр. 47].

Для подавления национально-освободительного движения арабов младотурки использовали также непрерывную вражду между отдельными племенами, шейхами и эмирами. Так, в 1909 г. в Йемене и сопредельном- с ним Асире начались новые восстания против турок. В то же время правящая династия Йемена во главе с имамом Яхьей имела свои захватнические планы по отношению к Асиру, несмотря на то что обе арабские страны связаны были между собой тайным союзом. Зная об этом, младотурецкое правительство во время посещения Стамбула специальным «посольством» имама Яхьи не замедлило предложить имаму свою поддержку как в деле присоединения Асира к Йемену, так и в его борьбе с аденскими племенами, вооруженными и инспирируемыми агентами Англии. Это привело к распаду йемено-асирского союза, действовавшего против турок с весьма внушительной силой — 75-тысячной армией [51, л. 377]. В этом туркам помогло и то обстоятельство, что Йемен чувствовал угрозу вторжения англичан через территории Адена (669, стр. 22]. С помощью турок имаму Яхье удалось разгромить войска асирского шейха Мухаммеда Али аль-Идриси и покорить Асир. С 1911 г. Йемен «фактически перестал участвовать в антитурецких комбинациях, хотя отдельные столкновения йеменских бедуинов с турками продолжали иметь место и в последующие годы» [55, л. 37]. С началом первой мировой войны национально-освободительная борьба арабов вступила в новый этап своего развития. Своеобразная обстановка сложилась среди курдского населения империи. Сразу же после июльской революции 1908 г. лидеры курдского национального движения в Стамбуле основали курдский клуб, пропагандировавший проблемы консолидации курдов, развитие курдской культуры и т. п. Важную роль в деятельности клуба сыграла выпускаемая Эмином Бадр-ханом, Бабан-заде Исмаи-лом Хаккы и Саидом Хурдином на турецком языке

«Курд теваюн ве теракки газетеси» («Газета курдской взаимопомощи и прогресса»).

Вскоре курдские национальные клубы были созданы во многих городах Османской империи — Диярбакыре, Муше, Битлисе, Эрзуруме, Багдаде, Мосуле и др. Раньше, при Абдул Хамиде, курдские вожди племен, несмотря на их показную преданность, в течение десятков лет вынашивали всякие тайные планы для образования «независимого курдского государства». Теперь, формально приспособляясь к новым условиям, эти клубы называли себя местными клубами «Иттихад ве теракки», но фактически продолжали свою пропаганду.

Следует отметить, что после младотурецкой революции как курдские клубы, так и лидеры курдского национализма старались сблизиться и координировать свою деятельность с армянскими организациями [308, стр. 140].

Однако лидерам курдского освободительного движения не удалось объединить национальные силы и придать этому движению организованный характер. Более того, родоплеменные разногласия стали тормозом на пути национального единства и дали младотурецким властям благоприятную возможность принять соответствующие меры для подавления движения курдов [239, стр. 80]. Так, например, против Эмина Бадр-хана как представителя бохтанского рода выступил шейх Абдул-Кадыр из шемдинанского рода. Оба они претендовали на главенство над турецкими курдами. Эмин Бадр-хан ссылался на традицию, по которой бохтанский род издревле поставлял князей, а шемдинанцы — лишь «святых» — сеидов и дервишей. Сторонники Абдул-Кадыра доказывали, что «из рода Бадр-хана выходили только полководцы, а не правители» [308, стр. 140].

Народные массы, неорганизованные и темные, шли в большинстве случаев за своими племенными вождями,

классовые интересы которых не имели ничего общего с национальной проблемой курдов. При этом следует отметить, что курдская феодальная верхушка, пользовавшаяся большими привилегиями при старом режиме, не могла согласиться с утратой этих привилегий и поэтому не хотела подчиняться младотурецкому правительству. Первым после июльской революции 1908 г. восстал против младотурецкого правительства вождь племени

187

милли Ибрагим-паша, один из фаворитов Абдул Хамида и инициаторов создания султанской гвардии «хамидие». В начале сентября 1908 г., пятитысячный отряд Ибрагим-паши фактически контролировал обширный район от Эрзинджана до Дейр-эз-Зора. Его резиденция находилась между Урфой и Мардином — в Вереншехре. Это сильно напугало младотурок, понимавших, что с победой Ибрагим-паши может быть потрясено все основание турецкого государства в Малой Азии. Против мятежного паши был снаряжен сильный карательный отряд из 22 батальонов под командованием Нешад-паши. Кроме того, по приказу военного министра все сыновья курдских беев служившие в турецкой армии, были разжалованы (763, 1909, № 26, стр. 47—48].

Борьба продолжалась в течение месяца. Только в конце сентября 1908 г., после упорных боев, Ибрагим-паша потерпел поражение и бежал в горы Синджар (в Месопотамии), однако вскоре был убит преследовавшими его турками. Лишившись своего предводителя, курдский отряд сдался туркам [763, 1909, № 26, стр. 46].

Осенью 1908 г. и в начале 1909 г. крупные восстания начались в Дерсиме, а затем среди курдов племени хамевенди, обитавшего между Багдадом и Мосулом. Для подавления восстания в эти районы младотурецкое правительство послало крупные военные силы под командованием Назым-паши, которому были предоставлены

неограниченные права для осуществления им же намеченных мероприятий в трех вилайетах — Мосуле, Багдаде и Басре. В начале 1909 г. карательным отрядам из армии Назым-паши во главе с вновь назначенным вали Мосула Фазиль-пашой с трудом удалось усмирить мосульских курдов племени барзани и хамевенди [85, л. 15].

В донесениях русских дипломатов и военных агентов содержится много материалов о курдских восстаниях в 1910—1914 гг. {90, л. 37 об.}. Наиболее мощные восстания в этот период охватили Дерсим, Битлис, Иракский Курдистан и др. Эти восстания отличались от прежних волнений курдов главным образом тем, что в этот период борьбы курды подчас солидаризировались и объединялись с другими народами Османской империи, боровшимися за свое освобождение, — армянами, арабами и др.

Но курдское движение не всегда носило прогрессивный характер. Восстания, вспыхнувшие в первые месяцы 188

после младотурецкой революции, объективно были направлены против революционных преобразований в Турции, отвечали интересам крупных курдских феодалов — вождей племен, заинтересованных в сохранении феодально-клерикального деспотического режима. После свержения Абдул Хамида курдская феодальная верхушка стала ориентироваться на любого союзника — внутреннего и внешнего, лишь бы он был врагом младотурецкой революции и сохранил ее прежние привилегии 19.

Рядовой курд, принимая участие в восстании, имел в виду, разумеется, прежде всего облегчение своего экономического положения, а затем уже приобретение политических прав. Но как раз это не входило в расчеты вождей племен — феодалов, которые под флагом национального освобождения стремились сохранить привилегии, полученные ими от султанов, и возможность по-прежнему эксплуатировать свой трудовой народ. Однако, несмотря на

коренное различие между их классовыми интересами, в условиях сохранения родо-племенного строя курдские труженики, не имевшие тогда своих политических организаций, шли на борьбу против младотурок под флагом своих предводителей — ага, беев и др.

В первые месяцы революции курдские племена оказывали активное сопротивление новому режиму, препятствовали наведению порядка в городах и деревнях, ликвидации султанской гвардии «хамидие», строительству дорог и школ и т. п. «Все курды единодушно отказываются подчиниться новому режиму, — писал в своем донесении Скрябин, — а хамидийские полки, продолжая грабить народ, оказывают вооруженное сопротивление сборщикам налогов, заявляя, что не признают настоящего правительства» [70, л. 15—16]. Вожди различных племен всегда готовы были служить той или другой стороне в зависимости от выгод, которые они надеялись извлечь для своих личных интересов.

В дальнейшем, когда утвердился младотурецкий режим и его ассимиляторская политика стала нетерпимой, курдское движение приобрело демократический характер. Политика младотурок в курдском вопросе не отличалась от политики Абдул Хамида: они так же подавляли движение курдов силой и всячески стремились использовать курдов в качестве орудия для борьбы против на-

189

ционально-освободительного движения армян, арабов, лазов и др. С этой целью младотурки всячески затягивали дело, связанное с ликвидацией гвардии «хамидие», вступали в сговор с феодальной верхушкой курдских племен²⁰.

В этой связи любопытно сообщение в одном из архивных документов: летом 1911 г. младотурецкий министр финансов Джавид-бей и член комитета «Иттихад ве теракки» Наджи-бей совершили путешествие по Анатолии «с целью укрепления конституции и распространения

конституционных идей» {90, л. 267]. В это время они вели переговоры с вождями курдских племен, в том числе с Хюсейн-пашой²¹. В Эрзуруме им удалось убедить его в «общности интересов всех мусульман». После свидания с Джавид-беем Хюсейн-паша вступил в партию «Иттихад ве теракки». Разумеется, вступление в младо-турецкую партию известного курдского главаря произошло не добровольно, а под нажимом и с определенным обещанием младотурецких лидеров предоставить ему «свободу действий».

Наряду с этим младотурецкое правительство попыталось «навести порядок» среди курдского населения путем показного предоставления земель кочевым курдам. Чтобы перевести кочевые курдские племена на оседлость, правительство накануне войны создало специальную комиссию под председательством офицера Ибрагим-эфенди с центром в Селяхие.

Комиссия прибыла в Селяхие весной 1914 г., сразу же после подавления восстания шейха Барзана. В архивном документе сообщается, что она «встретила большие препятствия среди старшин и беков, которым принадлежат все земли, расположенные вдоль реки Диалы между Селяхие, Сулеймание и персидской границей. Они оказывают сильное сопротивление осуществлению этого проекта, так как, чтобы отвести курдам земли, пришлось бы их конфисковать у беков. Низшие классы, наоборот, отнеслись сочувственно к проекту» {90, л. 565}.

Курдские феодалы заявляли, что правительство якобы не имеет никакого права отбирать земли у их «законных владельцев». Когда же Ибрагим-эфенди нашел в турецком законодательстве статью, гласящую, что земли, которые в течение трех лет не обрабатываются, автоматически признаются «мири», т. е. принадлежащими государству, крупные землевладельцы во главе с Мах-

решили всеми силами противиться конфискации земель, ссылаясь на то, что вышеприведенная статья закона «не относится к землям, на которых находятся пастбища».

Не ограничившись этим, курдские вожди, как сообщается далее в донесении военного агента, предъявили комиссии претензии в том, что их предки платили всегда только 1 на 40 (т. е. давали 1 барана из 40), между тем как в настоящее время правительство берет с них по 3,5 пиастра с барана и 100 пиастров с палатки и теперь решило еще увеличить налоги на 25% [[90, лл. 565—566].

Комиссия вернулась в Стамбул ни с чем. Один этот факт лишний раз свидетельствует о том, как младотурки относились к аграрному и национальному вопросам.

Отсюда можно также сделать вывод о классовых взаимоотношениях внутри курдских племен, внешне выступавших под флагом национально-освободительной борьбы. В результате всего этого к началу первой мировой войны курдское освободительное движение потерпело поражение.

* * *

Самым трудным звеном в национальной политике младотурок в 1908—1914 гг. был армянский вопрос.

Победа революции и восстановление конституции вызвали у армянского населения восторг и энтузиазм. Им казалось, что исчезло «одно из самых острых противоречий старой Турции — национальная и религиозная рознь» [326, стр. 41].

Во всех уголках империи некоторое время царствовал дух братства и благожелательства. Армяне, так же как и другие народы империи, встретили революцию «с большим подъемом чувства и с широкими надеждами не только на одно улучшение экономического положения, но и на сравнения во всех правах с турками» (108, л. 32 об.).

Во многих городах турки вместе с армянами почтили память павших жертв султанского произвола, «муллы в

тюрбанах и христианские священники обнимались на глазах толпы мусульман и армян» [769, 31.VII. 1908]. Даже в Лондоне армяне отпраздновали введение конституции торжественным молебном в церкви, на котором присутствовал, между прочим, и турецкий посол. После 191

этого небывалого случая многие армяне направились в турецкое посольство и восторженно выразили верноподданническую благодарность султану²².

Однако, как подметил проф. А. Ф. Миллер, «весна» младотурецкой революции продолжалась недолго [326, стр. 42]. Наступило разочарование армян, и они стали относиться с глубоким пессимизмом к своему будущему. Реакционная великодержавная доктрина — пантюркизм, ставшая официальной идеологией после революции 1908—1909 гг., шла в противовес справедливым требованиям армянских трудящихся о полном равноправии всех граждан империи, о предоставлении Турецкой Армении автономных прав.

Армяне, как и другие нетурецкие народы империи, оказавшие огромную помощь победе революции, скоро начали понимать, что обещания младотурок о национальном равноправии не имеют ничего общего с действительностью. В одном из донесений штаба Кавказского военного округа генеральному штабу русской армии говорится, что спустя несколько месяцев после революции «часть армян начала было готовить заявление константинопольскому правительству с просьбой теперь же разрешить земельный вопрос. Под этим заявлением успели собрать уже массу подписей, но затем об этом узнали власти и арестовали главных организаторов, а само заявление уничтожили» [90, л. 249].

Отношения между армянами и младотурками все более и более обострялись. В армянских газетах, особенно после кровавых событий 13 апреля 1909 г., начали появляться

резкие статьи, критикующие политику правительства. Но вместо того, чтобы сделать соответствующие выводы из справедливых требований армянского народа, младотурецкие лидеры стали прибегать к жестоким репрессивным мерам.

В начале сентября в Эрзуруме было получено распоряжение из Стамбула о закрытии всяких политических клубов и собраний, кроме клуба партии «Иттихад ве теракки», поскольку существование таких клубов якобы «не вызывается необходимостью, а, напротив, мешает ее работе, отвлекая от важных дел массою неисполнимых просьб и советов» [108, л. 33].

15 сентября в Эрзурум прибыл уполномоченный Комитета «Иттихад ве теракки» майор Вахаб-бей, «который

192

с целью организовать отделения этого комитета среди армянского населения должен был проехать из Эрзурума в Муш, Ван, Битлис, Мосул, Диярбакыр, Алеппо, Дамаск и Бейрут». Однако миссия Вахаб-бея провалилась. В телеграмме младотурецкому комитету он сообщил, что «не только народные массы, но и более интеллигентные лица совершенно не подготовлены к новому политическому строю» [108, л. 33].

После того как эти попытки комитета «Иттихад ве теракки» потерпели поражение, младотурецкая пропаганда старалась изобразить дело таким образом, будто речь идет не о столкновении между интересами армянского народа с младотурецкой верхушкой, а между мусульманами и христианами вообще. Это, между прочим, не было новым в национальной политике правящих кругов Турции: комитет «Иттихад ве теракки» лишь продолжал испытанный прием турецких султанов. Младотурки стремились не к решению национальной проблемы, а к тому, чтобы любой ценой сохранить целостность Османской империи и по-прежнему держать в повиновении нетурецкие народы. Слабость

государственного аппарата толкала их на действия по принципу «цель оправдывает средства».

Одним из таких средств было разжигание вражды между курдами и армянами. Эта политика проводилась в разных формах. В одном донесении русского вице-консула от 28 февраля 1911 г. говорится: «На днях была обнаружена пропажа из Ванской крепости большого числа винтовок, патронов и пороха, причем, как оказалось, из восьми часовых, оберегавших кладовые, четверо бесследно пропали. А так как, по наведенным мною справкам, исчезло не менее 400 винтовок, около миллиона патронов и до 30 000 фунтов пороха, то следует предположить, что хищения производились систематическим образом, не сразу, а, может быть, в продолжении целых месяцев. Здесь все убеждены, что в этом деле замешаны не только солдаты, но и офицеры, что военные запасы были розданы для продажи курдам, и что это хищение не лишено политической подкладки» [90, лл. 187—188].

Разжигание национальной вражды в Турции было прежде всего делом рук деятелей из комитета «Иттихад ве теракки» и младотурецкой военщины.

Не последнюю роль в ухудшении межнациональных отношений в Османской империи, следовательно, и в

13 Г. 3. Алиев

198

трагедии армянского народа, сыграла и политика лидеров армянских организаций, главным образом партии «Дашнакцутюн».

Положение в Турецкой Армении особенно усугубилось в период и после триполитанской и балканских войн 1911 — 1913 гг. Потерпев поражения в этих войнах, правящие круги Турции еще больше усилили репрессии против освободительного движения армян. Во время этих войн потерпела поражение официальная доктрина «осма-низм» и, наоборот, усилилась более реакционная идеология

«пантюркизм», проповедующая объединение всех тюркоязычных народов Востока, в том числе народов Кавказа и Средней Азии.

Балканские войны имели и некоторые другие последствия для Турецкой Армении: победа балканских стран воодушевила армян, которые также стремились освободиться от турецкого владычества, в то же время перед армянами встали новые трудности — размещение мусульманских беженцев с Балкан — мухаджиров.

Дело в том, что с самого начала балканских войн мусульманское население, обитавшее на Балканах, стало эвакуироваться сперва в Стамбул, а через него в Малую Азию.

Описывая трагическое положение этих мухаджиров и его последствия для Турецкой Армении, Ваган Мина-хорян, впоследствии член дашнакского парламента в Армении, писал: «Турецкое беженство в результате балканской войны возвращалось „домой" — окровавленное, пешком, с тяжелой ношей и сгорбившейся спиной. Возвращалось со злобой и жаждой мести. Против кого? Против всего мира, против христианства. Прибыли в Константинополь, их выгнали, прибыли в Смирну — выгнали и вот они в Армении» [332, стр. 16]. Это еще более усугубило аграрный вопрос в Турецкой Армении²³.

Младотурецкие власти заставляли армян уступить часть своих земель мухаджирам. Они использовали этот случай и для того, чтобы добиться усиления мусульманского элемента в восточных вилайетах за счет вытеснения оттуда «неблагонадежного» армянского населения империи.

Обострение армянского вопроса дало империалистическим державам Европы новый повод для вмешательства во внутренние дела Османской империи с целью ее дележа.

194

3—24 июля 1913 г. в Стамбуле представители европейских держав (Англия, Франция, Германия, Россия, Австро-

Венгрия и Италия) занимались согласованием проектов реформ для Турецкой Армении, представленных одновременно Россией и Турцией. На совещании, как и раньше в подобных случаях, шла борьба между группировками держав — Антанты и Тройственного союза. Кроме того, Англия и Франция, хотя являлись союзниками России, по существу не поддерживали русский проект, видя в нем усиление русского влияния в Малой Азии²⁴.

Воспользовавшись созданным положением, в сентябре 1913 г. германское правительство внесло новый проект, фактически не отличавшийся от турецкого. При этом германский проект предоставлял турецкому правительству полную свободу в деле выбора и проведения тех реформ, «которые оно сочтет крайне необходимыми» [см. 143].

Наконец, 26 января 1914 г. в Стамбуле было подписано русско-турецкое соглашение относительно реформ в Армении, явившееся результатом долгих и сложных переговоров между великими державами и Турцией. Согласно выработанному проекту, вся Турецкая Армения делилась на два округа, во главе которых ставились генеральные инспектора, назначаемые турецким правительством на десятилетний срок из числа иностранцев по соглашению с великими державами. Инспекторам предоставлялись широкие права фактического контроля в своих округах над администрацией, юстицией, полицией и жандармерией. Генеральные инспектора имели право в случае надобности увольнять чиновников, не соответствующих своему назначению, причем младших чиновников они могли заменять по своему усмотрению, а старших — с разрешения турецкого правительства.

О совершенных высшими турецкими административными лицами — губернаторами вилайетов Турецкой Армении проступках генеральные инспектора обязаны были доносить по телеграфу министру внутренних дел, после чего дело должно было рассматриваться советом министров

в четырехдневный срок [90, л. 459].

Аграрные конфликты, говорилось в проекте реформ, будут улаживаться под непосредственным наблюдением генеральных инспекторов [90, л. 461].

Участие каждой народности в бюджете народного образования каждого округа должно было быть опреде-
13*

195

лено пропорционально его участию в налогах, взимаемых для этой цели.

Законы, декреты и официальные уведомления должны были публиковаться в каждом округе на местном языке. Армянам предоставлялось право преподавания в армянских школах на родном языке.

В весьма туманных формулировках говорилось о необходимости реформировать полки «хамидие» в резервную кавалерию. «Их оружие будет храниться в депо и выдаваться только при мобилизации и маневрах» [90, л. 462]. Указывалось, что всем армянам разрешается отбывать военную службу у себя на родине. '

Кроме инспекторов, во главе управления семи вилайетов ставились особые провинциальные законодательные собрания — генеральные советы, собираемые один раз в год. Задачи генеральных советов заключались в том, чтобы «заслушивать отчет губернатора о его деятельности, а затем обсуждать роспись доходов и расходов по данному вилайету» [90, л. 467].

При решении вопроса о национальном составе генеральных советов авторы реформ пошли на компромисс. В трех вилайетах — Ване, Битлисе, Эрзуруме — советы должны были состоять «поровну из мусульман и христиан, с условием, что при новой переписи не окажется, что это соотношение должно быть изменено в пользу мусульман» [90, л. 467]. Состав остальных четырех генеральных советов должен был быть пропорционален соотношению между

мусульманским и армянским населением, установленному путем переписи.

Таковы были основные положения проекта реформ для армянских вилайетов, принятого 26 января 1914 г. Но даже эти куцые реформы не были осуществлены: с началом первой мировой войны турецкое правительство объявило расторгнутыми все соглашения, заключенные с Россией, в том числе и соглашение о реформах в Турецкой Армении.

* * *

С победой революции 1908 — 1909 гг. начался новый этап национально-освободительного движения албанского народа. Свержение деспотической монархии Абдул Хамида албанцы встретили мощными демонстрациями и митингами, сопровождаемыми братанием турецких
196

солдат с местным населением, а также братанием самих албанцев различных племен и вероисповеданий (56, л. 29]. Как было сказано выше, албанский народ сыграл важную роль в победе младотурецкой революции, особенно в ее первый период. Свержение старого режима привело к новому подъему политической и культурной деятельности в Албании. Только за 1908— 1909 гг. было создано 30 клубов и 50 школ, выходило шесть еженедельных журналов, которые стали центрами пропаганды национальной культуры, албанского языка. Состоявшийся в Битоли (Монастыре) в ноябре 1908 г. национальный конгресс решил довести число школ до 200 (771, 1910, № 8, стр. 194]. Но интересы албанского национального движения лишь до определенного момента совпадали с целями партии «Иттихад ве теракки».

Сразу же после победы июльской революции 1908 г. руководители албанского освободительного движения выработали общую политическую программу, которая была опубликована 18 февраля 1909 г. в газете «Комба» [771, 1910, №8, стр. 195].

Эта программа предусматривала:

- а) официальное признание албанского языка и народности;
- б) открытие на государственный счет начальных и средних школ по всей Албании с преподаванием всех предметов на албанском языке и с отдельным преподаванием турецкого языка как общегосударственного;
- в) замещение всех административных должностей в Албании албанцами, родившимися в Албании;
- г) распределение доходов между турецким государством и Албанией: 20% — на общегосударственные нужды, 80% — на местные;
- д) распределение доходов с албанских вакфов исключительно местным просветительным учреждениям.

Руководствуясь этой программой-минимум, албанские депутаты меджлиса все еще старались «найти общий язык» с младотурками. Большую деятельность развернули и албанские эмигрантские организации за границей. К началу 1909 г. албанские эмигранты в США попытались организовать албанскую народную партию на базе общества «Беса Бесен» в Бостоне.

В Бостонской программе албанских политэмигрантов говорилось о необходимости образования единой автономной области под названием «Албания» во главе с

197

генерал-губернатором. Область должна управляться областным собранием — «Диэтой».

В программе далее подчеркивалось, что, когда турки будут изгнаны из Европы, «Албания образует независимое государство и выберет своим главой представителя одного из царствующих домов. В пределы Албании должны войти вилайеты — Шкодранский, Янинский, Кос-совский и та

часть Битолийского (Монастырского) вилайета, где большинство населения состоит из албанцев» {771, 1910, № 8, стр. 194—195}.

В Англии албанцы выпускали журнал «Джелли» («Солнце»), отличавшийся от всех прежних албанских эмигрантских газет и журналов своей политической зрелостью.

Первое восстание в Албании после младотурецкой революции вспыхнуло в апреле 1909 г., когда большая часть албанского населения решительно отказалась платить налоги и отбывать воинскую повинность. Непосредственной причиной восстания было закрытие младотурецким правительством албанских школ и органов печати. В то же время турецкий министр внутренних дел заявил в парламенте, что албанской нации не существует, а карательный отряд Джавад-паши был послан в Албанию для взимания податей [111, л. 19].

Вооруженное восстание албанцев длилось около трех лет — с весны 1909 г. до начала 1912 г.

Идея национального освобождения охватила почти все слои населения Албании — буржуазию, крестьян, ремесленников и т. д. Однако албанские круги, отражавшие интересы землевладельцев, всячески препятствовали успеху движения и стремились к компромиссу с младотурками 25. Им удалось повести за собой часть повстанцев, что нанесло тяжелый удар национально-освободительному движению в Албании.

Весной 1909 г. против албанских повстанцев была послана 16-тысячная армия Шевкета Тургут-паши. Когда стало известно, что эти войска не в состоянии справиться с албанцами, туда была направлена 40-тысячная армия под командованием самого военного министра Махмуда Шевкет-паши {см. 218, стр. 273—274}. Лишь после этого восстание было подавлено. Турецкие войска отобрали у населения около 80 тыс. ружей 1[218, стр. 274]. Но отобрать

все оружие у албанцев младотуркам не удалось, во-первых, потому, что закон об изъятии ору-

198

>кйя касался только христианского населения, а, во-вторых, как пишет свидетель событий, албанцы сдавали в большинстве случаев старинное оружие, сохранив при себе новое [218, стр. 272].

К лету 1909 г. почти во всех крупных населенных пунктах Албании были размещены подразделения армии Махмуда Шевкет-паши и карательного отряда Шевкета Тургут-паши. Часть мятежных албанцев младотурки переселили в Македонию. Здесь же они отвели земли и для мусульман-босняков, выразивших желание переселиться в Турцию после аннексии Боснии и Герцеговины Австрией осенью 1908 г. Все это делалось, по-видимому, с целью создать своего рода барьер между христианским и мусульманским населением.

В этой сложной обстановке 27 июля 1909 г. в г. Дибре был созван конгресс албанских национальных организаций, клубов и обществ, который выдвинул программу проведения ряда прогрессивных реформ в Албании и категорически отклонил всеобщую воинскую повинность. В решении конгресса не было слов о верности конституции, на чем все время настаивало младотурецкое правительство 1[113, л. 100].

Крупные восстания вспыхнули в 1910—1911 гг. Основную часть восставших в это время составило католическое племя мередитов²⁶. Национальное движение албанского народа в эти годы стало более организованным и нанесло ощутимый удар по младотурецкому режиму.

Чтобы умиротворить албанцев, младотурки организовали поездку султана Мехмеда V по Албании, который «даровал» амнистию «заблудившимся албанцам» (113, л. 56]. Одновременно туда были направлены усиленные

отряды карательных войск: 40 батальонов редифа, Сивасская и Трабзонская дивизии, Харпутская бригада [93, л. 73].

Вслед за Мехмедом V в Албанию отправился министр внутренних дел Хаджи Адил-бей с целью «на месте познакомиться с размером и характером движения». Вместе с тем он рассчитывал парализовать движение путем раздачи «бакшиша» вождям некоторых албанских племен. Однако поездка Хаджи Адил-бея была «чисто министерской поездкой»: его беседы с албанскими руководителями и крупными турецкими чиновниками выявили «благополучие» дел в Албании, к «его докладу в кабине-199

те министров отнеслись с полным доверием» [218, стр. 276].

Причины восстания в Албании правящие круги Турции искали не в своей шовинистической политике, а в интригах европейских государств. В секретном рапорте русского военного агента в Австро-Венгрии от 29 марта 1912 г. сообщается, что в беседе с ним турецкий военный агент в Вене полковник Блак-бей заявил: «Албанские восстания 1910 и 1911 годов, по нашему глубокому убеждению дело рук короля Черногорского. При старом режиме король получал от нашего правительства ежегодную субсидию в 15000 лир, и в Албании все было тихо; новое правительство имело неосторожность прекратить эту субсидию, и результаты такого необдуманного шага сказались восстаниями 1910 и 1911 годов; с нынешнего года (1912 г. — Г. А.) правительство возобновило субсидию в прежнем размере, и в этом мы видим одну из важнейших гарантий против революции в Албании» [94, л. 27].

: Дальнейший ход событий полностью развеял эту иллюзию младотурецкого руководства в отношении Албании и албанцев. В 1912 г. наступил решающий момент в албанском национальном движении. Самые разнообразные

и широкие слои албанского народа были преисполнены решимостью добиться хотя бы автономии Албании в пределах Османской империи.

Осенью 1912 г., после начала первой балканской войны, албанское движение уже не ограничивалось требованием автономии, а добивалось полной национальной независимости для своей страны. С самого начала войны албанцы выступили на стороне Балканского союза и оказывали серьезную помощь сербским и черногорским войскам.

Войска балканских государств освободили большую часть балканских территорий, бывших под властью Турции. Полностью была освобождена и территория Албании. Но союзники не намерены были давать независимость Албании: каждый из них стремился за ее счет расширить свою территорию. Греки захватили южную часть страны, сербы стремились получить выход к Адриатическому морю. Перед албанским движением теперь стояла задача борьбы не только против турецкой администрации, но и против греко-сербских захватчиков из Балканского

200

союза. 28 ноября 1912 г. во Влоре собрался национальный конгресс, который провозгласил независимость Албании. Конгресс избрал временное правительство во главе с бывшим руководителем албанской фракции турецкого парламента Исмаилом Кемаль-беем.

После того как потерпевшая поражение Турция запросила мира (3 ноября 1912 г.), в середине декабря 1912 г. в Лондоне одновременно начали работу две конференции: конференция послов великих держав и конференция воюющих стран. Решающее слово, конечно, принадлежало конференции послов. Но там шла острая межимпериалистическая борьба за сферы влияния. За спиной государств Балканского союза стояли державы Антанты. Германия и Австро-Венгрия поддерживали

Турцию.

27 декабря, через месяц после провозглашения Албании независимым государством, конференция послов приняла решение о создании автономной Албании под верховной властью турецкого султана. Вопросы о границах и внутреннем устройстве Албании остались открытыми. Но дальнейший ход событий показал, что судьба Албании решается самими албанцами и отнять у них завоеванную независимость уже невозможно. По мирному договору, заключенному с Турцией 30 мая 1913 г., Албания отделилась от Османской империи.

29 июля 1913 г., после окончания второй балканской войны, великие державы приняли «органический статут Албанского государства», по которому они вынуждены были признать независимость Албании²⁷.

Завоевание Албанией государственной независимости имело исключительно важное значение не только для самих албанцев, но и для других нетурецких народов Османской империи. Оно предвещало конец турецкого господства над этими народами, которое длилось около пяти веков.

Освобождение балканских народов от турецкого господства В. И. Ленин назвал новой главой всемирной истории. Он отметил, что, хотя этот процесс произошел не путем революции, а в результате войны балканских монархий против Турции и это привело к тому, что «на Балканах образовался союз монархий, а не союз республик», тем не менее «сделан великий шаг вперед к разрушению остатков средневековья во всей Восточной Европе» [21, стр. 156].

201

В. И. Ленин с негодованием разоблачал интриги империалистических держав на Балканах. Выдвигая лозунг «Никакого вмешательства! Балканы — балканским народам!» ;[21, стр. 156], он указывал, что необходимо предоставить балканские страны «самим себе, не портить им жизни иностранным вмешательством, не бросать палок под

колеса турецкой революции» {20, стр. 230—231}.

Таким образом национальные движения нетурецких народов Османской империи сыграли исключительно важную роль в деле победы революции в дни июльских событий 1908 г. После революции эти народы получили новые возможности для дальнейшего развития освободительного движения, для консолидации национальных сил, расширения сети культурно-просветительных учреждений, органов печати и т. п.

Однако в результате национальной политики младотурок, пропитанной великодержавным шовинизмом и расизмом, эти народы поняли, что они не могут, да и не должны надеяться на получение той свободы, ради которой они пролили кровь своих лучших сыновей.

Обманутые демагогической пропагандой, эти народы очень скоро начали испытывать горечь разочарования. «Их всеобщее ликование и радужное настроение непосредственно после революции сменилось подавленным крайне нервным настроением» {91, л. 89}.

Младотурки, являясь представителями эксплуататорских классов, были заинтересованы в сохранении Османской империи и возможности эксплуатации нетурецких народов. Это и определило основное направление их великодержавного шовинизма.

Обострение внутривнутриполитического положения в стране
За десять лет правления младотурок в Турции сменилось 14 правительств. Эта рекордная цифра, невиданная в истории Турции, свидетельствует о неспособности правящей партии «Иттихад ве теракки» создать политическую стабильность в стране, которую она обещала еще до революции,

202

Это объясняется главным образом тем, что младотурки, так успешно свергнувшие деспотизм Абдул Хамида, за годы своего правления не приняли более или менее эффективных мер для разрешения социальных проблем в стране. Снискавшие

славу патриотов, они объединили вокруг своей партии всех активных врагов абдулхами-довского режима, которого считали главной причиной государственных бедствий своей родины.

Младотурецкие лидеры так и не поняли, а главное не хотели понять, что для упрочения нового режима необходимо прежде всего провести кардинальные, последовательные реформы социально-экономического характера. Более того, когда депутат-социалист Д. Влахов поднял в парламенте вопрос о необходимости проведения аграрных реформ и передачи части помещичьих земель крестьянам, младотурки выразили свое возмущение таким предложением, считая его несовместимым с шариатом. В то же время заявление министра внутренних дел о том, что младотурецкое правительство не намерено вмешиваться в отношения беков со своими крестьянами, большинство депутатов встретило бурными аплодисментами [ПО, л. 6]. В этом не было ничего неестественного, хотя бы потому, что в парламенте рядом с представителями интеллигенции сидело много крупных землевладельцев, которые владели по 300—500 деревень.

Но в партии «Иттихад ве теракки» было и немало сторонников реформ, ради которых они пошли на революцию. Они выражали свое недовольство неопределенной позицией, занятой центральным комитетом партии по важнейшим социальным проблемам. Из-за этого недовольства многие видные члены реформаторского крыла (в том числе известный философ Риза Тевфик, бывшие члены комитета «Иттихад ве теракки» Исмаил Хак-кы и Ферид-бей и др.) вышли из партии и примкнули к оппозиции.

«Стоит только поставить на очередь социальный и экономический вопрос, — писал русский морской агент из Стамбула, — как сразу забывается и единение и прогресс и члены одной и той же партии выступают и голосуют как принципиальные противники»

[ПО, л. 6].

В вопросах внешней политики в младотурецких кругах было кажущееся единство, а в действительности существовали различные группировки — сторонники французской, германской и английской ориентации.

203

Младотурецкие- лидеры из-за своей ограниченности не понимали, что внешняя безопасность государства органически связана с внутренним, экономическим и культурным развитием, уничтожением бесправия национальных меньшинств, поднятием благосостояния народных масс и т. п.

Для младотурецкого режима был характерен деспотизм, подобный худшим временам старого режима. Внутренние события, разыгравшиеся после подавления контр-революционного мятежа в апреле 1909 г., полностью выявили эту особенность младотурецкого режима.

Кабинет Хюсейна Хильми-паши, вопреки ожиданиям, продолжал оставаться у власти вплоть до конца 1909 г.

Младотурецкий комитет, фактически сосредоточивший все управление страной в своих руках, не считал нужным отстранить это правительство и ограничился назначением на важнейшие министерские посты своих активных членов. Так, министром финансов после апрельских событий 1909 г. стал Джавид-бей, а министром внутренних дел — Талаат-бей. Другие министры, как, например, министр иностранных дел Рифаат-паша, министр общественных работ Габриель-эфенди, а также военный и морской министры, хотя не были членами комитета, являлись его приверженцами и действовали по сути дела в соответствии с полученными от комитета инструкциями.

Работа основного законодательного органа — парламента также направлялась комитетом. По мнению авторитетного наблюдателя, русского морского агента Щеглова, лишь 50 депутатов османского парламента были способны к работе,

остальные же были «ленивыми и невежественными» [111, л. 14].

В этих условиях правительство находилось в полной зависимости от комитета, получившего у современников прозвище «дьявола».

В донесении бельгийского посла своему правительству от 31 декабря 1909 г. говорится, что «великий визирь Хильми паша часто жалуется на то, что его осаждает организация (комитет «Иттихад ве теракки». — Г. А.), не позволяющая ему принимать без ее согласия никакого сколько-нибудь серьезного решения» [ПО, л. 154].

В конце 1909 г., когда стало известно, что великий везир Хильми-паша проявляет некоторую самостоятель-

204

ность в решении ряда важных вопросов, младотурецкий комитет заставил его подать в отставку. Сообщая о непосредственных причинах падения кабинета Хильми-паши, русский морской агент писал: «Кабинету ставят в вину (справедливо или нет), что он ничего не предпринял для улучшения экономического положения страны и для смирения болгарских чет, возобновивших свою деятельность» [110, л. 155].

Хотя после отставки правительства в столичных газетах было опубликовано заявление видного младотурецкого лидера Халила Ментеше, выступавшего от имени комитета, а также самого Хильми-паши о том, что якобы никакого нажима со стороны комитета на правительство не оказывалось, это никого не убедило [524, стр. 1673].

Немаловажное значение в падении правительства Хильми-паши имело так называемое «дело Линча». Осенью 1909 г. турецкое правительство предоставило англичанину Линчу концессию на навигацию по Тигру и Евфрату, которая была расценена мировой общественностью как новая попытка Англии противодействовать германским планам

строительства Багдадской железной дороги. Это вызвало раздражение германофильского крыла младотурок, которое и добилось отставки кабинета Хильми-паши 18 декабря 1909 г.

Формирование нового кабинета было поручено турецкому послу в Риме Ибрагиму Хаккы-паше (1863—1918).

Большинство министров прежнего кабинета (Талаат-бей, Джавид-бей, Рифаат-паша, Норадингиян-эфенди и др.) были оставлены на своих постах. Правительственная программа Хаккы-паши изобиловала демагогическими обещаниями экономического процветания, укрепления дружбы между отдельными народами, расширения школьной сети и т. п. [115, л. 15—16]. В частности, правительство представило обширную программу общественных работ, сущность которой вкратце сводилась к следующему: 1) построить в течение восьми лет 7,9 тыс. км железных и 30 тыс. км шоссейных дорог, для чего ежегодно расходовать 1,2 млн. лир; 2) отремонтировать старые и построить новые порты в Трабзоне, Самсуне, Мер-сине, Дедеагаче, Сантикаранте, Тараблусе, Дураццо, Пандырме общей стоимостью в 4 млн. лир [115, л. 16]. Программа правительства подверглась резкой критике со стороны оппозиционных депутатов во главе с Риза

205

Муром и Йсмаилом Кемаль-беём. Однако правящая партия, возлагавшая большие надежды на правительство, подавляющим большинством голосов (187 против 34) выразила ему вотум доверия, утвердив программу Хаккы-паши [799, 30.XII.1909].

Эта широковещательная программа, так же как и программы прежних кабинетов, не была осуществлена, так как она не отвечала реальным финансовым возмож-

Ой

ностям страны м.

В области народного просвещения все мероприятия

правительства Хаккы-паши ограничились открытием 350 народных вечерних начальных школ и посылкой около 400 молодых людей в различные школы Европы [115, л. 12—13].

Правительство Ибрагима Хаккы-паши просуществовало всего год и 10 месяцев. За это время в стране резко усилилась политическая борьба различных группировок по вопросу о власти. «Деспотизм комитета „Иттихад ве теракки“, — писал военный агент в своем рапорте от 15 апреля 1911 г., — сделался невыносимым для чисто турецких элементов и можно уже отметить поворот общественного мнения в сторону консерваторов». Эта борьба тогда еще не привела к падению правительства, так как «оказалось, что комитет все еще имеет за собою большинство среди офицеров, которые продолжают быть вершителями судеб Османской империи» [90, л. 230].

Оппозиция выступала, как выразился один дипломат, «с выигрышным обвинением» партии «Иттихад ве теракки» в масонстве и деспотизме. При этом следует отметить, что не было единства и в рядах оппозиции, которая была представлена деятелями всех толков — от реакционеров до социалистов. Но всех их объединяла ненависть к правящей партии «Иттихад ве теракки».

Вскоре началось обострение кризиса и в самой правящей партии, особенно в ее парламентской фракции.

Летом 1910 г. был раскрыт заговор против правительства Хаккы-паши, а в начале 1911 г. из состава кабинета удалились один за другим четыре министра: по делам вакфов — Шариф Али Хайдар-бей, общественных работ — Халаджиян, народного просвещения — Эмрул-лах-бей, Талаат-бей вынужден был уступить портфель министра внутренних дел Халил-бею [90, л. 174].

Следует отметить, что отставка этих министров произошла во исполнение решений лишь парламентской

фракции «Иттихад ве теракки», баллотировавшей в своей среде вопрос об уходе того или другого министра. Русский посол Чарыков в своей депеше в 1911 г. с удивлением писал: «Любопытно, что пока происходили соответственные партийные прения, баллотировки, отставки и назначения, обе палаты турецкого парламента продолжали безмятежно свои заседания и свою очередную законодательную работу». Анализируя причины политического кризиса, далее он пишет: «Доискиваясь корня вышеизложенного положения дел, я склонен усматривать его в возрастающем антагонизме Салоникского центрального комитета младотурецкой партии и влиятельной группы константинопольских членов той же партии, образовавших здесь особый „тайный“ комитет из девяти членов» (90, л. 174].

Внутрипартийные распри младотурок были вызваны «не столько политическими взглядами, сколько личными, расовыми и материальными расчетами» (90, л. 176].

Если военного министра Махмуда Шевкет-пашу поддерживал вышеназванный тайный комитет в Стамбуле, то министр внутренних дел Талаат-бей опирался, безусловно, на помощь и поддержку центрального Салоникского комитета, одним из основателей которого был он сам.

Между Талаат-беем и Махмудом Шевкет-пашой кроме личной неприязни имелось и принципиальное разногласие по вопросу о восстаниях в Аравии и Албании. Талаат-бей требовал жестоко подавлять восстания, где бы они ни вспыхнули, тогда как Шевкет-паша считал целесообразным ограничиться посылкой в восставшие районы минимального числа войск (причем не за счет войск, расположенных в европейской части страны) и «добиться ликвидации восстаний, по мере возможности, мирными средствами» [90, л. 176].

Позиция Махмуда Шевкет-паши, не раз подавлявшего

освободительное движение нетурецких народов, объяснялась рядом военно-политических соображений. Ему явно не хотелось ослаблять и без того слабую оборону Европейской Турции перед надвигающейся опасностью со стороны балканских стран. Кроме того, военный министр, будучи уроженцем Багдада, хорошо знал всю трудность и даже невозможность установления «безусловного господства турок над Аравией» [90, л. 176].

Весной 1911 г. ряд депутатов-младотурок во главе с
207

неким ходжою Абдулазизом Меджди и полковником Садык-беем, несогласные с политическим курсом руководства «Иттихад ве теракки», образовали так называемую группу «Хизби джедид» («Новая партия») (115, л. 94].

В исторической литературе почти отсутствуют данные о деятельности этой группы консерваторов, или диссидентов, как ее называли современники.

Политическая платформа диссидентов, близкая по содержанию к платформе группы принца Сабахеддина, нашла свое выражение в выдвинутой ими программе из десяти статей.

«Ислам является государственной религией, — говорится в ст. 1 программы, — но полное равенство должно существовать для прочих религий, духовные и религиозные традиции каждой народности должны быть уважаемы». Ст. 5 провозглашала равноправие всех народностей империи, соблюдение национальных и религиозных обычаев и преданий, а также распространение западноевропейской культуры. Ст. 2, 3, 4 предусматривали изменение конституции, расширение прерогатив султана, роспуск парламента, назначение новых выборов. Одна треть сената, по мнению диссидентов, должна была назначаться султаном, а две трети — выбираться народом сроком на девять лет.

Диссиденты требовали отмены статьи конституции, по

которой министры должны были выходить в отставку, если парламент не выражал им вотум доверия. Они считали, что вотум является всего лишь средством моральным, а не административным.

Настаивая на расширении прав исполнительной власти, диссиденты требовали, чтобы в случае конфликта между парламентом и правительством последнее уходило в отставку. В случае разногласий между новым кабинетом и парламентом за султаном сохранялось право распустить парламент и назначить новые выборы [см. 115, л. 95; 604, стр. 186—187].

Кроме этих общих положений в программе диссидентов были статьи (7 и 10), явно направленные против комитета «Иттихад ве теракки» [115, лл. 95—96]. Так, ст. 7 гласила: «Всякие тайные общества под каким-либо названием недопустимы». «Кому бы то ни было, — говорилось в ст. 10, — запрещается исполнять одновременно гражданскую и военную службу. Прежде чем принять гражданскую должность каждый офицер должен сперва

293

выйти в отставку, а депутатам разрешается принимать пост министра лишь на основании постановления партии, вынесенного большинством двух третей голосов» [115, л. 96].

Когда группа «Хизби джедид» выработала свою платформу и в апреле 1911 г. заявила о решении выйти из партии «Иттихад ве теракки», если последняя откажется принять требования группы, раскол в партии казался неминуем 29. Но этого сразу не случилось. Усиление албанского восстания и ухудшение международного положения страны (тревожные сообщения о приготовлениях Италии и балканских государств к войне с Турцией) привели, хотя и временно, к объединению сил младотурок, перед которыми вновь появился призрак иностранного вмешательства; внутренние разногласия утратили свою остроту.

Младотурецкие лидеры, стремясь во что бы то ни стало предотвратить опасность раскола, предложили диссидентам отложить спорные вопросы до следующего съезда партии, который должен был открыться в Салониках в ближайшее время. Но как только в конце сентября 1911 г. был открыт съезд³⁰, разразилась итало-турецкая война — итальянские войска начали военные действия в Триполитании. Поэтому, напуганные внешней опасностью, младотурки решили во что бы то ни стало сохранить единство партии, хотя бы ценою больших уступок диссидентам путем изменения ст. 35 конституции. По проекту центрального комитета партии «Иттихад ве теракки» пассивное и активное избирательное право было предоставлено всем гражданам, достигшим 20-летнего возраста. Уступая требованиям диссидентов, конгресс повысил возрастной ценз до 25 лет [см. 547]. Съезд согласился также с требованием диссидентов о расширении прав исполнительной власти за счет значительного сокращения полномочий законодательных органов. Согласно новому положению, принятому съездом, в случае возникновения конфликта между парламентом и правительством последнее должно уходить в отставку. Если бы возникло разногласие между новым правительством и парламентом, султан мог распустить парламент и назначить новые выборы.

Наряду с этими уступками съезд отклонил некоторые требования диссидентов. Так, например, подавляющим большинством голосов было отвергнуто требование,

14 Г. 3. Алиев

209

по которому депутаты не должны были занимать министерские посты. Что касается обвинений, выдвинутых диссидентами-консерваторами, в том, что реформы младотурок часто противоречат шариату, съезд отклонил их на том основании, что «сама конституция не противоречит шариату, и, следовательно, реформы, которые могут быть

осуществлены, разрабатываются сс'гласно конституции и шариату». При этом некоторые делегаты заявили, что в настоящее время, «когда на нацию обрушилась война», заниматься «пустяками» (!), т. е. реформами,— безумие [799, 18.X.1911].

Руководители съезда старались отвлечь внимание оппозиции от внутренних вопросов и добились принятия специального обращения по поводу итальянской агрессии против Триполитании 31.

Начало Триполитанской войны осенью 1911 г., к которой Турция оказалась совершенно не подготовленной в военно-экономическом отношении, заставило кабинет Хаккы-паши уйти в отставку (при довольно скандальных и скомпрометировавших самого великого везира обстоятельствах) 32.

Власть вновь перешла к престарелому Саид-паше, который сохранил в своем кабинете большинство министров прежнего правительства, в том числе Махмуда Шевкет-пашу в качестве военного министра.

Итало-турецкая война и ее некоторые дипломатические аспекты сыграли немаловажную роль в усилении реакции в Османской империи накануне первой мировой войны.

Дело в том, что итальянский империализм имел, как однажды подметил Бисмарк, «аппетиты немалые, а зубы гнилые», и уже к 1909 г. закончил дипломатическую подготовку к войне с Турцией, получив от всех великих держав согласие на захват двух африканских провинций Турции — Триполитании и Киренаики.

Правда, экономическая ценность самой Триполитании была ограниченной: финики, верблюжья шерсть, рыба и губка — вот все, что могла дать эта пустынная страна, по которой кочевали арабские племена. Но зато Триполи и Киренаика представляли удобную базу для дальнейших завоеваний в Африке и восточной части Средиземного моря.

Подготавливая захват Триполи, Италия заручилась

поддержкой стран Антанты, так как последние стремились оторвать Италию от Тройственного союза,

210

тогда как Германия и Австро-Венгрия вовсе не хотели выхода Италии из него.

Весь процесс дипломатической подготовки захвата Триполитании и Киренаики сопровождался шумной кампанией официальной итальянской прессы, которая трубила о «святых правах Италии» на эти земли.

Губернатор Триполитании и главнокомандующий турецкими гарнизонами маршал Ибрагим-паша с тревогой сообщал, что итальянские морские офицеры, переодетые рыбаками, ловят губку у берегов Триполитании и Киренаики и заодно производят съемку побережья, а католические миссионеры занимаются шпионажем внутри страны [115, л. 17].

При этом в итальянской буржуазной исторической литературе, особенно в мемуарах государственных деятелей Италии, явно фальсифицируются факты, вся вина за подготовку и развязывание войны сваливается на младотурок. Так, тогдашний премьер-министр Италии Джиолитти в своих мемуарах лицемерно утверждает, что вплоть до революции 1908—1909 гг. итало-турецкий спор по вопросу Триполитании не был обострен потому, что султан Абдул Хамид искал мирные пути урегулирования этого вопроса; с «приходом к власти младотурок положение вещей основательно изменилось: младотурецкие эмиссары во всех странах Северной Африки разжигали среди фанатичного мусульманского населения антиитальянские чувства» [692, стр. 205].

Разоблачая правящие круги Италии, В. И. Ленин писал, что Триполитанская война — это типичная колониальная война «„цивилизованного" государства XX века», вызванная «корыстью итальянских финансовых тузов и капиталистов, которым нужен новый рынок, нужны успехи итальянского

империализма» '[24, стр. 113].

Силы воюющих были неравны. Против семитысячного турецкого гарнизона в Триполи 33 было брошено 56 тыс. итальянцев, вооруженных артиллерией и даже авиацией, которая тогда впервые была применена в военных действиях. Связь Турции с Триполитанией осуществлялась с большими трудностями: на Средиземном море хозяйничал итальянский флот, на суше англичане не пропускали турок через территорию Египта. Победа Италии в этой войне не вызывала сомнения, но Турция не соглашалась заключить мир 34, а местное арабское население повело против захватчиков партизанскую войну.

14*

211

Чтобы заставить Турцию заключить мир, итальянский флот бомбардировал с моря Бейрут и другие порты Османской империи. Итальянцы оккупировали острова Додеканес. В апреле 1912 г. были подвергнуты бомбардировке турецкие укрепления в Дарданеллах. В этих условиях слабая Турция не могла успешно сопротивляться, тем более что ей угрожала новая война на Балканах.

Итало-турецкая война была крайне непопулярна среди широких слоев турецкого общества, не хотевших нести на своих плечах тяжесть этой войны.

Военными неудачами младотурок воспользовались их противники во главе с «либеральной оппозицией» — партией «Свобода и согласие» («Хюрриет ве итилаф»), созданной на базе мелких оппозиционных партий и группировок, возникших после провозглашения конституции.

Наиболее крупными из них являлись партии: «Либералы» («Ахрар», создана в 1909 г.), «Народная» («Ахали фыркасы» — 1910 г.), «Османская демократическая партия» («Фыркай Ибад» — 1908 г.), «Умеренные либералы» («Мютедиль хюрриет перверан фыркасы» — 1909 г.), «Османская партия реформы» («Ислахат-ы эсасийеи ос-

мание фыркасы» — 1909 г.) и др.

К партии «Хюрриет ве итилаф» присоединились также почти все представители национальных меньшинств. Для сохранения блока с националистическими организациями национальных меньшинств «Хюрриет ве итилаф» включила в свою программу (§ 2) принцип автономии национальных областей и административной децентрализации Османской империи при сохранении ее политического единства [604, стр. 319]35.

О создании партии «Хюрриет ве итилаф» официально было объявлено 21 ноября 1911 г. Основала ее группа депутатов, в которой руководящую роль играли Дамад Ферид-паша, Исмаил Хаккы-паша (из Гюмулчины), д-р Давагарян, Абдул Хамид Зехрави (из Хама), сенатор, маршал Фуад-паша, публицист Тахир Хайретдин-бей и др.

Примечательно, что в руководящий состав партии входили также лидеры диссидентов (полковник Садык-бей) и радикалов (Махир Сайт, д-р Риза Нур, философ Риза Тевфик и др.) [604, стр. 315].

Это свидетельствует о том, что «Хюрриет ве итилаф» объединила вокруг себя не только оппозиционные организации, но и те недовольные группировки в среде самой

212

Партии «Иттихад ве тераккй», 6 которых говорилось выше. «Хюрриет ве итилаф» представляла собой по существу первую в истории Турции крупную оппозиционную партию. Деятельность партии с самого начала направлялась компрадорами и крупными землевладельцами типа Сюрейя-бея 36.

В декабре 1911 г. была опубликована обширная программа «Хюрриет ве итилаф», состоявшая из 71 статьи [604, стр. 340—343]. Основное содержание программы заключалось в «защите конституции», укреплении либеральных порядков, осуществлении принципа децентрализации и частной инициативы и т. п.

Цели «Хюрриет ве итилаф», как открыто признавали ее лидеры, заключались в свержении диктатуры «Иттихад ве тераккй» и замены ее собственной диктатурой 37. Это подтверждает и рапорт морского агента, в котором сообщалось, что «главная оппозиционная партия „Свобода и согласие“ ожидает благоприятного момента, чтобы обрушиться на новый режим» [112, л. 179].

Свою атаку против младотурок итилафисты начали с требования, обращенного в парламент, о предании правительства Хаккы-паши верховному суду за бездействие и за то, что оставили Триполитанскую провинцию «с недостаточными оборонительными средствами». Они требовали произвести ревизию в военном министерстве, «ввиду слухов о злоупотреблениях в интендантстве, якобы с ведома министра» [94, л. 26].

Этот удар был направлен главным образом против военного министра Махмуда Шевкет-паши, самого сильного и влиятельного в то время члена младотурецкого правительства 38.

В деле объединения всех оппозиционных группировок вокруг «Хюрриет ве итилаф» и превращения ее в опасного противника младотурок внутри страны важную роль сыграли также интриги англо-французской дипломатии. Джемаль-паша пишет, что лидеры этой партии получали всяческую поддержку от английского и французского правительства и компании «Режи» [495, стр. 23].

Итилафисты развернули широкую агитацию в провинциях, а также в армии против младотурок, которые, как они утверждали, «довели Турцию до невиданных в ее истории несчастий» (94, л. 26].

Итилафистская пропаганда нашла весьма благодатную почву среди офицеров среднего возраста, которые

213

Жаловались на Неспособность Старшего начальства и указывали на необходимость выдвижения более молодых

элементов [94, л. 261.

Видя эту опасность, младотурецкое большинство в парламенте по представлению военного министра Махмуда Шевкет-паши провело через парламент законопроект, который запрещал офицерам и солдатам под страхом применения строгих наказаний заниматься политикой в какой бы то ни было форме [115, л. 116]. Однако эта запоздавшая мера не могла воспрепятствовать усилению антиправительственного движения в армии.

Следует отметить, что положение армии при младотурках резко изменилось. Теперь, в отличие от прежнего режима, войска стали получать жалованье, в их руках находилось оружие, которое при Абдул Хамиде ржавело в арсеналах. Но вскоре после революции и армия поняла, что младотурки неспособны осуществить задачи, которые стояли перед страной. Этому убеждению способствовали в известной степени хищнические планы великих держав в отношении Турции, еще не окрепшей после внутренних потрясений, что заставляло Турцию постоянно держать под ружьем многочисленную армию на трех границах.

Правда, в первые годы правления младотурок войны не было, но по существу не было и мира. Солдаты были оторваны от своих семей и хозяйств, а офицеры обречены на однообразие и скуку лагерной жизни. В армии началось брожение. Офицеры, привыкшие после революции посещать младотурецкие клубы и обсуждать политические события, постепенно стали бывать в клубах оппозиционных партий. Вести о поражениях турецкой армии на Триполитанском фронте³⁹, тогда как сотысячная турецкая армия в прибрежных городах была обречена на полное бездействие, еще больше усугубили положение. К тому же эти войска использовались младотурками для подавления национально-освободительного движения в разных районах Османской империи. Если вынужденная бездеятельность вызывала недовольство, то братоубийство — возмущение.

Вместо того чтобы разобраться в причинах недовольства и постараться их устранить, младотурки решили прибегнуть к репрессивным мерам в отношении наиболее активных оппозиционных офицеров турецкой армии.

214

Военный министр Махмуд Шевкет-паша, хотя сам никогда не принадлежал к партии «Иттихад ве терак-ки», но которую всегда поддерживал и восхвалял, издавал указ за указом, в которых в резких выражениях категорически требовал строгого соблюдения закона, запрещавшего армии заниматься политикой.

Но эти указы не дали никаких реальных результатов.

«Иногда обсуждение этих указов служило поводом для обсуждения политических вопросов» [115, л. 27 об.].

В одном из донесений военного агента говорилось, что «в больших центрах Македонии были случаи массового заявления офицеров о нежелании признавать комитет и его деспотизм» [90, л. 288].

Именно в такой обстановке образовалась новая тайная политическая организация в армии — «Группа офицеров-спасителей» (Халаскаран-ы забитан грубу»), или «Лига спасителей отечества» («Халаскаран-ы миллет джемиети»). Начало создания новой политической организации в армии было положено осенью 1911 г. в Монастыре. Там было основано общество «Защиты родины» («Хыфзы ватан»), которое состояло исключительно из офицеров. Первым требованием общества было возбуждение судебного преследования против Хаккы-паши, уход в отставку кабинета Саид-паши [116, л. 93 об.].

В начале 1912 г. аналогичная организация была создана в Стамбуле. Вскоре они объединились в военной лиге «Халаскаран-ы забитан грубу» 40.

В отличие от других оппозиционных партий эта террористическая организация не выступала с определенной программой, ограничиваясь распространением время от

времени различных прокламаций, манифестов и т. п. В одной из таких прокламаций военной лиги младотурок обвиняли в бездейственности и даже в измене, а также отмечалось, что турецкое государство «быстрее, чем при царствовании Абдул Хамида, идет к бездне», что восстановление младотурками конституции Мидхат-паши «явилось лишь последним зарядом страны, который так и не достиг цели». Это еще больше осложнило положение страны и давало основание европейцам считать, что «турки как нация не способны к самостоятельной жизни и им трудно привыкнуть к конституционному режиму». Далее в прокламации указывалось, что конституционные права, являвшиеся главной целью июльской рево-
215

люции 1908 г., не только не осуществляются, но и попираются младотурками самым беззастенчивым образом. В конце прокламации «спасители» предъявили свои требования, суть которых сводилась к следующему: правительство Саид-паши должно немедленно подать в отставку, а парламент должен быть распущен [см. 94, л. 47].

,

~

«

6 июля 1912 г. депутация «спасителей» предъявила свои требования султану Мехмеду V: «Мы признаем принцип невмешательства военных в политическую борьбу партий, но поскольку конституционный строй в стране еще не окреп и отечество находится в опасности, то армия должна возвысить свой голос и устранить причины, создающие эту опасность. Поэтому мы требуем немедленной отставки правительства, роспуска парламента и создания правительства, которое могло бы пользоваться доверием Европы. Только после этого запрещение военным заниматься политикой может быть осуществлено».

Прежде чем ответить «спасителям», султан совещался с руководителями младотурецкого комитета Талаат-беем, Джавид-беем, Халил-беем и другими, которые заявили, что «власть, опирающаяся на парламент и армию, не должна дрогнуть перед угрозой неизвестных лиц».

7 июля был опубликован составленный под диктовку младотурецкого комитета султанский указ по армии, осуждавший требования «спасителей», как «несовместимые с духом конституции и правом халифа-султана». Приказ заканчивался грозным предупреждением тем, кто, «забывая о своем воинском долге, занимается политиканством» [94, л. 123 об.].

Но эти угрозы не смогли изменить ход событий. Кабинет Саид-паши, почувствовав шаткость своего положения, решил снять с себя малоприятную ответственность за действия младотурецкого комитета, не дававшего правительству развернуться. Первым ушел из кабинета, военный министр Махмуд Шевкет-паша, которым, собственно говоря, не особенно дорожил и сам младотурецкий комитет за его честолюбие. Но так или иначе, хитрый паша поспешил первым уйти с корабля, обреченного на гибель. Уход «самого сильного» младотурецкого министра свидетельствовал о том, что «Иттихад ве теракки» стоит перед серьезным внутренним кризисом. Комитет пытался

816

удержаться на высоте положения и скрыть от общественности наступление кризиса, но это ему не удалось. Вскоре пал в полном составе и кабинет Саид-паши [115, л. 36 об.]. Решение об отставке Саид-паша мотивировал тем, что не может найти подходящих лиц, которые согласились бы принять два вакантных министерских портфеля — военного и морского⁴¹. Фактически портфель министра финансов также был вакантным, поскольку эту должность Джавид-бей занимал временно.

Отставка правительства Саид-паши вызвала сильное

беспокойство комитета. Негодовала и палата депутатов, где младотурки имели подавляющее большинство. Недаром впоследствии младотурки часто говорили, что отставка правительства Саид-паши была большим ударом для партии «Иттихад ве теракки».

Опасаясь, что новый кабинет будет состоять главным образом из представителей «Хюрриет ве итилаф», младотурецкий комитет оказывал на султана Мехмеда V давление, чтобы новое правительство было составлено хотя бы из беспартийных лидеров (так называемых независимых), считая их наименьшим злом.

Султан Мехмед V как конституционный монарх пригласил к себе председателя сената Гази Ахмеда Мухтар-пашу и председателя палаты депутатов Халил-бея для консультации по вопросу о правительственном кризисе. Как Мухтар-паша, так и Халил-бей советовали султану назначить нового великого везира из среды беспартийных лидеров [115, л. 124, об.]. Первым такое предложение получил Ахмед Тевфик-паша, турецкий посол в Лондоне. Но он выдвинул условием не только полную свободу выбора своих сотрудников, но и полную независимость от центрального комитета «Иттихад ве теракки» и даже роспуск парламента, который, по его мнению, не являлся «верным выразителем воли народа, так как младотурки оказывали на выборах сильное давление и проводили своих кандидатов» [115, л. 124 об.].

Эти условия не были приняты султаном, и формирование кабинета было решено поручить другому беспартийному лидеру — Гази Ахмеду Мухтар-паше.

В турецкой исторической литературе правительство, сформированное Ахмедом Мухтар-пашой 22 июля 1912 г., называется «Большой кабинет» или «Кабинет великих везиров». В правительство Ахмеда Мухтар-паши вошли

три бывших садразама (великих везира): Кямиль-паша

(председатель государственного совета), Хюсейн Хильми-паша (министр юстиции) и Ферид-паша (министр внутренних дел). Пост военного министра занял известный своей антипатией к младотурецкому комитету генерал Назым-паша. Министром иностранных дел стал представитель ионациональной компрадорской буржуазии Габриель Норадингиян-эфенди. Портфель морского министра великий везир поручил своему сыну — генералу Махмуду Мухтар-паше.

По плану дворца, кабинет должен был быть «беспартийным». Однако его состав говорил совсем о другом. Так, например, сам великий везир Ахмед Мухтар-паша формально был беспартийным, в действительности же во всех важнейших вопросах расходился с младотурками. Еще в 1910 г. он предупредил султана, что «младотурки приведут страну к гибели» [115, л. 127]. Председатель государственного совета Кямиль-паша, не раз занимавший пост великого везира, большую часть своей жизни провел на службе у Абдул Хамида и при установлении нового режима никак не мог ужиться с младотурками. Вхождение его в состав правительства было воспринято младотурками с негодованием. Министр внутренних дел Фарид-паша (по национальности албанец), ставший затем председателем сената, также был ярким противником младотурок. Хюсейн Хильми-паша, министр юстиции, был опытным и хитрым политиком, умевшим «держаться по ветру».

Итак, «Большой кабинет» по существу был кабинетом старых хитрецов, которые отличались известной политической сноровкой и большим бюрократическим опытом.

Сформирование этого кабинета означало поражение младотурок и победу партии «Хюрриет ве итилаф». Но это еще не означало полную победу оппозиции, ибо парламент, в котором большинство по-прежнему было на стороне младотурок, еще не был распущен, и основной кандидат

оппозиции на пост великого везира Кямиль-паша все еще оставался в тени. «Его появление у власти означало бы полный провал младотурок в стране, а может быть, и гонение на них» [90, лл. 354—355].

«Хотя комитет таким образом уже на небосклоне своего существования, — писал в эти дни военный агент из Стамбула, — он тем не менее, еще довольно жизне-

218

способен, не своею силою, а слабостью своих противников, которые пока без главаря, между тем как младотурки прикрывают свои действия султаном, безвольным, слабым стариком» [90, л. 289].

Первым делом правительство Ахмеда Мухтар-паши сняло военное положение в Стамбуле и приостановило военные действия карательных отрядов в Албании.

В правительственной программе, с явным намеком на младотурок, говорилось о том, что в «недалеком прошлом оказывался нажим на избирателей и поэтому правительство намерено провести новые выборы». В ней также указывалось, что «нередко многие чиновники назначались и повышались по службе не по заслугам, а по протекции, что заставляет правительство удалить многих чиновников со службы» [90, л. 294].

Правительство обещало «соблюдение конституции и принципа равноправия и братства всех османских национальностей» [90, л. 296]. Ясно было, что правительство «беспартийных» считало младотурок виновниками всех внутренних неурядиц. Действуя по этой программе, правительство в первые дни своей деятельности заменило на всех ответственных постах в Стамбуле и в других крупных городах империи младотурок своими людьми.

В то же время великий везир поставил перед парламентом вопрос о доверии. Депутаты-младотурки предложили отсрочить голосование, мотивируя это тем, что многие из них не имели возможности ознакомиться с пра-

вительственной программой. Но Ахмед Мухтар-паша, явно действуя в пользу противников младотурок, решил во что бы то ни стало распустить парламент и поэтому использовал каждый случай для обострения конфликта с парламентом. Великий везир в категорической форме заявил, что он и его коллеги «не промедлят подать в отставку, если парламент немедленно не выразит доверия правительству» [90, л. 296 об.].

Парламентская фракция «Иттихад ве теракки», оказавшаяся в затруднительном положении, понимала, что общественное мнение будет не в ее пользу, если кабинет Ахмеда Мухтар-паши выйдет в отставку и в стране продолжится правительственный кризис. Младотурецкие лидеры понимали, как писал в своем донесении русский морской агент, что в случае отсрочки вопроса о доверии правительство подаст в отставку⁴² и формирование нового кабинета будет поручено тому же Ахмеду Мухтар-
219

Паше, который не внесет никаких изменений в свою программу [115, л. 101].

Итак, началось своего рода единоборство между антимладотурецким правительством Ахмеда Мухтар-паши, ищущим конфликта для роспуска парламента, и парламентом, большинство которого все еще состояло из младотурок, старавшимся не допустить конфликта. Поэтому большинство младотурецких депутатов голосовало за доверие правительству⁴³. При этом было ясно, что лидеры младотурецкого парламента, всячески избегали конфликта с новым правительством, готовились к новой схватке в будущем.

Правда, маневры парламента расстроили планы политических противников «Иттихад ве теракки», стремившихся распустить парламент с его младотурецким большинством. Тогда на помощь правительству пришла вышеупомянутая «Группа офицеров-спасителей».

Однажды вечером в дом председателя палаты Халил-бея явился неизвестный офицер и передал его прислуге письмо «спасителей» с требованием роспуска парламента в 48-часовой срок, угрожая в противном случае физическим уничтожением всех младотурецких лидеров. В письме, в частности, говорилось: «Господин председатель! Мало того, что Вы совершили ряд незаконных поступков в комитете и в палате, Вы не оставили в покое и султана. Ваш поступок заслуживает самого сурового наказания. Но мы не хотим обогреть свои руки нечистой кровью. Поэтому мы обращаемся к Вам со следующим требованием: покажите в течение 48 часов, что Вы не являетесь препятствием к роспуску палаты, или, скорее, Вашего театра-клуба. В противном случае мы выполним наш долг и приведем в исполнение принятый по отношению к Вам смертный приговор» {см.: 799, 23.УП.1912; 604, стр. 229}.

На следующий день Халил-бей огласил ультиматум «спасителей» на заседании парламента и заявил, что ему доверен высочайший пост председателя парламента не по воле группы заговорщиков, а по воле всех граждан империи и что он не боится никаких угроз и с честью выполнит свой долг перед нацией. Ультиматум «спасителей» вызвал в парламенте бурю негодования, хотя военный министр Назым-паша успокоительно заверил депутатов, что «лично займется расследованием дела И наказанием виновных» [799, 23.УП.1912],

220

Положение усугубилось еще и тем, что одновременно с ультиматумом «спасителей» в Стамбул стали поступать телеграммы от восставших албанцев, которые также требовали роспуска младотурецкого парламента, угрожая в противном случае занять Ускюб, а австрийское посольство в Стамбуле недвусмысленно предупредило, что, «как только албанцы возьмут Ускюб, Австрия введет свои войска в Новобазарский санджак» [90, л. 361].

Учитывая сложившуюся обстановку, правительство внесло в парламент законопроект, предусматривавший дополнение к ст. 35 конституции. Согласно законопроекту, султану предоставлялось право в исключительных случаях распускать парламент по совету сената даже в случае отсутствия конфликта между палатой депутатов и правительством [90, л. 374].

Принятие этого законопроекта означало по существу самороспуск парламента; отклонение же его привело бы к отставке правительства.

Лидеры младотурецкого парламента решили и на этот раз перехитрить правительство: предложив создать специальную комиссию для изучения «этого весьма важного конституционного вопроса», они в то же время выступили с контрпретензиями к правительству. Группа депутатов-младотурок внесла запрос кабинету: «Почему до сих пор правительство ничего не предпринимает для обезвреживания военной лиги — «Группы спасителей», почему дезертиры-офицеры свободно разгуливают по столице и, наконец, почему произошла смена охраны парламента без ведома ее председателя и т. п.» [90, л. 378].

Не ответив на эти вопросы, великий везир Ахмед Мухтар-паша 5 августа 1912 г. добился у султана Мех-мед V Решада издания ираде, возвестившего роспуск парламента на основании ст. 43 конституции, якобы ввиду истечения срока его полномочий⁴⁴.

Разогнав младотурецкий парламента, «либеральное» правительство Ахмеда Мухтар-паши приняло ряд других мер, направленных на «успокоение» страны. Специальный приказ военного министра Назым-паши обязывал всех офицеров особой присягой отказаться от всякой политической деятельности. Спустя несколько дней с одобрения великого везира министерство внутренних дел распространило эту присягу и на всех гражданских чиновников [92, л. 29],

В то же время правительство решило объявить всеобщую амнистию, которая распространялась почти на все реакционные элементы, осужденные за тягчайшие преступления при старом режиме⁴⁵.

Активизировала свои действия партия «Хюрриет ве итилаф». Ее сторонники, получившие полную свободу действий, стали орудовать не только в столице, но и во всех вилайетах империи. С особым усердием итилафисты взялись за подготовку выборов в палату депутатов. Но их методы проведения выборов в законодательный орган страны почти ничем не отличались от методов и приемов младотурок: в крупных городах возобновилось осадное положение, стали действовать (против младотурок) военные трибуналы и т. п.

- Все это дало младотуркам обильный материал для обвинения правительства Ахмеда Мухтар-паши «в связях с врагами родины».

После роспуска парламента, в начале августа 1912 г., младотурки созвали очередной съезд партии, который впервые состоялся в Стамбуле. Поскольку младотурки уже были отстранены от власти, им предстояла трудная борьба с «Хюрриет ве итилаф». Главное внимание делегатов съезда было сосредоточено вокруг вопроса: принять участие в парламентских выборах или бойкотировать их. После бурных дебатов съезд одобрил проект постановления, подготовленный центральным комитетом партии «Иттихад ве теракки» и считавший целесообразным включиться в предвыборную кампанию [565, стр. 216].

В интервью, данном сразу же после окончания съезда корреспонденту агентства «Гавас», Талаат-бей заявил, что якобы большая группа офицеров Македонской армии обратилась к руководству съезда с предложением «открыто выступить против правительства». Однако съезд, по его словам, «категорически осудил это предложение и

единогласно решил бороться за восстановление власти „Иттихад ве теракки" исключительно конституционным путем» [799, 15.У111.1912].

После окончания работы съезда почти все видные деятели партии «Иттихад ве теракки» покинули столицу и переселились в Салоники. Они ждали подходящего момента, чтобы снова вернуться «на белом коне».

Межпартийные и внутрипартийные распри способствовали лишь резкому снижению сопротивляемости стра-

222

й и итальянской агрессии в Триполитании. Следует отметить, что в отличие от младотурок (иттихадистов), которые в своей внешней политике ориентировались на Германию, проитилафистское правительство ориентировалось главным образом на Англию и Францию. Буржуазная печать этих стран с удовлетворением отмечала, что поражение младотурецкого режима явилось печальным следствием тяготения Турции к Германии. «Наконец,— писала „Тайме",— оттоманы спросили себя, не ошиблось ли их младотурецкое правительство, тесно связав себя с Германией» [7866, 2.УН.1912].

Правительство Ахмеда Мухтар-паши рассчитывало на помощь Англии и Франции для быстреего заключения мира с Италией. Империалистические интересы этих держав, безусловно, сталкивались с планами Италии, которая летом 1912 г. вслед за Триполитанией начала оккупировать один за другим почти все острова в Эгейском море.

Нажим, оказанный Англией и Францией на итальянское правительство⁴⁶, с одной стороны, и создание балканского блока против Турции — с другой, заставили воюющие страны пойти на переговоры. 15 октября 1912 г. в Лозанне было достигнуто секретное итало-турецкое соглашение о прекращении войны и передаче Триполитании и Киренаики Италии, а через три дня, 18 октября, был подписан мирный

договор. Триполита-ния и Киренаика были превращены в итальянскую колонию, получившую название Ливия.

Италия получила также ряд экономических привилегий в Турции.

Однако ни Лозаннский мирный договор, ни заигрывание проитилафистского правительства Ахмеда Мухтар-паши с державами Антанты не спасли Турцию от новой войны — на этот раз с коалицией балканских стран — Болгарии, Сербии, Греции и Черногории.

Триполитанская война 1911—1912 гг. убедительно показала слабость Турции и резко обострила борьбу

империалистических держав из-за богатого наследства «больного человека». В то же время усилилось национально-освободительное движение балканских народов.

Правящие круги западных держав, в первую очередь Антанты, рассчитывали использовать национально-освободительное движение балканских народов в своих корыстных целях.

Подготовка к организации Балканского союза была

223

начата уже в 1908 г., после аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. В немалой степени этому способствовало и нежелание младотурецкого правительства сколько-нибудь улучшить положение балканских народов. В апреле 1911 г. сербское правительство предложило Болгарии заключить соглашение о разделе сфер влияния в Македонии. После длительных переговоров и споров 13 марта 1912 г. был заключен сербо-болгарский союзный договор, который предусматривал, в частности, заключение военной конвенции⁴⁷ и выступление против Турции при благоприятных условиях. О содержании и характере сербо-болгарского союзного договора были информированы кроме России Англия и Франция, которые одобрили этот союз. При этом Франция решила предоставить Болгарии заем.

8 то же время проходили переговоры между Болгарией и Грецией, которые закончились заключением 29 мая 1912 г. союзного договора, направленного против Турции.

Таким образом, Балканский союз был окончательно оформлен.

Поводом к войне послужил конфликт, который произошел осенью 1912 г. из-за отказа турецкого правительства предоставить автономию Македонии и Фракии.

Русская дипломатия попыталась убедить Сербию и Болгарию не торопиться с выступлением против Турции. Но эти попытки оказались тщетными.

9 октября 1912 г. Черногория, а 18 октября, в день подписания итало-турецкого мирного договора, Сербия, Болгария и Греция начали военные действия против Турции.

В тот же день «Большой кабинет» Ахмеда Мухтар-паши вынужден был выйти в отставку. Его заменило англофильское правительство во главе с Кямиль-пашой. Это был четвертый и последний кабинет Кямиль-паши⁴⁸. В отличие от «Большого кабинета» правительство Кямиль-паши открыто проводило политику, диктуемую руководством партии «Хюрриет ве итилаф», хотя почти все министры прежнего кабинета были оставлены на своих постах.

Правительство арестовало многих лидеров и активных членов «Иттихад ве теракки».

Но перед правительством итилафистов стояла весьма трудная задача: «вывести страну из балканского хаоса»,

224

как ее охарактеризовал сам великий везир. Для этого Кямиль-паша обратился в первую очередь к английскому правительству, которое, однако, через своего посла в Стамбуле Бьюкенена ответило, что «в настоящей сложной политической ситуации Англия предпочитает соблюдать

полный нейтралитет» [493, стр. 26]. В действительности политика «невмешательства», о которой говорил Бьюкенен, была направлена на обострение конфликта на Балканах, где резко сталкивались интересы кайзеровской Германии и царской России.

Таким образом, расчеты итилафистов на помощь и поддержку Англии провалились.

Вслед за этим последовал запрос турецкого посла в Берлине Османа Низами-паши: «Чем может помочь Германия Турции, чтобы выйти из создавшегося тупика?» Отвечая послу, военный министр Германии фон Килдерен заявил: «Его величество кайзер глубоко сочувствует Турции. Но он может помочь ей в заключении почетного мира лишь в том случае, если турецким войскам удастся выиграть хотя бы одно крупное сражение» [493, стр. 26].

Итак, для турецкой дипломатии оказались закрытыми все выходы. В то же время военные действия шли явно не в пользу Турции, сумевшей выставить лишь 350 тыс. солдат и офицеров против вдвое превосходивших ее сил противника⁴⁹. Кроме численного превосходства, войска союзников были оснащены более современным вооружением и преисполнены идеями национально-освободительной борьбы против Турции.

Турецкая армия потерпела крупные поражения в боях с болгарскими войсками на реках Тунджа и Карагач, а с сербскими — у Куманова и Монастыра. Греческие войска, успешно продвигавшиеся в Фессалии, заставили капитулировать турецкий гарнизон в Салониках. Войска союзников быстро освободили большую часть балканских территорий, бывших под властью Турции. Турецкая армия сумела удержать только несколько городов — Скутари, Янину и др. Болгарские войска уже приблизились к турецкой столице. Их наступление было приостановлено лишь у Чаталджи. Дороги, ведущие к Стамбулу, были полны не только отступающими частями турецкой армии,

но и сотнями тысяч беженцев из районов военных действий [493, стр. 18]50.

В этих условиях правительству Кямиль-паши неоста-

15 Г. з. Алиев

225

—
валось ничего другого, как запросить мира. 3 ноября

1912 г. оно обратилось к великим державам с просьбой о мирном посредничестве. Великие державы, не готовые еще к мировой войне, сами добивались прекращения войны между уже побежденной Турцией и балканскими союзниками.

Согласившись на заключение мира, Австро-Венгрия, за которой стояла Германия, добивалась недопущения Сербии к Адриатическому морю. Царская Россия поддерживала сербские притязания на Албанию, но, поскольку она сама еще не была готова к войне, предложила Сербии временно отказаться от своих претензий и разрешить спор «мирным путем». Она настойчиво рекомендовала и Болгарии приостановить наступление, опасаясь возможности вмешательства великих держав в случае занятия болгарами Стамбула и проливов.

В начале декабря 1912 г. было заключено турецко-болгарское перемирие, а в середине декабря начались лондонские переговоры: параллельно с конференцией послов шести держав открылась и конференция воюющих сторон.

27 декабря конференция послов приняла решение о создании автономной Албании под верховной властью султана. Острые разногласия возникли на конференции воюющих стран. Победители требовали установления границы по линии Родосто — Мидия и отказа Турции от островов в Эгейском море. Турецкая делегация, возглавляемая великим везиром Кямиль-пашой, отклонила эти требования и вернулась на родину.

Поражение Турции в первой балканской войне и провал лондонской «мирной» конференции дали младотуркам обильную пищу для усиления антиитилафистской пропаганды.

Положение усугубилось еще и тем, что 17 января 1913 г. представители шести держав — Англии, Франции, Германии, Италии, России и Австро-Венгрии предъявили Порте коллективную ноту, настойчиво «советовавшую» ей согласиться на уступку Болгарии Адрианополя.

22 января Кямиль-паша созвал совещание всех высших турецких сановников для обсуждения создавшегося положения. Совещание высказалось за принятие предложения шести держав. Весть о готовности правительства уступить Адрианополь, облетевшая в тот же день страну, вызвала бурю негодования.

226

Для руководства «Иттихад ве теракки» наступил весьма благоприятный момент, чтобы произвести государственный переворот и вернуть потерянную шесть месяцев назад власть.

Турецкий историк Кямиль Хильми Баюр пишет, что в дни, когда велись переговоры в Лондоне, и даже тогда, когда была предъявлена коллективная нота держав, «Иттихад ве теракки» готова была вступить в компромисс с итилафистами и поделить с ними власть. Однако переговоры, которые вели с этой целью руководители «Иттихад ве теракки» Сайд Халим-паша, Талаат-бей и Гаджи Адил-бей с великим везиром Кямиль-пашой, не дали никаких результатов, и после этого центральный комитет младотурок принял решение о государственном перевороте [533, стр. 390—391].

23 января 1913 г. среди бела дня группа младотурецких офицеров (около 200 человек), руководимая Талаат-беем и Энвер-беем, окружила Баби-Али (Порту) и проникла на

заседание совета министров⁵¹.

Военный министр Назым-паша и его адъютанты были убиты в тот момент, когда они вышли навстречу руководителям переворота⁵². Великий везир Кямиль-паша, шейх-уль-ислам Джемаледдин Эфенди, министр внутренних дел Рашид-бей и министр финансов Абдуррахман-бей под предлогом «безопасности» были арестованы на квартире великого везира [495, стр. 9].

По настоянию Энвер-бея и Талаат-бея Кямиль-паша тут же подал в отставку⁵³. Новое правительство, которое возглавил Махмуд Шевкет-паша, было сформировано из младотурок.

* * *

После государственного переворота 23 января 1913 г. попытки младотурок создать «иттихадистскую» диктатуру начали наталкиваться на серьезное сопротивление оппозиции. К тому же убийство Назым-паши вызвало новый политический раскол в армии. К этому времени оппозиции удалось привлечь к себе низшие слои духовенства.

Центральный комитет оппозиции в Париже, возглавляемый Шериф-пашой, направлял в Турцию своих агентов и выделял значительные средства для «организации в стране широкой агитации против „Иттихад ве теракки"» [321, стр. 32].

15*

227

Оппозиция использовала в борьбе против младотурок арабское автономное движение, особенно усилившееся с января 1913 г. в Сирии и Ливане. Поэтому правительство младотурок распустило «комитеты реформ», возникшие в Сирии и Ливане еще в декабре 1912 г. и требовавшие «децентрализации» империи. Ряд видных руководителей движения — Абдулхамид Вер Али, майор Азиз, Али-беи и другие были арестованы [495, стр.45—52].

Но эти меры не только не привели к подавлению арабского национального движения, а, напротив, способствовали его усилению. Не желая подчиняться туркам, арабские автономисты или вступали в партизанские отряды или же эмигрировали за границу, в основном в Аргентину и Бразилию.

Англия и Франция использовали сложившуюся в арабских странах ситуацию в своих целях. Англичане всячески поддерживали антитурецкие выступления шейха Талиба в Басре и Ибн Сауда в Неджде [см. 90, лл. 427—430].

Политика Англии, направленная на временное «примирение» арабских племен и организацию их совместного выступления против Турции, обеспокоила Францию. Именно поэтому Франция оказывала давление на правительство младотурок, требуя проведения «реформ» в арабских странах. В марте 1913 г. правительство подготовило проект «Закона об управлении вилайетами», который состоял из 16 пунктов и предусматривал «предоставление» автономии арабским странам. Одновременно турецкое правительство вступило в переговоры с арабскими лидерами, находившимися в то время в эмиграции в Париже. Присоединение в начале мая 1913 г. вилайета Аль-Касс (Неджд), имеющего важное стратегическое и экономическое значение, к фактически независимому государству Ибн Сауда, а также убийство начальника штаба 38-й дивизии, расквартированной в Басре, полковника Феридбея и мутесаррифа Нури-бея (оба были членами центрального комитета «Иттихад ве теракки») еще более подорвало влияние младотурок в арабских странах [90, л. 449]. Вскоре, в июне 1913 г., по инициативе группы «децентрализации» арабских реформистских организаций в Париже был созван первый «Общеарабский конгресс», который потребовал немедленного предоставления автономии арабским вилайетам.

Используя финансовую и политическую зависимость Турции и арабских эмигрантов, французское правительство предлагало обеим сторонам свое «доброе посредничество», стремясь к тому, чтобы они пришли к соглашению. В июле 1913 г. между компрадорскими лидерами конгресса и генеральным секретарем «Иттихад ве теракки» Мидхатом Шюкри-беем было подписано тайное соглашение, которое предусматривало проведение реформ в арабских вилайетах и предоставление «высоких постов» арабским националистическим лидерам в государственном аппарате империи [см. 64, лл. 5—7, 45—52].

Однако это соглашение осталось на бумаге. Младотурки всячески затягивали его осуществление. Возвращение Адрианополя летом 1913 г. в ходе второй балканской войны воодушевило младотурок и придало им уверенность в своих силах. В августе того же года они подписали новое соглашение с арабскими националистическими лидерами в Стамбуле, которое значительно суживало уступки, сделанные ими в парижском соглашении. Новое соглашение предусматривало преподавание в начальных и других школах арабских вилайетов на арабском языке, обязательное знание арабского языка чиновниками, направляемыми для управления этими вилайетами, а также увеличение числа арабских депутатов в меджлисе и сенате, предоставление арабам трех министерских портфелей. Но текст этого соглашения турецкое правительство даже не опубликовало, а вскоре младотурки и вовсе забыли о нем. 11 июня 1913 г. в результате покушения/ организованного итилафистами, был убит в своем автомобиле при возвращении из военного министерства в Баби-Али великий везир Махмуд Шевкет-паша [см. 470, стр. 318—320]. Это убийство вызвало уныние среди младотурок и в германской печати.

В своих воспоминаниях Джемаль-паша утверждает, что этим политическим покушением итилафисты преследовали

цель не только совершить государственный переворот, но и физически уничтожить сторонников «Иттихад ве теракки». «Следствие показало,— пишет Джемаль-паша,— что как партия „Хюрриет ве итилаф" в целом, так и ее отдельные члены готовились уничтожить весь руководящий состав партии „Иттихад ве теракки" и, оказав давление на султана, сформировать временное правительство во главе с Шакир-пашой, а после трехсуточ-

229

ной резни младотурок привести к власти Кямиль-пашу или принца Сабахеддина» [495, стр. 33—34].

Но заговор 11 июня 1913 г. ограничился лишь убийством великого везира; итилафисты оказались не в состоянии свергнуть власть младотурок.

Убийство Махмуда Шевкет-паши дало повод «Иттихад ве теракки» начать политику открытого кровавого террора, которая, по словам Бадави Курана, ничем не отличалась от политики Абдул Хамида [545, стр. 328]. Все оппозиционные партии в стране были объявлены вне закона и около 300 их видных членов были сосланы в Синопскую крепость. Среди сосланных оказались и видные руководители Османской социалистической партии Мустафа Субхи и Хюсейн Хильми.

Преследованиям подвергались и лидеры группы «децентрализации», находившейся в оппозиции к «Итти-хад ве теракки»: руководителю этой группы принцу Сабахеддину пришлось бежать, переодевшись в женское платье. '

После убийства Махмуда Шевкет-паши и вплоть до осени 1918 г., когда Турция потерпела поражение в первой мировой войне, единственной легальной партией в стране была «Иттихад ве теракки», в руках которой постепенно концентрировалась вся власть.

Великим везиром стал египетский принц Сайд Халим-паша, который был на этом посту до 1917 г.

Будучи одним из состоятельных людей тогдашней Турции, Сайд Халим-паша получил образование в Европе; характером он обладал мягким и в политических вопросах был еще более слабым, чем «постоянно дремлющий» султан Мехмед V Решад, и в действительности был простым орудием в руках младотурок. Халим-паша, по словам турецкого историка Юсуфа Хикмета Баюра, стремился приобрести авторитет не путем серьезной политической деятельности, а «путем непрерывных банкетов и милостей» [470, стр. 319].

В 1913—1915 гг. Сайд Халим-паша одновременно занимал пост и министра иностранных дел. Подтверждая свою недальновидность и ограниченность, Халим-паша впоследствии говорил: «Полученный мной до настоящего времени горький опыт на посту садразама (великого везира.— Г. А.), привел меня к убеждению, что на этом посту почти невозможно ничего предпринять. Он всецело зависит от милости министров, ибо они делают так, как

230

хотят, а садразам об этом абсолютно ничего не знает* [470, стр. 319].

Именно поэтому Сайд Халим-паша несколько раз собирался подать в отставку, но каждый раз, встречаясь с решительным сопротивлением младотурецкого комитета (особенно Энвера, Талаата, Джемала и Халила), уступал и отказывался от своего намерения. Эти люди, открыто толкавшие Турцию в пропасть, предусмотрительно готовились к тому, чтобы свалить в будущем вину за свои преступления на таких деятелей, как Сайд Халим-паша и Мехмед V Решад, или, по крайней мере, разделить с ними эту ответственность.

С конца 1913 г. почти вся власть в Турции сконцентрировалась в руках младотурецкого «триумvirата» — Энвера, Талаата и Джемала, впоследствии получивших титул «паша».

В конце 1913 г. младотуркам удалось принудить к отставке военного министра маршала Ахмеда Иззет-пашу, который не мог или не хотел удовлетворить их требования, и назначить на этот пост Энвер-пашу⁵⁴. Основная причина отстранения Иззет-паши заключалась в том, что комитет «Иттихад ве теракки» не доверял ему и стремился заменить его своим человеком.

Предлогом для отставки Иззет-паши послужило принятие им на военную службу ряда албанских офицеров, в том числе родственника Шюкри-паши Кемаль-бея. В некоторых источниках утверждается, что султан Мех-мед V, которому принадлежала прерогатива назначения и освобождения высших государственных чиновников, узнал о назначении Энвер-паши военным министром из газет. Касаясь этой подробности, Лиман фон Сандерс отмечает: «Весть о назначении Энвера султан узнал не раньше других. В это утро он читал газету у себя в кабинете. Внезапно он бросил газету на пол и обратился к стоявшему поблизости адъютанту: «Здесь написано, что Энвер стал военным министром, но это невозможно, ведь он очень молод».

Несмотря на это, через несколько часов военный министр и генерал Энвер был принят султаном» [713, стр. 122—123]. Наряду с постом военного министра Энвер-паша захватил и пост начальника генерального штаба, и, таким образом, вся военная власть была сосредоточена в его руках. О влиянии, которым пользовался Энвер-паша в руководящих кругах младотурок и при дворе, свиде-

231

тельствует донесение русского военного атташе в Стамбуле, который сообщал, что когда осенью 1913 г. полковник Энвер слегка заболел, султан Мехмед V чрезвычайно беспокоился и почти ежедневно справлялся о его здоровье. Между тем, незадолго до этого, когда заболел и умер сын султана, он не проявил столько беспокойства и заботливости [81, л. 141].

Это показывает, насколько сильной была зависимость султана Мехмеда V Решада и его окружения от Энвер-паши и его сторонников. Не случайно, что опьянение, охватившее руководящие круги младотурок в связи с возвращением Адрианополя, сопровождалось даже шумихой в связи со скорым провозглашением Энвер-паши султаном [81, л. 243]. С приходом к власти Энвер-паши начались массовые увольнения высших офицеров турецкой армии, не согласных с политикой комитета «Иттихад ве теракки» [81, л. 245]. План увольнения офицеров был подготовлен комитетом еще до прихода к власти Энвер-паши, но выполнить его тогда оказалось невозможным, так как он был отвергнут предшественником Энвер-паши, более осторожным и опытным военным министром Иззет-пашой. Султанским ираде от 7 января 1914 г. из армии было уволено 280 генералов и полковников, в том числе ряд военачальников, известных своими многолетними военными заслугами: маршалы Зеки-паша и Ибрагим-паша, генералы Абдулла-паша, Ахмед-паша, Аббуг-паша, Шюкри-паша, а также усмиритель албанского восстания Шевкет Тургут-паша, корпусные генералы Хуршид-паша и Вели-паша, бывший начальник генштаба турецкой армии Хади-паша, генеральный инспектор военных училищ Хамди-паша, начальник инфантерии военного министерства Ферид-паша, начальник артиллерии Али Рафик-паша, начальник кавалерии Мехмед-паша и др. Все они были заменены молодыми офицерами в чине не старше полковников.

В беседе с русским военным атташе в Стамбуле генералом Леонтьевым Энвер-паша, стараясь оправдать свою «реформу», говорил, что «абсолютно необходимая эта мера» имеет в виду лишь улучшение дела руководства армией и якобы совершенно не связана с политической линией «Иттихад ве теракки» [87, л. 11]. На самом же деле младотурки стремились лишить своих противников главной

силы — армии.

232

Удаление из армии офицеров-ветеранов вызвало недовольство в некоторых воинских частях и среди старого чиновничества. Но в то же время эта мера превращала молодое офицерство, у которого назначение Энвер-паши вызвало честолюбивые надежды, в орудие в его руках. Энвер-паша не ограничился удалением из армии противников «Иттихад ве теракки», одновременно он арестовал часть из них для того, чтобы предотвратить возможные выступления. Так, например, Аббуг-паша, бывший корпусной командир и командующий объединением корпусов, был арестован, потому что между ним и Энвер-пашой существовало соперничество [87, л. 23]. Над Шюкри-пашой, возглавлявшим оборону Адрианополя во время балканской войны, был установлен надзор, и его привлекли к следствию. Сына бывшего шейх-уль-ислама Мухтар-бея предали суду по обвинению «в попытке вызвать волнения среди населения путем распространения брошюр». Мустафа Каваклы был арестован полицией на борту русского парохода как противник реформ Энвер-паши и через три дня тайно умерщвлен. Как видно, расправляясь со своими противниками, младотурки не считались ни с какими правовыми нормами.

Своим честолюбием, интриганством и бонапартистскими замашками Энвер-паша завоевал в Турции прозвище «Наполеончик».

Как пишет историк Махмуд Инал, «в Турции не бывало подобного ему (Энвер-паше.— Г. А.) жадного и честолюбивого, невежественного и тупого, кровожадного командующего» [524, стр. 1963]. Другой турецкий историк, Ахмед Рефик, справедливо указывает, что немцы в своей армии не дали бы Энвер-паше и чина младшего офицера, между тем как в Турции они добились его назначения главнокомандующим [631, стр. 309].

Германская военная миссия, прибывшая в Турцию после назначения Энвер-паши военным министром, еще при жизни Махмуда Шевкет-паши получила возможность установить контроль над всеми основными органами военного министерства Турции⁵⁵.

Согласно утверждению немецкого автора Ратмана, накануне первой мировой войны правительство Вильгельма II разрабатывало «план создания „Великого германского рейха“, способного держать под своим контролем скандинавские страны, Украину, Кавказ, Турцию, т

а также районы, прилегающие к Персидскому заливу» [734, стр. 48].

Перед отъездом в Турцию в декабре 1913 г. генерал Лиман фон Сандерс был вызван к Вильгельму II, который поставил перед военной миссией ряд задач, сущность которых заключалась в установлении военно-политического контроля Германии над Османской империей [101а, лл. 12—13].

Став генеральным инспектором турецкой армии, Лиман фон Сандерс расставлял, по мере возможности, своих офицеров на ключевых позициях в армии, в важнейших пограничных корпусах и крепостях. Назначение Энвер-паши главнокомандующим турецкой армией намного облегчило осуществление задачи германской военной миссии.

Непосредственное подчинение Энвер-паше армии и в особенности офицеров, игравших решающую роль при определении внутренней и внешней политики Османской империи, превращало его в главу младотурок и, следовательно, триумвирата.

Таким образом, Энвер-бей, которого вместе с Ниязи-беем с 1908 г. считали «героем свободы», был, говоря словами турецкого историка, «уничтожен военным министром Энвер-пашой» [517а, стр. 116].

Второе место в триумвирате, после Энвер-паши, занимал министр внутренних дел Мехмед Талаат-бей⁵⁶, одновременно являвшийся председателем центрального комитета «Иттихад ве теракки». Талаат-бей был одним из главных вдохновителей политики османизма — насильственной туркизации национальных меньшинств империи. В то же время он был ярким сторонником абдулхамидовского панисламизма — политики подчинения всех мусульман турецкому султану и приверженцем пантюркизма. По сравнению с другими младотурецкими руководителями, в том числе Энвер-пашой, Талаат-бей имел больше приверженцев среди членов партии и в правительственных кругах. После смерти Махмуда Шевкет-паши сторонники Талаат-бея неоднократно пытались провести его на пост великого везира, но сам Талаат-бей долгое время считал, что для этого поста более подходит Сайд Халим-паша, который не имел никакого политического влияния и формально лучше всех олицетворял панисламистские лозунги «Иттихад ве теракки».

Несмотря на высокопоставленное положение в партии
234

и репутацию «влиятельнейшего младотурка», Талаат-бей находился в зависимости от Энвер-паши, опиравшегося на армию.

«Младший партнер» Энвер-паши и Талаат-бея по триумвирату Ахмед Джемаль-паша⁵⁷ неоднократно выступал против чрезмерного подчинения Турции, германскому влиянию и долгое время оставался сторонником сохранения «дружественных» отношений со странами Антанты. Во время поездки во Францию на маневры французской армии он был торжественно принят в Париже, но его поездка не дала ожидаемых результатов [224, стр. 182—183].

Джемаль-паша также был решительным сторонником реакционного османизма, панисламизма и пантюркизма.

Особое место в деле осуществления этих доктрин Джемаль-паша придавал укреплению военной мощи Турции. Он старался осуществить на флоте мероприятия, проводимые Энвер-пашой в армии, под предлогом укрепления дисциплины удалил из флота многих офицеров, оппозиционно настроенных в отношении «Иттихад ве теракки». Ему удалось добиться значительного увеличения бюджетных ассигнований на флот и провести среди населения кампанию «добровольной помощи флоту». В своем выступлении в мае 1914 г., в связи с празднованием завоевания турками Стамбула, Джемаль-паша указал как на одну из причин поражения Турции в балканской войне на слабость военного флота. С помощью младотурецкого правительства он обещал стереть «черное пятно с нашего (турецкого.— Г. А.) чела к следующему празднику в будущем году» [88, л. 403]58.

Возглавляемая Джемаль-пашой проантантовская группировка не смогла противостоять прогерманской группировке во главе с Энвер-пашой и Талаат-беем. В этих условиях Джемаль-паша, чтобы не лишиться своих позиций в триумvirате, вынужден был пойти на уступку германофилам.

Джемаль-паша, в честолюбии не уступавший своим партнерам по триумvirату, возглавлял такое хорошо организованное учреждение, как столичная полиция. Другие члены младотурецкого комитета и правительства в вопросах политики играли второстепенную роль. Среди них более или менее выделялись председатель меджлиса Халил-бей59 и министр финансов Джавид-бей60.

235

По свидетельству ряда современников и историков, Джавид-бей был наиболее способным и дальновидным государственным деятелем периода правления «Иттихад ве теракки». Именно ему лучше, чем кому-либо другому, было известно самое уязвимое место Османской империи—

кризис ее экономики и особенно финансов.

Джавид-бей проявлял тенденцию к ориентации на страны Антанты — Францию и Англию, в финансовой зависимости от которых находилась Турция. Он пользовался авторитетом в финансовых кругах Парижа и Лондона, опираясь на который, стремился добиться для Турции новых займов⁶¹. Но младотурецкий триумвират, и особенно Энвер-паша, передавали военные заказы Германии⁶², утаивая свои прогерманские планы от Джа-вид-бея и других министров и стремясь воспользоваться империалистическими противоречиями в ходе переговоров с державами из враждующих военных блоков.

Глава IV

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ЭКОНОМИКУ ТУРЦИИ

Фридрих Энгельс, наблюдая за ростом вооружений и процессом создания военных группировок держав, пророчески нарисовал картину приближающейся «всемирной войны». «...Это была бы... война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу... Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной,— сжатое на протяжении трех-четырех лет...». По мнению Ф. Энгельса, война закончится всеобщим банкротством: «Крах старых государств и их рутинной государственной мудрости,— крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как это все кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса» [8, стр. 361].

Пророческое предвидение Ф. Энгельса относится и к Турции, так как среди корон, «валявшихся по мостовым», в результате первой мировой войны оказалась и 600-летняя

корона династии Османов. Турция была истощена, экономическое и финансовое положение ее стало исключительно тяжелым. На большей части ее территории не было ни железных, ни шоссейных дорог; она располагала всего лишь одним-двумя подходящими портами; весь транспорт находился в руках иностранцев. С началом мировой войны Турция оказалась на пороге полного экономического краха, обусловившего в конечном счете ее военное поражение¹.

237

т

Младотурецкие правящие круги полагали, что в этой войне Турция при поддержке Германии осуществит свои пантуранистские планы, «сведет старые счета» с державами Антанты и освободится от их экономического, политического и военного давления.

С началом первой мировой войны младотурецкое правительство решило, что настало удобное время ликвидировать капитуляционный режим, на протяжении веков ограничивавший экономическую и политическую независимость страны. Воспользовавшись моментом, правительство Турции в обмен на нейтралитет потребовало у Антанты ликвидации капитуляционного режима². Особое значение этому вопросу придавали Джавид-бей, Джемаль-паша и Халил-бей.

Учитывая, что ликвидация капитуляций менее всего затронет Россию, Джавид-бей стремился воздействовать на других членов Антанты через русское посольство. 20—21 августа 1914 г. английский, французский и русский послы старались убедить Джавид-бея в том, что их правительства согласны «с частичной ликвидацией капитуляционного режима в экономической области, но что в правовой области время для решения этой проблемы еще не настало» [472, стр. 155].

29 августа все три посла встретились с садразамом (великим везиром) и вновь повторили совместную гарантию союзных держав турецкого нейтралитета и «готовность к дружественному обсуждению с Турцией вопроса о капитуляциях» [777, 29.X.1944].

31 августа Джавид-бей заявил русскому дипломату Гирсу, что необходимо опубликовать это совместное заявление трех держав. Одновременно он выразил не-удовлетворенность неопределенной позицией держав в вопросе капитуляций. На это Гире ответил: «Своим заявлением садразаму мы протягиваем вам руку. Вы не должны допускать, чтобы протянутая рука долго висела в воздухе» [777, 30.X.1944].

Обсуждение этих вопросов привело в начале сентября к обострению отношений между Турцией и странами Антанты.

Из мемуаров Джавид-бея видно, что 3 сентября 1914 г. в доме у Сайда Халим-паши состоялось новое секретное совещание шести министров (кроме садраза-
238

ма, присутствовали Талаат-бей, Ибрагим-бей, Джавид-бей, Энвер-паша и Джемаль-паша). Энвер-паша и Талаат-бей, не придававшие серьезного значения переговорам с Антантой, настойчиво утверждали, что «дело в конце концов должно завершиться вступлением в войну на стороне Германии, что позволит ликвидировать капитуляционный режим» [777, 31.X.1944].

Двумя днями позже, на очередном заседании этих министров, было вынесено решение о полной ликвидации режима капитуляций.

8 сентября совет министров одобрил подготовленный текст, и в тот же день был опубликован соответствующий фирман. 9 сентября Высокая Порта разослала иностранным посольствам ноту, в которой указывалось на те бедствия, которые принес Турции капитуляционный режим, и

говорилося о «твердом» решении младоту-рецкого правительства ликвидировать с 1 октября 1914г. этот режим и вытекающие из него привилегии и преимущества для иностранцев [472, стр. 162].

И германофильская часть младотурок, сторонников войны, и умеренные, сторонники нейтралитета, оценивая это решение как попытку избавиться от капитуляционного режима, в то же время подходили к нему с разных точек зрения. Первые ожидали дальнейшего обострения отношений с Францией и еще большего сближения с Германией; вторые, стараясь успокоить общественное мнение, заявили, что Турция может оказаться в выигрыше, соблюдая нейтралитет в охватившей Европу кровавой войне.

Младотурецкое правительство предприняло ряд мер для осуществления принятого решения. 20 сентября было опубликовано султанское ираде об изменении таможенных тарифов, основное содержание которого сводилось к следующему: если с товаров прежде взималась пошлина в размере 8 и 11% их стоимости, то с 1 октября 1914 г. — соответственно 11 и 15%.

Султанским ираде от 13 октября устанавливался «Временный закон о ликвидации старинных обязательств», имевший целью «упорядочить» отношения между подданными Османской империи и иностранцами.

Вступительная часть закона обосновывала ликвидацию режима капитуляций в области юрисдикции.

Новым султанским ираде от 17 октября ликвидиро-вались консульские суды, рассматривавшие дела иност-

259

ранных подданных. Таким образом, этими «временными законами» был ликвидирован ряд важнейших привилегий и преимуществ, которые режим капитуляций предоставлял иностранным государствам и их подданным,

Эти меры встретили решительные возражения и стран

Антанты, и, вопреки ожиданиям германофильской части младотурок, Германии и Австро-Венгрии. Джавид-бей, разъяснивший решение турецкого правительства о ликвидации капитуляций русскому, французскому и германскому послам, записал в своем дневнике: «...Гире сказал, что мы поступаем не в соответствии с правилами (т. е., что мы отказываемся от своих обязательств без согласия противной стороны). Бомпар... воскликнул „Огауе, §гауе!" (невозможно, ужасно!). С Маллетом по этому поводу я не говорил. Он встречался с садразамом и в качестве довода своего возражения заявил: „Вы будете судить английского подданного в военном трибунале, в составе которого будут немецкие офицеры? Что же это такое?"» [777, 2—4.XI. 1944].

Джавид-бей следующим образом описывает отношение к этому вопросу посла Германии барона Вангенгей-ма: «Вскоре пришел Вангенгейм. Мне показалось, что передо мной взбесившаяся собака. Он не говорил, а выл. В течение двух часов между нами продолжался спор... надо было, чтобы наши германофилы видели эту сцену... Посол говорил о том, что мы поступили не по-союзнически, не посоветовавшись предварительно с Германией... . что это решение вынесено в крайне неподходящих условиях и не соответствует интересам союзников, что завтра англо-французский флот нападет на проливы и союзники ничем не помогут Турции..., что это решение окажет чрезвычайно неблагоприятное впечатление в Берлине и что он сам, захватив с собой военную миссию, завтра же покинет Турцию и т. д.» [777, 2—4.X. 1944].

Подобная нервозность германского посла, без сомнения, не была случайной. Правящие круги Германии рассматривали ликвидацию режима капитуляций как награду, которую Турция должна была получить от них взамен участия в войне на стороне Центральных держав. Однако она добилаь этого еще до вступления в войну, будучи

нейтральной, и своими силами лишила Германию одного из средств вовлечения Турции в войну. Кроме того, германские дипломаты подозревали, что этот шаг был предпринят Турцией втайне от Германии и в

240

сговоре с Антантой. Именно поэтому послы Германии и Австро-Венгрии присоединились к ноте протеста, предъявленной Высокой Порте Антантой и Италией³.

Соединенные Штаты Америки предъявили отдельную ноту, требовавшую главным образом сохранения капитуляций в области юрисдикции.

Державы в своей ноте осудили односторонние акции Турции и заявили о непризнании ее решения о капитуляциях. Они пытались доказать, что капитуляционный режим в Османской империи является не ее внутренним делом, а результатом межгосударственных договоров.

Вскоре Германия и Австро-Венгрия, учитывая недовольство, вызванное их позицией даже среди самых ярых германофилов в Турции, и в целях сохранения своего влияния заявили через Вангенгейма, что они признают решение о ликвидации капитуляций.

Германская дипломатия решила одним выстрелом убить двух зайцев: продемонстрировать свое благородство и свою уступчивость по отношению к Турции и в то же время помешать Турции ликвидировать капитуляционный режим. Кайзеровское правительство понимало, что в правовом отношении для ликвидации капитуляций недостаточно лишь согласия Германии и Австро-Венгрии, что для этого необходимо согласие всех держав.

Переориентация германской дипломатии и прессы на защиту Турции в этом вопросе вынудила и Россию занять несколько более мягкую позицию. Турецкий посол в Петрограде Бахреддин-бей (Румбей-оглы) сообщил, что, «если Турция будет придерживаться нейтралитета, Россия в конечном счете примет ее решение по вопросу

капитуляций» [472, стр. 171].

Однако правительство Турции, как пишет Джемаль-паша, не придерживалось твердого нейтралитета. Оно провозгласило его для того, чтобы выиграть время и завершить мобилизацию армии [495, стр. 96].

Обсудив положение, создавшееся после опубликования закона об отмене капитуляций, совет министров постановил повременить с ликвидацией капитуляций в области юрисдикции, «если державы признают отмену капитуляций в области экономики и финансов со всеми вытекающими из этого последствиями» [777, 6.XI. 1944]. Это новое решение было доведено до послов Талаат-беем, Джавид-беем и Халил-беем. Последние оба были уполномочены продолжать переговоры по этому вопросу.

16 Г. 3. Алиев

241

Ведение переговоров по одному и тому же вопросу двумя лицами, имеющими одинаковые полномочия, облегчало державам возможность маневрирования. Халил-бей считался доверенным лицом Талаат-бея. Видимо, сторонники вступления в войну выдвинули его для контроля над Джавид-беем, который пользовался прочным влиянием среди финансовых кругов Антанты.

Переговоры оказались безрезультатными. Послы настаивали на полном сохранении капитуляций, не желали идти на уступки в вопросах пошлин, почты и телеграфа. Против закона об отмене капитуляций в экономической и финансовой областях наиболее резко выступала Франция, в области юрисдикции — Англия.

27 сентября совет министров опубликовал «заявление о правомочности правительства свободно поступать в сфере тарифов, идентичности турецких налоговых законов и европейских» [777, 19.XI.1944]. Это заявление не было принято послами Антанты. В тот же день германский

генерал Вебер, командующий обороной Проливов, с согласия Энвер-паши отдал приказ заминировать Проливы (был оставлен лишь узкий проход для торговых судов, сопровождаемых турецкими лоцманами). Поскольку закон об отмене капитуляций был издан младотурецким правительством в условиях начавшейся мировой войны, иностранные державы не смогли прибегнуть к репрессиям против Турции, ограничившись протестом и отказом признать этот закон. Турция же старалась использовать империалистические противоречия между Центральными державами и странами Антанты. Но в конечном итоге Турция ничего не выиграла: ее отношения с Антантой еще более обострились, а с вступлением в войну ее экономика и политика были полностью подчинены интересам германского империализма. В ноябре 1916 г. младотурецкое правительство объявило о том, что все договоры и соглашения, заключенные иностранными державами с Турцией на основе капитуляционного режима, потеряли юридическую силу. Но это заявление Турции вновь встретило резкое возражение Германии, направившей вскоре после этого в Турцию специальную миссию во главе с Эрцбергером, которая потребовала гарантии германским миссионерским учреждениям. Лишь в январе 1917 г., видя чрезвычайно отрицательную реакцию турецкой общественности на этот демарш, Германия временно сняла свои возражения,

т

на упомянутое выше заявление младотурецкого правительства.

Закон об отмене капитуляционного режима, принятый во время мировой войны, в действительности не имел реальной силы и являлся в руках младотурок лишь пропагандистско-политическим средством.

К началу первой мировой войны на 1,8 млн. кв. км территории Османской империи проживало 21 млн. че-

людей, из которых 8 млн. находилось на территории собственно Турции, в том числе 2 млн. в европейской части [см. 346, стр. 66]4.

В ходе войны страна понесла большие территориальные и людские потери. Арабские страны были захвачены англичанами, часть Восточной Анатолии — царскими войсками и большая часть Европейской Турции — греками. Большое число армян (из 1,5 млн.), проживавших в Восточной Анатолии, было истреблено в результате осуществления пресловутого закона о «депортации» и лишь меньшей части удалось эмигрировать за границу. Из Восточной Анатолии было эвакуировано во внутренние районы почти 1 млн. мусульман, из которых лишь около половины после войны возвратились обратно.

После вступления Греции в войну турецкие власти под видом «депортации» немедленно начали ссылать греческое население, проживавшее на побережье Черного и Мраморного морей, а также Проливов. Число бежавших из Турции греков достигло 600 тыс., которые, как правило, выезжали в страны Ближнего и Среднего Востока, а также в США5. За четыре года мировой войны Турция мобилизовала 4 млн. человек, из них 1,5 млн. находились непосредственно на фронтах. Это была самая крупная армия в истории Турции.

Людские потери Турции составили около 3 млн. человек, в том числе убитых и умерших от ран — 550 тыс., раненых — около 2,2 млн. (из них 892 тыс. человек стали инвалидами); пропавших без вести — 104 тыс.; пленных — 130 тыс. человек. Поскольку около половины пленных погибло, общее число погибших достигло 600 тыс. человек [500, стр. 453].

Значительные потери во время войны 1914—1918 гг., а также мобилизация 4 млн. мужчин в армию, голод, нищета и другие бедствия привели к значительному

сокращению населения в Османской империи. Турции лишилась огромного количества рабочих рук, что не могло не сказаться отрицательно на экономике страны.

Почти все людские потери Турции в годы мировой войны пришлись на долю сельского населения. В соответствии с законами правительства о воинской повинности, изданными в годы войны, большинство городского населения — чиновники, подрядчики, поставщики продукции военного значения и другие были освобождены от военной службы. Среди сельского населения от призыва были освобождены лишь крупные землевладельцы, имеющие не менее 300 дёнюмов земли [209, стр. 43]. Беднейшее и среднее крестьянство, независимо от семейного положения, подлежало призыву. В связи с этим в турецких деревнях в большинстве семей невозможно было найти трудоспособного мужчину. Исследователи отмечали, что во многих деревнях среднего размера из 400 хозяйств можно было встретить лишь несколько стариков.

Эти сведения говорят о состоянии экономики, особенно сельского хозяйства Турции, в годы первой мировой войны. По данным довоенной переписи, площадь пригодных к обработке земель составляла 7,2 млн. га, а число дворов—1 млн.; 10 тыс. семей, или 1% от общего числа семей, составляли крупные землевладельцы, 40 тыс. семей (4%)—кулаки, 870 тыс. (87%)—малоземельные крестьяне и 80 тыс. (8%) — батраки.

В то время как 65,5% всех обрабатываемых земель страны находилось в руках помещиков и кулаков (5% хозяйств), середняки, бедняки и батраки обрабатывали всего 34,5% пригодных к посевам земель (95% сельского населения) [209, стр. 46].

Семьи крестьян, где всеобщая мобилизация оторвала от хозяйства основную рабочую силу, как правило, не могли обработать свои крохотные наделы и в большинстве

случаев вынуждены были покидать землю, закладывая ее у помещика за долги и в счет погашения налогов. Эти семьи влачили нищенское существование, превращались в батраков и пауперов. Чтобы спастись от голода, неимущие крестьяне отправлялись в более или менее богатые районы страны, в особенности в район Аданы, где находились с конца весны и до середины осени. К концу войны таких батраков насчитывалось до 100 тыс. человек [209, стр. 46].

244

В годы войны усилилось обогащение эксплуататорской верхушки деревни. Особенно возросло число мюльтазимов⁶. Они превращали крестьян в своих постоянных должников и пускали в торговый оборот награбленные у них деньги. Усиление принудительного товарооборота, повышение спроса на продукцию сельского хозяйства ускорили товарно-денежное обращение за счет натурального обмена. Все это укрепило кулачество, являвшееся основной опорой младотурецкого режима в турецкой деревне.

Разрушение уклада натурального хозяйства, все большее вовлечение страны в товарооборот при помощи иностранного капитала и современных средств связи (железные дороги, водные пути, автомобильный транспорт и т. д.) ускорили развитие товарно-денежных отношений. Значительная часть эксплуататоров — помещиков и мюльтазимов, получавших большие прибыли, — вкладывала часть своих доходов в предприятия легкой промышленности, связанные с торговлей. Рост экономической мощи помещиков и кулачества происходил за счет разорения середняков и бедноты.

В период войны значительно усилилось классовое расслоение турецкого крестьянства. Вследствие военных действий, неоднократного перехода ряда районов из рук в руки, нехватки рабочей силы засеваемые площади сократились с 64 млн. дёнюмов в 1914 г. до 25 млн.

дёнюмов в 1916 г. Значительно сократилась площадь, засеваемая табаком (в три раза), и уменьшилось число семей, производящих табак (в 2,5 раза) [347, стр. 24]. Огромный урон война нанесла и другой важной отрасли сельского хозяйства Турции — животноводству (табл.2). Данные табл. 2 показывают, какой огромный ущерб был нанесен животноводству в 1914—1918 гг., когда поголовье скота уменьшилось на 46,6%. Потери крупного и мелкого рогатого скота были особенно большими.

Катастрофическое положение сельского хозяйства в годы войны привело к недостатку продовольствия на внутреннем рынке, сокращению экспорта и дальнейшему росту налогов и цен. Кроме натурального налога — ашар, который официально составлял 12,2% урожая, и налога на скот (агнам) существовали еще многочисленные натуральные и денежные повинности, в результате чего крестьянин терял две трети своего годового дохода.

245

I

Таблица 2 Животноводство Турции ДО и после первой мировой войны*,

ТЫС. ГОЛОВ

Год	Крупный рогатый скот	Лошади	Ослы	Овцы	Козы	Верблюды	Всего
1913	6532	105	13	18	.16	31	444
1919	4118	1	74	72	46	4	56
		630	82	2	3	95	237
			5	11	70		33
				00	65		
				0			

Всего							
по-	2414	421	54	77	93	21	207
терян			9	22	98	9	23
о . . .							

* Составлено по: [135; 658, стр. 252].

Чтобы спасти от полной катастрофы основную отрасль экономики страны — сельское хозяйство, младотурецкое правительство предприняло ряд мер, которые, однако, не дали каких-либо существенных результатов. С 1916 г. правительство начало снабжать помещиков семенами и завозимыми из Германии и Австро-Венгрии сельскохозяйственными машинами. Для улучшения кредитования помещиков законом от 26 марта 1916 г. была расширена сфера деятельности Сельскохозяйственного банка. Банку предоставлялось право выдавать ссуду (не более 150 лир) под залог хлеба на 10 лет. Однако «реорганизацией» Сельскохозяйственного банка воспользовались немцы и австрийцы.

Младотурецкое правительство с целью укрепления своей социальной опоры в деревне предоставило ряд льгот для помещиков и кулаков. Из бюджета 1916 г. для них было выделено на приобретение семян 700 тыс. лир, сельскохозяйственных машин — 400 тыс., на крупный рогатый скот (в основном рабочий скот) — 400 тыс. и на борьбу с вредителями — 200 тыс. лир [347, стр. 25]. Эти мероприятия младотурок отвечали интересам помещиков и кулаков, которые и без того наживались на поставках хлеба армии, на росте цен на продукты питания и т. п.⁷.

7 октября 1916 г. был опубликован закон «О земельной повинности», по которому любого трудоспособного турецкого подданного (обоих полов) с 14 лет, не

призванного в армию, могли привлечь в административном порядке к сельскохозяйственным работам. Было

установлено, что крестьянин должен обработать каждой парой волов 35 дёнюмов (около 3,5 га) земли. Если крестьянин имел более одной пары волов, то излишек мог быть реквизирован. Земельные владения, которые не обрабатывались их собственниками, могли быть использованы под посадки соседними деревнями и городами [348, стр. 94].

Но при бюрократических порядках в Турции, допускавших возможность путем различных махинаций избавляться даже от воинской повинности, уклониться от «обязательной сельскохозяйственной повинности» не представляло особого труда. Таким образом, вся тяжесть закона снова падала на беднейшее крестьянство и батраков.

Спустя год, 27 сентября 1917 г., было принято дополнение к закону, по которому владельцам рабочего идейного скота категорически был запрещен его убой. Пустующие земли передавались крестьянам, которые могли их обработать. Кроме того, дополнение к закону освобождало помещиков от сельскохозяйственной повинности [658, стр. 117].

Закон «О земледельческой повинности» предусматривал также ремонт крестьянами дорог, мостов, каналов и различных оросительных сооружений, оказание ими «помощи» помещичьим хозяйствам [716, стр. 148].

По закону, принятому меджлисом в январе 1917 г., были несколько увеличены бюджетные ассигнования для министерства сельского хозяйства, выделены дополнительные средства на приобретение сельскохозяйственных орудий и машин. При министерстве сельского хозяйства была создана специальная комиссия под председательством немца Халля, которая должна была «установить конкретные пути» развития сельского хозяйства Турции. Все эти меры только усилили помещичье-кулацкие элементы в стране, но они не могли вывести сельское хозяйство из катастрофического положения.

К составлению официальной статистики по промыс-

ленности турецкое правительство приступило лишь В 1915 г. Хотя эти сведения и не полные, тем не менее 34?

они дают возможность воссоздать общую картину. По данным промышленной переписи 1915 г., в Турции насчитывалось всего 282 предприятия обрабатывающей промышленности (пищевой, кожевенной, деревообрабатывающей, текстильной, бумажно-полиграфической), на которых работало 17 тыс. рабочих, а также ряд предприятий горнодобывающей и химической промышленности. Больше половины предприятий находилось в Стамбуле — 53,5%, в Измире — 22,5%, остальные приходились на долю таких городов, как Измит, Бурса, Бандыр-ма, Ушак и др.

Во время войны число рабочих, занятых в промышленности и на транспорте, не превышало 45—50 тыс. человек [347, стр. 91].

Угольная промышленность считалась более или менее развитой отраслью хозяйства страны. Несмотря на огромное значение, которое приобрела во время войны эта отрасль, турецкое правительство почти ничего не могло предпринять для ее развития. Правда, после вступления Турции в войну и конфискации компаний, принадлежавших вражеским державам, оно взяло под свой контроль французскую угольную компанию «Герак-лея». Однако эта мера не повлияла на увеличение добычи угля. Добыча угля в 1916 г. по сравнению с 1913 г. уменьшилась более чем в два раза — с 827 тыс. т до 408 тыс. т [775, стр. 223].

С 1916 г. значительную часть своих потребностей в угле Турция удовлетворяла за счет ввоза из Германии. Но этого было недостаточно. По словам немецкого автора Г. Лорея, недостаток угля поставил турецко-германский военный флот на Черном море в «плачевное положение».

Ввоз угля из Германии, с одной стороны, обходился чрезвычайно дорого, а с другой, — ввиду перегруженности транспорта создавал большие помехи в доставке

боеприпасов для турецкой армии из Германии и Австро-Венгрии. Генерал Людендорф, возглавлявший с 1916 г. до конца войны генеральный штаб германской армии, писал: «Большая часть поездов через Софию в Турцию была занята углем, шедшим из Верхней Силезии в Константинополь. Я постоянно просил Энвера, Талаата и других сановников, посещавших нас, поднять добычу угля в Турции, что было вполне возможно. Таким способом они освободили бы транспорт для военного сна-

24?

ряжения. Я беседовал с ними об огромном значении железных дорог для ведения войны и указывал им, каким образом Турция может помочь себе. Я не встретил большого понимания с их стороны, и навстречу моим пожеланиям они не пошли. Они продолжали предъявлять те же требования, хотя должны были понимать, что их нельзя выполнить. Для своих угольных копей и железных дорог Турция не делала, можно сказать, ровно ничего» [319, стр. 206—207].

Сокращение добычи угля и требования немцев увеличить его производство привели к тому, что в 1917 г.

младотурецкое правительство передало право контроля над угольной промышленностью смешанной германо-турецкой группе специалистов под руководством «Дейче Банк».

Таким путем германские империалистические круги использовали момент для захвата важнейших отраслей турецкой экономики.

Новому руководству угольной промышленности удалось добиться некоторой технической и финансовой помощи со стороны Германии и Австро-Венгрии для улучшения работы угольных шахт на побережье Мраморного моря. Но и эта мера не привела к изменению положения в угольной промышленности. К концу войны, в 1918 г., добыча угля по сравнению с 1913 г. сократилась более чем в четыре раза [см. 775].

В то же время война создала определенные предпосылки для развития некоторых новых отраслей промышленности, с чем было связано и развитие турецкой национальной буржуазии.

Довоенная буржуазия в Турции в основном состояла из компрадорской буржуазии инонационального происхождения, которая, будучи проводником империалистического влияния, была занята главным образом в сфере торговли.

Вступление осенью 1914 г. Турции в войну против стран Антанты, естественно, привело к разрыву не только дипломатических, но и экономических и торговых связей с ними и подорвало позиции компрадорской буржуазии.

Потребности армии и внутреннего рынка требовали хотя бы частичного производства на месте товаров, ранее ввозившихся из стран Антанты. В то же время некоторые отрасли горнодобывающей промышленности, имевшие военное значение (хромовая, серная, медная и др.),

249

увеличили добычу. Так-, добыча хрома, подчиненная кбн-церну Крупна, возросла с 20 тыс. г в 1913 г. до 33,8 тыс. г в 1918 г. [716, стр. 145].

Военная конъюнктура привела к развитию и легкой промышленности, особенно ткацкой. В годы войны возникло 88 новых обществ и компаний, принадлежавших национальному капиталу, причем 40 из них было создано в 1914—1916 гг. Среди этих компаний и обществ, объединявших национальную буржуазию, особенно выделялись «Общество национальных фабрик» («Милли фабрикалар джемиети»), «Национальное текстильное общество» («Милли менсуджат ширкети»), «Национальное общество продовольствия» («Милли махсулат ширкети») и другие, которые возникли в Стамбуле в начале 1917 г.

Правительство предприняло ряд мер с целью поддержки и поощрения национальной промышленности: в 1915 г.

таможенный тариф был увеличен до 30% стоимости ввозимых товаров. 10 марта 1916 г. в Турции был установлен новый таможенный тариф. В августе 1915 г. был издан закон о подчинении иностранных акционерных обществ турецким законам. Ряд других протекционистских мероприятий также предусматривал государственную помощь турецкой национальной буржуазии. Так, например, в начале 1917 г. были приняты постановления об организации Османского национального кредитного банка, Банка ремесленников, Османского национального коммунального банка и ряда других банков. Поскольку большинство новых предприятий создавалось в Центральной Анатолии, тем самым был сделан определенный шаг в деле капиталистического развития этой части страны.

С началом войны младотурецкое правительство конфисковало на территории империи все имущество, которое принадлежало державам Антанты (железные дороги, порты, установки и оборудование и т. д.). Для управления этим имуществом было организовано специальное Главное управление военных железных дорог и почты.

В годы войны при участии немцев было построено несколько железнодорожных линий (Хайфа — Иерусалим и др.), пущен в эксплуатацию участок Багдадской железной дороги протяженностью 70—80 км. Правительство совместно с германскими компаниями разрабо-

250

тало десятилетний план железнодорожного строительства. Эксплуатация железных дорог в Турции находилась на крайне низком уровне. Так, в стране было всего 280 годных к эксплуатации паровозов, а вагонов — не свыше 3900 [347, стр. 71].

На железных дорогах остро ощущался недостаток квалифицированных кадров. В довоенное время боль-

шинство специалистов-железнодорожников составляли армяне и греки. После их «депортации» железнодорожный транспорт был укомплектован турками, не имевшими почти никакой специальной подготовки и опыта.

* * *

В годы войны, как и в довоенное время, основное место в экспорте Турции занимала продукция сельского хозяйства, а в импорте — промышленные изделия.

Но кризисное состояние сельского хозяйства привело к значительному сокращению номенклатуры экспорта и ограничило импортные возможности (см. табл. 3).

••

Таблица 3

Внешняя торговля Турции в 1913—1918 гг.*,
МЛН. ЛИр

Год	Импорт	Экспорт	Баланс
1913	41,8	21 Л	— 20,4
;			—
1914	23,0	11,5	11,5
1915	---	---	---
1916	2,2	3,4	+ 1,2
1917	15,0	14,0	— 1,0
1918	21,2	24,9	+ 3,7

* Составлено по: [441, 209, стр. 86; 552, стр. 90].

Данные табл. 3 свидетельствуют о том, что в 1913 г., т. е. после окончания балканских войн и накануне первой мировой войны, внешняя торговля Турции имела дефицит в 20,4 млн. лир. К концу войны импорт Турции сократился в два раза (с учетом падения курса турец-

251
кой валюты — приблизительно в 3,5—4 раза), а экспорт по сути дела оставался на прежнем уровне⁸. Несмотря на активный баланс в 1916 г. (крайне мизерный, всего в 1,2

млн. лир), это был самый низкий уровень внешнеторгового оборота за всю историю страны. Внешняя торговля почти совершенно замерла. Это объяснялось как морской блокадой торговых путей Турции державами Антанты, так и экономическим истощением страны.

Следует отметить, что сокращение импорта привело к налаживанию производства ряда товаров внутри страны, а следовательно, и к усилению национальной промышленной буржуазии.

В марте 1915 г. был издан закон об иностранных компаниях в Турции, в соответствии с которым все иностранные компании должны были в течение трех месяцев «превратиться в турецкие компании». В действительности же этот закон предусматривал ликвидацию лишь компаний, принадлежавших державам Антанты, и совершенно не затрагивал германо-австрийских компаний.

Одновременно с иностранными компаниями в Турции в годы войны было основано также около 90 турецких торговых компаний с номинальным капиталом в 16,6 млн. лир [658, стр. 143].

Кроме того, национальная турецкая буржуазия в годы войны основала монополии по производству текстильных изделий и производству и экспорту табачных изделий.

Среди наиболее активных компаньонов этих монополий были младотурецкие руководители, что подтверждал и Энвер-паша в беседе с военным представителем Австро-Венгрии в Турции генералом Помианковским [733, стр. 180].

Особенную активность в торговой и финансовой жизни Турции проявляли два банковских синдиката: «Дейче Банк» и «Австро-Венгерская восточная группа».

Основной проблемой для германо-австрийского союза в торговле с Турцией являлась организация вывоза из Турции сельскохозяйственной продукции. С этой целью Германия и Австро-Венгрия вскоре после начала войны организовали в

Турции специальное общество — Центральное закупочное управление. В своих мемуарах Талаат-паша признавал, что это общество было органом, «находившимся на положении единственного покупателя». По его словам, из-за отсутствия в стране учрежде-

252

ний, способных снабдить национальные банки и сельское хозяйство финансами, младотурецкое правительство «не было в состоянии помешать подобной закупочной организации немцев и поэтому общество покупало товары по диктуемым ценам и могло оказывать огромное влияние на регулирование цен в стране» [см.: 594, стр.32; 244, стр. 51].

Что касается правительства, то оно в основном ограничивалось предоставлением Главному управлению военных железных дорог и почты права закупок. Но и эта мера осталась безрезультатной и лишь привела к «крупным махинациям» [594, стр. 33]. Правительство организовывало также «национальные общества ремесленников», которые должны были вовлекать население в торговлю.

«Национальные общества ремесленников» занимались кое-какой деятельностью в некоторых районах страны и способствовали укреплению местной торговой буржуазии. Но, как признает Талаат-паша, и здесь не обошлось без махинаций германо-австрийской компании. Указыва* ли на то, что «родственники и друзья некоторых лиц (младотурецких лидеров.— Г. А.), абсолютно не связанные с торговлей, приобретали большие состояния» [594, стр. 34].

Еще в дни наступления австро-венгерской армии в Сербии в финансово-торговой жизни Турции, бывшей тогда нейтральной, началась паника: стали расти цены на продукты первой необходимости, вкладчики спешили изъять свои вклады из банков, торговые круги испытывали большие трудности в выполнении своих обязательств.

Беззастенчивые действия германо-австрийских компаний приняли такой масштаб, что представители национальной турецкой буржуазии потребовали у меджлиса принять самые решительные меры [594, стр. 33].

Поэтому в ответ на требования торговой палаты и банков правительство объявило мораторий и отодвинуло срок погашения внутренних государственных займов. Эта мера несколько облегчила положение банков и дала им значительную прибыль. Банки, получавшие до войны от своих вкладчиков золото, с объявлением моратория начали производить выплату бумажными деньгами, цена которых была в несколько раз ниже, и присваивать таким путем всю разницу в виде прибыли.

253

Поскольку в то время все банки, за исключением Сельскохозяйственного банка, принадлежали иностранцам, от моратория, понятно, выиграли лишь иностранные капиталисты, вкладчики же понесли огромные убытки, а государство не могло воспользоваться золотом, накопившимся в этих банках.

Злоупотребление иностранных банков мораторием вызвало серьезное недовольство в стране. 2 августа, 1914 г. меджлис принял «временный закон», направленный против этого злоупотребления: срок выплаты всех долгов и обязательств, включая и вклады, был продлен на месяц со дня принятия закона. Закон значительно затруднял изъятие вкладчиками своих вкладов, обязывая Оттоманский банк обменивать на золото выпущенные им банкноты, ибо закон, который предоставил банку право выпуска банкнот, предусматривал эту операцию. В условиях начавшейся в Европе войны и сложного политического положения в самой Турции большинство вкладчиков поспешило возвратить банкноты, требуя выплаты золотом.

Поэтому на следующий день, 3 августа 1914 г., меджлис

издал новый «временный закон», который освобождал Оттоманский банк от обязательства принимать свои банкноты в обмен на золото и предусматривал обращение его банкнот наравне с золотом [см. 472, стр. 183].

Согласно ст. 2 закона, лица, не подчиняющиеся положениям этого закона, подвергались штрафу в размере от 1 до 15 лир или тюремному заключению сроком от суток до одного месяца. Ст. 3 освобождала Оттоманский банк от обязательства выплаты разницы стоимости банкнот на все время, пока закон оставался в силе.

Правительство для покрытия возросших расходов вынуждено было прибегнуть к новому выпуску бумажных денег. 10 августа султанским указом Оттоманскому банку была разрешена эмиссия банкнот достоинством в 0,5 и 1 лиру⁹. *До этого банк выпускал деньги достоинством не менее 5 лир золотом. Оттоманский банк, получив право эмиссии мелких банкнот, одновременно должен был изъять денежные знаки достоинством в 50 и 100 лир на сумму, равную общей сумме вновь выпускаемых банкнот. Это была попытка сохранить неизменным общее количество находившихся в обращении денег¹⁰. Однако в результате того, что население в связи с мобилизацией в первый

251

рынок золотую валюту, хранившуюся в виде сбережений и украшений, цена золота на некоторое время значительно понизилась [347, стр. 113]. Но с выпуском бумажных денег положение вскоре изменилось в обратную сторону.

До первой мировой войны банкноты Оттоманского банка были слабо распространены среди населения, концентрируясь в основном у кулачества и зажиточных слоев в крупных городах. Именно у них находились знаки достоинством в 50 и 100 лир. Теперь же выпуск денежных знаков достоинством в 0,5 и 1 лиру привел к широкому распространению среди населения банкнот Оттоманского

банка ".

В годы мировой войны этот банк семь раз прибегал к эмиссии бумажных денег на общую сумму в 638 млн. долл. Правительство младотурок не сделало каких-либо серьезных попыток создать с помощью Сельскохозяйственного банка или турецких специалистов национальный банк, способный выпускать банкноты. Причину этого следует искать в прочных связях правящих кругов страны с иностранными банками (в особенности с Оттоманским банком), которые приносили им немалые доходы.

Ухудшение финансового положения государства требовало изыскания новых источников. Младотурецкое правительство решило повторно взять в долг средства, выделенные для погашения государственных долгов. Несмотря на протесты Джавид-бея, Энвер-паша и Та-лаат-бей настаивали на том, чтобы эти средства были израсходованы на военные цели [472, стр. 85].

Государственный бюджет на 1914 г. был определен в 34 млн. лир золотом, из них 14 млн.— на погашение части государственной задолженности. Из остальных 20 млн. лир 6 млн. лир выделялось военному министерству, 2 млн.— министерству внутренних дел и 1,3 млн. лир — военноморскому министерству, т. е. 45% бюджета за вычетом государственного долга должны были быть направлены именно этим трем министерствам. По подсчетам Джавид-бея, государственные доходы сократились на 7—8 млн. лир, что составляло четверть бюджета [см. 472, стр. 186—187].

Мобилизация, начавшаяся при таком финансовом положении, вызвала новые затруднения.

255

В результате постоянного увеличения количества бумажных денег, находившихся в обращении, в последующие финансовые годы государственный бюджет все более разбухал, доходы вследствие сокращения национального производства резко падали и в бюджете получался

невосполнимый дефицит (см, табл. 4).

Таблица 4 Государственный бюджет Турции в 1914 — 1918 гг. *,

млн. лир золотом

Бюджетный год	Доходы	Расходы	Дефицит
1914/1915	31,9	34,0	-2,1
1915/1916	26,8	35,7	— 8,9
1916/1917	25,6	39,7	-14,1
1917/1918	23,6	53,3	— 29,7

* [см. 135].

Как видно из табл. 4, расходная часть бюджета в последнем году войны возросла по сравнению с первым военным годом на 63,9%. В 1917/1918 г. бюджетном году дефицит превышал доходную часть бюджета на 6,1 млн. лир.

Поскольку в бюджете военных лет средства, предусмотренные для погашения государственной задолженности, вновь возвращались государству в виде «государственного займа», задолженность достигла катастрофических для финансов страны размеров. Государственный долг Турции, равный накануне войны 148,5 млн. лир золотом, к августу 1918 г. составил 454,7 млн. лир золотом [209, стр. 87]¹².

Другой важнейшей проблемой, порожденной мировой войной, были военные налоги (текялифи харбие).

Правительство младотурок реквизировало с частичной уплатой или обещанием стопроцентной уплаты в будущем значительную часть имущества населения и даже многие товары торговцев.

Джавид-бей писал, что проведение военной разверстки военным министерством по указанию Энвер-паши в таких масштабах «вызвало» в стране глубокое недовольство и

жалобы как местного населения, так и иностранцев... Никто не заботится о нуждах страны. Возмо-
256

ность ^олбДа среди городского населения как будто и вовсе не вызывает тревоги» [777, 19.X.1944].

Министр финансов с большим беспокойством признавал, что введение военной разверстки сыграло важную роль в дальнейшем сокращении импорта. Авантюристическая группа Энвер-паши реквизировала не только турецкие товары или товары, ввезенные из-за границы, но также и товары, следующие транзитом через морские и сухопутные границы Турции, объясняя это тем, что министерство финансов не отпускает средства на нужды армии [777, 19.X.1944].

Подобная политика свидетельствовала о том, что Турция, как признавал впоследствии Талаат-паша, «была не чем иным, как самым большим, просвещенным деспотическим государством» [524, стр. 1959].

Проведение всеобщей мобилизации в таких тяжелых финансовых условиях, снабжение питанием и обмундированием сотен тысяч людей, которых отрывали от производства, переброска их к границам за наличный расчет по железным дорогам, принадлежавшим иностранным компаниям,— все это требовало огромных средств. Чтобы заполучить необходимые средства, правительство помимо указанных выше мер прибегало и к таким, как выплата государственным служащим заработной платы в половинном размере, с отсрочкой остальной части, и даже удержание выплаты государственным подрядчикам и т. п. Ахмед Эмин (Ялман) справедливо отмечает, что «начавшейся пробуждаться деловой жизни страны вступление Турции в войну нанесло удар, подобный удару молнии среди ясного дня» [658, стр. 108].

Дебаты в правительстве по вопросу изыскания средств на мобилизацию 800-тысячной армии и ведение военных

действий затянулись. В мемуарах Джавид-бея указывается: «Меня вызвали в центральный комитет „Иттихад ве теракки" (22 августа 1914 г.— Г. А.) и потребовали сведений о существующем положении и некоторых циркулировавших слухах. Как будто между военным министерством и нами (т. е. министерством финансов.— Г. А.) имеется конфликт... мы, якобы располагая средствами, не хотели давать деньги... Я объяснил, что между военным министерством и нами нет никаких разногласий, что невозможно дать то, чего нет, что все источники богатства государства истощены, что мобили-

17 Г. 3. Алиев

257

зация началась в крайне плохих условиях и что я узнал о ней лишь через два дня после ее начала... что, наконец, государство не в силах держать под ружьем 800 тыс. солдат (курсив наш.— Г. А.), и поэтому солдаты будут голодными и необутыми» [777, 22.X. 1944].

Споры по вопросу о расходовании на армию средств, выделенных для погашения государственной задолженности, в конце концов привели к тому, что 5 сентября между Джавид-беем, Энвер-пашой и Талаат-беем произошло резкое столкновение [777, 22.X. 1944].

Следует отметить, что, говоря о средствах, выделенных для погашения государственной задолженности, министр финансов имел в виду лишь внешние долги государства, подчеркивая, что это «святая обязанность государства... его честь и совесть», и вовсе не упоминал о внутреннем долге. Это показывает, что в конечном итоге Джавид-бей ставил интересы иностранных монополий выше национальных. По требованию Энвер-паши 13 сентября 1914 г. вопрос о финансировании армии вновь был поставлен на обсуждение совета министров. Энвер-паша требовал для армии 2 млн. лир ежемесячно. В результате категорического возражения ряда министров во главе с министром финансов Джавид-

беем эта сумма была сокращена до 0,5 млн. лир. Как пишет Джавид-бей, и на эту сумму он согласился лишь при условии, что налог ашар будет взиматься с населения в форме разверстки «самой армией и эти средства будут включены в указанную сумму» [472, стр. 189].

Таким образом, Энвер-паша и его сторонники добились для военного министерства ежемесячной субсидии в 0,5 млн. лир, т. е. 6 млн. лир в год. Эти средства предполагалось расходовать только на обмундирование и питание армии. Если к этой сумме добавить также 9 млн. лир, предусмотренные бюджетом на армию, флот и жандармерию, то все расходы на армию и полицейские силы составят 15 млн. лир, т. е. 75% бюджета.

Из заметок Джавнд-бея видно, что правительство Турции, учитывая невозможность собирать налоги у разорившегося населения, еще во время мобилизации начало собирать налог ашар с помощью армии путем Принудительных реквизиций.

Финансовое положение неизбежно вело страну к банкротству. Поэтому правительство любыми способами изы-

скивало нужные ему средства. В частности, оно установило специальный налог размером в 30 лир золотом за освобождение (в определенных возрастных пределах) от воинской повинности: «временным законом» от 3 августа 1914 г. — с резервистов-немусульман, 7 августа — с народных ополченцев (мустахафыз) и 8 августа — с резервистов-мусульман, не проходивших военной подготовки (бедел-и накди).

Однако средств, поступавших от военной разверстки и военного налога, было крайне недостаточно.

С целью добиться обращения доходов по государственному долгу на военные цели Энвер-паша и Талаат-бей оказывали нажим на Джавид-бея, который, как считает историк Ю. Х. Баюр, противодействуя этому, пытался приостановить

мобилизацию с тем, чтобы страна не была втянута в войну [472, стр. 190]. Но в таком случае возникает вопрос: если Джавид-бей действительно был сторонником нейтралитета, почему же он жаловался на мобилизацию лишь в связи с финансовыми затруднениями, не выступая против нее по существу?

Кроме того, Джавид-бей, поддерживавший тесные связи с правящими кругами Англии и Франции, не пытался добиться от них продления срока погашения долгов, чтобы удержать страну хотя бы в состоянии «вооруженного нейтралитета». С целью устранения финансовых препятствий, которые мешали присоединению Турции к воюющей Германии, Энвер-паша и Талаат-бей через голову Джавид-бея обратились к Германии за финансовой помощью и получили у нее заем с условием вступления Турции в войну на стороне Германии.

* * *

Как отмечает известный турецкий писатель Фалих Рыфки Атай (много лет служивший секретарем Та-лаат-паши и Джемаль-паши), уже после поражения Турции и отставки правительства младотурок Джемаль-паша в ответ на соответствующий вопрос одного из своих приближенных сказал: «Мы вступили в войну для того, чтобы быть в состоянии выплатить жалованье нашей армии и чиновникам. Казна была пуста, и мы, чтобы изыскать деньги, должны были или склониться перед одной из воюющих сторон, или же присоединиться к другой» [458, стр. 120].

17*

259

Хотя такое одностороннее объяснение Джемаль-па-шой причины вступления Турции в войну одними лишь финансовыми затруднениями и является попыткой снять с младотурок ответственность, оно тем не менее свидетельствует о том, что Турция уже была на грани фи-

нансового банкротства.

В 1914 г., когда над Европой нависла угроза войны, Турция, переживавшая финансовый кризис, прилагала все усилия, чтобы получить новые займы у держав того или иного блока. Еще в апреле Джавид-бей заключил соглашение с Францией о предоставлении Турции займа в 800 млн. фр.¹³. Франция предоставила заем с условием, что «ни одна копейка не будет израсходована на агрессию против соседей» [80, лл. 49—51]. Но подобная оговорка была не чем иным, как наивным самоуспокоением финансовых и дипломатических кругов Франции.

В результате Турция получила возможность расплатиться с «текущими» долгами и сделать новые военные заказы.

Кроме того, она добилась согласия Франции на установление монополии над торговлей спиртом, спичками, нефтью и пр. и повышение пошлин на импортируемые из Франции товары с 4 до 15%. Все это обеспечило турецкому правительству около 80 млн. фр. дохода.

Но выгоды Франции от предоставления этого займа были несравненно большими. Она получила концессионные права на ремонт и строительство ряда железнодорожных линий (Рейяк — Рамле, Измир — Дарданеллы, Ходейда — Сана) и ряда портов (Эрегли, Инеболу, Яффа, Хайфа).

Одновременно был решен в желательном для Франции духе вопрос о сохранении юридических привилегий (капитуляций) французских школ и подданных и т. д.

После начала мировой войны Турция решила обратиться за займом к Германии. На заседании совета министров 27 сентября 1914 г., как пишет Джавид-бей, по настоянию Энвер-паши было принято соответствующее решение. Турецкому послу в Германии Махмуду Мух-тар-бею было дано указание начать переговоры по этому вопросу [777, 12.X. 1944].

В результате этих переговоров Германия обязалась предоставить Турции аванс в 5 млн. лир золотом из 6%

годовых следующими частями: 250 тыс. лир — через 10 дней после подписания договора, 750 тыс. лир — через 260

10 дней после объявления Турцией войны России или Англии, а остальная часть — через 30 дней после начала военных действий в виде ежемесячных взносов по 400 тыс. лир.

Германо-турецкое соглашение было подписано 20 октября 1914 г. Вангенгеймом, Энвер-пашой, Джемаль-па-шой, Халил-беем и Талаат-беем. 26 октября часть займа была уже передана «Дейче Банк» в Стамбул 14.

В годы войны Турция вынуждена была еще несколько раз обращаться за займами к Германии и Австро-Венгрии. К августу 1917 г. общая сумма полученных у них займов составила 858,8 млн. долл., из которых 585 млн. долл. было затрачено на закупку в Германии оружия и боеприпасов [333, стр. 471—472]. Таким образом, как отмечал В. И. Ленин, в годы войны Германия «превратила Турцию в своего и финансового и военного вассала!» [34, стр. 247]. Выпуск во время войны огромной суммы не обеспеченных золотом банкнот, отсутствие стабильного бюджета, рост общегосударственной задолженности и т. д., — все это приводило к крайнему обесценению национальной валюты и валютной спекуляции в стране. К концу

1916 г. разница цен бумажной и золотой лиры возросла на 183% в пользу золотой лиры [333, стр. 472], а осени

1917 г. она составила соотношение 1:5 [658, стр. 144]. Подобное положение, как отмечал Лиман фон Сандерс, очень ограничивало кредитные возможности Турции. «Военные органы испытывали чрезвычайные затруднения при возмещении стоимости необходимого продовольствия для армии и сырья для промышленности из-за отсутствия твердой валюты». На всей территории Османской империи, и в первую очередь в Центральной Анатолии

и арабских вилайетах, курс бумажных денег упал настолько, что крестьяне решительно отказывались принимать их при продаже государству продовольствия, требуя уплаты золотой валютой, и укрывали свои товары, несмотря на грозившее им наказание «от высылки до виселицы». Даже офицеры и чиновники настаивали на том, чтобы жалование им выплачивали не бумажными деньгами, а золотой валютой [см. 458, стр. 84—88].

С целью помешать валютной спекуляции 8 апреля 1916 г. правительство издало закон «О стабилизации национальной валюты» и создало Центральную валютную комиссию. В апреле 1918 г. правительство для «обеспе-

261

чения финансовой стабильности» выпустило пятипроцентный заем на сумму 18 млн. лир.

Но все эти попытки не принесли, да и не могли принести ожидаемых результатов: к концу войны общая сумма, израсходованная Турцией на военные цели, достигла 1 млрд. лир золотом [418, стр. 388], что в девять раз превышало доходную часть ее бюджета за 1914—1918 гг. Вечная и неизлечимая болезнь Османской империи— «финансовая лихорадка» ускоряла смерть «больного человека».

Из многочисленных бедствий и лишений, обрушившихся на народные массы Османской империи в ходе первой мировой войны, голод и его последствия были самыми ужасными.

В начале войны и правительство младотурок и немцы придавали важное значение снабжению Стамбула. Это было не столько проявлением заботы о населении столицы, сколько политическим расчетом, желанием обеспечить там спокойную обстановку. В Стамбуле был открыт ряд «народных столовых» со сравнительно низкими ценами, которые просуществовали с перерывами до конца 1917 г. Но к концу войны, ввиду того что эти столовые не могли

обеспечить всех бедняков, которые стекались в Стамбул из различных районов империи, и в связи с недостатком продовольствия, они закрылись.

Для устранения перебоев в снабжении Стамбула немцы попытались создать «кооперативные общества». Но эти общества в основном снабжали румынскими продуктами семьи немцев и австрийцев [724, стр. 187]. Кварталы бедняков задыхались в тисках голода, эпидемий и нехватки воды 15.

Положение населения в провинции, особенно в Анатолии и в арабских вилайетах, было невыносимым. По подсчетам Ахмеда Эмина, в годы войны цены на хлеб возросли в 37 раз, на кофе — в 70, рис — в 30, макароны — в 32 и на картофель — в 27 раз [658, стр. 147—148]. Вообще же прожиточный минимум в 1917 г. по сравнению с 1914 г. возрос в 20 раз [97, лл. 1—6].

Наибольший материальный ущерб наносили населению реквизиции тягловой силы, проводившиеся по указанию военного министерства. Злоупотребления местных
262

чиновников и военных властей, которые осуществляли реквизицию, превращали ее в самый неприкрытый грабеж. В 1915 г. по приказанию «некоронованного короля» Сирии, командующего Четвертой армией, Ахмеда Дже-маль-паши, все поголовье верблюдов в Сирии и Палестине было реквизировано. В 1916 г. были реквизированы также волы, лошади и ослы. В крестьянских семьях, лишившихся рабочей силы и тяглового скота, в соху впрягались женщины и подростки [99, л. 244].

По специальному закону военного времени население должно было сдавать военным властям излишки продуктов, как правило, по низким ценам. Это чрезвычайно ослабило внутреннюю торговлю. В 1915 г. в Анатолии и арабских вилайетах было «закуплено», а в действительности реквизировано у населения девять десятых излишков

продовольствия [96, л. 154].

В последующие годы реквизиции увеличились. В июле 1917 г. по приказу Энвер-паши на всей территории империи была проведена кампания продовольственной «переписи» и реквизиции излишков [86, лл. 13—14], в ходе которой только из Сирии было отправлено в Германию 240 вагонов зерна [98, л. 134].

Наряду с продовольствием были реквизированы и запасы топлива, чем наносился большой ущерб лесному хозяйству страны, так как топливом для большей части паровозного парка Турции служили дрова. В арабских вилайетах для удовлетворения потребностей армии и транспорта вырубались сады и даже такие ценные и редкие сорта деревьев, как маслины [458, стр. 85]. К началу

1918 г. только в Сирии на топливо было вырублено 60% масличных рощ [733, стр. 345].

Продовольственный и топливный голод, сокращение внешней и внутренней торговли, распространение эпидемий привели к упадку такие города, как Конья, Дамаск, Бейрут, Халеб, Иерусалим, Багдад и другие, некогда славившиеся на Востоке своей шумной и кипучей жизнью.

По словам генерала Помианковского, в 1914—1916 гг. только в Ливане и Сирии от болезней и голода погибло около 40% населения [733, стр. 180]. Возможно, что эта Цифра несколько преувеличена, но, во всяком случае, она указывает на масштабы бедствий, обрушившихся на арабские народы.

263

~~

А. Эмин отмечает, что Халиде Эдиб лично наблюдала, как «по улицам Бейрута и других городов бродили в лохмотьях мужчины и женщины, на лицах которых были явные следы страданий и усталости от горькой жизни, а в глазах детей, с тонкими, как спички, ногами и по-стариковски морщинистыми лицами, читались боль, страдание и

непередаваемая насмешка» [659, стр. 450].

Фалих Рыфкы Атай, побывавший в Бейруте во время блокады города англичанами, пишет, что «из всех городов, бывших в блокаде, Бейрут пострадал больше всего. Во время блокады по распоряжению городского управления каждую ночь на улицах подбирали мертвых и даже агонизировавших людей и на телегах вывозили за город, предавали там земле» [458, стр. 88—89].

В конце 1916 г. правительство создало особую комиссию, которая занималась вопросами снабжения крупных городов. Решением комиссии предусматривалась ежедневная норма для каждого жителя крупных городов — 300 г муки и 50 пиастров. Но и эта незначительная норма не выдавалась жителям.

В 1917 г. комиссия была реорганизована в экономический совет, а в 1918 г. — в министерство продовольствия, которое возглавил близкий к Талаат-паше член центрального комитета «Иттихад ве теракки» Кара Ке-маль, получивший прозвище «продовольственного диктатора» Турции. Этот орган младотурецкого правительства превратился в гнездо спекуляций и всяких махинаций.

В последние два года войны экономическое положение страны чрезвычайно ухудшилось. Не только население, но даже и армия испытывала голод. На Месопотамском фронте солдатам выдавали всего по 350 г хлеба, а лошадям — по 2,5 кг фуража в день [658, стр. 251].

Талаат-паша вынужден был сделать следующее признание: «На третьем и четвертом году войны отступление наших армий из Палестины, Эрзрума и Багдада, бегство населения этих районов в Анатолию, начало продовольственного кризиса вследствие нехватки рабочей силы в сельском хозяйстве и, наконец, злоумышленные действия со стороны некоторых офицеров в воинских частях и в тылу — все это вызывало среди народа все большее разочарование» [594, стр. 81].

Все тяготы военных расходов падали на разорившиеся народные массы. Наряду с введением ряда «чрезвычайных» налогов возросли в несколько раз и старые

264

налоги. Так, налог «агнам» увеличился в четыре раза, а к концу 1917 г. был установлен и особый «зерновой налог» [713, стр. 273].

Историк Ахмед Рефик, лично наблюдавший жизнь турецкого народа во время войны, пишет, что «несчастливая турецкая нация в самых тяжелых бедствиях войны была обречена на истощение всех своих ресурсов. История ни одной нации не знает подобных ужасов» [631, стр. 19].

Таким образом, обнищание подавляющего большинства народных масс, всеобщая экономическая разруха, истощение материальных и человеческих ресурсов страны и, говоря словами Талаат-паши, применение «гинденбургской железной дисциплины» ускоряли военное поражение Турции, приближали час ее катастрофы,

Глава V

ОБОСТРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ТУРЦИИ В ГОДЫ ВОИНЫ

По своему государственному устройству Турция была конституционной монархией. Конституция 1908 г. формально предоставляла гражданам свободу слова, печати, собраний, союзов, обеспечивала имущественную и личную неприкосновенность. Наряду с меджлисом в стране существовал Государственный совет («Шура-и девлет»), который выполнял функции совещательного органа и представлял рекомендации султану и правительству. Члены Государственного совета (премьер-министр, шейх-уль-ислам и ряд высших чиновников) назначались султанским фирманом.

Вне конституция 1908 г. придавала Османской империи видимость «правового государства». Но в действительности

правомочия меджлиса, считавшегося законодательным органом, были очень ограничены. При малейшем проявлении депутатами признаков самостоятельности правящие круги распускали меджлис'.

Меджлис третьего созыва, функционировавший в годы первой мировой войны, был избран в мае 1914 г. и распущен 4 ноября 1918 г. Если в меджлисах первого и второго созывов существовали оппозиционные фракции, то в третьем меджлисе была представлена лишь одна партия — «Иттихад ве теракки». На протяжении всего периода войны она была неограниченным диктатором в стране, хотя султан Мехмед V Решад в специальном заявлении [790, 10.11.1922] и позднее Талаат-паша в своих мемуарах [594, стр. 38] подчеркивали, что будто «Иттихад ве теракки» не вмешивалась в государственную политику.

260

За время войны трижды созывались съезды «Иттихад ве теракки». Созванный в 1916 г. VII съезд принял программу, представленную партийным руководством. По сравнению с довоенной программой она имела еще более пантюркистско-националистический характер. Новым в политическом разделе программы было разделение шариатских и светских судов, принцип лаицизма в области права и юстиции и т. п. В экономической части программы в туманных выражениях говорилось о необходимости принятия мер для развития национальной промышленности, расширения торговли, о постоянных заботах партии о социальном обеспечении и здравоохранении [см. 547]. Партийный съезд 1917 г. принял постановления в таком же духе, заявив вместе с тем о решимости «Иттихад ве теракки» продолжать войну «до победного конца»². В одном из постановлений съезда восхвалялась деятельность центрального комитета партии, ставшего якобы с 1916 г. «организацией, чрезвычайно полезной для страны» [см. 547].

Оба съезда предоставили центральному комитету неограниченные права. Да и во время съездов он проявлял себя больше в качестве правительства, чем партийного центра [604, стр. 194].

С 1913 по осень 1918 г., как пишет проф. Тарык Туная, «страной не правил ни падишах, ни правительство, ни меджлис. В действительности все дела направлялись из-за кулис монополистической группой, обладающей всей полнотой власти, — центральным комитетом младотурок, и, таким образом, дряхлая Османская империя превратилась в игрушку в руках группы из восьми человек. Партия (парламентская группа «Иттихад ве теракки». — Г. А.), а также меджлис укрылись за таинственным занавесом и превратились в сложный автомат в руках этого комитета» [604, стр. 194].

Двойственность партийного руководства — тайная деятельность центрального комитета и открытая деятельность в законодательном органе группы, действовавшей под именем «партии», — приводила к частым и серьезным столкновениям и разногласиям между младотурками. Но центральный комитет «Иттихад ве теракки» и его группу в меджлисе роднило то, что обе группировки действовали от имени государства, представлявшего интересы одного и того же социального класса.

267

Поскольку и в Центральном комитете, и в меджлисе руководство в основном находилось в руках военных, в политической жизни обеих группировок решающая роль по-прежнему принадлежала армии. Насколько отделение «Иттихад ве теракки» от его основной силы — армии наносило партии тяжелый удар, настолько вмешательство армии в политику было опасным для страны, так как приводило к частым государственным переворотам и политическим заговорам. Таким образом, те минимальные правовые нормы, которые были установлены в результате

революции 1908 г. в интересах буржуазно-помещичьих кругов, потеряли фактически свою силу, Во время первой мировой войны все важнейшие вопросы решало лишь руководство «Иттихад ве теракки». Что касается меджлиса, то он лишь придавал псевдозаконную форму* мероприятиям правительства. Так, например, решение младотурецкого правительства вступить в войну на стороне Германии приняло силу закона без ведома меджлиса, который был созван лишь 1 декабря 1914 г. и оказался таким образом перед свершившимся фактом военного, дипломатического, экономического характера. Обо всем этом правительство поставило меджлис в известность через султана Мехмеда V Решада. В своей речи, которой, как впоследствии отмечал в своих воспоминаниях Джавид-бей, никто не аплодировал, падишах призвал мусульман к священной войне (джихаду), заявил об отмене всех привилегий иностранцев, о том, что к ним «начинают применяться международные правовые нормы» и т. д. Меджлис ограничился утверждением всех положений, содержащихся в речи султана. Единственно новым в работе первой сессии меджлиса было принятие им 14 декабря «Обращения к армии», составленного правительством в панисламистском духе³.

По словам генерала Али Ихсана Сабиса, «большинство депутатов состояло из людей, неспособных ни к чему иному, кроме поддакивания „слушаюсь, господин“. Более или менее честные и патриотически настроенные депутаты, лишённые возможности использовать свое право контроля, не могли оказать никакого сопротивления беззаконию, царившему в стране» [571, стр. 81]. Несколько человек из этой группы депутатов выступили против контроля германских советников над

268

Министерствами, Но под давлением большинства они вынуждены были умолкнуть [89, л. 164].

Али Ихсан Сабис, хорошо знавший младотурецких руководителей, пишет, что среди министров «были такие, кто лишь занимал вакантные министерские посты и, превратившись в игрушку в руках садразама и нескольких влиятельных министров, держались за свои посты лишь **ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПРОИЗНОСИТЬ „СЛУШАЮСЬ, ГОСПОДИН“**. Нб'

которые из них без труда шли на любой шаг и соглашались с любым мнением, а остальные представляли собой картежников, пьяниц и бабников, глупцов и подлецов. Для подобных лиц понятие родины было лишь красивой фразой, пригодной для обмана народа» [571, стр. 79—80].

Младотурецкие министры стремились не столько к выполнению своих обязанностей, сколько к тому, чтобы, как говорили турки, «проявить» себя. Али Фуад Тюрк-гельди отмечает, что при Мехмеде V все министры во главе с шейх-уль-исламом, председателем сената и сад-разамом независимо от занятости раз в неделю являлись во дворец на прием к султану. Такой порядок сохранился и в годы войны. Лишь весной 1918 г., с приходом к власти султана Вахидэддина, был положен конец подобному бессмысленному времяпрепровождению [610, стр. 149].

Таким образом, меджлис, считавшийся высшим законодательным органом Османской империи, султан, олицетворявший высшую исполнительную власть, и его правительство составляли типичный образец буржуазно-бюрократического государственного аппарата, который в вопросах внутренней и внешней политики был подчинен военно-политической диктатуре партии «Иттихад ве теракки», а последняя — воле нескольких влиятельных руководителей.

Произвол, насаждавшийся младотурками в государственном аппарате, широко открывал двери несправедливости, взяточничеству, кумовству и т. п. В период

правления «Иттихад ве теракки», особенно в годы войны, спекуляция, казнокрадство и коррупция приняли широкие масштабы.

С первых же дней войны были созданы различные «комиссии» с целью удовлетворения нужд армии. Большинство этих «комиссий» состояло из купцов, представителей городских управлений, сельских старост и различных «знатных» лиц. Им помогали офицеры, по тем или иным причинам демобилизованные из армии. Историк Зия Шакир, касаясь деятельности таких «комиссий», указывает, что «комиссии, члены которых были безграмотными, не только не действовали в соответствии с законами, но и сами насаждали беззаконней бесчестность» [581, стр. 33].

В ходе так называемой «кампании реквизиций» государственные чиновники под предлогом удовлетворения нужд фронта брали у населения все, что могли, вплоть до дров, ламп, женских чулок и других подобных вещей, не имевших никакого отношения к нуждам фронта [95, л. 160]. Младотурецкие руководители, и в особенности Энвер-паша и его приближенные, перешли все границы казнокрадства, расточая государственные средства, полученные ценой слез и крови народных масс.

Али Ихсан Сабис пишет, что с началом войны приемную военного министра Энвер-пашн ежедневно заполняли эксцентрично разодетые люди, твердившие Энвер-паше о «туранском пути», «туранском завоевании» и добивавшиеся наград и милостей. Они гадали Энвер-паше, толкуя, что седые волосы на его голове — примета «завоевателя», подносили ему касыды о «туранском завоевании». Али Ихсан Сабис добавляет далее, что средства, выплаченные ответственным сотрудникам штаба из специального министерского фонда⁴, в сравнении с деньгами, которые тратил Энвер-паша, были не больше, чем чаевые [571, стр. 147].

Из этих заметок генерала Сабиса, которые затем послужили основанием для нападков на него со стороны приверженцев Энвер-паши, видно, что последний был не только растратчиком-честолюбцем, но и невежественным фаталистом.

Об этих качествах Энвер-паши впоследствии говорил в своих мемуарах даже Талаат-паша. По его словам, Энвер-паша насаждал на ответственные посты своих людей. Так, начальником отдела снабжения военного министерства был его близкий друг Топал Исмаил Хаккы-паша, который имел широчайшие полномочия. Исмаил Хаккы-паша предоставил своим людям неограниченные права, и, используя все свое могущество, добился такого положения, что обвинения, которые выдвигали против этих людей гражданские государственные учреждения, оставались без внимания.

270

Талаат-паша указывает далее, что возглавляемое Энвер-пашой военное министерство, «как правило, совершенно игнорировало все жалобы, будь то основательные или неосновательные». Он подчеркивает, что «непосредственно Энверу часто поступали жалобы на Исмаила Хаккы. В ответ Энвер неизменно утверждал, что военное министерство не может обойтись без Исмаила Хаккы-паши и что если его не будет, то снабжение армии расстроится и, следовательно, вести войну будет невозможно. В то же время Энвер угрожал своей отставкой, если будут настаивать на жалобах» [см. 594, стр. 31, 32]. Талаат-паша подчеркивает в своих воспоминаниях, что бездорожье и расстройство транспорта, считавшиеся бичом Турции, использовались в период войны Энвер* пашой и его ставленниками как средство личного обогащения. «В Анатолии,— пишет он,— средства транспорта были в абсолютно неудовлетворительном состоянии. На основной железной дороге страны, линии Конья — Багдад, не хватало паровозов и вагонов. В результате наших неоднократных и

решительных требований германское командование предоставило некоторое количество транспортных средств с условием, что часть из них будет использована на нужды германской армии в Турции. В неделю два-три вагона из этих средств выделялось для перевозки шерсти и хлопка. Вопрос об использовании этих вагонов превратился в средство торга. Лица, получившие разрешение на два вагона, каждый раз загребали тысячи лир прибыли. Так, например, некий вали из бывших друзей Энвера (Талаат намеренно не называет его. — /. А.) получил через Энвера разрешение на два вагона и заработал на этом 5 тыс. лир» [594, стр. 32].

По словам Талаат-паши, правительство видело выход из этого положения в установлении военного контроля над железными дорогами. С этой целью при военном министерстве было создано Военное управление железных дорог (Аскери демиртол идареси), которое подчинялось отделу снабжения военного министерства, т. е. Исмаилу Хаккы-паше. Талаат-паша отмечает, что это управление, просуществовавшее два-три года, стало одним из центров махинаций в стране и нанесло стране колоссальный ущерб [см. 594, стр. 34].

Признания Талаат-паши свидетельствуют о том, что руководители «Иттихад ве теракки», пользуясь военной

271

конъюнктурой, стремились к обогащению «своих людей» за счет миллионных масс трудящихся.

Как отмечает генерал Али Ихсан Сабис, во время своей поездки в Медину в 1917 г. Энвер-паша подарил из фондов министерства одному из своих приближенных 3 тыс. лир, а другому своему приятелю, депутату Сайду Ходже, — 2 тыс. лир [571, стр. 154]. У Энвер-паши было несколько дворцов и загородная вилла, которые были построены за счет государства. Злоупотребления Энвер-паши государственными средствами достигли такой степени, что

шейх-уль-ислам Хайри Эфенди в знак протеста подал в отставку⁵.

Талаат-паша стремился приписать все эти махинации, в которых был замешан и он сам, Энвер-паше и покровительствуемым им лицам с целью обелить комитет «Иттихад ве теракки» [594, стр. 35]. Между тем-эти махинации не были следствием происков отдельных лиц, а вытекали из всей политики младотурок, направленной на обогащение национальной буржуазии и помещиков.

Турецкий автор Кязим Намы Дуру справедливо подчеркивает, что, «снабжая армию, Топал Исмаил Хаккы-паша в то же время стремился обогатить турецкое купечество» [508, стр. 76].

В расходовании государственных средств на личные удовольствия от Энвер-паши не отставал и Джемаль-паша. Касаясь деятельности Джемаль-паши в Сирии, немецкий генерал Крессенштейн писал, что в основе всех мер Джемаль-паши по благоустройству ряда арабских и палестинских городов, и в частности Дамаска, Бейрута, Иерусалима и Яффы, лежало честолюбие и тщеславие. Джемаль-паша в большинстве случаев впустую тратил свои способности и время, не по назначению использовал деньги, сырье и рабочую силу, необходимые для военных целей [704, стр. 46].

В ряде работ турецких авторов приводятся конкретные факты махинаций Джемаль-паши, среди которых особо выделяется история со спекуляцией шелком, когда он вошел в сделку с сирийскими торговыми фирмами. Эта сделка получила огласку и вызвала нападки на него в меджлисе и в центральном комитете «Иттихад ве теракки». В связи с этим Джемаль-паша направил садра-заму Талаат-паше и министру внутренних дел Исмаилу Джанбулат-бею в середине 1917 г. угрожающие письма. В письме Талаат-паше, в частности, говорилось: «Мне

доносят, что Вы вновь выдвинули против меня вопрос о шелке и сукне и осмелели до того, что обсуждали этот вопрос на специальном собрании Ваших ставленников и друзей... Я открыто заявляю Вам, что подобные Ваши действия давно вышли за рамки приличия» [545, стр. 46]. Письмо Джемаль-паши Джанбулат-бею полно еще более явных угроз: «Мне сообщили, что на некоторых собраниях ты говоришь о личной выгоде, извлеченной мной из торговли шелком. Во-первых, это чистейшая ложь, и подобное могут думать и говорить лишь низкие люди. И, кроме того, я не из тех, кто способен лишь к выполнению приказа, но и могу пустить в ход револьвер для того, чтобы разmozжить голову покушающемуся на честь и совесть» (545, стр. 46]. В конце концов Эн-вер-паша в Талаат-паша вынуждены были замять дело.

Джемаль-паша и в будущем продолжал разбазаривать государственные средства. Во время инспекции Черноморского флота на корабле «Гюльнихал» его сопровождала свита из 200 человек [571, стр. 51]. Такой же пышной была и поездка Джемаль-паши в Германию в 1917 г., стоившая государству больших средств [571, стр. 154]. Когда младотурецкие руководители осенью 1918 г. вынуждены были покинуть страну, пишет генерал Али Ихсан Сабис, они по инициативе Энвер-паши взяли из «министерского фонда» и разделили между собой 40 тыс. лир золотом. Часть этих денег Джемаль-паша использовал для того, чтобы «заткнуть рты газетчикам» [458, стр. 113]. В качестве одного из главных средств для личного обогащения младотурки использовали закон об освобождении от воинской повинности путем уплаты двумя взносами 77 лир (первый взнос 44 и второй — 33). Выгодами этого закона пользовались прежде всего представители господствующих классов. Более того, по настоянию многих влиятельных чиновников, депутатов и министров в закон была введена дополнительная статья об освобождении от

военной службы на время учебы, что в основном распространялось на молодежь из зажиточных классов, которая обучалась за границей. Пользуясь этой статьей, некоторые чиновники под предлогом «учебы» отсылали своих сыновей за границу. Так, например, Талаат-паша отправил своего шурина Кямиль-бея в Швейцарию.

18 Г. 3. Алиев

273

Руководители Османской империи, представлявшие корыстолюбивую плутократию, превратили в орудие своих личных интересов и военно-политических авантур законодательную систему государства и само понятие закона. Фалик Рыфкы Атай в такой образной форме описывает отношение младотурецких руководителей к понятию «законности» в государстве: «Энвер всегда говорил: „йок канун, яп канун“, объясняя это так: „япарыз олур, бозарыз олмаз"»б.

А к Джемаль-паше, когда он находился в Сирии, однажды явился его адъютант и сказал:

«— Эфенди, я принес закон.

— Какой закон?

— Вами был дан приказ в связи с одним вопросом. Между тем по закону, который у меня в руках, он не может быть решен так, как приказано Вами.

Джемаль-паша немедленно телеграфировал в военное министерство, потребовав принять закон в нужном ему духе и выслать ему текст закона» [458, стр. 96].

Автор далее отмечает, что во время войны не осталось и следа от лозунга «неприкосновенности личности и имущества», который сыграл важную роль в приходе к власти младотурок. По его словам, «не было почти никакой разницы между неприкосновенностью личности и имущества в Стамбуле 1916 г. и анархией в период господства иностранцев после Мудросского перемирия» [458, стр. 97].

Младотурки могли обеспечить «порядок» в столице лишь с помощью военно-полицейской силы и строжайшей цензуры, которая превзошла даже цензуру времен Абдул Хамида [786, 9.1У.1915]. В Стамбуле дело дошло до того, что цензура «исправляла» и сокращала даже обычные телеграммы, отправляемые за границу [786, 9.1У.1915]. По словам Ахмеда Эмина, турецко-германская цензура подозревала в крамоле даже фетвы шейх-уль-ислама [658, стр. 104].

Еще более тяжелым было положение в вилайетах, где, несмотря на специальное предупреждение министерства внутренних дел от 20 октября 1916 г., хотя и формальное, господствовало полнейшее самоуправство, особенно там, где основная часть населения состояла из нетурецких элементов [см. 658, стр. 105—106]. Это было обычным проявлением политики младотурецкого правительства в национальном вопросе,

274

* * *

Можно без преувеличения сказать, что среди причин развала Османской империи на первом месте стоял национальный гнет и борьба против него народов покоренных стран.

Подлинная суть национальной политики младотурок проявилась в годы войны.

Младотурки, когда-то выдвигавшие лозунг «национального равенства», выступили теперь в качестве врагов национально-освободительного движения. Политика национального угнетения, проводимая младотурками, ухудшение экономического положения в результате войны вызвали широкое движение среди различных народов

империи против существующего режима.

Основной движущей силой национально-освободительного движения народов являлись крестьянство и городская беднота. Руководство движением находилось в руках буржуазии. Армянская и греческая компрадорская буржуазия, игравшая важную роль во внешней торговле империи и поддерживавшая связи с английским и французским капиталом, в результате вступления Турции в войну на стороне Центральных держав лишилась своих прежних экономических связей. К тому же в этот период возросла угроза конкуренции со стороны национальной турецкой буржуазии. Поэтому компрадорская буржуазия оказывала большое влияние на освободительную борьбу национальных меньшинств.

Среди арабских стран позиции национальной торговой буржуазии более или менее прочными были в Сирии и Ираке. В политической жизни этих стран важную роль играли национальная интеллигенция и офицеры арабского происхождения, служившие в турецкой армии. Поскольку национальная буржуазия в других арабских странах (Йемен, Хиджаз, Неджд и др.) была чрезвычайно незначительной, национально-освободительным движением здесь руководила феодальная племенная знать, внутри которой также существовали противоречия, а также высшее духовенство.

Таким образом, национально-освободительное движение народов Османской империи ни по своему характеру, ни по социальной структуре не было однородным, что оказало серьезное влияние на его исход.

Первой и главной жертвой крайне реакционной,

18*

275

,

шовинистической политики Младотурок во время мировой войны стали армяне. Моргентау, бывший во время войны

послом США в Турции, писал, что младотурецкие лидеры считали армян своего рода барометром: если настроение армянского населения хорошее, следовательно, дела врагов Турции идут хорошо, и, напротив, если настроение армян пессимистично, следовательно, положение младотурок хорошее [722, стр. 227]. Младотурецкое правительство устами Энвер-паши открыто заявило о «необходимости» устранения армянского элемента из состава империи. Младотурки обвиняли армянские политические организации в том, что они получают помощь у враждебной Турции Антанты для того, чтобы «изнутри взорвать» империю. Они старались изобразить восстания армян против национального и классового гнета в Ване, Битлисе, Муше, Зейтупе, где они составляли большинство населения, как результат деятельности внешних врагов Турции, а самих армян — шпионами и диверсантами [594, стр. 60—65]. Армянские погромы были не только делом рук самих младотурок, но и являлись частью политики, проводившейся тогда германским империализмом в Турции. Ясно, что обвинения против армянского народа были лишены каких-либо оснований и лишь преследовали цель оправдать шовинистическую политику младотурок, нежелание удовлетворить основное требование турецких армян — предоставить им национальную автономию в рамках империи. Младотурецкие руководители считали, что удовлетворение правительством этого законного требования приведет к таким же «уступкам» и другим нетурецким народам Османской империи и, следовательно, к полному ее распаду. Касаясь этого вопроса, Та-лаат-паша писал в своих мемуарах: «Османская империя представляла собой сложную массу, состоявшую из. турок, арабов, курдов, армян, болгар, сербов и многих других народов. В соответствии с программой армян предоставление им политической автономии создаст прецедент для подобной же организации (автономного государственного аппарата.—

Г. А.) и у других. Однако это подорвет 600-летний фундамент империи и приведет к ее гибели» [594, стр. 49]. Руководители партии «Иттихад ве теракки» не могли понять, что именно игнорирование национально-освободительных требований народов и карательные меры ускорили процесс гибели империи. С мая 1915 г., т. е. после занятия Вана русской армией, младотурки начали осуществлять в отношении армян позорный закон о «депортации».

Формально закон о «депортации» предусматривал эвакуацию населения из районов, которым угрожала русская армия, в действительности же он применялся также против армян, проживавших в Центральной Анатолии и Стамбуле. Правда, тяжелым было положение и турецкого населения, эвакуированного из районов военных действий в Центральную Анатолию⁷, но закон о «депортации» означал для 1,5 млн. армян, изгнанных из родных мест, массовое истребление [324, стр. 155].

«Депортация» проводилась под непосредственным контролем военных властей. Поскольку она осуществлялась в срочном порядке, имущество армянского населения государственные органы, а также германские офицеры приобретали за бесценок, а во многих случаях оно просто подвергалось разграблению. В связи с тем что мужчины, женщины и дети эвакуировались отдельно, тысячи семей не могли даже узнать о судьбе своих родных. Лишенные продовольственной и медицинской помощи, эти несчастные группами переводились через горные ущелья в «специальные лагеря» в Сирии и Месопотамии.

Большинство погибло в пути от голода, жажды, болезней, а также в результате бандитских нападений; те, кто добрался до лагерей, погибали от эпидемий.

Младотурецкая политика по отношению к армянам всячески поощрялась германскими империалистами. В

меморандуме садразаму Сайду Халим-паше от 4 июня 1915 г. германский посол Вангенгейм от имени своего правительства одобрил мероприятия по «депортации» армян из Восточной Анатолии и заявил, что эта мера якобы «исходит из чисто военных соображений и является законным средством защиты страны». На протест послов нейтральных стран Вангенгейм заявил, что Германия якобы не намерена вмешиваться во внутренние дела своего союзника Турции [747, стр. 115].

Многие турки осуждали антиармянскую политику младотурецких руководителей. Турецкие и армянские трудящиеся, вместе жившие на протяжении веков, часто выступали совместно против социальной несправедливости и произвола господствующих классов. Турецкие тру-

Дящйёся в меру своих сил стирались помешать черно-сотенной политике правительства оказать помощь «депортируемому» населению. Так, летом 1915 г. с протестом против высылки армян из Эрзурума выступило местное турецкое население. А турки — жители Трабзона скрывали в своих домах «депортируемых» армян [368, стр. 254].

Одним из приемов младотурок в национальном вопросе было разжигание вражды между национальными меньшинствами. Например, они провоцировали и натравливали курдов на армян и, наоборот, армян на курдов. В качестве карательных сил против армян использовались отряды, сформированные из молодых курдских «гвардейцев» конницы «хамидие», а также из преступных элементов различных национальностей.

Во время первой мировой войны было уничтожено более миллиона армян. Оставшиеся в живых спаслись лишь благодаря бегству за границу.

После присоединения Греции к Антанте закон о «депортации» начал применяться и по отношению к греческому населению. Для того чтобы оправдать высылку

греков, официальная пропаганда младотурок распространяла ложные сведения о том, будто в греческих церквах и школах Анатолии агенты Антанты прячут оружие и боеприпасы. Для оправдания высылки греков использовалась и необходимость устройства турецких беженцев из потерянных Турцией во время балканских войн территорий. Высылка греков сопровождалась также грабежами и насилиями. Младотурки, разжигая национальную рознь, стремились использовать ее для отвлечения внимания народных масс от борьбы против войны и социальной несправедливости.

* *

К началу первой мировой войны большинство арабских стран (Египет, Сирия, Ливан, Палестина, Ирак, а также страны Аравийского полуострова) входили в состав Османской империи. Правда, Египет, оккупированный англичанами в 1882 г., лишь формально входил в Османскую империю, а на деле почти не имел с ней никаких экономических и политических связей. Но остальные арабские страны вплоть до падения Османской империи были одним из главных объектов эксплуатации со стороны Турции.

278

Одна из главных целей Антанты в войне против Турции заключалась в отторжении от нее Арабского Востока. Поэтому с самого начала войны арабские вилайеты стали ареной военных действий. Для того чтобы удержать в своих руках Арабский Восток, младотурецкое правительство направило туда в качестве «сильной личности» морского министра, одного из «триумфиров» Ахмеда Джемаль-пашу, назначенного командующим Четвертой армией, дислоцированной на территории Сирии и Палестины. В первые же месяцы войны англо-индийские войска оккупировали весь Южный Ирак, включая Басру, а к лету 1915 г., хотя и ценой больших потерь, им удалось

продвинуться вдоль Тигра и Евфрата и захватить ряд важных пунктов. За это время англичане, используя в своих целях борьбу арабов против османского гнета, смогли привлечь на свою сторону многих вождей племен.

Грабительская политика, проводимая младотурками в арабских вилайетах, способствовала усилению недовольства арабов и благоприятствовала успеху антитурецкой деятельности англичан. Джемаль-паша признавался, что с первых же дней пребывания в Дамаске у него не оставалось сомнений в том, что арабские страны — это пороховая бочка [495, стр. 117].

Не последнюю роль в обострении политического положения в арабских вилайетах сыграл турецкий административный аппарат во главе с Джемаль-пашой, который в своей политике руководствовался "«чувствами многовекового турецкого господства над арабами» [458, стр. 40]. По словам Ахмеда Эмина, «его воля была законом... именно от него получали все указания гражданские учреждения арабских вилайетов» [658, стр. 100—101].

Администрация Джемаль-паши, с одной стороны, осуществляла некоторые строительные работы в крупных городах и старалась продемонстрировать «заботу младотурок», а с другой — прибегала к насильственным действиям, чтобы подавить национально-освободительное движение, уничтожить прогрессивные патриотические силы.

Одной из первых акций Джемаль-паши была ликвидация местных органов самоуправления — городских муниципальных учреждений, а также гражданских судов в Сирии, Ливане и Палестине, поскольку, несмотря на

279
свою слабость, они оказывали сопротивление самоуправству турецких властей.

По приказу Джемаль-паши в 1915 г. была ликвидирована автономия Ливана⁸, а местный губернатор был заменен

турецким офицером. В оправдание своих действий Джемаль-паша утверждал, что «Ливан настолько же османский, как и Конья» [458, стр. 44]. Командный состав жандармерии Ливана почти целиком был укомплектован из турок.

Турецкие власти уделяли особое внимание укреплению в арабских странах тайной полицейской цензуры. Бекир Сами-бей, считавшийся одним из надежных людей «Иттихад ве теракки», был назначен губернатором Багдада, а бывший начальник полиции Стамбула Азми-бей — губернатором Бейрута. Основная обязанность этих «сильных личностей» заключалась в том, чтобы оказывать поддержку Джемаль-паше в борьбе против арабского национально-освободительного движения и в то же время не допускать проявления этим движением сепаратистских тенденций [96, л. 154].

С целью расколоть ряды арабских патриотов штаб Джемаль-паши занимался широкой пропагандой, демагогически обещая сразу же по окончании войны против «неверных» предоставить арабским странам «широкую автономию». Видные арабские руководители (Мухаммед Курд Али, Абдул Керим Халиль, Абдул Гани, Абд ар-Рахман Шахбендер и др.), поверив в эту лживую пропаганду, выступили с призывом к соотечественникам «примириться» с младотурками. По признанию Джемаль-паши, в конце 1914 — начале 1915 г. он роздал подобным «деятелям значительные денежные средства» [495, стр. 192].

Поражение турецкой армии усилило недоверие к младотуркам и привело в начале 1915 г. к разрыву арабских лидеров с Джемаль-пашой. В ответ на это турецкие власти приступили к массовому террору.

Первый судебный процесс против арабских лидеров был организован в конце 1914 г., после первого суэцкого похода. Было арестовано более 300 активных деятелей арабского

общества «Лямарказия»⁹. Им было предъявлено обвинение в распространении антиправительственных листовок, подготовке восстания в районе Сура » Сайды и т. п. Сотни «подозрительных» патриотов, независимо от того, имели ли они какие-либо связи с обществом «Лямарказия», были арестованы или сосланы. По сведениям государственного департамента США, с начала войны и до весны 1916 г. из Сирии, Ливана и Палестины было выслано около 10 тыс. «подозрительных» семей [157, стр. 851].

Достаточно было коротенькой телеграммы губернатора или мутасаррифа в штаб Четвертой армии, чтобы семья была занесена в списки «подозрительных»¹⁰. Джемаль-паша даже хвалился, что высланных им людей «можно встретить повсюду» [458, стр. 49].

Судебный процесс в ливанском городе Алея, так же как и следствие, проходил с нарушением элементарнейших человеческих прав¹¹. Когда председатель военного трибунала Шюкрю-бей заявил Джемаль-паше, что обвинение, предъявленное подсудимым, недостаточно обоснованно и поэтому он «боится осуждения истории», Джемаль-паша ударил кулаком по столу и, угрожая председателю трибунала, потребовал немедленного вынесения смертного приговора [509, стр. 262]. Военный трибунал приговорил 56 арабских националистов к смертной казни (из них 45 заочно) и более 300 человек к различным срокам тюремного заключения и ссылки [307, стр. 87].

Пользуясь правами, предоставленными правительством главнокомандующему, Джемаль-паша привел приговор в исполнение, не дожидаясь его утверждения падишахом.

Очевидец этих событий Фалих Рыфкы Атай пишет:

«Казненные в Бейруте молодые националисты всю дорогу от тюрьмы до виселицы прошли с гордо поднятой головой, напевая национальный арабский марш. Они мужественно встретили смерть» [458, стр. 49].

В начале мая в Бейруте и Дамаске был казнен 21 видный деятель общества «Лямарказия». Среди них были член османского сената Абдул Хамид Зехрави, депутаты меджлиса Шафик аль-Муайед и Абдул Хамид Халиль, видный журналист Абдул Гани Арийси, поэт Рафик Ризик Саллум, президент арабского клуба в Стамбуле Риза-бей аль-Сольх, адвокат Мехмед Сани, муфтий Порт-Саида Шейх Мухаммед аль-Зейн, бывший глава бейрутского муниципалитета Мухтар Бейкум, шиитский шейх Кямил Асад и др.

В ходе процессов в А,дее 1915—1916 гг. было приговорено к казни около 820 человек [65, л. 71]. Фалих Рыфкы Атай утверждает, что казнено было всего лишь

281

46 человек [458, стр. 46]. Однако, как признает Али Фуад Эрден, бывший в то время начальником штаба Дже-маль-паши, некоторых «обвиняемых» казнили по приказу командующего армией, а после этого военный трибунал выносил в отношении них смертный приговор [509, стр. 276].

В этот период в Ираке также было казнено большое число арабских националистов по приказу командующего Шестой турецкой армией Нуреддин-паши. А по приказу его преемника, дяди Энвер-паши, Халил-паши, в Багдаде было казнено 110 видных арабских националистов за помощь, которую они оказали айгличанам в сражении при Ктезифоне [77, л. 78].

Угрожающее положение в арабских вилайетах крайне тревожило младотурок и немцев. Поэтому в феврале—марте 1916 г. Энвер-паша совершил поездку в эти вилайеты, а в октябре того же года «для ознакомления с обстановкой» туда выехала специальная германо-турецкая комиссия. После завершения работы комиссии Джемаль-паша был отозван в столицу. Но ни одна из этих мер не привела даже к малейшему изменению террористической политики

младотурецкого правительства в арабских вилайетах 12. Консерватизм и твердолобость младотурецких руководителей внешней и внутренней политики, а также военные неудачи турецкой армии на фронтах, по словам Лимана фон Сандерса, привели к тому, что «турки, веками господствовавшие в арабских странах, чувствовали себя здесь как во враждебной среде, в то время как английские оккупационные войска чувствовали себя в дружественной среде» [713, стр. 171].

Арабы, которые, по подсчетам английского полковника, как Лоуренса, составляли около одной трети рядового и около 40% офицерского состава турецких вооруженных сил [709, стр. 46], фактически превратились во враждебную силу внутри турецкой армии.

Кризис господства Османской империи на Арабском Востоке и успехи Англии, действовавшей при помощи военных, финансовых, дипломатических и иных средств, полностью расстроили захватнические планы германского империализма на Востоке. Германское главное командование проявило признаки чрезвычайного беспокойства. Генерал Людендорф писал, что в 1916 г. германское командование, правда с опозданием, потребовало у ту-
282

рецкого правительства пересмотреть свою политику в арабском вопросе, но тогда, когда английское золото было всемогущим, в отношениях Турции с арабами не произошло никаких сдвигов [319, стр. 206].

Турецкая армия, которая вынуждена была в ходе войны отступать из арабских вилайетов, руководствуясь указанием турецко-германского командования уничтожать все на своем пути, занималась массовым грабежом. Турецкие военные органы не остановились даже перед разграблением осенью 1916 г. НеджефеиКербелы — священных городов шиитов.

Национальная политика правительства младотурок в годы

войны уничтожила у лидеров национальных меньшинств «веру в реформы». Они лишний раз убедились, что единственный выход из создавшегося положения — это борьба.

По словам Али Фуада Эрдена, многие дальновидные патриотически настроенные офицеры турецкой армии, в том числе маршал Ахмед Иззет-паша, начальник штаба Второй армии Исмет-бей (впоследствии Исмет Инё-ню) и другие, считали, что одна из основных причин выступлений арабов против Османской империи, и в особенности Хиджазского восстания во главе с шерифом Мекки Хюсейном,— казни арабских лидеров и грабеж турок в Сирии [509, стр. 267].

Политика правительства младотурок в национальном вопросе в годы первой мировой войны привела к тому, 'что кризис Османской империи, и без того раздираемой Противоречиями, достиг наивысшего предела. У угнетенных народов не оставалось иного выхода, как браться за оружие. Национальными противоречиями внутри империи воспользовались империалистические державы, в первую очередь Англия, давно стремившиеся к расчленению Турции.

* * *

Внутри господствующей партии «Иттихад ве терак-ки», которая с самого начала не была единой монолитной силой, базирующейся на прочной социальной основе, существовали серьезные противоречия.

«Иттихад ве теракки» представляла в основном находившуюся в процессе формирования национальную турецкую буржуазию. Ее руководящую силу составляли

283

интеллигенция, офицерство и чиновники. Выдвижение младотурками некоторых буржуазно-демократических лозунгов в период революции привело к тому, что к партии

присоединилась часть мелкой буржуазии и даже бедных слоев.

Однако после укрепления власти младотурок и установления их диктатуры руководящие органы и рядовых членов партии разделила глубокая пропасть, хотя почти все низовые организации партии, за исключением стамбульской, слепо подчинялись указаниям сверху.

Ненормальные отношения между двумя основными руководящими органами «Иттихад ве теракки» — центральным комитетом и парламентской фракцией — занимали не последнее место в противоречиях среди младотурок.

Одним из спорных вопросов между ними был вопрос о том, считается ли «Иттихад ве теракки» обществом или сформировавшейся политической партией европейского образца.

Дискуссия по этому вопросу, продолжавшаяся с 1908 по 1913 г., вызвала особенно бурные дебаты на салоникском съезде в 1913 г., и хотя тогда была принята резолюция о том, что «Иттихад ве теракки» является политической партией европейского образца, спор по этому вопросу между центральным комитетом и парламентской группой продолжался и в последующие годы.

Другим вопросом, вызывавшим противоречия в младотурецких кругах, был вопрос о вмешательстве армии в политику. Группа офицеров, сыгравших большую роль в приходе к власти «Иттихад ве теракки» и составлявших руководство партии (Энвер-паша, Джемаль-паша, Махмуд Шевкет-паша), направляя и контролируя повседневную деятельность правительства, способствовала прямому вмешательству армии в государственные дела, что, как показало дальнейшее развитие событий, представляло прямую угрозу национальным интересам страны.

Поэтому наиболее дальновидные представители младотурок настаивали на том, чтобы были приняты решительные меры, которые не допустили бы вмешательства армии в

политику. Салоникский съезд по предложению Мустафы Кемаль-бея принял соответствующую резолюцию, но она осталась невыполненной. Энвер-паша и его сторонники по-прежнему использовали армию в своих политических целях.

284

Продолжалась скрытая борьба среди младотурок и по вопросам внешней политики. Еще до вступления Турции в войну часть министров составила особую тайную группу под названием «военный кабинет», т. е. своего рода «правительство в правительстве», в который входили садразам Сайд Халим-паша, министры Талаат-бей, Ибрагим-бей, Джавид-бей, Энвер-паша и Джемаль-паша, принимавшие решения по всем важнейшим вопросам. Остальные министры, не зная о тайных решениях «военного кабинета», продолжали защищать политику, от которой триумвират давно уже отказался [325, стр. 28].

Но вопрос о вступлении страны в войну и в особенности финансовые проблемы, связанные с мобилизацией, вызвали серьезные разногласия и внутри самого «военного кабинета». Об этом ярко свидетельствуют воспоминания министра финансов Джавид-бея, опубликованные в 1944 г. в газете «Танин», которые уже приводились в настоящей книге.

Несмотря на то что меджлис был игрушкой в руках младотурецких руководителей, здесь все же существовала, хотя и слабая, оппозиционная группа. Эта группа, которую возглавлял один из основателей «Иттихад ве теракки» — Ахмед Риза-бей, обвиняла руководителей центрального комитета партии в нарушении устава, в том, что они, «подобно посторонним зрителям, наблюдают, как несколько человек распоряжаются судьбой отечества по своему желанию, и слепо подчиняются им» [472, стр. 333—334]. В группу входили также сторонник Антанты Дамад Ферид-паша и Чюрюксулу Махмуд-паша, до войны

занимавший пост министра общественных работ [610, стр. 147].

Ухудшение военно-стратегического и экономического положения Турции в ходе войны усилило оппозиционные настроения внутри «Иттихад ве теракки».

В конце 1915 г. появилась еще одна оппозиционная группа под названием «умеренных», которая поддерживала связь с Ахмедом Риза-беем. В группе особенно выделялся Али Ихсан, возглавлявший одно время стамбульскую организацию партии, а во время войны занимавший важные посты в экономических органах. Али Ихсан и его сторонники выступили с «программой профессионального правительства». Эта программа, представленная центральному комитету партии весной 1916 г., требовала национализации внешней торговли и прекра-

285

щения деятельности иностранных банков, образования «народного правительства» и установления его контроля над деятельностью иностранного капитала. Группа усилилась настолько, что руководители «Иттихад ве теракки» были вынуждены пойти на некоторые уступки: партийный съезд, созванный в 1916 г., принял ряд пунктов программы «умеренных» [705, стр. 71].

Эти «левые младотурки», которых можно считать более или менее прогрессивной силой внутри партии «Иттихад ве теракки» (впоследствии, в период национально-освободительного движения они составили довольно значительную часть сторонников Мустафы Кемаля), требовали также проведения ряда социально-экономических реформ, изменения политики по национальному вопросу [см. 224, стр. 115—116].

Они оказали большое влияние на проведение в Турции в годы войны ряда буржуазных реформ, основными из которых были следующие:

1. Особым законом от 27 августа 1914 г.,

дополненным затем поправками от 16 мая 1915 г. и 29 февраля 1916 г., предусматривалась обязательная перепись гражданского имущества соответствующих учреждений.

2. Законом от 21 февраля 1917 г. мусульманский календарь (хиджра) был заменен христианским (григорианским).

3. Постановлением съезда «Иттихад ве теракки» в 1917 г. при министерстве просвещения было создано Главное управление по охране национальных памятников и усовершенствованию национальных словарей.

4. Законом от 12 марта 1917 г. все духовные суды, находившиеся в ведении шейх-уль-ислама, перешли в распоряжение министерства юстиции.

5. Законом от 10 марта 1917 г. предусматривались некоторые изменения в семейном праве. Так, например, женщина получила право развода с мужем в случае наличия у него некоторых половых заболеваний.

25 октября 1917 г. был принят «Кодекс о браке», согласно которому был введен гражданский брак. Хотя шариатский брак был сохранен, он получал законную силу только после оформления гражданского брака.

Несмотря на половинчатый характер этих законов, они во многом ограничили влияние мусульманского духовенства в государственной жизни. Принятие этих законов свидетельствовало о стремлении национальной

235

турецкой буржуазии перейти к светским порядкам. Но турецкие буржуазные реформаторы, стараясь поставить религию на службу политике, действовали весьма осторожно.

Ограниченные реформы вызвали недовольство духовенства и реакционных помещиков, обвинявших правительство в «безбожии». В этих условиях усиливалась деятельность

группировки, которую возглавили принц Сайд Халим-паша, занимавший пост садразама в 1913—1917 гг., и издатель газеты «Сабиль ур-Решад» («Путь истины»), известный поэт Мехмед Акиф (автор «Марша независимости»).

Группировка добивалась соглашения реакционного духовенства и помещиков с «левыми младотурками» под лозунгами «обновления ислама» и «возрождения раннего ислама». Сайд Халим-паша и Мехмед Акиф заявляли, что возрожденный «чистый ислам» может служить основой государственного устройства, социальной мысли, общественной морали. Поэтому, говорили они, необходимо осуществить некоторые реформы в духе возрождения [738, стр. 22].

Именно под давлением этих сил правительство внесло поправки в две статьи конституции (7 и 118), подтвердив, что шариат находится под защитой и что все законы будут составляться в соответствии с ним [см. 258, стр. 9—10].

Законы, о которых шла выше речь, свидетельствовали о том, что младотурецкая буржуазия придавала большое значение мусульманскому духовенству, которое на протяжении многих столетий служило опорой господства феодалов.

Примечательно и то, что большинство этих законов было принято в 1917 г., когда военное поражение германо-турецкого союза было уже predetermined. Это, с одной стороны, приводило к усилению оппозиции среди младотурок, и с другой — заставляло правящие круги младотурок идти на некоторые уступки оппозиции. В то же время эти круги старались изобразить дело так, будто подлинная цель «Иттихад ве теракки» направлена на демократические преобразования.

«Триумвират» (Энвер-паша, Талаат-паша и Дже-маль-паша), занимавший господствующие позиции в «Иттихад ве теракки», внешне демонстрируя терпимость к оппозиции, на самом деле всеми средствами вел беспощадную борьбу

против нее.

Характерной чертой «триумвирата» было то, что его

287

Члены, несмотря на постоянную и тайную борьбу между собой, выступали совместно против оппозиции. Говоря словами Тарыка Туная, они расходились в вопросе укрепления государства, но «были союзниками в деле устранения своих общих противников» [604, стр. 106].

«Триумвират» не гнушался любыми средствами и методами борьбы. Так, с целью обезвредить оппозицию он стремился сохранять в сенате большинство в своих руках путем проведения в сенат новых членов из своих сторонников, что способствовало еще большему подрыву авторитета младотурецкого правительства.

Младотурки не останавливались и перед организацией тайных убийств своих противников. По словам Ахмеда Рефика, они «с помощью офицеров убивали кого хотели, а затем поднимали в газетах шум по вопросу розыска убийцы.

Между тем убийца-офицер не только оставался

безнаказанным, но и вновь оказывался под покровительством как „федаи Иттихада"». Ахмед Рефик далее добавляет, что среди младотурок были такие, кто организовывал бегство убийц из тюрем и оставался после этого безнаказанным. Некоторые из них «даже получали звание паши и стали депутатами» [631, стр. 17].

Одним из наиболее часто применяемых младотурками способов избавления от внутренних противников в условиях войны была высылка их из столицы и даже из страны. Эта мера осуществлялась или непосредственно по приказу Энвер-паши по линии военного министерства, или же тайной «особой организацией» («тешкилят-ы махсусе»), которая была создана по инициативе центрального комитета совместно с военным министерством в последние дни второй балканской войны.

С вступлением Турции в мировую войну права и дея-

тельность этой организации намного расширились. Означении, которое «Иттихад ве теракки» придавал этой организации, можно судить "по тому, что в ее состав входили д-р Назим в качестве представителя центрального | комитета партии, Халил-паша в качестве представителя 1 генерального штаба и ряд видных младотурок — Сулей-ман Аскери-бей, Атиф-бей, Азиз-бей и др. [581, стр. 49—50].

«Особая организация» формально была создана для «объединения патриотических чувств», но в действительности перед ней стояли совсем другие задачи. Ах-мед Рефик, опираясь на свои наблюдения, указывает,

288
I

что одной из важнейших обязанностей отрядов «особой организации» было обеспечение успеха позорного закона о «депортации». С этой целью военное министерство организовало для них специальную подготовку [631, стр. 23].

По словам другого турецкого историка, Зии Шаки-ра, в первые дни войны младотурки освободили из тюрем и передали в распоряжение «особой организации» сотни преступников. Эта организация, кроме того, привлекала к своей деятельности эмигрантов из Румелии и Кавказа [581, стр. 50]. «Особая организация» должна была наладить полицейско-шпионскую слежку в стране и за рубежом с целью лишить противников «Иттихад ве теракки» возможности активного участия в государственных делах. В создании «особой организации» и Талаат-паша, и Энвер-паша действовали совместно, но каждый из них старался подчинить ее своим интересам. В конце концов оба младотурецких лидера пришли к своеобразному компромиссу: центральный комитет партии, который возглавлял Талаат-паша, назначал руководителей отрядов «особой организации», а военному министерству, которое

возглавлял Энвер-паша, принадлежало решающее слово в определении программы и сферы деятельности организации.

Энвер-паша и Талаат-паша включали своих политических противников в отряды «особой организации», льстили им как «героям, готовым пожертвовать своей жизнью во имя родины», а на деле постепенно удаляли их из столицы. Омар Наджи-бей, известный своими выступлениями накануне и в начале войны против самоуправства «триумвирата», во главе группы младотурецких «фе-даев» был послан на Кавказ. Вскоре два других противника Талаат-паши — Бахаэддин Шакир-бей и Рушани-бей также были направлены через Эрзурум на Кавказский фронт. По указанию Энвер-паши на Восток были отправлены близкий друг Талаат-паши Кара Кемаль 13, губернатор Трабзона Джемаль, губернатор Эрзурума Тахсин. Тогда же активный деятель внутри младотурецкой оппозиции Хюсрев Сами-бей был направлен в Трабзон с целью сорвать подготавливавшееся там греческое восстание, а Эйюб Сабри-бей — в Анатолию для подавления начавшегося там восстания.

19 Г. 3. Алиев

289

Под руководством майора Якуба Джемйля, прямого убийцы военного министра Назим-паши во время государственного переворота в январе 1913 г., впоследствии выступавшего попеременно против Талаат-паши и Эн-вер-паши, был создан специальный отряд диверсантов численностью 2 тыс. человек. В этот отряд, который должен был перейти линию Кавказского фронта и действовать в тылу русской армии (особенно в Грузии), входили также отряды и других видных младотурок, находившихся в оппозиции к «триумвирату», — депутата от Ла-зистана Суди, бывшего министра экономики Шакира, майора Асима, капитана Халида, Этхем-бея, Абдулы Халид-бея и др. [565, стр. 236].

Абдуррахман-паша, близкий друг главы сенатской оппозиции Ахмеда Реза-бея, бывший депутат меджлиса Асад Шукаир-эфенди, члены центрального комитета «Иттихад ве теракки» Сабанчалы Хаккы и Мумтаз (бывший адъютант Энвер-паши) были посланы в Дамаск.

«Особая организация» не только удаляла из столицы противников «Иттихад ве теракки», а иногда и физически уничтожала их. Так, в конце концов тайно был убит оппозиционно настроенный к «Иттихад ве теракки» Тахсин-бей, который критиковал в своей газете «Сабах» младотурецких руководителей. Его труп в мешке был сброшен в овраг вблизи Бадыркёя [см. 581, стр. 48—49]. Сулейман Аскери-бей, назначенный по предложению Энвер-паши руководителем «особой организации», первоначально был одним из активных участников тайной оппозиции против Талаат-паши. Но став руководителем организации, он изменил свое отношение к Талаат-паше. Энвер-паша, видя все возрастающую симпатию Сулеймана Аскери-бея к Талаат-паше, организовал особый отряд и приказал ему во главе этого отряда отправиться в Аравию. В 1915 г., во время вооруженного столкновения с восставшими в районе Басры арабскими племенами, отряд Сулеймана Аскери-бея был разгромлен, а сам он покончил самоубийством.

На место Аскери-бея главой «особой организации» Энвер-паша назначил своего приближенного Хюсамед-дин-бея (Эртурка) и. После этого в организации стали преобладать сторонники Энвер-паши. Рыфкы Атай пишет, что «в годы войны слово „человек" было своего рода клеймом — „человек Джемаль-паши", „человек Энвер-паши", „человек Талаат-паши"... а у каждого

290

человека был свой человек» [458, стр. 37]. Группировки подобных «людей» в «Иттихад ве теракки» появились вскоре после государственного переворота 1913 г. и до-

стигли наибольшего распространения в период единоличной власти «Иттихад ве теракки» в годы войны.

• Именно поэтому грызня между этими группировками «людей», возглавляемых «триумвирами», отражала внутренние противоречия в рядах партии.

Каждая из этих группировок занимала руководящее положение в военной, экономической и политической областях. «Люди» Энвер-паши находились главным образом в военных штабах, учреждениях по снабжению армии и военной промышленности, а также в органах партийной инспекции. Центральный комитет «Иттихад ве теракки», партийные организации крупных городов (в частности, стамбульская организация), большинство депутатских мест палаты представителей и сенаторских постов были в основном в руках «людей» Талаат-паши.

Джемаль-паша выделялся среди младотурецких лидеров своими способностями в организации тайной полиции. Для правительства младотурок, которое не имело прочной социальной базы, в условиях постоянной угрозы государственных переворотов и политических заговоров услуги Джемаль-паши, несомненно, представляли большую ценность. Джемаль-паша был беспощаден по отношению к любому, кто выступал против младотурецкой диктатуры или даже проявлял склонность к оппозиции.

Организованная им тайная полиция располагала в стране, и в первую очередь в крупных городах, широко разветвленной агентурной сетью¹⁵. Пост военно-морского министра, находившийся в зависимости от командующего Энвер-паши, имел для Джемаль-паши значение лишь постольку, поскольку удовлетворял его тщеславие.

Политика Энвер-паши и Талаат-паши по удалению своих противников из столицы была распространена и на члена «триумвирата» Джемаль-пашу. Вскоре после начала войны, 13 ноября 1914 г., по предложению Энвер-паши он был назначен командующим Четвертой армией в Сирии с

формальным сохранением за ним поста военно-морского министра. Турецкий автор Ахмед Бедави Куран пишет: «Талаат-паша заявил своим ближайшим сторонникам, что Джемаль-паша из Сирии возглавит поход на Египет. Если этот поход не увенчается успехом (видимо, Талаат-паша не сомневался в этом.—Г. А.),

19*

291

Джемаль-паша или будет убит на фронте, или же покончит самоубийством» [545, стр. 351]. Объединение двух «триумвиров» и изоляция третьего были восприняты общественностью и особенно военными кругами как «избавление от соперника» [472, стр. 307].

Джемаль-паша вынужден был дать согласие на новое назначение, мотивируя это готовностью «служить родине». В действительности гордый и тщеславный по натуре Джемаль-паша чувствовал себя стесненным в Стамбуле, где было сильно влияние Энвер-паши и Та-лаат-паши. Говоря словами Крессенштейна, он «смотрел на это назначение как на подходящую возможность избавиться от стесняющих его оков, чтобы проявить свои военные способности и умение командовать, получить простор для своей деятельности» [704, стр. 45].

И действительно, прибыв в Сирию, Джемаль-паша стал вести себя как неограниченный деспот, что очень нервировало центральный комитет «Иттихад ве теракки» и правительство. Доктор Назым, Бахаэддин Шакир, а затем министр внутренних дел Исмаил Джанбулат-бей, направленные в Сирию «с целью инспекции», возвратившись в Стамбул, выдвинули против Джемаль-паши различные обвинения. Правительство дважды вызывало Джемаль-пашу в Стамбул, желая послать его на другой фронт (Кавказский или Месопотамский), но Джемаль-паша, ссылаясь на то, что «внутренние беспорядки в Сирии представляют серьезную угрозу государству», отклонял эти

предложения.

Приближение Турции к поражению и усилившееся в связи с этим движение за выход из войны путем сепаратного мира обострили кризис внутри «Иттихад ве теракки» и еще более подогрели грызню внутри его руководства. Для выяснения причины этого кризиса и противоречий, поставивших страну перед лицом государственных переворотов и политических заговоров, необходимо кратко рассмотреть военно-стратегическое положение Турции в период мировой войны, и особенно на ее первом этапе — в 1914—1916 гг.

С вступлением Турции в войну были мобилизованы военнообязанные 23 возрастов, из них 8 возрастов находилось на действительной службе («низам»). В начале войны турецкая армия насчитывала 38 кадровых и 57 резервных («редиф») дивизий. Кроме того, существовало «местное народное ополчение» («мустахафыз»). Кавале-292

рия состояла из 40 регулярных и 24 иррегулярных полков (268, стр. 285]. В целом же в турецких вооруженных силах было 900 тыс. человек, из них 300 тыс. находились на фронтах и 600 тыс. — в резерве (707, стр. 66]. Офицерский корпус насчитывал всего 24 тыс. человек. 95% РЯДОВОГО и некоторая часть офицерского состава была неграмотной. Армия была слабо оснащена техникой, почти не было современной тяжелой артиллерии, за исключением 17 батарей. Военно-морской флот имел всего 3 броненосца (один дредноут и два крейсера), 12 миноносцев, 31 канонерскую лодку и один монитор. Турецкому флоту не удалось получить два заказанных незадолго до войны корабля из Англии 16. С прибытием германских военных кораблей «Гебен» и «Бреслау» турецкий военно-морской флот намного усилился [275, стр. 217].

Во время войны турецкая армия сражалась на четырех фронтах — Кавказском, Месопотамском, Синайском и

Балканском.

В 1914—1916 гг. в военном положении Турции выделяются два периода. С ноября 1914 по апрель 1915 г. воюющие страны были заняты подтягиванием к фронту своих сил и их размещением. К этому же периоду относится и первое «боевое крещение». Крупные сражения происходили на Кавказе, у Сарыкамыша. Во время этих сражений, продолжавшихся с 4 декабря 1914 г. по 18 января 1915 г., армии Восточного фронта, который возглавлял Энвер-паша, потерпели тяжелое поражение. Из 90-тысячной армии турки потеряли 70 тыс. человек убитыми и ранеными (в том числе 30 тыс. замерзших). Потери русской армии составили 20 тыс. человек [см. 299]. После Сарыкамышского сражения и до конца 1917 г. преимущество на Кавказском фронте оставалось на стороне русской армии.

В первый период войны в соответствии с планом германо-турецкого командования Четвертая турецкая армия под командованием Джемаль-паши готовилась к наступлению на Синайском фронте с целью захвата Суэцкого канала и ослабления, таким образом, связей Англии с ее заморскими владениями на Востоке. Эта операция в то же время должна была укрепить германо-турецкое влияние в Египте, в странах Магриба и обеспечить вступление арабов в «священную войну» против Антанты.

293

"7!

Но турецко-германское командование Четвертой армии 17 не располагало достаточными силами и средствами для выполнения этой трудной задачи. Против хорошо вооруженной 35-тысячной армии, защищавшей канал и поддерживаемой объединенным англо-французским средиземноморским флотом, Турция смогла выставить всего 20 тыс. человек {707, стр. 252}.

Четвертая армия, не имевшая достаточно транспортных средств, после 13-дневного перехода через песчаную

пустыню Синайского полуострова в условиях бездорожья и отсутствия воды вышла 27 января 1915 г. в район канала. Но встретив упорное сопротивление англичан и потеряв 3 тыс. человек, войска Джемаль-паши 3 февраля начали отступать [707, стр. 254]. Провал первого наступления на Суэцкий канал Джемаль-паша объясняет в своих мемуарах сознательным отходом с целью передислокации [495, стр. 134]. Эта неудача одновременно означала провал «священной войны» против Антанты [336, стр. 6].

К весне 1915 г. положение турецкой армии ухудшилось и на Месопотамском фронте. К этому времени Ирак полностью перешел под контроль англичан (707, стр. 327]. Таким образом, в первый период войны наступательные планы турецких армий полностью провалились.

С 1915 по лето 1916 г. военные действия турецкой армии в основном носили оборонительный характер. Крупнейшей операцией этого периода были бои в районе Дарданелл. План высадки войск в район Дарданельского пролива был выдвинут Англией. По мнению британского правительства (в частности, личного инициатора этой операции морского министра У. Черчилля), высадка англофранцузских войск в районе Проливов должна была создать угрозу столице Турции и в то же время помешать царской России захватить Стамбул и Проливы.

13 апреля 1915 г. англо-французское командование высадило в районе Проливов (в Сад ул-Бахаре, Ары Бурну, Анафарте и Эчской бухте) 100-тысячную десантную армию. По словам Ларше, вскоре численность войск Антанты здесь была доведена до 570 тыс. человек [707, стр. 236].

Угроза захвата Стамбула летом 1915 г. вызвала панику младотурецкого правительства, начавшего готовиться к эвакуации расположенных в Топкапу государственных

нбго архива и казны в Конью, а резиденций султана — в Эскишехир. Однако англо-французским войскам не удалось

осуществить задуманную операцию. Десантная армия Антанты потерпела поражение 18. Потери Антанты в Дарданельской операции составили 270 тыс., а турок — 250 тыс. человек [707, стр. 297].

Официальная германская и турецкая пропаганда преувеличивала значение этой победы и старалась изобразить ее чуть ли не поворотным пунктом в ходе войны. В Берлине, Вене и Стамбуле в связи с этим состоялись пышные торжества; командующего германо-турецкими армиями в Галлиполи генерала Лимана фон Сандерса начали называть «Гинденбургом Востока», а султана Мехмеда V Решада — «Гази» («Победитель»).

Правда, в Дарданельской операции Антанта потерпела серьезное военное поражение, но материальные и человеческие ресурсы Турции намного сократились, тогда как ресурсы ее противника день ото дня возрастали.

Второй период войны оказался неудачным для английских войск и на Месопотамском фронте. В начале декабря 1915 г. Четвертая турецкая армия окружила английские войска генерала Таунсенда под Кут эль-Ама-рой. Все попытки англичан спасти их не дали результата. После почти пятимесячного сопротивления, 29 апреля 1916 г., когда иссякли запасы боеприпасов и продовольствия, английский гарнизон капитулировал. Англичане потеряли около 2 тыс. человек убитыми и умершими от ран, 8 тыс. ранеными и 10 тыс. пленными (в том числе пять генералов во главе с Таунсендом).

Этот период войны характерен наступательными операциями русских войск на Восточном фронте. Перейдя летом 1915 г. в наступление в Южном Азербайджане, русская армия достигла оз. Урмия. В конце того же года она усилила наступление в направлении Эрзурума и захватила его 3 февраля 1916 г. В ходе этой операции турки потеряли 8 тыс. человек и 315 орудий. Турецкая армия отступила на 100 км (см. 300, стр. 51—54]. Позже, 5 апреля, русские

войска захватили Трабзон. Захват Эрзурума и Трабзона оказал большое влияние на ход военных действий и вынудил турок спешно перебросить часть войск из района Стамбула на Восточный фронт.

Летом 1916 г. Четвертая армия генерала Джемаль-паши предприняла попытку второго наступления в районе Суэцкого канала, но и на этот раз потерпела неудачу.

295

Таким образом, если учесть, что Дарданельская операция и сражение при Кут эль-Амаре были не стратегическими победами, способными изменить ход военных действий, а лишь тактическими успехами, то и второй период войны завершился не в пользу Турции. По подсчетам

Помианковского, к середине 1916 г., потери турецкой армии убитыми, ранеными, больными и дезертирами достигли 500 тыс. человек. А между тем дополнительный призыв в армию не превышал в среднем 90 тыс. человек в год [733, стр. 242].

Из сведений о военном положении Турции, добытых разведкой Антанты, видно, что в апреле 1916 г. турки испытывали большие трудности в отправке дополнительных войск на Кавказский фронт. Внутренние резервы страны были истощены. Считая Болгарию «ненадежным союзником», Энвер-паша не хотел перебрасывать турецкие войска из Фракии на Восточный фронт. В связи с опасностью высадки десанта Антанты в Джамиде и Аделье турецкое командование не решалось также трогать находившуюся здесь 70-тысячную армию. Сирийская армия в любой момент ожидала высадку англо-французских войск в Александrette (Искендерон) и предполагаемого восстания арабских племен [89, л. 270].

Указывая на катастрофическое положение с офицерским составом, который должен был сыграть важную роль в войне, Талаат-паша писал: «Потери офицеров на фронтах восполнялись офицерами тыловых частей, а последних

заменяли офицерами-пенсионерами. Невозможно было ни установить моральное состояние и характер этих офицеров, ни наказывать их. Отзыв и удаление таких офицеров из армии на самом деле означали бы для них награду. Такие офицеры, не имевшие ни чести, ни достоинства, занимались самыми тяжкими злоупотреблениями и большинство из них оставались безнаказанными. Все это еще более усиливало в народе чувство безнадежности и озлобления» [594, стр. 31]. Экономическое и финансовое истощение страны, ухудшение положения на фронтах, уныние в рядах армии и среди населения, истощение материальных ресурсов: и ухудшение военно-стратегического положения союда-цы Турции Германии — все это способствовало усилению сторонников сепаратного мира.

Кроме внутренней оппозиции в младотурецкой армии за выход из войны путем сепаратного мира ратовала и

296

антантофильская партия «Хюрриет ве итилаф», деятельность которой, несмотря на запрет, все еще продолжалась. Эта партия представляла интересы связанной с Антантой части турецкой национальной и компрадорской буржуазии. «Хюрриет ве итилаф» проводила свою политику в двух направлениях: с одной стороны, готовилась свалить младотурецкое правительство, а с другой—вела тайные переговоры о сепаратном мире с державами Антанты. В 1915 г. она обратилась к Англии с предложением помочь ей организовать в Стамбуле государственный переворот и изгнать немцев из страны [см. 71].

Британский посол в Петрограде в связи с этим сообщал министру иностранных дел С. Д. Сазонову, что министр иностранных дел Англии Эдуард Грей считает необходимым оказать помощь турецкой либеральной партии. Эдуард Грей одновременно поручил послу заверить Сазонова, что, «если даже в Турции к власти придет „Хюрриет ве итилаф“, ставящий условием целостность

Османской империи, Англия выполнит обязательства перед Россией по вопросу Проливов» {см. 71}.

Один из руководителей «Хюрриет ве итилаф» Кемаль Мидхат в открытом письме садразаму Сайду Халим-па-ше обвинял правительство в том, что Турция вступила в войну и понесла огромные человеческие и материальные потери. Он призывал приступить к мирным переговорам со странами Антанты, «пока не поздно» [103, л. 99].

Для осуществления своих планов сторонники сепаратного мира с Антантой старались использовать неудачи Турции в войне. В секретной телеграмме русского военного советника Серафимовича, нашедшего убежище в швейцарской миссии, указывалось, что «турецкие пацифисты старались воспользоваться неудачами германо-турецких армий, чтобы организовать государственный переворот и поставить у власти принца Юсифа Иззедди-на Эфенди. Но последние неудачи Антанты на фронтах помешали этому делу» [103, л. 99]. «Триумвиры» предприняли срочные меры, чтобы убрать Юсифа Иззедди-на. 1 февраля 1916 г. правительство «с глубоким сожалением и сожалением» заявило о его «внезапной смерти после длительной болезни».

Летом 1916 г. Кемаль Мидхат и Али Талиб поставили в известность миссии стран Антанты в Швейцарии о своем плане государственного переворота, который они

297

I

,-

предполагали начать при поддержке Антанты. Последняя должна была высадить в районе Проливов повстанческий корпус, сформированный из турецких эмигрантов.

Руководство переворотом предполагалось поручить небольшим повстанческим комитетам, находившимся в Женеве и Салониках (103, л. 99}. К этому плану присоединились также один из лидеров оппозиции Шериф-паша

и бывший министр внутренних дел Рашид-бей, находившиеся в то время в Париже.

В этих условиях даже некоторые младотурецкие руководители вынуждены были искать пути выхода из войны с возможно меньшими потерями. В дни Дарданельской операции, 14 апреля 1915 г., английская газета «Дэйли Кроникл» писала, что центральный комитет «Иттихад ве теракки» при посредстве одного нейтрального государства сделал попытку выяснить у Антанты условия, на которых она согласилась бы заключить мир. По словам газеты, такая попытка имела место, но Англия отвергла ее. 16 апреля русский дипломат князь Ку-дашов в телеграмме С. Д. Сазонову сообщал, что среди высокопоставленных турецких офицеров существует группа, которая с согласия Талаата пытается предложить Антанте мир и готова для достижения своих целей уступить даже Проливы, Стамбул и Аравию (139, т. II, стр. 213].

В эти же апрельские дни бывший министр финансов Джавид-бей, находившийся в Швейцарии, пытался встретиться с французскими дипломатами, но министр иностранных дел Франции в то время уклонился от встречи [139, т. II, стр. 213]. Когда в 1916 г. Джавид-бей вновь в качестве министра финансов прибыл в Берлин, он потребовал у Германии кредита в 300 млн. марок и отправки германских войск на Кавказ, заявив, что в противном случае у Турции не останется другого выхода, кроме заключения сепаратного мира. Возможно, это был маневр Джавид-бея для обеспечения успеха своей миссии.

С марта 1916 г. оппозиционеры из «Иттихад ве теракки» начали издавать в Салониках газету «Мюджахид» («Борец за веру») под редакцией депутата меджлиса Исмаила Хакки. 6 марта газета заявила, что союз с Германией таит в себе опасность для Турции, а в номере от 21 марта она писала, что единственный выход для Турции из существующего положения состоит в заключении

сепаратного мира с Антантой (89, л. 271). 11 айрёлй Газета обвиняла правительство младотурок в том, что оно втянуло страну в войну и обманывает народ [89, л. 365].

Кроме того, оппозиционеры распространяли листовки, направленные против немцев и Энвер-паши, в которых утверждали, что Турция переживает самые тяжелые дни своей истории, и призывали устранить «триумвиров» и их сторонников [101, текст 176—002].

Поскольку в этот период и среди стран Антанты существовали противоречия, некоторые ее члены, например Франция, были склонны к сепаратному миру с Турцией. Правящие круги Франции еще в ходе войны заботились об укреплении своих будущих позиций в Турции, предвидя обострение противоречий с Англией. В марте 1916 г. один из французских дипломатов в Швейцарии через главу муниципалитета Стамбула Дже-миль-пашу 1Э предложил Энвер-паше заключить сепаратный мир 20. Между тем на фронтах произошли некоторые изменения в пользу германо-турецкого блока (эвакуация антантовских войск из Дарданелл, сдача генерала Таунсенда в Кут эль-Амаре и др.) и Энвер-паша решительно отверг эти предложения 21. Среди младотурецких руководителей министр финансов Джавид и министр внутренних дел Талаат раньше других почувствовали, что Турцию ожидает поражение. С весны 1916 г. они все больше стали склоняться к сепаратным мирным переговорам.

Таким образом, весной и летом 1916 г. в руководящих кругах младотурок вопрос о сепаратном мире стал одним из главных неофициально обсуждаемых вопросов.

Группировка сторонников сепаратного мира, в которую входил и Талаат, встречала решительное сопротивление Энвера {89, л. 267 об.}. Именно в это время майор Якуб Джемиль совершил неудачную попытку государственного переворота.

Следует отметить, что подготовленный летом 1916 г. под

руководством Якуба Джемиля государственный переворот вовсе не ограничивался организацией убийства Энвер-паши, как это старались изобразить младотурки, а был связан с тяжелым положением, в котором очутилась страна в результате войны. Внимательное изучение материалов по делу Якуба Джемиля свидетельствует, во-первых, о том, что сторонники государственного переворота сознавали тяжелые последствия мировой войны

299

и стремились вывеем Турцию из войны с возможно меньшими потерями, и, во-вторых, о борьбе между приверженцами Энвера и Талаата за господствующее положение внутри партии «Иттихад ве теракки». Эта борьба происходила на всем протяжении правления «Иттихад ве теракки»; дело Якуба Джемиля было кульминационной точкой в этой борьбе.

Противоречия между Энвером и Талаатом, особенно обострившиеся после переворота 1913 г., были одной из самых важных проблем внутренней жизни младотурок. Каждый из них с целью изменения в свою пользу «соотношений сил» старался использовать любую возможность для того, чтобы продвинуть в партийное руководство «Иттихад ве теракки» и государственный аппарат своих ставленников.

Якуб Джемиль, считавшийся «насильником № 1», долгое время был одним из самых близких людей Энвер-паши. Вместе со своими друзьями из центрального комитета «Иттихад ве теракки» (Сабанчалы Хаккы, Сулей-ман Аскери, Мумтаз-бей и др.) Якуб Джемиль наперекор Талаату сыграл большую роль в возвышении Энвера и Джемалю. Однако сразу же после начала войны Энвер по настоянию Талаата был вынужден удалить его, как отмечалось выше, из столицы во главе отряда диверсантов на Кавказский фронт. Но отряд Якуба Джемиля был вскоре разбит, а его самого направили в Битлис, а затем в Багдад, в

армию, которой командовал дядя Энвер-паши Халил-паша. Последний вскоре избавился от этого офицера, по всякому поводу хватавшегося за оружие.

Якуб Джемиль вновь появился в Стамбуле. Он требовал от Энвер-паши вознаграждения, повышения в звании. Но под давлением Талаата и его сторонников Энвер не сумел повысить Якуба Джемиля выше звания майора. По словам Хюсамеддина Эртюрка, ставшего тогда начальником «особой организации», однажды Якуб Джемиль в его присутствии обратился к Энвер-паше со следующими словами упрека: «Ты же обещал мне должность командира дивизии? Что же? Не я разве помог тебе достичь высоких постов? Своему брату Нури ты дал звание паши и генерала, а меня так скоро забыл?» [514, стр. 133].

Все это, несомненно, было известно Талаату и его приближенным, которые воспользовались создавшейся ситуацией, чтобы внести раскол в группу Энвер-паши.

300

Якуба Джемиля, человека крайне ограниченных социально-политических взглядов, признающего только насилие, использовали не только Талаат и его сторонники, но и оппозиционные элементы за границей. Сат-вет Лютфи, один из лидеров зарубежной оппозиции из группы «Децентрализация», еще в середине 1915 г. убедил Хюсрева Сами, члена центрального комитета «Иттихад ве теракки», сторонника Энвер-паши, что единственное спасение для страны — сепаратный мир. Хюсрев Сами, в свою очередь, стал настраивать Якуба Джемиля обратиться к высокопоставленным лидерам младотурок с предложением обсудить этот вопрос.

Энвер-паша, отрицательно относившийся к сепаратному миру и веривший в окончательную победу Германии, после Дарданельской операции и слышать не хотел о мире.

Талаат-паша старался воспользоваться этим не столько для достижения сепаратного мира, сколько для ослабления

позиций Энвер-паши. Он стремился убедить Якуба Джемиля, что заключению мира мешает Энвер-паша. Вместе с тем Талаат-паша советовал Энвер-паше избавиться от Якуба Джемиля, который «может нанести правительству вред».

Энвер-паша дал весной 1916 г. указание начальнику «особой организации» послать Якуба Джемиля в Иран во главе хорошо вооруженного отряда диверсантов [514, стр. 136].

Якуб Джемилль понял, что ему нечего рассчитывать на дружбу Энвер-паши. Он сделал вид, что согласился с назначением. Однако Якуб Джемилль вместе с группой офицеров — сторонников сепаратного мира решил совершить государственный переворот. Летом 1916 г. он разместил вооруженных людей в гостинице «Масаррат», расположенной напротив военного министерства, и в близлежащих кварталах. Переворот был назначен на 13 июля 1916 г. [514, стр. 139].

Министр внутренних дел Талаат, агенты которого держали его в курсе дела через начальника полиции Стамбула Бедрибея, послал Энвер-паше донесение о подготовке антиправительственного заговора. Талаат и его сторонники из центрального комитета — д-р Назым, Бахаэддин Шакир и Кара Кемаль — старались убедить Энвера, что заговор готовят именно его друзья, которых он долгие годы опекал: Якуб Джемилль, Сабанчалы Хаккы, Хюсрев Сами, Мумтазбей и другие, что они хотят

301

уничтожить младотурецких лидеров, в первую очередь Энвера и Талаата, и посадить на их место новое правительство во главе с Мустафой Кемаль-беем, Джемаль-пашой, губернатором Измира Рахми-беем и Фетхи Окяром [514, стр. 141].

В результате попытка государственного переворота провалилась: Якуб Джемилль и его сторонники были аре-

стованы по приказу Энвер-паши. В ходе следствия было установлено, что в основе заговора лежало не только отрицательное отношение Энвер-паши и его приверженцев к сепаратному миру, но и противоречия внутри руководящих кругов «Иттихад ве теракки», в первую очередь противоречия между Энвером и Талаатом²². На следствии Якуб Джемиль заявил, что, «абсолютно не сомневаясь в катастрофических последствиях войны» для своей родины, он неоднократно обращался с предложением о сепаратном мире к председателю стамбульского отделения «Иттихад ве теракки», члену центрального комитета Кара Кемалю, Талаату, советнику военного министра Махмуду Кемаль-паше и, наконец, к Энвер-паше и садразаму Сайду Халим-паше, что Талаат и Кара Кемаль поддерживали его и даже садразам присоединился к его мнению (514, стр. 149]. В дни суда над Якубом Джемилем (в сентябре 1916 г.) Энвер-паша вынужден был выехать на встречу с германским генералом Макензеном, дав категорическое указание, чтобы вынесение приговора и тем более приведение его в исполнение были отложены до его возвращения. Тем не менее Талаат, опасаясь разоблачений со стороны Якуба Джемиля, немедленно привел смертный приговор в исполнение²³.

Глава VI

ВОЕННОЕ ПОРАЖЕНИЕ ТУРЦИИ И КРУШЕНИЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Борьба народных масс Османской империи против реакционного режима и кровавой империалистической бойни началась с первых же дней войны. Несмотря на то что эта борьба велась стихийно, она сыграла важную роль в банкротстве власти младотурок.

Младотурецкие лидеры в своих воспоминаниях старались изобразить дело так, будто до лета 1916 г., т. е. до Хиджазского восстания в Аравии и заговора Якуба Джемиля, на территории Османской империи не было

никаких выступлений против правительства и войны. Талаат-паша пытался убедить, что в первые два года войны народные массы терпеливо сносили все тяготы и ни из одного уголка империи не поступали жалобы [594, стр. 30]. В действительности, сразу после вступления Турции в войну в стране началась борьба против империализма, за хлеб и мир, которая продолжалась на протяжении всей войны. Она проходила в различных районах страны и в разных формах.

Как пишет Г. Лорей, начиная с осени 1914 и до конца 1915 г. турецкие обозы, направлявшиеся на Месопотамский фронт, подвергались систематическим нападениям курдов и арабов. Дело дошло до того, что в начале 1915 г. турецко-германское командование вынуждено было выделить для их охраны специальные отряды [312, стр. 320]. Одновременно германский военный комиссар в Палестине фон Люк издал приказ о том, что всякий, кто попытается напасть на турецко-германские транспорты и имущество, будет расстрелян на месте [99, л. 246].

На протяжении первой половины 1915 г. в ряде городов Сирии и Ливана (Бейруте, Дамаске, Алеппо и др.) происходили многочисленные народные демонстрации под лозунгами «мира и хлеба», причем были случаи вооруженного столкновения между демонстрантами и войсками [307, стр. 78—79]. Удобная для партизанской борьбы горная область Сирии Джебель-Друз вскоре стала центром борьбы против турецкого гнета в Сирии и Ливане, центром борьбы за мир. Этот район, находившийся под контролем друзских племенных вождей, в частности Селима аль-Атраша и Султана аль-Атраша, стал местом сосредоточения противников «Иттихад ве теракки» и дезертиров турецкой армии.

Как пишет д-р Нури Дерсими, в годы мировой войны национально-освободительное движение курдского народа значительно усилилось. В ряде районов Дерсима (на юго-

востоке Евфрата) были созданы даже органы местного самоуправления [506, стр. 13].

Сильны были антивоенные настроения в турецкой армии. Рядовой состав, почти полностью состоявший из крестьян, и прогрессивная патриотическая часть офицерства понимали, что война служит лишь интересам германского империализма и правящих кругов Турции.

Было бы наивным ожидать, что анатолийский крестьянин, оставивший дома в нищенском состоянии семью, будет слепым орудием захватнических планов германского империализма и пантюркистов. Поэтому многие солдаты — выходцы из крестьян — дезертировали из армии.

Февральская революция 1917 г. в России дала новый толчок волнениям и революционному подъему народных масс и армии Османской империи. Свержение 300-летней династии Романовых оказало огромное влияние как на союзников России по Антанте, так и на страны германо-турецкого союза. Однако правящие круги этих стран пытались изобразить, будто свержение царизма в России не имеет серьезного социально-политического значения, и якобы все дело в том, что Россия вышла из строя в военном отношении. Лидеры младотурок оценивали результаты февральской революции лишь с военной точки зрения. Так, Талаат-паша заявлял, что «свержение царизма в России является благоприятным и для Турции событием» [799, 9.У.1917].

Невзирая на подобные потуги младотурецкой верхушки, народные массы страны под влиянием русской революции усилили борьбу против империалистической войны. Важную роль в этом сыграло обращение пролетариата России к рабочим всего мира, в котором разоблачалась политика виновных в подготовке и развязывании мировой войны империалистических монополий и поддерживающих их буржуазных правительств. Аналогичное обращение Бакинского рабочего комитета,

которое было распространено через Кавказский фронт и в Турции, оказало большую помощь турецкому крестьянину и солдату в понимании характера империалистической войны '.

После Февральской революции большевики успешно проводили в русской "армии агитацию за братание солдат воюющих стран. Так, в одном из обращений русской Кавказской армии к турецким солдатам говорилось, что «эта война приносит пользу только императорам, султанам и их приспешникам. Как результат этой войны, которую не хотели ни мы, ни вы, явился голод. Знайте, что Энвер и Талаат из-за своих личных корыстных целей ведут, для пользы немцев, эту ужасную кровавую, уже 3-летнюю войну, от которой что вы получили? — разорение ваших семей, горе и рабское подчинение немцам. У вас, от ваших детей, 3/4 всего вашего скромного имущества (хлеба, сена, масла, скота и т. д.) отобрали и взамен выдали расписки, по которым вы никогда ни гроша не получите. Благодаря войне торговля совершенно упала, большинство полей не обработано, ваши семьи и дети голодают и холодают. Скажите, для чего все Это делается? Эта война, которая ведется на ваши кровные деньги, кому дала пользу? — г.г. Энверам, Талаатам, их приспешникам и интендантам: они разбогатели, а вы, бедные, что получили? — молодых убили, а дети ваши остались голодными сиротами. Скажите же, для чего все это? Вот для чего: для того чтобы вы, свергнутые в несчастье, не смогли бы разобраться в вас окружающем, и таким образом Энверы, Талааты и их приспешники были бы спокойны за свою власть. Разве не довольно уже крови? Разве горя и слез ваших детей недостаточно? Разве с глазами, полными слез, ваши отцы, матери, братья, жены и дети ваши не истомились в ожидании вас? Нет — довольно!

Мы, русские солдаты, объединились с народом, свергнули старое правительство и установили единение,

§0 г. з.

равенство и братство, и, протянув к вам, братьям, свою руку, — ждем и от вас того же. Свергните вашу узурпаторскую власть и виновников-немцев этой кровавой войны от себя изгоните. Когда вы это сделаете, то протяните нам вашу руку и война будет окончена.

Изгоните Энверов, Талаатов, их приспешников, чиновников и других лиц, на которых опираются ваше правительство и немцы. Да здравствует свободный турецкий народ! Да будет проклята война и ее продолжатели!» [106, лл. 107—108].

Эти призывы начали оказывать влияние прежде всего на турецкую армию. В ответном письме турецких солдат говорилось: «Свободные русские солдаты! Совершенная вами вместе с народом революция в самом деле вдохновляет всех, в том числе и нас... Мы совершенно согласны с вами, что мира ждет весь мир. Оттоманские солдаты приложат все усилия, чтобы добиться этого священного конца!» (106, л. 338].

К концу войны народные массы Турции не сомневались, что, независимо от победы той или иной стороны война дорого обойдется Турции. Враждебные армии, долгие годы сражавшиеся на фронтах разрушительной мировой империалистической войны, устали. Они искали любой возможности для заключения мира.

В донесении русского агента в Греции от 4 мая 1917 г. указывалось, что Февральская революция привела к сближению сражавшихся на Кавказском фронте русских и турецких войск и даже высшего командного состава. В нем, в частности, говорилось, что налицо «все признаки, свидетельствующие о том, что начнутся сепаратные мирные переговоры» [104, л. 156].

18 мая 1917 г. на Кавказском фронте турецкий офицер Осман-бей в сопровождении двух солдат явился в штаб русской армии. Делегация Осман-бея, по его словам, выехала из Стамбула с целью заключить перемирие с

русской армией, она побывала в турецких армиях на Сирийском, Мосульском и Кавказском фронтах и, наконец, турецким корпусным командиром была снабжена необходимыми документами. Осман-бей назвался представителем всей турецкой армии и заявил, что прибыл для установления дружбы между обеими сражающимися армиями. Он говорил, что распространенные в России лозунги «о равенстве всех народов» и «мира без аннексий и контрибуций» вдохновили всех патриотов,

306

Не пУтаются сохранить хотя бы чйбто турецкие области Анатолии [105, л. 238].

Осман-бей заявил, что империалистическая война вызвала среди широких народных масс Турции огромное недовольство и ненависть. После февральских событий в России народные массы в Турции начали все более ясно понимать, что младотурецкое правительство, как и царь, до сих пор обманывало их, скрывая от народа цели и характер войны. Турецкие патриоты ясно видели, что независимо от того, какие государства будут победителями, суверенитет Турции, само ее государственное существование находятся под угрозой.

Осман-бей далее сообщил, что и в Турции подготовлен план революционного переворота, но турецкие патриоты опасаются, что, воспользовавшись замешательством, вызванным переворотом, русские и английские войска оккупируют Турцию, а немцы в такой момент, несомненно, выступят как враги турок².

Одновременно с переговорами Осман-бея на Кавказском фронте усилилась деятельность оппозиционных младотуркам сил за рубежом. Один из руководителей партии «Хюрриет ве итилаф» в Париже Рашид-бей (бывший министр внутренних дел) заявил в министерстве иностранных дел Франции, что в настоящее время создалась

благоприятная обстановка для усиления борьбы против власти младотурок. Если союзные державы, говорил он, опубликуют обращение с предложением Турции мира и с призывом к турецким патриотам к восстанию, это создаст благоприятную возможность для патриотов изгнать группу Энвера — Талаата {224, стр. 214}.

Младотурецкое правительство не могло не видеть, что в стране назревают революционные настроения. Продолжая оставаться орудием агрессивных планов германского империализма и все еще не расставшись с безумными планами пантуранизма, младотурки вынуждены были встать на путь маневрирования. Они старались доказать, как признавался Талаат-паша, что их правительство «ведет оборонительную войну и неизменно стремится к миру» (104, л. 131).

Эту цель преследовала и поездка Талаат-паши в Берлин в апреле 1917 г. В то же время младотурецкое правительство хотело проверить в самой Германии распространившиеся в связи с вступлением США в войну

20*

307

на стороне Антанты (февраль 1917" г.) слухи о близком поражении Германии.

Садразам Талаат-паша, а также другие государственные деятели, побывавшие после него в Германии (принц Вахидэддин³. Джавид-бей, Джемаль-паша⁴ и др.), не могли не видеть неуклонного ослабления военно-экономического потенциала Германии и, напротив, дальнейшего усиления Антанты. Но тем не менее, руководители Турции не могли отказаться от ошибочных представлений о том, что ослабление военных сил России после Февральской революции даст Турции возможность приобрести «богатую добычу» на Востоке за счет своего соседа — России. Таким образом, мирные заявления младотурок не были искренними и были направлены главным образом на

успокоение общественного мнения. Турецкий посол в Берлине Селим Фуад, признавая тяжелое положение Турции, говорил в мае 1917 г., что, по мнению его правительства, «надежда на заключение мира с Россией, переживающей анархию и не имеющей устойчивого правительства, крайне ослабла». По его словам, младотурецкое правительство, назначив одного из видных деятелей «Иттихад ве теракки», бывшего министра внутренних дел Исмаила Джанбулат-бея, послом в Стокгольм, преследовало таким образом цель внимательно следить за событиями в России, чтобы четко определить свое отношение к вопросу о заключении сепаратного мира [104, л. 132].

Следует отметить, что державы Антанты не считали выгодным для себя заключение сепаратного мира. Временное правительство России, находившееся под их сильным влиянием, также заявляло о желании «продолжать в^йну до победного конца».

Поверенный в делах Временного правительства России в Швейцарии А. Мандельштам писал министру иностранных дел Терещенко, что в связи с пунктом президента США Вильсона об изгнании турок из Европы, отсутствием коренных изменений во внешней политике Временного правительства, особенно в отношении Проливов и Стамбула, бурная деятельность турецкой оппозиции с целью заключения сепаратного мира начала остывать. Таким образом, надежды широких народных масс России и Турции выйти из ненавистной империалистической войны путем заключения мира, усилившиеся после Февральской буржуазной революции в России, не оправдались из-за политики правящих кругов Турции и правительства А. Ф. Керенского.

Великая Октябрьская социалистическая революция пробудила Восток, вовлекла колониальные народы в русло мирового революционного движения. Советское правительство в своих первых внешнеполитических актах

указало человечеству выход из империалистической войны. «Декрет о мире», подготовленный В. И. Лениным и принятый 26 октября (8 ноября) 1917 г. Вторым съездом Советов, отражал жизненные интересы всех народов, в том числе колониальных народов Востока.

Другим важнейшим документом, воодушевившим национально-освободительную борьбу народов колониальных стран, была «Декларация прав народов России», выпущенная СНК 2 (15) ноября 1917 г. Эта декларация, являвшаяся программой действий Советского правительства в национальном вопросе, показала всему миру пример его разрешения. Установление Советской власти в России, провозглашение права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, уничтожение национального гнета, «завоевали русским рабочим доверие их классовых братьев не только в России, но и в Европе и в Азии, довели это доверие до энтузиазма, до готовности бороться за общее дело» [137, стр. 556].

Турецкий автор Омар Лютфи пишет, что, узнав о даровании Октябрьской революцией народам права на самоопределение, «каждый турок задавал себе вопрос: „Почему бы это право, предоставленное латышам, украинцам... грузинам, армянам и другим, не распространить и на турок?“» [728, стр. 276]. 15(28) ноября 1917 г. Советское правительство опубликовало историческое обращение «К народам воюющих стран», в котором предлагало заключить новые договоры и соглашения «со всеми народами, на основе сотрудничества» [768, 28.XI.1917].

Опубликование Советским правительством документов об агрессивной внешней политике царского, а также Временного правительства полностью разоблачило организаторов кровавой империалистической войны. Среди этих документов имелись и такие, которые предусматри-

§алй разДёл между империалистическими Державами стран Востока — Ирана, Турции и др.

Публикация секретных документов вызвала сильнейшую реакцию во всем мире. Поскольку младотурецкое правительство официально запрещало любую революционную пропаганду⁵, в турецкой печати документы о разделе Турции не были опубликованы. Эти документы сначала были опубликованы в Германии, а оттуда попали в Турцию⁶.

20 ноября (3 декабря) 1917 г. Советское правительство опубликовало обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» {см. 133, стр. 35}. В этом документе, напечатанном на языках мусульманских народов, излагались, в частности, основные принципы отношения Советского правительства к Турции.

Советское правительство заявило, что договоры о разделе Турции и захвате Проливов, заключенные царем и Временным правительством с империалистическими державами Запада, потеряли силу и что Советское правительство будет бороться против любой политики захвата территории других восточных народов {127, стр. 20}. Поэтому Черноморские проливы и Стамбул должны оставаться в руках самих турок.

Политика Советского правительства способствовала завоеванию доверия турецкого народа, подняла авторитет Советской республики.

Именно поэтому младотурецкое правительство после Октябрьской революции на словах стало выступать за мир с Советской Россией. 6 декабря 1917 г. министр иностранных дел Турции Ахмед Насими-бей заявил на заседании меджлиса, что «мы желаем мира с Россией, опирающегося на принцип добрососедства» [781, 1917, № 6/7]. Но это были неискренние слова, что и подтвердилось дальнейшим ходом событий.

15 декабря 1917 г. в Брест-Литовске было заключено

соглашение о приостановке военных действий между Советской Россией и Германией и ее союзниками еще на 28 дней, т. е. до 14 января 1918 г.⁷ В течение этого времени германские и турецкие армии не должны были продвигаться далее занимаемых ими позиций.

Турки же, воспользовавшись сложившейся в России обстановкой, решили оккупировать Закавказье и отторгнуть его от России. 9 января 1918 г. командующий Кавказским фронтом Вахиб-паша, по указанию Энвер-паши,

310

обратился через генерала Одишелидзе к председателю Закавказского комиссариата Е. П. Гегечкори с предложением «заключить мир между Турцией и Закавказьем на основе принципа взаимной справедливости». В то же время 30 января 1918 г. турецкая армия под предлогом борьбы против «армянских насилий» начала наступление на Кавказском фронте. 14 февраля был захвачен Эрзинджан, а 24-го — Трабзон. На возобновившейся в это время Брест-Литовской конференции турецкий представитель Ибрагим Хаккы потребовал отделения от России «Кавказского государства» и признания его «независимости» [724, стр. 190].

Притязания Турции на Закавказье во время Брест-Литовских переговоров были настолько чрезмерны, что это привело к серьезным разногласиям с Германией. Турецкие руководители, встретив ее серьезное сопротивление в вопросе захвата Закавказья и особенно Баку, решили захватить эту «заманчивую добычу» силой оружия, поставив таким образом Германию перед свершившимся фактом ⁸.

Согласно планам турецких правящих кругов оккупация Закавказья должна была создать «санитарный кордон» против распространения в Турции идей Великой Октябрьской социалистической революции. Они боялись распространения революции на Турцию, испытывали страх

перед тем, что в сердцах турок и других народов, страдавших под игом младотурок, как писала газета «Бакинский рабочий», разгорится пламя революции [757, ИЛУ. 1918]. Основатель Коммунистической партии Турции, пламенный патриот Мустафа Субхи 9 говорил в своем выступлении на Первом конгрессе Коминтерна в 1919 г., что турецкий посол Талиб Кемали (Сёйлемез-оглу) 10, прибывший в апреле 1918 г. в Москву вместе с германским послом Мирбахом, «непрестанно засыпал правительство Российской Советской республики своими нотами, требуя принятия мер для немедленной высылки нас (турецких коммунистов. — Г. А.) из России. В то же время он вел против нас агитацию среди мусульманского населения Ташкента, Оренбурга, Казани, Кавказа» [141, стр. 244]. Но попытки правящих кругов Турции преградить путь проникновению великих идей Октября оказались тщетными. Эти идеи самыми различными путями находили дорогу в Турцию и оказывали огромное влияние на воз-

ЗП

никновение в стране революционных пролетарских организаций.

Сразу после Октябрьской революции русские солдаты, находившиеся на фронтах, начали братание с солдатами враждебных армий, а также с местным населением на территории, занятой русскими войсками. Так, солдаты русской армии опубликовали на территории Ирана и Турции обращение под заголовком «Добрые вести» [102, л. 28]. Турецкие патриоты также выпускали листовки, направленные против «немецких хищников, высасывающих соки Турции, и их младотурецких сателлитов» {66, л. 100}. Турецкий историк Ахмед Рефик пишет, что русские солдаты в Трабзоне, получив известие о победе Октября, организовали радостные торжества, проводили среди местного населения широкую разъяснительную работу о целях и ходе революции и, как символ солидарности,

прикалывали туркам красные ленты [[630, стр. 21].

Халиде Эдиб на основе личных наблюдений писала, что в конце войны в горных районах вблизи Измира действовало много «разбойников» (так Х. Эдиб называла патриотов-партизан). Они грабили богатых, убивали чиновников и жандармов, но симпатизировали беднякам, помогали им [679, стр. 156].

Решение Советского правительства о выводе русских войск из Турции и Ирана оказало революционизирующее влияние на турецких солдат на Кавказском фронте. Измученные четырехлетней войной, морально надломленные, турецкие солдаты, семьи которых испытывали голод и нищету, стремились, подобно русским солдатам, скорее вернуться домой. Печать того времени сообщала, что солдаты турецкой армии «получают тайную революционную литературу и среди них распространяются идеи большевизма» [761, 17.XI.1918].

В своих записях Лиман фон Сандерс отмечал, что «до крайней степени уставшие от войны турецкие солдаты больше не хотели сражаться. Дезертирство теперь стало обычным явлением. Дезертиры, в отличие от прошлого, захватывали с собой винтовки, гранаты и даже пулеметы» [713, стр. 335].

Как писал поэт Назым Хикмет, в то время «каждый город и даже каждая небольшая деревня Анатолии с большим интересом следили за событиями в России» [762, 5.VI.1951].

Эти события повергли в панику правящие круги Турции. Всего лишь через несколько дней после победы Октябрьской революции, 12 ноября, газета «Сабах» в полкой растерянности писала: «Совершенно непонятно, какими путями и кем распространяется среди трудящихся подобная вредная большевистская пропаганда? Пропаганда, которая ведется под флагом недоверия к союзникам, в то же время направлена против правительства Турции».

Таким образом, под влиянием победы Октября в стране распространились лозунги прекращения империалистической войны, лозунги борьбы за мир, хлеб и свободу. Из записей одного турецкого дипломата видно, что после Октябрьской революции трудящиеся турецких городов, а также учащиеся часто устраивали демонстрации. В ряде крупных городов страны расходились революционные журналы и воззвания. В Стамбуле начали выходить журналы «Большевик» и «Бедняцкие солдаты» («Фукаре-и аскери»), а в Айдыне — «Крестьянин» («Чифтчи»). Воззвания, публикуемые на страницах этих журналов, призывали турецкий народ к борьбе против империализма и войны, за мир и свободу [118, лл. 19—20].

12 апреля 1918 г. в Стамбульском университете обсуждался вопрос о том, кому должна быть присуждена Нобелевская премия за этот год. Реакционная профессура, действовавшая заодно с младотурецким правительством и его германскими хозяевами, выдвинула кандидатуру главнокомандующего германской армией фельдмаршала Гинденбурга. Но студенты единодушно решили присудить премию В. И. Ленину. После этого события на самом видном месте университетского здания был вывешен портрет В. И. Ленина, который убрали лишь в феврале 1919 г. по приказу французского генерала Франше д'Эспере (405, стр. 203—204].

Большая заслуга в распространении в Турции идей Октября принадлежит турецким коммунистам, которые действовали в то время на территории Советской России и Закавказья.

В феврале 1918 г. по инициативе и под редакцией Мустафы Субхи стала выходить на турецком языке газета «Ени дюнья» («Новый мир»), которая нелегально

распространялась в Турции. Турецкие коммунисты старались подробно осветить в газете завоевания Октябрь-

313

ской революций, Декреты 6 мире и земле, советскую йб-

литику в национальном вопросе и т. д. [651, стр. 22].

Летом 1918 г. в Москве состоялась конференция левого крыла турецких социалистов, в которой приняли участие 13 делегатов от социалистических организаций (в основном представители турецких военнопленных в России). Она проходила под руководством Мустафы Субхи под лозунгом борьбы против турецких генералов, стремившихся захватить побережье Каспия, Иран и Туркестан.

Избранное конференцией Центральное бюро старалось расширить революционную работу среди турецких коммунистов и военнопленных на территории России и укрепить связь с коммунистическими организациями в Турции с целью оказать помощь национально-освободительному движению в Анатолии [651, стр. 55].

В 1918 г. группа турецких военнопленных получила от Советского правительства разрешение вернуться на родину. По указанию Центрального бюро большинство из них присоединилось к национально-освободительному движению, сыграв большую роль в укреплении патриотических чувств среди партизанских отрядов и «национальных обществ прав» и в ознакомлении их с революционными событиями в России. Бывшие военнопленные привезли с собой марксистскую литературу, в том числе переведенные на турецкий язык «Манифест Коммунистической партии», декреты Второго съезда Советов и др. По их инициативе была создана особая организация с центром в Стамбуле под названием «Объединенные штаты мусульманских революционеров», в которую входили городская беднота, рабочие, студенты, а также иранские, египетские, индийские и другие иностранные революционеры [79, лл. 20—21]. Эта организация направляла своих членов в Анатолию, где они вели антиимпериалистическую и антивоенную пропаганду среди крестьян и солдат.

Турецкие патриоты понимали, что падение царизма,

проводившего в отношении Турции захватническую политику, и провозглашение в России Советской власти открывают величайшие перспективы для будущего мирного и демократического развития Турции. Это сыграло важную роль в укреплении связей турецких патриотов с революционной Россией ". Касаясь программы действий турецких патриотов. Мустафа Субхи позднее от-
314

мечал, что турецкие коммунисты полны решимости бороться против империализма и его агентов в Турции [см. 141].

Антинародная и экспансионистская политика младотурецкого правительства, которое стало военной и финансовой марионеткой германского империализма, его неспособность (вернее — нежелание) правильно использовать благоприятные условия, созданные Октябрьской революцией, дорого обошлись Турции.

* * *

Уже с лета 1916 г. военное положение Центральных держав значительно ухудшилось. Поражение германской армии на западном фронте под Верденом, прорыв русской армии на юго-западном направлении австро-венгерского фронта и продвижение ее на 400 км привели к значительному ослаблению союзников Турции. Правда, приблизительно в это же время немцы разгромили значительную часть итальянской армии под Капуретто, а на Восточном фронте армия немецкого генерала Макензе-на разгромила румынские войска. Но эти относительные успехи не могли приостановить процесса истощения материальных и людских ресурсов Центральных держав. В сентябре и декабре 1916 г. Германия и ее союзники обращались через США к Антанте с предложениями заключить мир, но Антанта, уверенная в конечном поражении своих противников, отклонила эти предложения [319, стр. 247]. Самым слабым звеном возглавляемого Германией военного

блока была Турция. Процесс распада Османской империи в годы первой мировой войны был обусловлен успешными действиями англо-русских армий и борьбой народов империи против османского гнета.

Беззаконие младотурок, их политика грабежа и национального угнетения создавали британскому империализму благоприятные условия для использования в своих целях недовольных элементов империи. Воспользовавшись создавшимся положением, английское командование с конца 1916 г. сумело перехватить инициативу на Месопотамском фронте¹². Англичане значительно ускорили строительство железной дороги протяженностью 770 км для соединения Персидского залива с Центральным Ираком.

315

В начале 1917 г. на Месопотамском фронте хорошо вооруженной 160-тысячной английской армии противостояла Шестая турецкая армия под командованием Халил-паши, которая насчитывала всего лишь 16 тыс. человек [707, стр. 342]. Именно поэтому турки вынуждены были здесь отступить. 17 марта англичане захватили Багдад¹³. Правда, турецкая армия не была истощена до такой степени, как утверждала английская пропаганда; и оказывала упорное сопротивление. В сражениях под Газой, например, в марте—апреле 1917 г. англичане потеряли 6 тыс. человек, в то время как потери турок были в три раза меньше — 2 тыс. человек [707, стр. 269]. Однако последствия захвата англичанами Багдада оказались очень тяжелыми для Турции. Это привело к падению влияния турок среди арабов и одновременному укреплению английского влияния.

Следует отметить, что еще до Хиджазского восстания и захвата Багдада Англия использовала все средства, чтобы подогреть арабский национализм. В частности, она демагогически демонстрировала свою приверженность к

национально-освободительному движению арабов. Но после того как шериф Мекки Хюсейн принял вопреки английскому желанию титул «короля Хиджаза», Англия стала опасаться, что арабское национально-освободительное движение может обернуться и против самих англичан.

Потеря Багдада вызвала в Турции растерянность и уныние. 31 марта 1917 г. было созвано специальное закрытое заседание палаты представителей меджлиса, на котором участвовали Энвер-паша, Талаат-паша и все министры, а также Лиман фон Сандерс. На заседании было признано, что «Багдадская катастрофа окажет тяжелое влияние на всех мусульман». Несмотря на то что подавляющую часть участников заседания составляли «люди» Энвер-паши и Талаат-паши, 36 человек подвергли правительство суровой критике и заявили о своем несогласии с его политикой [104, л. 20].

Серьезное недовольство народных масс, патриотически настроенных офицеров и даже групп депутатов вызвал в это время и тот факт, что вместо принятия серьезных мер для отражения английского наступления на Месопотамском фронте по приказу Энвер-паши семь отборных турецких дивизий (120 тыс. человек) были направлены на помощь германо-австрийским армиям в Ру-

316

мынию, Галицию и Македонию 14. Кроме того, турецкое командование, по словам М. Ларше, ежемесячно эвакуировало только с Месопотамского и Синайского фронтов в среднем около 4 тыс. больных и раненых, и восполнение этих потерь стало для Турции сложнейшей проблемой [707, стр. 273].

Выход из тяжелого положения, сложившегося на Месопотамском фронте, германо-турецкое командование видело в создании армейской группы под громким названием «йылдырым» («Молния»). Основная задача этой

группы, сформированной из остатков потрепанных в боях и уставших частей, заключалось в том, чтобы отбить Багдад у противника. Руководство группой «Йылдырым» почти целиком находилось в ведении немцев — 65 офицеров во главе с генерал-фельдмаршалом Фалькенгай-ном, который был уволен с поста начальника генерального штаба Германии после Верденской битвы.

Для определения задач армейской группы «Йылдырым» летом 1917 г. в Алеппо было созвано специальное военное совещание, на котором присутствовали Энвер-паша, Джемаль-паша, Фалькенгайн, Лиман фон Сандерс, командующие армиями, входящими в группу, Ха-лил-паша и Мустафа Кемаль-паша, а также ряд других генералов. Группа «Йылдырым» насчитывала всего 38 тыс. солдат и офицеров и 260 орудий, тогда как английская армия, с которой она должна была сражаться,—190 тыс. человек и 430 орудий 15. Тем не менее германское командование настаивало на проведении немедленной наступательной операции с целью захвата Багдада, стараясь даже ценой потери этой армейской группы восстановить свой «пошатнувшийся престиж». Точку зрения немцев поддерживал и Энвер-паша. Турецкие генералы утверждали, что группа не в состоянии предпринять наступательную операцию и может быть готова к этому лишь после того, как к ней присоединятся значительные германские силы [ШО. л. 3]16.

Февральская и в особенности Октябрьская революция в России фактически привели к ликвидации Кавказского фронта. Только в декабре 1917 г. с этого фронта ушло 40 тыс. русских солдат, что дало возможность турецкому командованию снять значительную часть войск и перебросить их на Месопотамский фронт против английской армии..

317

Однако младотурки не воспользовались этой возмож-

ностью, и, увлекшись пантюркистскими идеями, стремились к оккупации Закавказья, оставляя наиболее опасные Месопотамский и Палестино-Синайский фронты на произвол судьбы.

На Палестинском фронте английские войска под командованием генерала Алленби, имея превосходство над турецкими силами в несколько раз, перешли в наступление и в течение ноября — декабря 1917 г. захватили крупные города — Газу, Яффу и Иерусалим. В этих боях группировка «Йылдырым» потеряла около одной трети живой силы и половину артиллерии.

К концу 1917 г. Турция отобщиливала большую часть своих людских резервов. В армию была привлечена вся молодежь призыва 1918, 1919 и даже 1920 гг.

[707, стр. 126].

К этому времени Османская империя лишилась Хид-жаза, Южной Палестины, значительной части Ирака. Потери Турецкой армии достигли 600 тыс. человек, в том числе 400 тыс. убитых и умерших от ран, 100 тыс. раненых, 80 тыс. пленных и пропавших без вести [658, стр. 252].

* *

27 ноября 1917 г. Германия и Турция подписали специальное соглашение о сотрудничестве до конца войны, которое запрещало сторонам заключать сепаратный мир. Для «поощрения» Турции немцы внесли в соглашение особый пункт «о тесном сотрудничестве обеих союзных сторон в распределении захваченной у врага добычи» [140, стр. 51].

Таким образом, германская военщина поддерживала бредовую идею младотурок о создании «Великого Тура-на» за счет оккупации Закавказья и Средней Азии, Командующий Шестой турецкой армией Халил-паша, когда речь заходила о Месопотамии, часто полуслуштал говорил, что «нам гораздо выгоднее сдать англичанам } эти проклятые песчаные пустыни и взамен захватить Туркестан. Там я

создам для своего маленького Чингиза (сын Халил-паши. — Г. А.) новую державу (см. 780].

Как было сказано выше, продвижение турецкой армии на Кавказском фронте в начале 1918 г. вселило в младотурецкое правительство уверенность. Продолжая

318

Нарушать и без того тяжелые для Советской России условия Брест-Литовского мира, оно стремилось захватить все Закавказье и особенно Азербайджан.

Захвату турками территории Закавказья содействовала предательская политика «Закавказского сейма», который отражал интересы местных эксплуататорских классов. 14 марта 1918 г. в Трабзоне открылась турецко-закавказская конференция. Закавказскую делегацию возглавлял руководитель «сейма» меньшевик А. И. Чхен-кели 17, а турецкую — министр иностранных дел Хюсейн Рауф-бей. Работа конференции не привела к положительным результатам. Причиной этому были крайне тяжелые условия, выдвинутые Турцией, а также противоречия между закавказскими правительствами 18.

После этого, 26 марта 1918 г., турецкие войска на Кавказском фронте перешли в наступление. Турецкое командование придавало большое значение захвату Баку. Еще до начала наступления, 22 марта, брат Энвер-паши Нури-паша в сопровождении нескольких офицеров выехал из штаба Шестой армии в Мосуле в Южный Азербайджан. В ходе тайных переговоров Нури-паши и Халил-паши с мусаватистами было достигнуто соглашение о том, что мусаватисты поднимут восстание и тем самым помогут турецкой армии захватить Азербайджан.

31 марта в Баку мусаватисты подняли мятеж, но Бакинская коммуна быстро подавила его. Наступление же турецкой армии продолжалось. Турецкое командование перебросило 15-ю дивизию из Румынии на Восточный фронт. 25 апреля турецкие войска захватили Каре, а через два дня — Батум

(Батуми).

Вместо того чтобы противодействовать турецкому наступлению, «Закавказский сейм» решил принять турецкие требования. Турки делали вид, что готовы заключить перемирие, а сами продолжали наступательные операции. В это время Энвер-паша, недавно получивший звание генералиссимуса, и новый министр иностранных дел Халил Ментеше прибыли в Батум, где начали вести переговоры с «представителями» горцев Северного Кавказа (Дагестана, Терской области, Кубани и Абхазии).

11 мая 1918 г. была провозглашена так называемая независимость горцев Северного Кавказа. Было ясно, что турки стремились захватить не только Закавказье, но и Северный Кавказ.

319

15 мая турки захватили Александрополь (ныне Ле-нинакан). Остатки разгромленной дашнакской армии (около 300 человек) отступили к Дилижану (368, стр. 398].

Командующий этой армией генерал-лейтенант Назарбеков согласился не препятствовать продвижению турецких войск вдоль железнодорожной линии Александрополь— Джульфа к Тебризу и Баку. Одновременно часть турецкой армии двигалась по шоссейной дороге к Тифлису. Однако Германия не желала допустить оккупации Грузии своими союзниками турками. Германские империалисты считали, что при активной поддержке грузинских меньшевиков им удастся захватить бакинскую нефть.

К этому времени германо-турецкие противоречия из-за Закавказья крайне обострились. Людендорф, обвиняя турок в «жадности», писал, что они, увлекшись панисламистскими планами Энвер-паши, приступили к захватам на Кавказе и почти забыли о войне против Англии. Турецкая армия «единолично присвоила все продовольствие, захваченное в Закавказье, и поэтому, если Германия желает получить нефть из Баку, должна

рассчитывать лишь на свои силы» [319, т. 2, стр. 187— 188]. Именно поэтому немцы, по словам фон Лоссова, взяв на себя «посредничество» между Турцией и Закавказьем [134, стр. 307], в то же время высадили в районе Потти около двух пехотных полков под командованием фон Крессенштейна [707, стр. 152].

На Батумской «мирной» конференции «Закавказский сейм», ведший переговоры с Турцией, все еще имел полномочия представлять все три республики. 4 июня был подписан «Договор о мире и дружбе», который устанавливал границы, существовавшие до Адрианопольского русско-турецкого мирного договора 1829 г. Таким образом, по Брест-Литовскому и Батумскому договорам к Турции перешла территория в 38 тыс. кв. м с населением 1250 тыс. человек [368, стр. 366].

Министр иностранных дел Халил Ментеше, отклонив германское «посредничество», потребовал от «Закавказского сейма» открыть дорогу для продвижения турецких войск вдоль железнодорожной линии Батум — Баку. Он пытался объяснить это решение своего правительства необходимостью борьбы против большевизма. Не видя никакого выхода из сложившейся обстановки, «Закавказский сейм» 26 мая 1918 г. объявил о самороспуске. За-

320
кавказские республики — Азербайджан, Грузия и Армения — провозгласили себя «независимыми» [134, стр. 162].

Нури-паша, прибывший 25 мая в Гянджу по «приглашению» мусаватистов, по указанию Энвер-паши приступил к формированию «исламской армии» (701, стр. 152).

Следует отметить, что мусаватистское правительство, которое возглавлял Хан-Хойский, всячески содействовало укреплению турок в Закавказье.

С целью воспрепятствовать дальнейшему продвижению турок в Закавказье германское командование выделило отряд (два батальона), который 10 июня 1918 г. по

«приглашению» меньшевистского правительства Грузии прибыл в Тифлис.

Было совершенно ясно, что в условиях продолжавшейся мировой войны между Германией и Турцией разгорается борьба за Закавказье. Через четыре дня после прибытия германских войск в Тифлис, 14 июня, турецкая армия, двигавшаяся вдоль железной дороги Эри-ван— Джульфа, захватила Тебриз.

Турецкий генеральный штаб считал, что с оккупацией Баку и Южного Азербайджана будет выполнена основная часть задачи пантуранизма и в то же время турецкая армия создаст угрозу англичанам с тыла Месо-потамского фронта. Касаясь первой части этой задачи, Мехмед Фуад (Кёпрюлю) писал в газете «Терджюман-и хакикат»: «С точки зрения национальной Тебриз может стать вторым тюркским культурным центром после Стамбула. Он в то же время может стать важнейшим звеном связи между Турцией и Ираном» [800]. Оккупация Тебриза разогрела аппетиты турок.

Халил-паша со штабом в Александрополе и «исламская армия» Нури-паши в Гяндже готовились к захвату Баку. «Исламская армия» в конце июня 1918 г. начала наступление в направлении Баку.

Английские вооруженные силы в Иране при поддержке отряда Л. Бичерахова и внутренней контрреволюции захватили 4 августа Баку. Германское командование, которое еще недавно само думало о захвате Закавказья и особенно Баку, теперь, после вступления сюда англичан, стало всеми силами помогать наступлению турок [724, стр. 210].

Советское правительство через свое представительство в Берлине заявило решительный протест против

21 Г. 3. Алиев

321

наступления на Баку турецких войск. Но Советская Россия в

то время не смогла выделить достаточных сил, чтобы изгнать из Баку англичан и организовать оборону против турецко-германского наступления. Смешанные силы (части дашнаков, белогвардейцы, бичераховцы, а также около 1200 английских солдат), взявшие на себя «оборону» Баку, не смогли устоять перед турками.

Державы Антанты, и в первую очередь Англия, допуская захват Закавказья турецкой армией, преследовали двоякую цель: во-первых, задуть руками турок революционное движение в Закавказье, во-вторых, ослабить турецкие войска на Месопотамском фронте и в конце концов захватить Турцию вместе с вновь приобретенными ею территориями.

К середине сентября 1918-г. уже не было никаких сомнений в неизбежном поражении Германии и ее союзников. 19 сентября английские войска в Палестине под командованием генерала Алленби, прорвав фронт в районе между рекой Иордан и Средиземным морем, начали успешное наступление. 25 сентября армейская группа «Иылдырым» под командованием Лимана фон Сандерса потерпела поражение. 1 октября англичане захватили Дамаск, а несколько позже — Алеппо. В середине октября другой отряд английской армии под командованием генерала Маршалла приблизился к Мосулу.

К концу войны на этом фронте англичане в три-четыре раза превосходили турок в пехоте, и в десять — в кавалерии и артиллерии.

В результате боев, происходивших в сентябре — октябре 1918 г. на Месопотамском фронте, англичане захватили 75 тыс. пленных и 360 орудий, потери английской армии составили 5 тыс. человек [707, стр. 307].

Военные операции на Балканах и в Европе привели к постепенной изоляции Турции и прекращению ее связей с союзниками. 29 сентября 1918 г. капитулировала Болгария, и король Фердинанд отрекся от престола в пользу своего

сына Бориса. 5 октября в Германии было сформировано новое правительство во главе с Максом Баденским, которое немедленно обратилось к президенту США Вильсону с просьбой о мире. В этот же день с аналогичной просьбой обратилась Турция, а двумя днями позже, 7 октября, — Австро-Венгрия. США отклонили просьбу Германии и Австро-Венгрии, а на ноту Турции

322

даже не был дан ответ [398, т. 3, стр. 195]. Судьба Центральных держав была решена.

В такой катастрофический момент партия «Иттихад ве теракки» не могла оставаться у власти. Те силы, которые в течение десяти лет правления младотурок были их социальной опорой, теперь отвернулись от «Иттихад ве теракки», считая ее главным виновником бедствий, обрушившихся на страну.

Противоречия в центральном комитете «Иттихад ве теракки» приняли острый характер. 7 октября 1918 г. комитет большинством голосов вынес решение об отставке правительства Талаат-паши, которая последовала на следующий день, 8 октября. Правящие круги Турции старались теперь создать правительство, которое могло бы найти общий язык с Антантой и добиться относительно легкого мира, однако сделать это сразу не удалось.

Султан Вахидэддин и придворные круги хотели назначить на пост садразама бывшего турецкого посла в Англии Тевфик-пашу. Но младотурки, которые широко проникли в государственный аппарат и различные организации, долго сопротивлялись этому, стараясь взамен кабинета Талаат-паши создать близкое себе правительство.

Правительственный кризис затянулся почти на неделю, 13 октября собралась палата представителей, где младотурки по-прежнему составляли большинство. Чтобы выиграть время и скрыться, они старались хотя бы на время задержать приход своих противников к власти.

Одновременно возрастало давление антантофильской партии «Хюрриет ве итилаф». 14 октября был достигнут своеобразный компромисс.

В этот день было сформировано новое правительство во главе с маршалом Ахмедом Иззет-пашой 20. Младотуркам удалось провести в состав этого правительства несколько своих сторонников. Так, например, министром внутренних дел стал бывший посол в Софии Али Фехти-бей (Окяр), а министром финансов Джавид-бей, ранее занимавший этот же пост.

Некоторые группировки требовали назначить военным министром Мустафу Кемаль-пашу, но султанский двор помешал этому²¹.

Первой и главнейшей задачей правительства Иззет-паши было заключение соглашения о перемирии с Антантой. С этой целью новое правительство составило

21*

323

специальную миссию во главе с морским министром Хюсейном Рауф-беем. Миссия обратилась к генералу Таунсенду, находившемуся в турецком плену, с просьбой о посредничестве между Турцией и английским командованием. Таунсенд изъявил согласие и в сопровождении губернатора Измира Рахми-бея 20 октября отправился в английский штаб на о-ве Лемнос, где 27 октября 1918 г. состоялась встреча между английским адмиралом Калторпом и турецкой делегацией.

Султанский двор и новое турецкое правительство поручили своей делегации принять все условия англичан. По словам Мустафы Кемаль-паши, султан Вахидэддин открыто говорил, что «мы примем все условия англичан, какими бы они тяжелыми ни были... Я считаю, что англичане останутся верны многовековой дружбе и симпатии, которые питают к нам. Пройдет немного времени и мы добьемся их милости» [286, т. 2, стр. 354].

В результате переговоров на о-ве Лемнос 30 октября 1918 г. на палубе английского военного корабля «Агамемнон», стоявшего в заливе Мудрое, было подписано соглашение о перемирии.

По Мудросскому перемирию, Турция обязана была безоговорочно сложить оружие и отдаться на милость победителя. Все важнейшие военно-стратегические и экономические центры страны подлежали оккупации войсками Антанты. Все стратегические железные и шоссейные дороги, транспортные средства, запасы продовольствия и топлива переходили в распоряжение Антанты. Военнопленные стран Антанты должны были быть немедленно отправлены на родину, а турецкие военнопленные пока оставались в распоряжении Антанты. Условиями перемирия особо предусматривалось, что Турция должна отозвать свои войска из Закавказья, уступив свое место вооруженным силам Антанты.

Мудросское перемирие не оставило у турецкого народа сомнений в том, что единственное средство защиты национальной независимости заключается в борьбе против империалистических колонизаторов.

Еще в дни формирования нового кабинета, с 14 по 19 октября 1918 г., состоялся последний съезд партии «Иттихад ве теракки». Талаат-паша, в первый же день выступивший с политическим докладом, открыто признал полное банкротство младотурок. Стараясь оправдать вступление Турции в войну, он говорил, что «мы искали

324

союзников, потому что не были сильны. А между тем государства, с которыми мы желали войти в союз, сами стремились найти сильных союзников» [803, 9.УП.1921]. Затем Талаат-паша сказал, что, «поскольку наша политика потерпела провал, отныне мы не можем оставаться у власти» [286, т. I, стр. 362; 803, 12.УН.1921].

2 ноября 1918 г. корабли с десантными войсками при-

близились к Стамбулу. В связи с этим центральный комитет «Иттихад ве теракки» «посоветовал» младотурецким лидерам покинуть страну.

В ночь на 3 ноября Энвер-паша, Талаат-паша, Дже-маль-паша, видные руководители центрального комитета партии д-р Назым, Бахаэддин Шакир и другие погрузились на германский военный корабль и бежали из Стамбула в Одессу, а оттуда — в Германию²². Незадолго до этого младотурецкие лидеры написали садраза-му Иззет-паше письмо, в котором, стараясь оправдать себя, писали, что они и «впредь будут бороться против врагов Турции» и, как только иностранные войска покинут Турцию, они «предстанут перед нацией, если она потребует отчета» [524, стр. 1943—1944].

Как пишет Омар Лютфи, Энвер-паша старался уверить правительство Иззет-паши в том, что он «будет стараться создать независимое мусульманское государство на Кавказе» [728, стр. 277].

На последнем съезде «Иттихад ве теракки» выявилось два противоположных течения. Одно из них (меньшинство) настаивало на самороспуске и уходе с арены политической деятельности²³. Второе (большинство) — стремилось сохранить партию «Иттихад ве теракки» под другим названием. Сторонники второго течения настаивали на том, чтобы вновь создаваемая партия сохраняла прежнюю программу с незначительными изменениями и весь состав партии, за исключением младотурок, сыгравших заметную роль в ее политической жизни в годы войны.

После долгих дебатов съезд принял предложение большинства. Вместо партии «Иттихад ве теракки» было решено создать новую партию под названием «Теджад-дуд» («Возрождение»). Съезд избрал правление (центральный комитет) партии и принял устав²⁴.

Последний съезд «Иттихад ве теракки» показал, что разговоры об отходе от политической деятельности были

лишь политическим маневром младотурок. На самом же
325

деле «Теджаддуд» была «наследницей партии „Иттихад ве теракки“, официально заявившей о самороспуске и уходе с политической арены» [604, стр. 412]. Эта партия также сохранила в своей программе лозунги младотурок о «конституционном халифате», «османском идеале» и т. п. Подобной тактикой младотурецкая буржуазия преследовала цель сближения с Антантой, которая одержала в войне победу и начала оккупацию территории Турции. Но народные массы, испытавшие на себе деятельность младотурок в 1908—1918 гг., не сомневались, что наследница младотурок — партия «Теджаддуд» будет иметь все пороки своей предшественницы и в конце концов обанкротится. Так оно в конце концов и было. Таким образом, катастрофические последствия мировой войны, расстройство экономики страны, неустойчивость государственного устройства, банкротство позорной пантюркистско-панисламистской политики младотурок, освободительная борьба нетурецких национальностей — все это положило конец господству партии «Иттихад ве теракки», а вместе с тем и самому существованию Османской империи,

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщения, вытекающие из анализа истории младотурецкой революции и внутренней политики турецкого правительства в 1908—1918 гг., сводятся к следующему:

1. Развитие капитализма в Турции началось с конца XIX в., так как процесс разложения и гибели феодальной общественной формации в силу ряда исторических причин здесь сильно затянулся. Переход от феодализма к капитализму происходил медленными темпами и в крайне противоречивой обстановке. Основной отраслью народного

хозяйства по-прежнему оставалось необычайно отсталое сельское хозяйство. Не только мелкие, парцеллярные хозяйства, но и крупные помещичьи поместья обрабатывались примитивными орудиями.

Производительным силам соответствовали и производственные отношения. Земля, основной источник национального богатства, почти полностью находилась в собственности феодально-помещичьего класса — султана, принцев, принцесс, представителей старой и новой феодальной знати, духовенства, бюрократии и отчасти торгово-ростовщического капитала.

Взаимоотношения турецких помещиков и крестьян представляли собой яркий образец полукрепостнических отношений, в основе которых лежали собственность помещиков на средства производства, примитивнейшая техника и внеэкономическое принуждение.

Земельные магнаты обладали широкими политическими правами — налоговым иммунитетом, правом поставлять кадры султанской администрации и т. д. и, естественно, были заинтересованы в сохранении существующе-

327

го режима в Турции. Отсутствие прочного государственного правопорядка давало таким крупным землевладельцам, как Сюрейя-бей (в Албании), Ибрагим-паша (в Курдистане) и другим, возможность беспощадно грабить не только крестьян, но и мелких помещиков. В силу этого значительная часть помещичьего класса выступала за установление буржуазного правопорядка, за целостность и безопасность их имущества, обеспечение прав личности и собственности и т. д. Недовольство этих кругов особенно усилилось в период «зулюма».

2. Крайне отсталой была и промышленность Турции. К XX в. в стране существовали лишь зачатки современной индустрии в виде отдельных предприятий легкой промышленности. Отсталость сельского хозяйства,

нерешенность аграрного вопроса, господство докапиталистических отношений в деревне, народная бедность, отсутствие сколько-нибудь сносных путей сообщения, экономический, политический и финансовый гнет со стороны иностранных монополий, султанский феодально-деспотический режим — все это препятствовало развитию промышленности.

3. Феодальные порядки, сдерживая рост национального рынка и консервируя докапиталистические отношения, препятствовали развитию национальной буржуазии. Политика подчинения страны иностранным монополиям, проводившаяся султанским двором, отсутствие таможенных барьеров, произвол султанской администрации не могли не вызвать недовольство медленно складывавшейся национальной буржуазии.

Вместе с тем та часть турецкой буржуазии, которая была экономически тесно связана с феодальными формами эксплуатации, в начале XX в. не имела ясного классового самосознания и собственных политических организаций, за исключением чисто коммерческих гильдий.

Радикально настроенная часть буржуазии пыталась говорить и действовать от имени народа, но ее выступления были непоследовательны, своекорыстны, трусливы. Она боялась развития и углубления революционного движения, выступала в союзе с либеральными помещиками и духовенством, старалась не обострять отношений с султанской властью.

Консервативно настроенная часть национальной буржуазии, ашрафы, компрадоры всячески поддерживали султанский деспотизм и полигику империализма.

328

Инонациональная компрадорская буржуазия, занимавшая ключевые позиции в экономике страны, особенно во внешней торговле, и тесно связанная в своей деятельности с иностранным капиталом, сыграла не последнюю роль в

превращении Османской империи в полуколонию. Будучи агентурой иностранных империалистов, она содействовала захвату ими железнодорожных, банковских, горнодобывающих концессий.

Тем не менее и эта часть буржуазии испытывала на себе тяжелый гнет абдулхамидовской тирании. Этим и объясняется связь определенных групп компрадорской буржуазии с буржуазно-революционными силами страны.

4. В рассматриваемый период в Турции отсутствовал фабрично-заводской пролетариат. Рабочий класс в основном представляли десятки тысяч работников мануфактуры, табачных и горнодобывающих предприятий, транспорта, работники различных мастерских и учреждений — таможен, рыбных промыслов, типографий и т. п. У рабочих Турции не было ни профессиональных союзов, ни партии. Чрезвычайно отсталые в политическом отношении, они, как и мелкобуржуазные слои населения, шли за либеральной буржуазией.

5. Многочисленное мусульманское духовенство, особенно его верхушка, также являлось привилегированной частью турецкого общества. Духовные магнаты обладали обширными земельными угодьями (вакф), на которых эксплуатировалось трудящееся крестьянство, спекулировали хлебом и другими продуктами. Паразитическое существование за счет народа вели также бесчисленные муллы, софты и др. В руках духовенства был религиозный суд, сбор религиозных налогов, народное просвещение и т. п. Пользуясь исключительно большим влиянием на невежественное население, разжигая религиозный фанатизм, духовенство не довольствовалось ролью служителей культа, а Добивалось господства в стране, вплоть до подчинения себе светской власти.

6. Османская империя была конгломератом

многочисленных народов, народностей и племен, стоявших на различных ступенях общественно-экономического и культурного развития. Сложный государственный организм империи сочетался с относительной простотой высшего управления.

С целью удержать эти народы в повиновении админи-
329

Страция султана Абдул Хамида прибегала к любым средствам¹—от применения султанских указов прошлых времен до жестокого террора, погромов, подкупов и т. п. Следуя принципу «разделяй и властвуй», султанская администрация натравливала один народ против другого, рассчитывая таким путем сохранить империю.

Однако по мере нарастания освободительного движения взаимная неприязнь между отдельными народностями постепенно исчезала, превращаясь в общую ненависть к турецкому владычеству.

7. Одна из важнейших причин упадка Османской империи — разложение государственного аппарата. Внутренний грабеж был двигательной пружиной феодально-теократического режима Абдул Хамида II. Казнокрадство, взяточничество и другие виды злоупотреблений приобрели право гражданства во всех ведомствах и учреждениях страны, особенно в «эпоху зулюм».

Правосудие в стране являлось фикцией. Важнейшими орудиями деспотического режима были тайная полиция и широкая сеть шпионажа, тесно связанные с деятельностью централизованной цензуры.

Государственное управление Османской империи при Абдул Хамиде было реакционным как по форме, так и по духу.

8. Процесс формирования турецкой национальной буржуазии как новой общественной силы тесно связан с возобновлением в конце XIX — начале XX в. младотурецкого движения. Младотурки стремились

.объединить все недовольные существующим режимом элементы не: независимо от их политической окраски. Тем самым они лишали себя политического единства.

Пестрый социальный состав, идейный разброд, отсутствие четкой политической платформы и тактической линии — все это ослабляло и без того немощное младоту-рецкое общество «Иттихад ве теракки», лишало его : поддержки широких народных масс.

Младотурецкое движение не пользовалось поддержкой и прогрессивной общественности Европы, которая не верила в жизнеспособность и силу этого движения и видела единственный выход для Турции в проведении реформ под непосредственным контролем великих держав.

Великие державы, однако, преследовали собственные империалистические планы в отношении Турции и на 330

всякое движение против абдулхамидовского деспотизма смотрели с точки зрения своих интересов. Они по существу являлись союзниками турецкого султана, когда речь шла о подавлении революционного, национально-освободительного движения нетурецких народов.

В силу этого в борьбе против кровавой диктатуры Абдул Хамида и внутренней и внешней реакции, которая ее поддерживала, постепенно происходила консолидация всех антифеодальных, антиимпериалистических сил.

9. Огромное влияние на консолидацию прогрессивных сил Турции оказала первая русская буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг.

В различных частях обширной Османской империи, в турецкой армии и на флоте вспыхнули серьезные волнения. Созванный в Париже в конце 1907 г. конгресс всех буржуазно-революционных организаций Турции выработал политическую платформу и план тактических действий, принятые всеми партиями и группами, которые вели борьбу с деспотическим режимом Абдул Хамида.

Решение конгресса о вооруженном восстании явилось ярким примером революционизирующего влияния событий 1905—1907 гг. в России на все прогрессивные, демократические силы Турции.

10. Буржуазная революция 1908—1909 гг. в Турции дала новый горючий материал для того революционного пожара, который после первой русской революции охватил почти все страны Востока.

События в Османской империи полностью подтвердили слова В. И. Ленина: «Горючий материал так быстро растет во всех передовых государствах мира, пожар так явно перекидывается на большинство государств Азии, вчера еще спавших глубоким сном, что усиление международной буржуазной реакции и обострение всякой отдельной национальной революции абсолютно неизбежны» (18, стр. 182—183].

Младотурецкая революция, несмотря на ее верхушечный характер, имела большое значение для истории Турции. Она нанесла серьезный удар по деспотической монархии Абдул Хамида, пробудила широкие массы народа к сознательной политической жизни и к борьбе против пережитков феодализма и засилья иностранного капитала.

Турецкая революция 1908—1909 гг. восстановила конституцию 1876 г. и в значительной степени подгото-

вила условия для национально-освободительной борьбы турецкого народа против империалистических завоевателей в 1918—1923 гг. и ликвидации власти османских султанов.

11. Государственный механизм иттихадистской Турции, несмотря на его конституционную оболочку, мало чем отличался от абдулхамидовского и, как признавал впоследствии один из младотурецких лидеров, Талаат-паша, «был всего лишь просвещенным деспотизмом» [594, стр. 67]. Своеобразные институты государственного управления, созданные

младотурками, являлись непосредственными инструментами для подготовки классового господства буржуазии.

Младотурки не понимали создавшейся обстановки и к большинству текущих вопросов экономической и политической жизни страны, ее внутренней и внешней политики подходили с идеалистических позиций. Так, лидеры «Иттихад ве теракки», принимая какие-либо решения, не заботились о проведении их в жизнь. Даже те минимальные правовые нормы, которые были установлены революцией 1908—1909 гг. в интересах буржуазно-помещичьих кругов, не сумели приобрести силу закона. Буржуазно-помещичье государство не могло обеспечить развития демократии. Младотурецкие лидеры весь государственный аппарат и само понятие закона превратили в орудие военно-политических авантюр и своих личных интересов. Неудивительно, что вместе с банкротством младотурецкого режима потерпел полное фиаско и их политический идеализм.

12. Первая турецкая революция глубоко всколыхнула нетурецкие народы Османской империи. Лозунги, выдвинутые младотурками в борьбе против султанского деспотизма («свобода, равенство и братство» и др.), были с энтузиазмом восприняты общественным мнением этих народов. Победа революции оказалась возможной именно благодаря широкой поддержке ими младотурок.

Однако младотурецкая буржуазия по своей классовой природе не могла быть сторонницей равноправия народов. С одной стороны, она пропагандировала идеи османизма, чтобы разоружить народы, которые вели борьбу за свой национальный суверенитет, а с другой — разрабатывала великодержавную идеологию пантюркизма в ее шовинистическом и расистском толке, чтобы под-
Готовить «свой», турецкий, народ к продолжению захват'

нической политики султанов.

Обе отмеченные формы национализма, несмотря на кажущиеся различия, служили одной и той же цели — укреплению власти национальной буржуазии, сохранению и расширению Османской империи.

Такое «решение» младотурками самой сложной проблемы общественной жизни страны — национальной проблемы — породило глубокое недоверие и подозрительность нетурецких народов империи и привело к созданию ими ряда новых буржуазно-националистических организаций, возникших в условиях нового подъема национально-освободительного движения.

Можно без преувеличения сказать, что среди причин распада и крушения Османской империи важное место занимает борьба покоренных турками народов против национального гнета.

13. Младотурецкий режим не сумел разрешить аграрно-крестьянский вопрос.

В основе аграрной политики младотурецкого правительства лежала поддержка крупнопомещичьего хозяйства при сохранении безземелья и малоземелья основной массы крестьян.

Младотурецкая революция способствовала усилению процесса концентрации земли в руках крупных земельных собственников. Одновременно продолжался затяжной процесс разложения феодализма и развития капиталистических отношений в деревне, в результате чего создавались благоприятные условия для паразитической деятельности торгово-ростовщического капитала. Законодательные акты, принятые младотурками в 1909 и 1913 гг., свидетельствовали об их стремлении создать и юридически укрепить более или менее устойчивые условия для развития капитализма в деревне. Но в конечном итоге и эти незначительные шаги не были осуществлены главным образом потому, что оказались слишком слабыми для

уничтожения докапиталистических пережитков и освобождения страны от империалистической зависимости.

В таких условиях, разумеется, крестьянство могло добиться уступок у правящих кругов • только революционной борьбой.

14. Младотурки не улучшили положения и молодого турецкого пролетариата, который, несмотря на свою ма-

333

ЛбчйсЛенность и неорганизованность, был вовлечен в революционное движение, в первые же дни после провозглашения конституции. Характерно, что забастовочное движение турецких рабочих было направлено как против иностранных монополий, так и местных эксплуататоров. Приняв 9 августа 1909 г. закон «О забастовках», вернее о запрещении забастовок, младотурки фактически предоставили рабочих полному произволу хозяев. Законом «Об обществах» от 18 августа того же года рабочим было запрещено создавать свои профсоюзы.

Несмотря на репрессивные меры младотурок, рабочее движение в стране продолжало расти. Революция явилась крупным шагом в деле формирования классового самосознания турецкого пролетариата, создания первых рабочих организаций, кружков и т. п.

15. В вопросах внешней политики в младотурецком правительстве существовало кажущееся единство, в действительности же среди младотурок имелись различные группировки — сторонники германской, английской и французской ориентации.

В борьбе этих группировок, как известно, одержали победу германофилы, полагавшие, что при поддержке Германии Турция добьется осуществления своих панту-ранистских планов, «сведет старые счеты» с державами Антанты и получит возможность освободиться от их экономического,

политического и военного давления.

Но они явно просчитались. Османская империя, хозяйственное и финансовое положение которой было исключительно тяжелым, с началом первой мировой войны оказалась на пороге полного экономического и военного краха.

В ходе войны страна понесла большие территориальные и людские потери. Арабские страны были захвачены англичанами, часть Восточной Анатолии — царскими войсками и большая часть Европейской Турции — греками. Еще более тяжелыми были людские потери. Все тяготы военных расходов падали на разорившиеся народные массы.

При таком положении столкновение внутри правящей партии «Иттихад ве теракки» было неизбежным. Склонность некоторых младотурецких лидеров (Джавид-бея, Талаат-паши и др.) к сепаратному миру и «дело Якуба Джемиля» были тесно связаны с внутрипартийными противоречиями.

334

Обнищание подавляющего большинства населения империи, всеобщая экономическая разруха, истощение материальных и человеческих ресурсов и резкое обострение внутривнутриполитического положения ускорили военное поражение Турции, приблизив час ее катастрофы.

16. Великая Октябрьская социалистическая революция в России открыла для Турции исключительную возможность выйти из империалистической войны путем заключения мира с Советской Россией. Но младотурки не пошли на это. Более того, они решили реализовать свои агрессивные планы в отношении Закавказья, оккупацией которого турецкие правящие круги преследовали также цель создать «санитарный кордон» против распространения в Турции идей Великого Октября [757, 14.1У.1918]. Но и эти попытки правящих кругов Турции оказались тщетными.

Антинародная и экспансионистская политика младотурецкого правительства, превратившегося в орудие германского империализма, его неспособность и нежелание использовать благоприятные условия, созданные победой Октябрьской революции, дорого обошлись Турции. Осенью 1918 г., когда значительная часть турецкой армии была занята оккупацией Закавказья, англичане перешли в решительное наступление на Месопотамском фронте, вынудив турецкую армию отступить в Анатолию. Следует отметить, что державы Антанты, в первую очередь Англия, допуская захват Закавказья турецкими войсками, преследовали двоякую цель: во-первых, задушить руками турок революционное движение в Закавказье и, во-вторых, улучшить положение своих войск на других фронтах войны. Дальнейший ход событий известен: в октябре — ноябре 1918 г. члены германо-австро-турецкого военного союза один за другим капитулировали перед державами Антанты.

17. Военное поражение Турции означало и полное банкротство младотурок. Социальные силы, на которые они в течение десяти лет своего правления опирались, отвернулись от партии «Иттихад ве теракки», считая ее главной виновницей бедствий, обрушившихся на страну. Уход младотурок от власти стал первой необходимой предпосылкой перемирия с Антантой.

Условия Мудросского перемирия, однако, воочию убедили турецкий народ в том, что единственное средст-

335

во защиты национальной независимости — освободительная борьба против империалистических колонизаторов. 18. Революционно-освободительная борьба турецкого народа в последующие годы была направлена не только против иностранных оккупантов, но и против султанского режима. Выдвинутая революцией 1908—1909 гг. на авансцену политической жизни молодая национальная буржуазия

значительно укрепила свои позиции в период 1908—1918 гг. и возглавила начавшееся под непосредственным влиянием Великого Октября национально-освободительное движение, которое открыло новую страницу в истории турецкого народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

1 Согласно шариату, который в течение веков являлся основной правовой и социальной нормой в жизни Османской империи, вся земля принадлежала «ее творцу» — аллаху и, следовательно, его наместнику на земле — султану-халифу.

2 Спаги то же, что сипахи.

3 В 1874 г. ашар был доведен до 12,5%, из которых 1% шел в пользу Земельного банка, 0,5% — на нужды народного образования и 1 % — на снаряжение армии. Взимание налога производилось следующим образом: правительство поручало это вали (генерал-губернатору), тот — мутесаррифу (начальнику округа), мутесар-риф — каймакаму (начальнику уезда), а каймакам в свою очередь — мухтару (сельскому старосте) и полиции. Последние же отдавали сбор налога откупщикам (мюльтезимлер или ильтизамджылар), которые выплачивали казне требуемую сумму, а сами потом выколачивали ее из крестьян с огромной надбавкой.

4 Об этом см. гл. IV.

6 Неточность: мутесарриф — начальник округа.

6 При обсуждении бюджета 1898 г., как сообщил из Стамбула русский военный атташе полковник Пешков, военный министр Риза-паша в присутствии султана и других министров заявил, что по его мнению «представленный министром финансов бюджет является грубейшим обманом, так как в нем нет ни одной цифры правильной, что все это ложь, систематически практикуемая десятки лет» (78, л. 34].

7 Хотя еще в 1854 г. было обнародовано ираде, по которому содержание двора определялось в 1,5 млн. лир в год, расходы султанов были гораздо больше. Если учесть, что общая сумма доходов государства не превышала 20 млн. лир, то станет ясным, каким тяжелым бременем эти расходы ложились на плечи налогоплательщиков [[412, кн. 6, стр. 7].

8 В 1910 г. выходивший в Париже журнал «Мусульманин» опубликовал «дневник» бывшего начальника султанской тайной полиции Зия-бея, из которого видно, что Иззет-паша нажил состоя-

22 Г. 3. Алиеч

337

ние в 20 млн. лир. «В дни греко-турецкого конфликта 1897 г.,— пишет Зия-бей,— грекам нужно было отодвинуть начало войны, чтобы лучше готовиться к ней, получить помощь от России. Греческий посол князь Маврокордато предложил Иззет-паше 200 тыс. лир, и тот уговорил султана отсрочить начало военных действий, а в это время военный министр Риза-паша чуть с ума не сходил, не получив от султана приказ двинуть свои войска в Фессалию. Пользуясь случаем, я намекнул Иззет-паше, что знаю его тайну, и на другой день получил от него 10 тыс. лир» [767, 1910, № 5, стр. 125—126].

9 В рассматриваемый период резко уменьшились и доходы государства. Так, по данным Т. Юнала, доходы империи в 1862 г. составляли 377966 тыс. фр., а в 1874—1876 гг.,— всего лишь 19 175 тыс. фр., т. е. снизились почти в 19 раз [619, стр. 150].

10 Правительство Махмуда Недим-паши заявило, что в течение ближайших пяти лет оно в состоянии выплачивать свои долги лишь в половинном размере. Сразу же после этого курс турецкой золотой лиры упал до 30% номинала.

11 Сумма контрибуции окончательно была

определена конвенцией между Россией и Турцией от 2(14) мая 1882 г., по которой Турция должна была уплатить России 35,3 млн. лир по 350 тыс. лир ежегодно путем взимания налога «ашар» в вилайетах Адана, Ка-стамону, Конья и Сивас, а также налога на «агнам» в вилайете Алеппо. Уплата фактически началась лишь с 1898 г. и в дальнейшем производилась нерегулярно [412, кн. 6, стр. 20].

12 Мухаррем — первый месяц летосчисления по хиджре; в 1881 г. мухаррем приходился на ноябрь — декабрь.

13 Следует учесть и то обстоятельство, что отпущенные Турции в 1854 г. 1856, 1858 и 1859 гг. займы в сумме 14 млн. золотых лир (из них Турция получила 12 млн. лир) были связаны с расходами на Крымскую войну, активными участниками которой, как известно, являлись основные кредиторы Турции — Англия и Франция.

14 Монополия «Режи» была ликвидирована только в 1925 г. правительством Турецкой Республики.

15 Оттоманский долг окончательно был ликвидирован 25 мая 1944 г., т. е. спустя 90 лет со дня получения Турцией первого иностранного займа.

16 В 1900 г. султан Абдул Хамид II объявил правоверным всего мира, что он как халиф, «заботясь» об их благе, решил выстроить железную дорогу к святым местам. Панисламистская печать возносила и прославляла «заботливость» халифа: «Правоверные получают возможность не прибегать к помощи пароходов, принадлежавших неверным, и, таким образом, не осквернят себя по дороге к святому месту и при возвращении из него». После этого посыпались пожертвования из Китая, Индии, Ирана, Средней Азии. Прилив пожертвований продолжался довольно долго, значительная часть их раскрадывалась, правоверным надоело сыпать деньги в бездонную бочку, и пожертвования почти совсем прекратились. Тогда была выпущена Хиджазская медаль, которая давалась за

пожертвования денег на постройку дороги: третья степень — никелевая медаль давалась за жертвования от 5 до 50 лир, вторая — серебряная — от 50 до 100, и первая — золотая — от 100 лир и выше. Но скоро «курс» упал и эти медали уже можно было покупать гораздо дешевле.

Пришлось установить новый налог в виде обязательных вычетов из жалованья и ввести таможенную марку, что дало годовой доход около 250 тыс.

лир, т. е. приблизительную сумму, обеспечивавшую ежегодный расход на строительство железной дороги.

17 Мидхат-паша (настоящее имя Ахмед Шефик) родился в 1822 г. в Стамбуле, образование получил в Стамбуле и в Париже. Хорошо владел арабским, персидским и французским языками. Был в близких отношениях с Мустафой Рашид-пашой — автором танзимата. В 1861—1865 гг. был губернатором вилайета Ниш, в 1865—1868 гг. — вилайета Туна (в Румелии). На этом посту он жестоко расправился с национально-освободительным движением болгарского народа. В 1868—1869 гг. был председателем Государственного совета (Шура-и девлет), затем губернатором Багдадского вилайета. В 1872 г. Мидхат-паша получил назначение на пост великого везира, но из-за разногласий между ним и султаном Абдул Азизом через три месяца был отстранен от этого поста. В период событий 1876 г. признанный лидер «новых османов» Мидхат-паша был председателем Государственного совета.

18 Гл. I (ст. 1—7) касалась в основном полномочий султана («Мемалики османие»); гл. II (ст. 8—26) определяла права и обязанности подданных империи («Феба-и девлет.-и османиенин хуку-ки умумиеси»); гл. III (ст. 27—38) — права и обязанности правительства («Вукеляи девлет»); гл. IV (ст. 39—41) — права и обязанности государственных чиновников («Мемурин»); гл. V—VII (ст. 42, 59—80) касались полномочий меджлиса,

сенаторов и депутатов («Меджлис-и умуми», «Хейет-и айян», «Хейет-и мебусан»); гл. VIII, IX (ст. 81—95) определяли права и обязанности судебных органов, в том числе Верховного суда («Диван-ы Али»); гл. X (ст. 96—107)—полномочия финансовых органов; гл. XI (ст. 108—111)—систему управления вилайетами; гл. XII (ст. 113—119) — прочие вопросы («Мевад-ди шетта»).

19 В турецкой исторической литературе, как и в тексте конституции 1876 г., султан называется «падишах» (великий шах, монарх), «алем пенах» («убежище мира»), «зиллиллах» («тень божья»).

Слово «султан» соответствует русскому слову «государь» и применялось не только к падишахам, но и ко всем принцам и принцессам династии Османов. Любопытно, что сам султан Абдул Хамид часто повторял, что он «прежде всего халиф всех мусульман, только после этого султан турецкий. Потому что основу османского государства составляет религия» [619, стр. 172].

20 Перед этим Мидхат-паше от имени Абдул Хамида было предложено 500 лир на «дорожные расходы», на что гордый Мидхат насмешливо ответил: «Я не нуждаюсь в подарках Его Величества,— будет гораздо лучше, если эти деньги останутся в государственной казне» [412, кн. 5, стр. 23].

21 В турецкой исторической литературе обстоятельства таинственной смерти Абдул Азиза все еще остаются спорными. Большинство турецких авторов придерживаются мнения, что Абдул Азиз покончил самоубийством.

22 Зная, что собой представляет абдулхамидовское правосудие, Мидхат-паша укрылся в помещении французского консульства в Измире и попросил политического убежища. В это время шла острая дипломатическая борьба между Турцией и Францией из-за оккупации последней Туниса. С целью показать

«благосклонность» к Абдул Хамиду французское правительство дало указание своему консулу в Измире о передаче Мидхат-паши местным властям.

23 Таиф — маленький городок в горном районе южнее Мекки.

22*

339

24 9 мая 1877 г. Румыния провозгласила свою независимость.

25 Русско-турецкая война 1877—1878 гг. закончилась полным поражением Турции и заключением 3 марта 1878 г. в местечке Сан-Стефано мирного договора. Однако великие державы, в частности Англия и Германия, не желавшие усиления России, заставили ее согласиться на пересмотр Сан-Стефанского договора. С этой целью летом 1878 г. был созван Берлинский конгресс.

26 Турецкий парламент возобновил свою работу только в 1908 г., т. е. через 30 лет, хотя законодательным путем конституция не была отменена и ежегодно печаталась в турецком официальном ежегоднике в качестве основного закона государства.

27 В этой связи следует отметить также проблему беженцев из европейской части Турции. Только в Стамбул хлынуло около 150 тыс. человек, которые не могли найти себе здесь приюта, а султанское правительство почти ничего не делало для их устройства.

28 Али Суави родился в 1838 г. в Стамбуле. По профессии учитель. В 60-х годах вступил в организацию «новых османов», был известен своими статьями, памфлетами, большинство которых было опубликовано в газете «Мухбир». В 70-х годах был сослан в Каста-мону, но «новые османы» организовали его бегство за границу, где он продолжал свою журналистскую деятельность. Некоторое время издавал в Лондоне

«Мухбир» и «Улум», затем в Париже — «Камусюль». В своих статьях Али Суави резко выступал против деспотического режима в Турции, пути избавления от которого он видел в развитии просвещения народа и в вооруженном сопротивлении со стороны сил, подобных янычарскому корпусу (см.: 572; 486, стр. 38—42).

29 Прозвище «Еди-Секиз» («Семь-восемь») было дано Хасан-паше за его малограмотность и невежество.

30 В секретном письме на имя Дамада Махмуда Джелаледдин-паши султан требовал покончить с Мурадом V «во имя свободы и благополучия наций» [546, стр. 140].

31 По-турецки «джурнал» — шпионское или политическое донесение, а «джурналджы» — доносчик, шпион.

32 Во время революции 1908 г. был убит толпою в Бурсе.

33 За свою привлекательную внешность получил в Европе прозвище «Бо Шериф», что означало «красивый Шериф»; после свержения Абдул Хамида турецкие газеты, издеваясь над ним, называли его «пустым дураком» (Бош хериф» — игра слов).

34 Во время революции 1908 г. бежал за границу, где и умер.

35 Убит в 1908 г. как шпион Абдул Хамида.

36 Выходила с 1831 г.

37 Например, слово «король» превращали в «герцога», «величество» — в «светлость», «министерство» — в «управление», «дворец» — в «замок» и т. п.

38 Данный вопрос более подробно освещен в статье автора «Из истории буржуазно-революционного движения в Турции», — сб. «Вопросы истории Турции», Баку, 1971.

39 В числе инициаторов создания организации были Ибрагим Темо из Охри, Абдуллах

Джевдет из Арапкира, Мехмед Решид и Али Гусейн-заде с Кавказа, Исхак Сюкути из Диярбакыра, Хикмет Эмин из Конии, затем к ним примкнули Али Рюштю, Шерафеддин Магмуми (секретарь общества) и Асаф Дервиш (казначей).

40 Дата создания общества в трудах турецких, европейских, а

также ряда советских авторов дается по-разному—1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1894 гг.

Сопоставив все данные и основываясь на более достоверном источнике — мемуарах одного из основоположников общества «Итти-хад ве теракки» Ибрагима Темо, пришли к выводу, что общество было создано в мае 1889 г. [см. 598, стр. 17—18].

41 Видный деятель младотурецкого движения Ахмед Риза-бей (1859—1930) был директором сельскохозяйственной школы и Бурсе и часто выступал с научными статьями в газете «Нилюфер» («Водяная лилия»). В 1889 г. получил разрешение на выезд в Париж для участия в торжествах по случаю 100-летия французской революции, где жил вплоть до свержения Абдул Хамида. В 1895 г. Риза-бей с помощью своих друзей Хаккы Халида, Халила Ганем и известного впоследствии архитектора Верад-бея начал издавать газеты «Мешверет» на турецком и французском языках и «Шура-и уммет» («Национальное собрание»), на турецком языке. Политические взгляды Риза-бея формировались под влиянием французского позитивиста Августа Конте, Голбаха и Сен-Симона. В основе его политических взглядов, как и у французских позитивистов, лежало учение о «естественном праве». Он утверждал, что люди бессильны что-нибудь предпринять для обновления общества, если их действия не будут согласованы с законами природы. В своей «программе», составленной им в духе «законов природы» и «естественного права» и посланной султану Абдул Хамиду, Риза-бей в категорических выражениях утверждал, что

младотурки не будут признавать никакого другого правительства, кроме избранного учредительным собранием |[591а, стр. 128].

42 О подробностях процедуры приема новых членов в общество [см. 343, стр. 84, 86].

43 Принц Сабахеддин был в близких отношениях с видным анархистом Элизе Реклю.

44 По мнению историка Э. Карала, принцип вмешательства иностранных держав для свержения Абдул Хамида «был навязан принцу его другом Исмаилом Кемаль-беем, албанцем по происхождению, тесно связанным с деловыми кругами Англии» ![538, стр. 536].

45 Речь идет о реформах периода танзимата.

46 Под руководством ВМОРО в конце XIX — начале XX в. в Македонии были созданы многочисленные четы —• вооруженные партизанские отряды, которые вели беспощадную борьбу против турецкого господства |[см. 305].

47 Так, в 1907 г. карательные отряды только в Дерсиме насчитывали 15 батальонов пехоты, 2 эскадрона и горную батарею.

48 Сын имама Мухаммада из зейдитской династии Раситов, умершего в 1904 г.

49 Имам Яхья бен Мухаммад, войска которого сначала окружили, а потом заняли столицу Сану, допустил непоправимую ошибку, выпустив из города турецкий гарнизон.

50 Турецкие солдаты и офицеры высоко оценили выступление П. П. Шмидта, этого «красного лейтенанта», на суде с последним словом. «Я сознаю,— говорил тогда Шмидт,— что столб, у которого встану я принять смерть, будет водружен на грани двух разных исторических эпох нашей родины. Сознание этого дает мне

много силы, и я пойду к столбу как на молитву... Позади за спиной у меня останутся народные страдания и потрясения тяжелых лет, а впереди я буду видеть молодую обновленную счастливую Россию».

341

^ Первым представителем комитета в Салониках был Доктор Назым, который перебрался сюда через Албанию под видом странствующего дервиша Ходжи Мехмед-эфенди.

52 Согласно утверждению Уната, в «делах» Мустафы Кемалья была пометка, запрещающая ему пребывание в Салониках.

53 Впоследствии депутат Великого национального собрания Турции — Мустафа Джантекин (1878—1955).

54 Мустафа Кемаль окончательно перебрался в Салоники только в сентябре 1907 г., получив назначение в штаб 3-го армейского корпуса, а 27 октября того же года состоялась церемония принятия его в ряды «Иттихад ве теракки».

55 Массонство — религиозно-философское течение с мистическими обрядами, возникшее в XVIII в. и обычно соединявшее задачи «нравственного совершенствования» с реакционными взглядами в политике. В Салониках функционировали следующие ложи: «Воскресшая Македония», французская «Правда», итальянская «Достоинство», которая, между прочим, в отличие от других лож, свои заседания и обряды проводила на турецком языке, что привлекло к ней много приверженцев, среди которых был и известный иттихадист Джавид-бей.

56 Худжре — отделение для общежития воспитанников при мечети или вообще отдельное помещение.

57 В одном документе губернатор

Елизаветпольской губернии Флейшер подтверждает, что подобные брошюры от имени «Дифай» получил по почте и он сам (121, л. 87].

58 Изображение партийной печати: полумесяц со звездой и две шашки, сложенные накрест рукоятками вниз, а под ними подпись «Дифай».

59 В полицейском протоколе № 27, составленном ротмистром Астраханцевым 17 января 1909 г., говорится, что «брошюра, написанная на турецком и отчасти на арабском языках, величиной в 1/3 ч. листа в зеленой обложке, приобщается к настоящей переписке в качестве вещественного доказательства». К сожалению, в архивах самой брошюры нет, но имеется русский перевод основного ее содержания (121, лл. 79—82].

60 Журнал выходил в Каире под редакцией того же Абдуллаха Джевдета. Само название приложено к рапорту консула министерству иностранных дел (см. 72].

61 Полный текст постановления конгресса (см.: 604, стр. 153—156; 545, стр. 238—243].

Глава II

1 Лорд Солсбери, один из активных проводников колониальной политики Англии, еще в конце XIX в. писал, что «Турция живет не благодаря своей жизнеспособности, а в силу соглашения держав между собой, видящих в сохранении существования Османской империи средство для избежания столкновений между державами из-за раздела наследства „больного человека"».

2 Ахмед Ниязи-бей (1873—1912), албанец по происхождению.

3 Э. Найт ошибочно считает датой этого собрания—18 июля 1908 г. (343, стр. 109].

4 Стрелял в Шемси-пашу молодой офицер Атиф-бей (впоследст-

342

вий депутат 'ВНСТ Атиф Камчыл). Выполнив приказ

мЛадотурёцкб-го комитета, он благополучно добрался до Салоник.

5 Эти эмиссары, среди которых был и один из видных лидеров младотурок д-р Назым-бей, проникали на суда, предназначенные для перевозки войск, переодевшись в бродячих дервишей.

6 Освобождение этих офицеров было вызвано и другой немаловажной причиной: в случае их наказания комитет пригрозил уничтожить всех генералов македонской армии [343, стр. 103].

7 В трудах ряда авторов срок ультиматума указан 72 часа [см.: 638, т. 2, стр. 441; 469, стр. 220].

8 Русский дипломат В. Маевский впоследствии утверждал, что в успехе революции весьма важную роль сыграла также «дивизия», увезенная с Крита (см. 763, № 23, 1908, стр. 29].

9 С февраля по декабрь 1909 г. был великим везиром.

10 Все указы и постановления по поводу восстановления конституции были опубликованы в «Дустур» (см.: 164, т. I; 618].

11 Речь идет о возвращении домой македонских четников. С 4 августа 1908 г. греческие четники, прибыв в Салоники, начали сдавать оружие комитету «Иттихад ве теракки» и отправляться домой. Болгарские же четники с согласия младотурок сдавали оружие собственным комитетам (351, стр. 145].

12 Обращение иностранных консулов по этому поводу к властям не дало никаких результатов. Тогда агенты пароходных компаний обратились за помощью к эмиссару младотурецкого комитета в Измире д-ру Назым-бею. Тот прислал отряд, при приближении которого забастовщики ретировались, и пароходы начали разгружаться с помощью своих матросов.

13 В те дни в Измире находились греческие

принцы Андрей и Христофор, которые через греческого митрополита имели ряд встреч с младотурецкими руководителями, в частности с Назым-беем.

14 Впоследствии полковник, начальник разведки младотурецкого правительства (1915—1918).

15 Иногда комитет переносил свою резиденцию в другие города.

16 В ст. 8 говорилось: «Все подданные империи называются османцами, независимо от того, какую религию они исповедуют», в ст. 17 — «Все османцы равны перед законом. Они пользуются одинаковыми правами и имеют одинаковые обязанности, к какой бы религии они не принадлежали».

17 Некоторым из этих преступников удалось бежать за границу. Так, Селим Мельхамэ с помощью итальянского посольства эмигрировал на итальянском пароходе в Европу.

18 В открытом письме, адресованном комитету «Иттихад ве теракки», опубликованном в первом номере газеты, Мурад-бей заявил о своем решении «взять обратно свою отставку от 2 января 1897 года и продолжать прежнюю революционную работу в качестве заведующего отделом общества „Иттихад ве теракки"». Однако комитет решительно отверг это домогательство Мурад-бея, ответив ему, что «младотурки не желают снова видеть в своих рядах измен-пиков делу революции» [448, стр. 162].

19 В первые дни революции доносчики сообщили султану, что якобы младотурецкий комитет собирается «сделать» Реджеп-пашу «президентом» будущей республики.

20 Такое совпадение обстоятельств дало повод к подозрению,

343

что Реджеп-паша был отравлен, и комитет потребовал медицински' го вскрытия. Однако эта версия не

подтвердилась.

21 Развивая эту мысль, министр внутренних дел Хаккы-бей сказал: «В нашем парламенте не будет турецких, армянских, греческих или еврейских депутатов: все они будут османскими депутатами» [343, стр. 199].

22 Полный текст программы см.: [604, стр. 208—209; 739, стр. 40—42; 330, стр. 246—248].

23 Э. Найт ошибочно считает возрастным цензом 25 лет [см. 343, стр. 201].

24 Что означала эта статья на практике, видно из донесения русского дипломата князя Гагарина от 30 сентября: «В Бейруте еще не приступали к выборам. Большой помехой при них может явиться требование, чтобы депутат парламента непременно знал турецкий язык. Среди местных сирийцев (ливанцев.—Г. А.) очень немногие владеют им, лучшие люди эмигрировали в Египет и Европу, из христиан, достойных избрания, нет никого, кто бы знал по-турецки» (183, л. 14 об.]. Впоследствии эта статья ввиду вызванного ею резкого недовольства особенно строго не соблюдалась, и в парламент вошли несколько депутатов, не умеющих говорить по-турецки (343, стр. 201].

25 Согласно конституции 1876 г., все сенаторы назначались султаном пожизненно из числа высших сановников.

26 Состав центрального комитета партии, избранный на этом съезде, долгое время не был известен. Приведенные данные почерпнуты нами из книги проф. Т. З. Туная, который пишет, что получил их во время беседы с Мидхатом Шюкри 26 августа 1950 г. ! [см. 604, стр. 177—199].

27 Относительно состава палаты депутатов в исторической литературе даются разные цифры (см.: 175, стр. 52; 305, стр. 95; 739, стр. 46, и др.]. Более точными, на

наш взгляд, являются данные, взятые нами из книги Р. Окандана [см. 553, стр. 268].

28 Три сенатора были назначены ранее.

29 Владельцами этих газет были: «Вулкана» — Вехдети-эфенди, «Сербести» — Мевланзаде Рифат (редактором — Хасан Фехми), «Мизана» — Мизанджы Мурад.

30 Младотурецкий комитет в специальном заявлении опроверг это обвинение рппозиции [см. 448, стр. 179].

31 По словам Али Джеват-бея, его стал подозревать и сам султан: «Я хорошо знаю Кямиль-пашу. Он стремится к диктатуре» [448, стр. 36].

32 Несмотря на то что принц Сабахеддин в это время находился в Стамбуле, он официально не входил в партию [см. 504, стр. 14].

33 Решающее значение имели голоса депутатов, представлявших национальные меньшинства.

34 Пост военного министра Кямиль-паша предложил генералу Назым-паше, известному своей враждебностью к партии «Иттихад ве теракки».

35 По настоянию комитета полк был выведен за городские стены Стамбула.

36 В трудах турецких авторов встречаются утверждения о причастности принца Сабахеддина к событиям 13 апреля 1909 г. Так, проф. Т. Туная пишет, что Сабахеддин опубликовал в органе партии «Ахрар» газете «Османлы» два воззвания под интригующим названием «Братьям аскерам», в которых выражает «свой восторг победы

344 дои улемов и аскер». В то же время принц предупреждает «героев» этих кровавых событий о недопустимости произвола и казней, творимых бунтовщиками в столице [см. 604, стр. 138—139].

37 У входа в здание парламента были убиты министр юстиции Назым-паша и депутат от Латакии Арслан-бей, которого мятежники по ошибке приняли за редактора «Танин» Хюсейна Джахид-бея [см. 448, стр. 183].

38 В некоторых турецких источниках утверждается причастность принца Сабахеддина и его друзей из партии «Ахрар» (его молочный брат Фазлы-бей, редактор и издатель газеты «Сербести» — «Вольность» — Мевлан-заде Рифат и др.) к перевороту 13 апреля 1909 г. они, как сообщают эти источники, вели переговоры с экипажами ряда военных судов, в частности броненосца «Асари Тев-фик», и с их помощью хотели взять власть в свои руки [см.: 448; 460; 524].

39 «Младотурки ждут,— писал очевидец по этому поводу,— чтобы дать время ослепленным, потерявшим себя братьям опомниться, понять свою ошибку. И действительно, с каждым поездом в конституционную армию прибывают растерянные, жалкие группы солдат столичного гарнизона. Они пугливо, неуверенно оглядываются по сторонам, боясь чего-то, не признавая хорошо своей ошибки, но глубоко до боли чувствуя себя виноватыми в чем-то огромном, страшном, непростительном... Офицеры допрашивают их без строгости, спокойно, но острая горечь сквозит в их словах» [85, л. 4].

40 По словам очевидца, в Стамбуле «никогда еще не видали такого огромного сборища... Все предвидели, что селямлык этот будет последним для А. Гаида, и спешили присутствовать на этом историческом зрелище. Батальоны встретили султана восторженными криками. Лицо его было мертвенно бледно, глаза глубоко впали и глядели угрюмо, враждебно, в них вспыхивали и тотчас же потухали зловещие огоньки. Вся фигура его съежилась, сгорбилась, осунулась и, несмотря на все усилия, он не мог

скрыть дрожания своих худых, хищных рук... После короткой молитвы начался обычный парад. Солдаты маршировали стройными рядами, лица их сохраняли тупое, мрачное выражение... Абдул Гамид старался овладеть собой, но ему это не удавалось. Для всех присутствующих это уже не был жестокий властный повелитель, а едва бледный спектр отжившего деспотизма. Казалось, и клятвопреступник-султан, и продавшие свое отечество солдаты понимали, что партия проиграна, что ни золото, ни ложь, ни измена, ни даже реки невинной крови не победят могучей силы грядущего... После последнего приветствия солдат А. Гамид скрылся во внутренних покоях Йылдыза. Никогда больше народ не должен был увидеть своего тирана; занавес опустился на последнем акте роковой драмы, продолжавшейся более тридцати лет...» [85, лл. 4—5].

41 Начальником генерального штаба «армии действия» был тогда Мустафа Кемаль-бей (Ататюрк).

42 Абдул Хамид взял с собой в Салоники незначительное число своих фавориток и служанок гарема. Все остальные были посланы вместе с принадлежавшими им вещами во дворец Топ-капу, и мла-дотурецкое правительство предложило родственникам этих гаремных узниц явиться в Стамбул и взять их к себе. По словам газеты «Истанбул», во дворце Топ-капу наблюдались очень любопытные сцены. Многие из фавориток со злобой встречали своих бедных родственников, которые невольно выдавали происхождение знатных

§45

на вид фавориток из низов. «Не было основания,—отмечала газета,— для радости приехавших за ними родственников — в большей части черкесов. Ведь в Османской империи поставка девушек в султанский дворец считалась „выгодным делом“. И те и другие отправлялись домой,

проклиная революцию и младотурок» [786а, 12.У.1909].
О подробностях жизни бывшего султана в Салониках см. мемуары его дочери Айши Османоглу [557].

Глава III

1 Такой важный пост, как пост министра внутренних дел, занимал бывший великий везир, сторонник Абдул Хамида.

2 До этого, как известно, христиане — подданные империи, были освобождены от несения военной службы и должны были платить специальный военный налог.

3 Газеты писали, что Абдул Хамид передал значительное количество своих лошадей в распоряжение армии.

4 «Всякий портной,— говорилось в одном из приказов военного министерства,— который сошьет форменное платье не по установленному военным министерством образцу, будет привлекаться к ответственности» [786а, 19.УШ.1909].

5 Например, М. Шевкет-паша на следующий день после принятия парламентом закона о чинопроизводстве решил показать пример добровольного отречения от высших чинов. Одевшись в форму дивизионного генерала (до этого он был маршалом), он отправился в казармы «Охранение», где выступил в защиту новой военной реформы [786а, 25¹¹¹.1909].

6 В одном из многочисленных воззваний младотурецкого комитета к крестьянам говорилось: «О, крестьяне! До каких пор вы будете помогать тому, чтобы пополнять проклятые кошельки стамбульских трусов, чтобы они продолжали свою расточительность, строили себе дворцы и роскошные жилища, выбрасывая миллионы, которые составились у них из отнятых честно собранных терпением и трудом денег? Довольно же, наконец!» [216, стр. 97].

7 Проекты этих реформ были подготовлены группой специалистов во главе с профессором-экономистом Махмудом Эсадом.

8 Х. Габидуллин считает, что первая забастовка началась в Стамбуле [224, стр. 147].

9 По другим данным, 27 августа 1909 г. [см. 511, стр. 9].

10 Речь идет, как это нам представляется, не о «каком-то письме» К. Маркса, а о «Первом воззвании Генерального Совета Международного товарищества рабочих о франко-прусской войне», написанном К. Марксом между 19—23 июля 1870 г. и опубликованном во многих органах печати ![см. 3, стр. 1—6].

11 Современный турецкий автор Мете Тунчай, ссылаясь на данные, приводимые А. Бенороем, пишет, что число рабочих (Стамбула, Салоник, Измира, Зонгулдака, Кавалы и др.), объединившихся в профсоюзах, составило 125—150 тыс. [549, стр. 23].

12 Примечательно, что название «Инсаниет» взято из жоресско-го «Юманите», а название еженедельника «Социалист» — из «Ле социалисти», органа Французской социалистической партии. Название и принадлежность к социалистической партии Турции этих печатных органов писались так же по-французски. Так, например,

«!зпг1гаке. 1'ог^апе ВосмаНз^е, ог^апе йи \$атИ §оаа1151е бИотай» и т. п., а сам Жан Жорес часто переписывался и встречался с Хюсейном Хильми-беем (см.: 604, стр. 311; 549, стр. 37].

13 Здесь они стали вновь издавать газету «Инсаниет» и выпустили брошюру Тевфика Невзада «Что такое социализм?» [см. 342, стр. 620].

14 Впоследствии социалисты и коммунисты обвиняли Хюсейна Хильми-бея в предательстве, доказывая, что он был агентом английских оккупантов.

15 Дмитрий Влахов во время революции сотрудничал с младотурками, в августе 1908 г. вместе с Санданским, Димовым и Панице избирался депутатом османского парламента от так называемой Федеральной народной партии, в то же время поддерживал связь с социалистами из Второго Интернационала. Во время парламентских выборов в 1912 г. потерпел поражение. В 1913 г. был выслан из Греции за «политическую неблагонадежность». До второй мировой войны жил в эмиграции. Участвовал в освободительном движении в Югославии. После освобождения Югославии вплоть до своей смерти (1954 г.) был представителем Македонии в Народном законодательном органе Югославии.

16 Полный текст законопроекта см. [604, стр. 312 — 314].

171 Подробное изложение вопросов, связанных с идеологией буржуазного национализма в Турции после революции 1908 — 1909 гг., стоит вне рамок нашей работы и является предметом особого исследования. Этой проблеме посвящен ряд трудов советских авторов [см.: 382; 260; 226; 355 и др.].

18 Во время итало-турецкой войны младотурки старались пробудить в стране патриотические чувства под лозунгом «османизма», проводили среди населения кампанию сбора средств для армии и флота (см. 90, лл. 295—296].

19 В этом отношении любопытно сообщение штаба Кавказской армии от 21 декабря 1913 г. в Главное управление генерального штаба «О предложении курдского шейха Махмуда отдаться с 50-ю тысячами подвластных ему курдов, обитающих в районе г. Сулей-мание, под покровительство России, взамен чего он желал бы получить впоследствии от России награду в виде некоторых привилегий» [90, лл. 486, 493].

20 В одном из архивных документов

содержится сообщение о том, что в начале 1914 г. «турецкое правительство стало выказывать тревожное внимание к деятельности шейха Барзана, который к тому времени стал вполне самостоятельно хозяйничать в Акре и окрестностях и перестал признавать турецкие власти настолько, что правительственные чиновники подали в отставку, будучи не в состоянии исполнять свои обязанности». Турецкое правительство, признавая необходимость организации экспедиции против шейха Барзана, в то же время по представлению мосульского вали Асад-паши наградило шейха Барзана орденом, который, однако, новый вали Сулей-ман Нафиз-паша отослал обратно. После кровопролитных боев в середине апреля 1914 г. отряд шейха Барзана был разгромлен, сам Барзан со своей семьей и 300 всадниками успел укрыться в Иране [см. 90, лл. 519—520].

21 В феврале 1911 г. к Гусейн-паше приехал специальный представитель йеменского имама Яхьи шейх Сайд, который заключил с ним тайное соглашение. Гусейн-паша вместе с Хаджи-Мусой обязался поддержать восстание йеменских арабов, «устроив восста-

347

ние в Курдистане с привлечением к участию в нем как курдов, так и турок, недовольных конституционным режимом» :[90, л. 197].

22 По этому поводу Э. Найт пишет: «Целью всех умеренных среди недовольных армян было, оставаясь под властью оттоман, добиться гражданской свободы и таких учреждений, которые обеспечили бы их личную безопасность, их имущество и честь их жен и дочерей. Но младотурецкая программа как раз обещала им все это, и даже больше; поэтому они решили испытать судьбу вместе с Ахмед Ризой и его собратьями революционерами» 1[343, стр. 67].

23 Еще до этого «земельные недоразумения между армянами и курдами» было решено сделать предметом обсуждения в палате депутатов [108, л. 32 об.].

24 В одном из донесений русского генерального консула в Эрзуруме Вышинского сообщается, что англичане и французы «при всяком удобном случае не скупятся на заявления туркам, что их государства никогда не позволят России занять хотя бы часть Армении» [90, лл. 489—499].

25 эти КруГИ издавали несколько газет и журналов, призывавших албанцев прекратить самостоятельную национальную борьбу и сотрудничать с младотурками. Так, например, газета «Лирия», восхваляя младотурецкую революцию, писала, что эта революция по своей значимости стоит рядом с провозглашением независимости США или даже с Великой французской революцией конца XVIII в. [371, стр. 38].

26 Подробнее об этих восстаниях см. [[292, стр. 48; 371].

27 При этом следует отметить, что те же великие державы всячески препятствовали нормальному развитию молодого албанского государства. Утвержденный ими в Лондоне «статут Албании» значительно ограничивал ее действительную независимость, облегчал проникновение империалистических монополий в Албанию, устанавливал строй наследственной монархии, причем монархом должен был стать иностранный принц, выбранный великими державами. Над Албанией был установлен фактически международный контроль.

28 Так, например, расходная часть бюджета 1910 г. составила 37,6 млн. лир, а доходная — 28,6 млн. лир, дефицит — 9 млн. лир [115, л. 16].

29 В то же время в партии «Иттихад ве теракки» образовалась «левая группа» — «Хизби теракки», в которую входили депутаты Мустафа Ариф, Джами, Махир

Сайд, д-р Риза Тевфик, д-р Риза Нур и др. В отличие от консерваторов левое крыло (или радикалы) существенных изменений в младотурецкой программе не требовали, но выступали с резкой критикой парламентской фракции «Иттихад ве теракки» [см. 604, стр. 187].

30 Политический отчет Центрального комитета партии был опубликован в газете «Танин» 10—13 октября 1911 г. [см. также 547].

31 «Мы знаем,— говорилось в обращении,— что существует старинное правило, по которому „прав тот, кто сильнее“. Но мы от имени всех подданных Османской империи заявляем, что право постоянно возвышается и оно должно взять верх над силой. Мы, османская нация, пережили немало трагических дней как до, так и после провозглашения конституции, но зато превратились в постоянный фактор мира и прогресса на Востоке, Теперь мы оказались объектом варварского нашествия той нации, которая прикрывается занавесом свободы и цивилизации» (799, 19.X.1911].

32 Турецкий историк Махмуд Кемаль Инал пишет, что итальян-

348

ский ультиматум с требованием передачи ей Триполитании был вручен великому везиру Хаккы-паше поздно вечером 28 сентября 1911 г., когда тот играл в бридж в квартире итальянского генерала, приглашенного для реорганизации турецкой жандармерии. Увлеченный азартной игрой, великий везир положил конверт в карман, отложив его вскрытие на завтра. Он вскрыл конверт только после того, как осведомленная жена хозяина предупредила своего гостя о серьезности врученного документа. На следующий день уже начались военные действия [[см. 524, стр. 1772].

33 Поражение турецких войск объясняется еще и тем, что накануне войны по приказу Махмуда Шевкет-паши часть турецкого гарнизона была

переброшена в Йемен для подавления восстания. При этом военный министр совершенно игнорировал протест маршала Ибрагим-паши, который тут же подал в отставку [524, стр. 1774].

-

34 О нежелании турок заключить мир с Италией, несмотря на безнадежность положения, свидетельствует и донесение русского военного агента от 30 октября 1911 г., в котором говорилось, что правящие круги Турции не спешат заключить мир с Италией, хотя все считают, что Триполитания уже потеряна. Эти круги исходили из того, что вопрос о Триполитании являлся для Турции только вопросом национального самолюбия, а не жизненного интереса. Потеря африканской провинции не грозила существованию Турции. Напротив, она сделалась бы от этого только сильнее. Они откровенно заявляли, что «будущее Турции — в Малой Азии и она должна искать новых приобретений и компенсаций на Востоке, в сторону Арарата и Персии... Тогда Стамбул навсегда останется в наших руках, а наши владения само собою расширятся в сторону Востока» [90, л. 281].

«По сравнению с Турцией,— сообщал военный агент,— Италия сильно тяготится как расходами по содержанию экспедиционного корпуса, так и от застоя в Левантийской торговле, которая переходит в другие руки». По словам военного агента, влиятельные люди в Турции тогда открыто говорили: «Пусть итальянцы даже захватят острова Эгейского моря, нам и это мало чувствительно, так как население там греческое и доходы не бог весть какие. Пусть даже попробуют бомбардировать приморские города, нам этим они вреда_ не нанесут... Французы в Бейруте, англичане в Смирне, австрийцы в Салониках не замедлят громко протестовать через свои правительства, и результат для итальянцев может получиться очень неприятным, вроде представления счета за убытки этими державами». Таким

образом, сообщал далее агент, турки рассчитывали на большую уступчивость со стороны Италии 193 л. 232].

35 Следует отметить, что близкий друг принца Сабахеддина Ахмед Бедеви Куран отрицает эту истину (см. 545, стр. 306].

36 Известная русская публицистка Ариадна Тыркова, лично знавшая Сюрейя-бея, пишет о нем: «Этот албанец... человек средних лет и среднего роста, в хорошо сшитом сюртуке, с отличным изумрудом в галстук, брат известного Ферид-паши, великого визиря, правившего при Абдул Гамиде как раз тогда, когда младотурки объявили конституцию. Он происходит из помещичьей семьи. Сюрейя-бей — один из тех крупных аграриев, которым принадлежит большинство земли в Албании. Когда он, смакуя цифры, сказал размер своих владений, получилось что-то похожее на балашовские

349
земли. Сюрейя-бей находится 'в' острой -оппозиции правительству. Тут и национальные требования и раздражение богатого агрария»
[392, стр. 85, 87].

37 В этой связи весьма интересный материал был опубликован в отдельных номерах газеты «Ватан» за январь — май 1950 г. В частности, привлекает внимание диалог между членом ЦК «Хюрриет ве итилаф» д-ром Ризой Нуром и редактором младотурецкого официоза «Танин», Хюсейном Джахид-беем (впоследствии Ялчин): «Джахид-бей: Можете ли, Риза-бей, рассказать нам о цели вашей партии, если это не секрет?

Риза Н у р: Цель наша ясна. Вы шли слишком далеко, потому и мы объединили все силы оппозиции, чтобы нанести вам решающий удар.

Джахид-бей: Но ведь в ваших рядах можно видеть верующих и фанатиков, учителей и христиан, невежд и ученых

и т. п.

Как же это так?

Риза Н у р: Это верно. Но нам важнее всего свергнуть вас. А дальше будет видно. Вполне возможно, что после вашего ухода мы распустим нашу партию. Такие партии, как „Свобода и согласие“, конечно, долго не могут жить» {779, 23.11.1950}.

38 В этой связи военный агент писал: «Махмуд Шевкет-паша сильно ухаживает за комитетом и уступает ему во всем, даже в вопросах внутреннего управления армией. Тем не менее положение министра сильно поколеблено» (94, л. 26 об.).

39 Любопытно, что младотурецкие газеты, дезинформируя население, почти каждый день сообщали о «блестящих победах турок». Причем, если посчитать, сколько по этим сведениям было убито и взято в плен итальянцев, то число «превысит количество итальянских войск, находившихся на театре войны» :[90, л. 269].

40 Турецкий автор Хасан Амджа в книге «Неродившаяся свобода» пишет, что военная лига, членом которой он был сам, образовалась якобы после начала балканской войны. Это не соответствует действительности, хотя бы потому, что еще задолго до начала этой войны русские дипломаты сообщали о существовании в Турции такой организации, а великий везир Саид-паша в своем заявлении об отставке прямо указывает на деятельность «Группы офицеров-спасителей» (см. 116, л. 98 об.).

41 После отставки Махмуда Шевкет-паши пост военного министра поочередно предлагался Махмуду Мухтар-паше, Хуршид-паше и Назым-паше. Первые два кандидата ответили отказом, Назым-паша выдвинул ряд условий, по существу направленных против младотурецкого комитета.

42 Согласно ст. 35 конституции 1908 г., парламент мог быть распущен, если правительство само

ставило вопрос о доверии и дважды подряд получало вотум недоверия. Если же парламент по своей инициативе выражал недоверие, тогда кабинет должен был подать в отставку, а парламент распустить было нельзя.

43 Из 168 присутствовавших депутатов 113 голосовали за доверие, 46 — против и 9 депутатов (армяне) воздержались (115, л. 106].

44 Согласно традиции, в таких случаях великий везир должен был огласить ираде на заседании парламента, которое назначено было на 13 часов 5 августа 1912 г. Однако младотурецкий парламент, собравшийся на три часа раньше назначенного времени, отверг ираде. Тогда Ахмед Мухтар-паша объявил, что парламент распущен его величеством султаном два дня назад и новый парламент будет

350
созван к 1 декабря 1912 г. Так был разогнан младотурецкий парламент.

45 Министр юстиции Хюсейн Хильми-паша, выразивший свое несогласие с предусмотренной амнистией и отстранением всех младотурецких губернаторов вилайетов, подал в отставку. Его место занял сенатор Сами Паша-заде Халим-бей (524, т. 12, стр. 1813].

46 В Инструктивном письме президента Франции Пуанкаре французским послам в столицах крупных держав от 8 октября 1912 г. подчеркивалось, что Франция с полного одобрения Англии настаивает на возвращении Италией островов турецкому правительству [см. 154, док. № 91].

47 Военная конвенция между Сербией и Болгарией была подписана 12 мая 1912 г.

48 Русский дипломат А. Мандельштам в следующих словах характеризует Кямиль-пашу и его последний правительственный кабинет: «Этот турецкий византиец, искусившийся во всех дворцовых интригах

хамидовского режима, не мог, конечно, внести свежую струю в османскую государственную жизнь, и можно смело сказать, что его управление только повторяло и даже иногда усугубляло ошибки младотурок, не принеся в конечном итоге никакой пользы стране» [321, стр. 31].

49 Джемаль Кутай пишет, что командующий турецкой армией маршал Абдуллах-паша, учитывая серьезность положения, просил санкции на отступление армии по всему фронту, однако военный министр Назым-паша настаивал на ведении наступательных действий [Г493, стр. 17].

50 Любопытно, что даже в эти дни официальная турецкая пропаганда постоянно твердила о «беспрерывных победах турецких войск над союзными армиями и об огромных потерях последних» [90, л. 378].

51 Подробности январского переворота 1913 г. см.: [470, стр. 254—271; 545, стр. 312—320].

52 Как выяснилось впоследствии, военного министра застрелил близкий друг и соратник Энвер-бей майор Якуб Джемиль-бей.

53 Впоследствии Кямил-паша заявил, что свое заявление об отставке он писал под диктовку Энвер-бея и Талаат-бея (610, стр. 79).

54 Энвер-паша родился в 1881 г. в Стамбуле. Окончив в 1903 г. военное училище в чине капитана, он затем служил в Третьей армии, дислоцированной в Македонии. Энвер возглавлял одну из воинских частей, поднявших в 1908 г. восстание и удалившихся в горы. В 1909 г. этот «герой свободы» был направлен в качестве военного атташе в Берлин, где и стал «другом», а вернее, подручным немцев. В 1911 г. Энвер был направлен в Триполи и отличился здесь во время войны с Италией. Имевший в начале революции чин майора, Энвер-бей при активной поддержке младотурецкого комитета сделал быструю военную и государственную карьеру. Корпус,

являвшийся основной опорой младотурок в армии, находился в распоряжении начальника штаба Энвер-бея. Возведенный 2 декабря 1913 г. в звание бригадного генерала и паши, он был назначен военным министром. Женившись в марте 1914 г. на племяннице султана (дочери брата султана, принца Сулейман-эфенди) Наджие Султан, Энвер-паша таким образом получил титул «дамада», который носили зятя султана.

55 Германо-турецкие переговоры о приглашении военной миссии

351

под руководством бригадного генерала Лимана фон Сандерса завершились подписанием 27 ноября 1913 г. специального соглашения между обоими правительствами.

56 Мехмед Талаат-бей (с 1917 г.— паша) родился в Адрианополе в 1874 г. Здесь же окончил военное училище. После смерти отца, в 18-летнем возрасте, стал мелким чиновником в почтовом ведомстве Адрианополя. Когда в Европейской Турции все более разгоралась борьба против абдулхамидовской деспотии, Талаат-бей примкнул к младотурецкому движению, за что был осужден к одному году тюремного заключения, а затем сослан в Салоники. Губернатор Салоник Риза-паша, сочувствовавший младотуркам, назначил Талаат-бея сначала инспектором, а затем главным секретарем почтового управления. Здесь Талаат-бей возглавил салоницкое отделение младотурок. После революции и провозглашения конституции Талаат-бей был избран депутатом меджлиса от Адрианополя. Он возглавил группу турецких депутатов, побывавших в 1909 г. в Англии с официальным визитом. Талаат-бей занимал посты министра внутренних дел в кабинете Хюсейна Хильми-паши, министра почты и телеграфа в кабинете Саид-паши, служил в армии во время балканских войн. Талаат-бей был одним из главных организаторов государственного переворота 23 января 1913 г. В новом

правительстве младотурок (в кабинете Махмуда Шевкет-паши) Талаат вторично стал министром внутренних дел.

57 Ахмед Джемаль-бей (-паша) родился в 1872 г. в Стамбуле. По окончании военного училища долгое время находился на военной службе, а после революции 1908 г. партия «Иттихад ве теракки» направила его в Анатолию в качестве главы «миссии реформы». Он был одним из руководителей «армии действия», выступившей против переворота 13 апреля 1909 г. В последующее время Джемаль-бей был губернатором в Адане, Багдаде, а во время балканских войн проявил военно-административные способности. После переворота 23 января 1913 г. был назначен Шевкет-пашой губернатором Стамбула, а затем министром общественных работ. В декабре 1913 г. получил чин бригадного генерала и звание паши, а в феврале 1914 г. заменил Чюрюксулу Махмуд-пашу на посту морского министра.

58 Следует отметить, что еще в 1911 г. турецкое правительство приняло программу усиления военного флота. В основе этой программы лежало соглашение с английской судостроительной фирмой «Армстронг — Витворт — Виккерс», в соответствии с которым фирма должна была построить для Турции два броненосца водоизмещением в 16,5 тыс. т каждый (90, лл. 179—180].

59 Халил-бей (Халил Ментеше) родился в Миласе в 1874 г. и получил среднее образование в Измире. После этого он учился в училище правоведения в Стамбуле, а затем окончил факультет права в Париже. После революции 1908 г. был избран депутатом в меджлис от Ментеше, где возглавил младотурецкую фракцию депутатов. В кабинете Хаккы-паши был министром внутренних дел, а в кабинете Саид-паши возглавлял Государственный совет. В межджли-се, созванном после балканской войны,

вновь был избран председателем. Признанный среди младотурецких правящих кругов «совершенным правоведом», Халил-бей в действительности следовал по стопам триумвиров и стремился в правовом отношении «обосновать» их планы,

352

60 Джавид-бей родился в 11875 г. в Салониках; в 1896 г. окончил «гражданскую школу» в Стамбуле. После нескольких лет службы в Сельскохозяйственном банке и министерстве просвещения вновь возвратился в Салоники, где занял пост директора «Мектеби тафаюз» («Школы прогресса») и здесь же стал активным членом «Иттихад ве теракки».

В османском национальном собрании, открывшемся после революции 1908 г., был депутатом от Салоник и являлся председателем бюджетной комиссии, а вскоре стал министром финансов. В 1908—1914 гг. неоднократно менял посты, выходил в отставку и даже эмигрировал, а затем, возвратившись на родину, занял пост министра финансов в кабинете Махмуда Шевкет-паши.

61 Будучи во Франции в начале 1914 г., Джавид-бей заказал на французских заводах в счет будущих кредитов 376 горных орудий, 50 млн. патронов, две подводные лодки, шесть миноносцев для турецких вооруженных сил [[153, стр. 9—10].

62 Вскоре после парижских переговоров Джавид-бея морское министерство Турции, по настоянию Энвер-паши, заключило с германскими фирмами Круппа контракт на изготовление 1000 орудий разного калибра для турецкой армии (114, л. 92],

Глава IV

1 Подробнее об этом см.: {346; 347}. Автор настоящей работы не ставил перед собой цели обстоятельно исследовать проблемы влияния войны на экономику Турции. В работе освещаются лишь те стороны этой

проблемы, которые были тесно связаны с внутренней политикой младотурецкого правительства в годы первой мировой войны.

2 Начало капитуляционного режима в Турции относится к 1535 г., когда султан Сулейман Кануни с целью заключения союза с Францией против Австрии и как символ могущества Османской империи предоставил на территории империи ряд привилегий французским подданным. Капитуляционный режим нашел свое формальное выражение во франко-турецком договоре 1740 г.

Правительство Османской империи неоднократно делало попытки ликвидировать капитуляционный режим. Еще на Парижском конгрессе в 1856 г., когда турецкий представитель Али-паша поднял этот вопрос, союзники Турции — представители Англии и Франции иронически заявили, что капитуляционный режим должен оставаться в силе якобы «вследствие все еще недостаточной цивилизованности Турции». Безуспешными оказались и подобные попытки Абдул Хамида II в 1881 и 1888 гг. Турки считали капитуляционный режим своим внутренним делом в силу того, что он был «добровольно предоставлен турецкими султанами», европейцы же считали его «звеном международных соглашений» (см. 306, стр. 16—18).

3 В связи с тем что Германия и Австро-Венгрия находились в состоянии войны с Антантой, согласование текста ноты и ее представление взял на себя, по инициативе Вангенгейма, посол Италии.

4 По данным Н. Сокольского, население Османской империи составляло 20 млн. человек 1 [см. 373, стр. 27].

5 Как указывает американец Гордон, в 1908—1918 гг. из Турции

23 Г. 3. Алиев

в США прибыло 200 тыс. эмигрантов, значительная доля
Который приходится на годы войны ! [694, стр. 305].

6 Посредники — сборщики налогов.

7 Один мешок пшеницы, например, до
войны стоил 0,7 лиры, а в годы войны — 51 лиру [[348, стр.
94].

8 Е. К. Саркисян полагает, что «годы войны
ознаменовались крупными сдвигами во внешней торговле
Турции», но приведенные самим автором цифры
опровергают его мысль. Кроме того, автор упустил из виду
и такой важный фактор, как обесценение турецкой валюты
во время войны [см. 368, стр. 303].

9 Как указывает С. Мирный, в соответствии
с этим законом Оттоманский банк в сентябре 1914 г.
выпустил банкнот на 11,5 млн. долл., а в январе 1915 г. — на
9 млн. долл. [333, стр. 470].

10 К этому времени в обращении находилось
50 млн. лир (золотой, серебряной и никелевой чеканки).
Кроме того, в обращении было 10 млн. лир иностранной
металлической валюты и 1 млн. лир банкнот Оттоманского
банка.

11 После окончания войны и заключения
Мудросского перемирия Оттоманский банк, пользуясь
обесценением бумажных денег, скупил свои банкноты по
очень низким ценам и, таким образом, вновь оказался в
выигрыше за счет народа.

12 По мнению американского исследователя
Е. Мирса, общий государственный долг Турции к этому
времени составлял 465,6 млн. лир (см. 719, стр. 402—403].

13 Франция должна была предоставить эту
сумму двумя взносами по 500 и 300 млн. фр. По условиям
договора Турция обязалась выплатить из этих денег
«текущие» долги (краткосрочные и авансы). После выплаты
из первого взноса осталось всего 120 млн. фр., из них 10
млн. фр. было израсходовано на железнодорожное

строительство, а остальная часть на погашение внутренней задолженности, в основном на выплату жалованья чиновникам.

14 Вступление Турции в войну, разумеется, объяснялось не столько финансовыми соображениями, сколько экспансионистской политикой младотурецкого правительства, его стремлением не только спасти Османскую империю от расчленения, но и расширить ее за счет новых территориальных захватов на Востоке.

15 Снабжение Стамбула водой в военные годы стало целой проблемой. До войны снабжение водой находилось в руках двух иностранных компаний, одна из которых во время войны перестала функционировать.

Глава V

1 Например, в 1912 г. меджлис дважды распускался фирманом султана Мехмеда V Решада. В 1912—1914 гг. в стране не былс меджлиса. При султани Мехмеде Вахидэддине меджлис также распускался дважды (в ноябре 1918 г. и апреле 1920 г.).

2 На протяжении войны центральный комитет партии неоднократно публиковал подобные заявления '[89, л. 300].

3 В обращении говорилось: «Наша доблестная армия и флот! Наступило время мести, которую в течение веков ждала нация, стар и млад, живые и погибшие. Вы противостоите самому большому врагу османизма и исламизма — России и ее англо-французским союзникам. Разгромите их и отомстите за растоптанные ими наши очаги, нанесенные раны и погибших под их ударами мучеников. Да сгинет позор поражений, пятнавший нас, и пусть Аллах и пророк будут довольны нами... Взоры Османской нации и всего мусульманского мира устремлены на вас» {см. 471, стр. 427—428}.

4 Секретный фонд в ведении министров.

5 Когда у него спросили о причине отставки, он сказал Али Фуад-бею: «Видя в доме Энвера такие приемы и роскошь за счет государства, я считаю невозможным сотрудничать с подобными людьми» [610, стр. 122].

6 «Нет закона — издадим его», «издадим — будет закон, отменим — не будет его» (458, стр. 96].

7 Турецкие авторы приводят различные данные о численности эвакуированных мусульман. По утверждению Талаат-паши из восточных вилайетов было эвакуировано 600 тыс. мусульман. Но эта цифра, несомненно, намеренно преувеличена [[594, стр. 75].

8 По особому соглашению, заключенному еще в 1861 г. между западными державами и султаном Абдул Азизом, Ливану, большинство населения которого составляли христиане, была предоставлена автономия в рамках империи. В дальнейшем, в 1912 г., султан с некоторыми изменениями вновь утвердил это соглашение.

9 После Парижского конгресса всех оппозиционных режиму Абдул Хамида сил, состоявшегося под руководством «Иттихад ве теракки» в 1907 г., большинство арабских националистических организаций, представлявших собой разрозненные группы, объединялось в общество «Лямарказия». Накануне войны турецкое правительство объявило амнистию членам этого общества, центр которого находился в Каире. Но вскоре после начала войны они были преданы военному трибуналу.

10 О порядке высылки «подозрительных» ф. Р. Атай пишет следующее: «Ежедневно мы (штаб Джемаль-паши.— Г. А.) получали телеграммы из вилайетов и от мутесаррифов о «злоумышлениях» отдельных семей «против государства» и просьбой разрешения на их высылку. В ответ на эти телеграммы отвечали коротко: «целесообразно». На резолюции на такой телеграмме

командующий армией указывал любое место ссылки, какое ему хотелось, начиная от Эрзинджана и до Бурсы» (458, стр. 97].

[И Один турецкий автор писал, что «во время первой мировой войны слова „убить“, „повесить“, „устроить покушение“ произносились с такой же легкостью, как уплата штрафа в пять лир» {458, стр. 92].

12 На основании жалобы деятелей духовенства и некоторых племенных вождей, Энвер-паша лишь отменил закон, разрешавший командующим армиями приводить приговоры в исполнение до утверждения их султаном.

13 Вскоре по настоянию Талаат-паши Кара Кемаль был вызван обратно.

14 Хюсамеддин Эртюрк в своих воспоминаниях пишет, что подпольными силами «особой организации», действовавшими в ряде стран Азии и Африки, непосредственно руководил брат Энвер-паши — Нури-паша. По приказу Нури-паши многие офицеры были направлены в Египет, Афганистан, Индию и Судан. В этих странах они должны были поднимать население на «священную войну», а также проводить диверсионно-подрывную работу: уничтожать дороги, мосты, гидроэлектростанции и другие объекты военного значения.

354

23*

355

О значении, придаваемом младотурками этой организации, можно судить по тому, что 19 сентября 1918 г., когда военное поражение Турции ни у кого не вызвало сомнений, Энвер-паша, Талаат-паша и Джемаль-паша, вызвав к себе Хюсамеддин-бея, сообщили ему о своем предстоящем бегстве из страны и дали инструкции относительно того, каким образом после капитуляции сохранить «особую

организацию», но уже под новым названием — «Исламское революционное общество» («Умум ислам ихтиляль джемиети») {см. 514, стр. 278}.

15 Дело лошло до того, что Джемаль-паша, подозревая в связях с итилафистами даже наследника султана Мехмеда Вахидэддинь с весны 1918 г. ставшего султаном, установил за ним особый надзор (см. 565, стр. 61—62].

16 Еще в 1910—1911 гг. младотурецкое правительство на средства, собранные у населения, заказало английской фирме «Армстронг» два броненосца. По договору фирма должна была сдать корабли летом 1914 г., однако несмотря на то, что турецкое правительство полностью выплатило причитающиеся с него суммы, британское морское министерство конфисковало корабли и отказалось передать их владельцу.

17 Подполковник германской службы Кресс фон Крессенштейн, произведенный в конце войны в чин генерала, был начальником штаба Джемаль-паши.

18 Большая заслуга в победе турецкой армии в Дарданельском сражении принадлежит Мустафе Кемаль-бею (впоследствии — паша). В начале войны военный атташе Турции в Софии подполковник Мустафа Кемаль-бей обратился в генеральный штаб и лично к Энвер-паше с просьбой предоставить ему возможность принять активное участие в войне. Но ему тогда не дали положительного ответа. Позднее Мустафа Кемаль-бей занимался формированием 19-й дивизии в Текирдаге и вскоре получил приказ защищать с этой дивизией район Анафарты. 26—28 августа 1915 г. анафартин-ская группировка турецкой армии, перейдя в контрнаступление, нанесла тяжелый удар по войскам Антанты. После этого в контрнаступление перешли и другие части фронта, что в конечном итоге завершилось полным успехом турецкой армии в Дарданельской

операции.

19 Видный хирург Джемиль-паша — один из тех, кто был недоволен господством в Турции Германии и ее ставленника Эн-вер-паши. Его близость и частые свидания с главой сенатской оппозиции Ахмедом Риза-беем возбуждали у сторонников Энвер-паши подозрительность. Еще в 1913 г., во время болезни Энвер-паши, Джемиль-паша сделал ему операцию, не подозревая, что находился под наблюдением его людей. Впоследствии Джахид Ялчин говорил Джемиль-паше: «Если бы Энвер-паша умер, майор Якуб Джемиль должен был бы убить вас» [565, стр. 373].

20 (По словам Генри Моргентау, посла США в Турции, Энвер-паша, касаясь вопроса мира с Антантой, заявил в беседе с ним, что пойдет на это лишь при условии принятия германо-турецких требований (722а, стр. 387—388]).

21 Как пишет Г. Моргентау, в 1916 г. Энвер-паша обратился к нему с просьбой о посредничестве президента Вильсона между Антантой и германо-турецким блоком. Энвер-паша обосновал свое предложение тем, что в то время германо-турецкий блок имел значительное превосходство над Англией.

356

22 В цитированных выше работах Мустафы Рагиба и Хусамедди-на Эртюрка приводятся подробные сведения о том, как Талаат через председателя военного трибунала и Кара Кемаля старался оказать на арестованного Якуба Джемиля давление с тем, чтобы тот доказал, что заговор был организован приспешниками Энвера.

23 Сабанчалы Хаккы, Хюсрев Сами, офицеры Наиль-бей и Му-рад-бей были сосланы в Анатолию.

Глава VI

1

В обращении говорилось: «Мы, рабочие

и солдаты, объединившись с петроградскими рабочими и солдатскими комитетами, шлем вам свой искренний привет и даем вам знать о великом деле. Русская демократия, освободившись от режима самодержавного императора, стремится освободить от такового народы всего мира. Отныне нет русского императора, жандарма всей Европы. Да ляжет он под черной землей, под тяжелыми камнями... Дело еще не совсем кончено. Не рассеяны еще тени старого порядка и немало еще противников имеет обновленная Россия... Все граждане России должны быть политически свободны. Отныне сам народ решает как внутренние, так и внешние вопросы. Беря во внимание жертвы и пролитую кровь в этой кровавой войне, мы открыто можем сказать всем народам, что мы захватную цель не преследуем и что пусть сам народ только решает вопрос о войне и мире. Мы, рабочие и солдаты свободной России, обращаясь к рабочим и солдатам Турции, Австрии и Германии, заявляем, что вы обмануты тем, что, начиная войну с Россией, вам внушали и напугали вас тем, будто Россия захватит и отберет вашу землю. Отныне нет у нас ни самодержавия, ни захватных целей. Мы в настоящее время всеми силами закрепляем дорогую свободу от внутренних и внешних врагов. Защищая свободу, граждане России в то же время не позволят неприятелям захватить наши территории и чтобы впоследствии снова восторжествовало самодержавие. Мы, братья, приглашаем и вас так же, как мы, сбросить знамя самодержавия и отказаться от захватных целей, и мы, действуя рука об руку, положим конец войне. Рабочие всего мира! Мы протягиваем вам свои руки, учитывая пролитые реки крови, и слезы, и разрушенные города и села, и хотим с вами объединиться. Да будет такое объединение основанием и причиной свободы всего человечества. Объединитесь, рабочие всего мира!» [106, л. 334].

русской и турецкой армий Осман-бей сослался на доставленное им письмо от русского военнопленного прапорщика Капитонова, в котором указывалось, что после февральских событий в России турецкие солдаты и даже многие офицеры, несмотря на возражения и препятствия, чинимые германскими офицерами, стали относиться к русским военнопленным значительно лучше {105, л. 239}.

3 В этой поездке Вахидэддина сопровождал генерал Мустафа Кемаль-паша. Большинство турецких авторов полагают, что, направляя Кемаль-пашу в Германию, Энвер-паша преследовал цель доказать своему противнику, всегда протестовавшему против господства Германии в Турции, непобедимую мощь Германии, в которую он сам глубоко верил. Мустафа Кемаль-паша побывал на германском западном фронте и заявил Вахидэддину, что «у него

357

не осталось никаких сомнений» относительно близкой катастрофы Германии .[491, стр. 10].

4 Фалих Рыфкы Атай, сопровождавший Джемаль-пашу, пишет, что «во время этой поездки мы убедились в истощении Германии и Австро-Венгрии, в ненависти бельгийцев к Германии. Возвращаясь на родину, мы потеряли последние капли надежды в нашу победу». Интересно следующее образное замечание автора: «С обеда, данного в нашу честь кайзером, мы ушли, не наевшись досыта» {458, стр. 108}.

5 3. Навширванов указывает, что в период войны высказывание в Турции демократических мыслей было абсолютно невозможным. «Что касается социализма, об этом не только нельзя было писать, но за одно упоминание слова „социализм" палачи Энвера бросали людей в тюрьмы» (342, стр. 320).

6 Немецкий журнал «Дер нейс Ориент»

(«Новый Восток») полностью напечатал в виде приложения опубликованные Советским правительством документы. Вскоре они были изданы в Турции в виде отдельной брошюры.

7 Первоначально, 20 ноября 1917 г., военные действия были приостановлены на 10 дней.

8 Поскольку военная интервенция турок в Закавказье в 1918 г. представляет собой тему самостоятельного исследования, мы ограничиваемся общими замечаниями [подробнее см.: 386; 368].

9 Мустафа Субхи родился в 1883 г. в г. Гиресуне. По окончании училища правоведения в Стамбуле продолжал свое образование в Парижском университете. Возвратившись на родину после революции 1908 г., М. Субхи начал играть видную роль в турецком рабочем движении. Он был одним из организаторов Османской социалистической партии, созданной в 1910 г. В 1913 г. среди других лиц, ложно обвиненных в покушении на садразама Махмуда Шев-кет-пашу, оказался и М. Субхи. Сосланному в числе «трехсот» в Синопскую крепость М. Субхи за несколько месяцев до начала мировой войны удалось бежать в Одессу. Когда началась война, царское правительство сослало его на Урал, как «подданного враждебной страны». Но М. Субхи в ссылке продолжал революционную деятельность, поддерживал связь с большевиками и был одним из активных участников Октябрьской революции.

10 Сёйлемезоглу Талиб Кемали во время мировой войны был послом Турции в Афинах, а в 1918 г. был назначен послом в Москве [см. 579].

11 Вскоре после Эрзурумского конгресса, объединившего патриотические организации Анатолии, делегация представителей этих организаций прибыла в Баку, в то время находившийся под властью мусаватистов, и провела там ряд нелегальных совещаний с руководителями

Закавказского краевого комитета Коммунистической партии. После этого революционная часть турецких солдат и офицеров, находившихся в Азербайджане, приняла активное участие в свержении власти мусаватистов. В связи с этим С. М. Киров и Г. К. Орджоникидзе послали В. И. Ленину следующую радиogramму: «Весьма активную роль в пользу революции в Баку сыграли турецкие аскеры и офицеры, отряд которых пресек правительству (мусаватскому) возможность бежать из Баку» 1[402, стр. 56].

12 В этот период на других фронтах, в особенности на Кавказском, было относительно спокойно. Чувствовалась усталость враждующих армий, серьезная нехватка вооружения и боеприпасов.

358

Кроме того, в связи с отказом англичан от сотрудничества попытка русских войск генерала Баратова пройти через Иран и соединиться с английскими войсками на Месопотамском фронте не удалась.

13 Командующий британскими войсками на Месопотамском фронте генерал Мод в своем обращении по случаю захвата Багдада лицемерно заявлял, что история возложила на англичан почетную миссию избавления арабов от турецкого ига |[313, т. IV, стр. 73—74].

14 Оправдывая этот антинациональный поступок Энвер-паши, генерал Людендорф объясняет его проявлением «правильных чувств верного друга Ге*рмании Энвер-паши» [319, стр. 206].

15 По словам М. Ларше, в этот период турецкие войска на Кавказском и Синайском фронтах насчитывали 110 тыс. человек, а силы русских и англичан были в два раза больше [707, стр. 126].

16 Переход армейской группы «йылдырым» под контроль немцев вызвал недовольство патриотических

элементов страны. Командующий Седьмой армией, входившей в группу «Йылдырым», Муста-фа Кемаль-паша в знак протеста против германского засилья подал в отставку и выехал в Стамбул.

Недовольство в армии приняло такие масштабы, что Энвер-паша вынужден был перевести большинство германских офицеров из командования «Йылдырым» на другие фронты. Это, в свою очередь, вызвало споры между ним и Людендорфом по вопросу о том, кому — Энвер-паше или главе германской военной миссии — должны подчиниться германские офицеры [410, стр. 155].

17 Делегация «Закавказского сейма» состояла из 40 человек. Турецкая печать в связи с этим с насмешкой отмечала, что «если это воинская сила, то она слишком мала, а если мирная делегация--слишком велика» [см. 760].

18 Чхенкели собирался заключить «мир» за счет уступки туркам значительной части территории Армении, а дашнакские руководи'тели Хатисов и Казанчуни, напротив, за счет уступки им Батума, Артвина и Ардахани.

19 Во время этих боев генерал Лиман фон Сандерс чуть было не попал в плен; ему с трудом удалось бежать. Командование остатками группы «Йылдырым» было поручено Мустафе Кемаль-паше.

20 После отставки с поста военного министра в декабре 1913 г. маршал Ахмед Иззет-паша до конца первой мировой войны не занимался политической деятельностью.

21 В эти дни Мустафа Кемаль-паша в телеграмме старшему адъютанту султана Наджи-бею писал, что его включение в состав правительства в качестве военного министра будет полезным для страны.

Впоследствии на вопрос историка Б. Ю. Хикмета — «Что Вы предполагали предпринять, если бы Ваше желание было исполнено?» — Мустафа Кемаль Ататюрк отвечал: «Вместе

с падишахом и членами правительства выехал бы в Анатолию и оттуда руководил бы мирными переговорами» [778. 1957, т. XXI, стр. 562—563].

22 С зарождением в Анатолии национально-освободительного движения Энвер-паша пытался вернуться в Турцию. Но план его поездки в Турцию был отвергнут Мустафой Кемалем. В ноябре 1921 г. Энвер-паша отправился в Бухару, где перешел на сторону басмачей и боролся против Советской власти; был убит во время одного из рукопашных боев 4 августа 1922 г. Джемаль-паша из Германии переправился в Афганистан, где руководил «реорганизацией»-афганской армии.

Возвращаясь осенью

359

1922 г. после переговоров с европейскими державами о покупке вооружения для афганской армии, Джемаль-паша был убит армянскими националистами в Тифлисе. Талаат-паша был убит 15 марта 1921 г. в Берлине.

23 После бегства Талаат-паши и отставки его заместителя Зия Гёкалпа их места в руководстве партии заняли поэт Мехмед Эмини и Шамседдин Гюналтай

24

В центральный комитет партии «Теджаддуд» вошли следующие лица: сенатор Хюсни-паша (председатель), сенатор Саид-бей, Шамседдин Гюналтай, д-р Тевфик Рушти (Арас), "бывший министр внутренних дел Исмаил Джанбулат-бей и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Классики марксизма-ленинизма*

1. Маркс К., Британская политика.— Дизраэли.— Эмигранты.— Мадзини в Лондоне.— Турция,— т. 9.

2. М а р к с К., Что будет с европейской Турцией,— т. 9.

3. М а р к с К., Первое воззвание Генерального Совета Международного товарищества

- рабочих о франко-прусской войне,— т. 17,
4. М а р к с К., Капитал, т. I,— т. 23.
5. М а р к с К., Капитал, т. III,— т. 25, ч. I.
6. М а р к с К., Капитал, т. III,— т. 25, ч. II.
7. Маркс — Энгельсу в Рамсгет. 25 мая 1876 г.,— т. 34.
8. Э н г е л ь с Ф., Введение к брошюре Боркхейма «На память ура-патриотам 1806—1807 годов»,— т. 21.
9. Э н г е л ь с Ф., Предисловие к английскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1888 года,— т. 21.
- Ю.Энгельс — Вильгельму Бракке в Брауншвейг. 25 июня 1877 г.—т. 34.
- .
- П.Ленин В. И., К характеристике экономического романтизма,— т. 2.
12. Ленин В. И., По поводу государственной росписи,— т. 6.
13. Л е н и н В. И., Русский царь ищет защиты от своего народа у турецкого султана,—т. 10.
14. Л е н и н В. И., Борьба пролетариата зии,— т. 10.
15. Л е н и н В. И., Две тактики социал-демократии в демократической революции,— т. 11.
16. Л е н и н В. И., К вопросу об общенациональной революции,— т. 15.
17. Ленин В. И., Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции,— т. 16.
18. Л е н и н В. И., Горючий материал в мировой политике,— т. 17.
19. Л е н и н В. И., Аграрный вопрос в России к концу XIX века,— т. 17.
- и холопство буржуа-
- * Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса указаны по

Сочинениям, изд. 2; В, И, Ленина — по Полному собранию сочинений.

361

20. Л е н и н В. И., События на Балканах и в Персии,— т. 17.

21. Ленин В. И., Новая глава всемирной истории.— т. 22.

22. Ленин В. И., О лисе и курятнике,— т. 22.

23. Л е н и н В. И., Социальное значение сербско-болгарских побед,— т. 22.

24. Л е н и н В. И., Конец войны Италии с Турцией,— т. 22.

25. Л е н и н В. И., Исторические судьбы учения Карла Маркса,— т. 23.

26. Ленин В. И., Пробуждение Азии,— т. 23.

27. Л е н и н В. И., К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства,— т. 23.

28. Л е н и н В. И., О праве наций на самоопределение,— т. 25.

29. Ленин В. И., Социализм и война.— т. 26.

30. Ленин В. И., Новые данные о законах развития капитализма в земледелии,— т. 27.

31. Ленин В. И., Империализм, как высшая стадия капитализма,— т. 27.

32. Ленин В. И., О сепаратном мире,— т. 30.

33. Л е н и н В. И., Доклад о революции 1905 года,— т. 30.

34. Л е н и н В. И., Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический,— т. 30.

35. Л е н и н В. И., Воззвание к солдатам всех воюющих стран,— т. 31.

36. Ленин В. И., Письма о тактике,— т. 31.

37. Ленин В. И., Внешняя политика русской

революции,—т. 32.

38. Ленин В. И., Государство и революция,— т. 33.

39. Ленин В. И., Доклад о внешней политике на Объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г.,— т. 36,

40. Ленин В. И., О государстве,— т. 39.

41. Ленин В. И., Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г.,— т. 39.

42. Ленин В. И., Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам,— т. 41.

43. Ленин В. И., III Конгресс Коммунистического Интернационала '22 июня — 12 июля 1921 г.,— т. 44.

44. Ленин В. И., Интервью корреспонденту «Обсервер» и «Манчестер гардиан» Фарбману,— т. 45.

II. Архивные материалы

Архив внешней политики России (АВПР)

45. ф. «Канцелярия МИД», д. 23, т. I.

46. ф. «Канцелярия МИД», 1908, д. 38.

47. ф. «Политархив», 1905, д. 539.

48. ф. «Политархив», 1906, д. 540.

49. ф. «Политархив», 1908, д. 541.

50. ф. «Политархив», д. 409.

51. ф. «Политархив», д. 781.

52. ф. «Политархив», д. 1026.

53. ф. «Политархив», д. 1030.

54. ф. «Политархив», д. 1031.

55. ф. «Политархив», д. 1034,

362

56. ф. «Политархив», д. 1241.

57. ф. «Политархив», д. 1244.

58. ф. «Политархив», д. 1428. 58а. ф.

«Политархив», д. 768.

59. ф. «Политархив», д. 1430.

60. ф. «Политархив», д. 1479.

61. ф. «Политархив», д. 1642.

62. ф. «Политархив», д. 1643.

63. ф. «Политархив», д. 1678.

64. ф. «Политархив», д. 3311.

65. ф. «Политархив», д. 4657.

66. ф. «Политархив», д. 4662.

67. ф. «Политархив», д. 4663.

68. ф. «Посольство в Константинополе», д. 1253.

69. ф. «Посольство в Константинополе», д. 2482.

70. ф. «Посольство в Константинополе», д.

2677. 70а. ф. «Посольство в Константинополе», д. 2622.

71. «Секретный архив министра; док. № 592 — из секретной телеграммы МИД царской России в Париж и Лондон от 1 февраля 1915г.).

72. «Секретный рапорт Российского императорского генерального консульства в Азербайджане. 3 сентября 1905 г. за № 36».

73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87.

90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100.

Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА)

ф. «Турция» 450, д. 113.

ф. «Турция» 450, д. 121.

о. «Турция» 450, д. 132.

ф. «Турция» 450, д. 142.

ф. «Турция» 450, д. 145.

ф. «Турция» 400, оп. 290, дд. 180—642.

ф. «Турция» 130, оп. 3, д. 176.

Главное управление генштаба (ГУГШ), ф. 2000, д. 104.

ГУГШ, ф. 2000, д. 152.

ГУГШ, ф. 2000, д. 397.
ГУГШ, ф. 2000, д. 429.
ГУГШ, ф. 2000, д. 475.
ГУГШ, ф. 2000, д. 525.
ГУГШ, ф. 2000, д. 548.
ГУГШ, ф. 2000, д. 719.
ГУГШ, ф. 2000, д. 752.
ГУГШ, ф. 2000, д. 824.
ГУГШ, ф. 2000, д. 991.
ГУГШ, ф. 2000, д. 1017.
ГУГШ, ф. 2000, д. 3821.
ГУГШ, ф. 2000, д. 3827.
ГУГШ, ф. 2000, д. 3832.
ГУГШ, ф. 2000, д. 3852.
ГУГШ, ф. 2000, д. 3854.
ГУГШ, ф. 2000, д. 3859.
ГУГШ, ф. 2000, д. 3885.
ГУГШ, ф. 2000, д. 3891.
ГУГШ, ф. 2000, д. 3895.

363

101. ГУГШ, ф. 2000, дд. 171—733. 101 а.

ГУГШ, ф. 2000, д. 2870.

102. ф. 1327, оп. 1, д. 14. '103. ф. 2003, оп. 1,
д. 1205.

104. ф. 2003, оп. 1, д. 1231.

105. ф. 2168, оп. 1, д. 201.

106. ф. 2168, оп. 1, д. 279.

Центральный государственный архив военно-морского
флота (ЦГА ВМФ)

107. ф. «Морской генеральный штаб» 418,
оп. 1, д. 4188.

108. ф. «Морской генеральный штаб» 418,
оп. 1, д. 4192.

109. ф. «Морской генеральный штаб» 418,
оп. 1, д. 3412. ПО. ф. «Морской генеральный штаб» 418, оп.

- 1, д. 4196.
 111. ф. «Морской генеральный штаб» 418,
оп. 1, д. 4201.
 112. ф. «Морской генеральный штаб» 418,
оп. 1, д. 4209.
 113. ф. «Морской генеральный штаб» 418,
оп. 1, д. 4218. .
 114. ф. «Морской генеральный штаб» 418,
оп. 1, д. 4288.
 115. ф. «Военно-морской агент в Турции»
898, оп. 1, д. 34.
 116. ф. «Военно-морской агент в Турции»
898, оп. 1, д. 37.
 117. ф. «Военно-морской агент в Турции»
898, оп. 1, д. 47.
- Центральный государственный архив Октябрьской
революции (ЦГАОР)
118. ф. 130, оп. 3, д. 176.
 119. ф. 1318, оп. 1, д. 619.
- Центральный государственный архив Октябрьской
революции Азербайджанской ССР (ЦГАОР АзербССР)
120. ф. 62, оп. 1, д. 41.
 121. ф. 62, оп. 1, д. 59.
 122. ф. 211, д. 30.
- III. Источники
123. «Белая книга о войне с Турцией.
Дипломатическая переписка Англии, предшествовавшая
войне с Турцией», Пг., 1914.
 124. «Большевики в борьбе за победу
социалистической революции в Азербайджане. Документы
и материалы 1917—1918 гг.», Баку, 1957.
 125. «Борьба за победу Советской власти в
Грузии. Документы и материалы (1917—1921 гг.)»,
Тбилиси, 1958.
 126. «Великая Октябрьская

- социалистическая революция и победа Советской власти в Армении. Сборник документов», Ереван, 1957.....*
127. «Внешняя политика СССР. 1917—1944 гг. Сборник документов», т. I, М., 1944.
364
128. «Вторая оранжевая книга. Дипломатическая переписка России, предшествовавшая войне с Турцией», Пг., 1914.
129. «Германские оккупанты в Грузии в 1918 г. • Сборник документов и материалов», Тбилиси, 1942.
131. «Доклады бывшего министра иностранных дел С. Д. Сазонова Николаю Романову. 1910—1912 гг.»,—«Красный архив», т. 3, 1923.
132. «Дневник войны России с Германией, Австро-Венгрией и Турцией. Сборник Высочайших манифестов, воззваний и телеграмм Верховного главнокомандующего, правительственных сообщений и официальных телеграмм о ходе военных действий», вып. 1—2, Пг., 1914.
133. «Документы внешней политики СССР», т. I, М., 1957.
134. «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», Тифлис, 1919.
135. «Ежегодник Коминтерна», 1923.
- 136 «Красный архив», т. 8, 9, 1925; т. 15, 16, 1926; т. 43, 44, 1930; т. 45, 1931.
137. «КПСС в резолюциях и решениях», ч. I, М., 1954.
138. Ключников Ю. В., С а б а н и н А. В., Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. I—II, М., 1925—1926.
139. «Константинополь и проливы (по секретным документам б. Министерства иностранных дел)», т. I—II, М., 1925—1926.

140. «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», ч. I—II, М., 1925—1926.
141. «Первый конгресс Коминтерна, март 1919», М., 1933.
142. «Раздел Азиатской Турции (по секретным документам б. Министерства иностранных дел)», М., 1924.
143. «Реформы в Армении.. Сборник дипломатических документов Министерства иностранных дел», № 73, 1915.
144. «Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении, 26 ноября 1913 г., 10 мая 1914 г.», Пг., 1915.
145. «Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове»,— «Русская старина», ежемесячное историческое издание, год XVI, 1915.
146. «Сборник документов из архива б. Министерства иностранных дел. №1», (Пг.), 1917.
147. «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. I. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1924 г.», М., 1924.
148. «Сводка сведений о сопредельных странах, добытых разведкой», № 1—59, Тифлис, 1911—1913.
149. «Труды Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКШБ)», т. XII, Баку, 1948.
150. «Типография Комиссариата по иностранным делам», (Пг.), 1917.
151. «ВгШЗЪ Ооситеп1з оп 1Ъе Оп§тз о! Ше уол. 1—11, ЫошЪп, 1926— 1934.
152. «Ооситеп1з апс! 51а1езтегЙ5 1916—

Ноует. 1918)», Бопйоп, 1919.

153. «Роситегйз сНрlота{lциез {гап9а!з, 1871 — 1914», 1898—1914»,

Реасе Ргорозаlз (Оес.

1 — 14, 365

2,-те зёпе (1901—1911); уоl. 1—11, 3-те зёпе (1912—1914), Рапз.

154. «Ооситепl:5 ш'рlотаlldиез !гапсаlз ге!аШз аих опдтез <le la §иегге 1914», 3-те зёпе ;[1911—1914], УО!. IV, с!ос. № 91.

155. «0le §гоззе РоlШк йег Еигораlзспеп КаЪтеИе, 1871 Ыз 1914», Вй 26—29, ВегНп, 1924.

156. «Ба уёпЧё зиг la ^иез^^оп 5иг!еппе. РиЪНсаНоп раг le Соттоп-йатеп! Йе la lУ-те Агтёе», lзlапБиl, 1916.

157. «Рарегз Кеlаlтд lo lЪе Рогеl§п Кеlаlлопз оГ !Ъе Шйес! 5lаlеz 1914—1918», ^азЪт^оп, 1942—1945.

158. «РагНатегйагу ОеЪаlеz. Ноизе оГ Соттопз. ОГГ!сlаl Керогl», Бопйоп, 1912—1913.

159. «РагНатепl:агу Рарегз. Тигкеу. II», Бопйоп, 1905.

160. «ТЪе Ыапзlп§ Рарегз», 1914—1920, уоl. I—II, 1939—1940.

161. 162.

اموال غير منقوله قانونلارى، در سعادت، ۱۳۲۲
تورکيه قانون و قرارلار، متمم، ۱۵ محرم، ۱۳۸۹ دن ۸
رجب ۱۳۲۵، ۱۵ تشرين ثاني ۱۲۸۷ دن ۴ آغستوسى ۲۳ تاريخينه
قدر تنظيم قلوب، در سعادت، ۱۳۳۵—۱۳۳۳

163. تورکيه، قانونلار، تعطيل اشغال قانونو، استانبول، ۱۳۲۵

164. دستور، برينجى ترتيب، جلد ۱—۴ در سعادت ۱۲۹۰—۱۲۹۴

165. دستور ايکينجى ترتيب، جلد ۱، استانبول، ۱۳۰۲

166. ژاندارمه نظامنامه، همایون، استانبول، ۱۳۲۴

167. عثمانلى اتحاد و ترقى جمعيتينيگ ۱۳۲۷ سنهسى سياسى

پروگرامى، استانبول، ۱۳۲۷

IV. Исследования

168. Аверьянов П. И., Этнографический и

военно-политический обзор Азиатских владений
Оттоманской империи, СПб., 1912.

169. Аветян А., Германский империализм
на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны,—
«Известия АН Арм. ССР», общественные науки, № 6, 1958.

170. Адамов А. А., Ирак арабский,
Бассорский вилайет в его прошлом и настоящем, СПб.,
1912.

171. А ли беков И. В., Государственный
капитализм в Турции, М., 1966.

172. Алиев Г. З., Иностранный капитал в
Турции, Баку, 1962 (на азерб. яз.).

173. Алиев Г. З., О внутренних
противоречиях в партии «Иттихад ве теракки»,— «Краткие
сообщения Института народов Азии АН СССР», № 73,
1963.

174. Алиев Г. З., Турция в период первой
мировой войны, Баку, 1965 (на азерб. яз.).

175. Алимов А., Турция,— «Очерки по
истории Востока в эпоху империализма», М.— Л., 1934,
176. 177.

178.

179. 180.

181. 182. 183.

185. 186.

Алькаева Л. О., Очерки по истории турецкой литературы.
1908—1939, М., 1959.

А и ш и н М., Освободительное движение в Турции (Опыт
исторического исследования),— «Московский
еженедельник», 1908, № 30—33.

А и ш и н М., За кулисами турецкой действительности,—
«Московский еженедельник», 1908, № 37, 38, 40—42. Амин
С., Великое арабское восстание, М., 1940. А р а л о в С.
И., Воспоминания советского дипломата, 1922—1923,
М., 1960. «Армянский сборник», изд. 2-е, М., 1915. Ар нот

П., Мировая политика нефти, М.— Л., 1925. [Аргутинский и Долгоруков А. М.], Доклад кн. А. М.

Аргутинского-Долгорукова о командировке в Трапезунд (доложено в заседании глав. кав. Всеросс. Союза городов 16 апреля 1916 г.), Тифлис, 1916.

Арсеньев Н., Очерки 'современной Турции,— «Новый Восток», 1922, № 2.

А р с л а н, Современная Турция, М., 1923.

А р ш Г. Л., Британская дипломатия и миссия Лимана фон Сандерса,— «Вестник Ленинградского университета», 1949, № 11.

187. Астахов Г., От султаната к демократической Турции. Очерки из истории кемализма, М.— Л., 1926.

188. А стон Дж., Британская контрразведка в мировой войне, М., 1939.

189. А т р п е т, Младотурецкое движение и возникновение конституции Оттоманской империи,— «Русская мысль», кн. VIII, 1908.

190. Ахундов Ш., Провал авантюры Энвер-паши — ставленника англо-американского империализма в Средней Азии, Сталинабад, 1955.

191. Бабаходжаев А. Х., Пантюркизм — орудие идеологической диверсии империализма,— «Труды Института востоковедения АН Узбек. ССР», вып. II, Ташкент, 1954.

192. Б а г и р о в Ю. А., Из истории советско-турецких отношений (1920—1922 гг.), Баку, 1965.

193. Баженов И. Р., Наша внешняя политика на Ближнем Востоке с национальной точки зрения, СПб., 1913.

194. Баранов Е., Война с Турцией и армяне, М., 1915.

195. Барт А., Царьград и окрестности, Пг., 1915.

196. Бартольд В. В., Турция, ислам и христианство. Вырезки из «Ежемесячного журнала», 1915, № 2.
197. Бартольд В. В., Из прошлого турок, Пг., 1917.
198. Бауэр О., Революция Ближнего и Дальнего Востока,— «Вестник знания», кн. 2, 1912.
199. Бега к Р., Суд над англичанами, сдавшими Баку туркам в 1918 г., Баку, 1927.
200. Безобразов П. В., Раздел Турции, Пг., 1917.
201. Белоруссов, Эволюция политических идей в современной Турции. (Письмо из Константинополя),— «Вестник Европы», кн. 7, 1909.
202. Белоруссов, Новая и старая Турция. (Письмо из Константинополя),— «Вестник Европы», кн. 7, 1909.
203. Берти Л., За кулисами Антанты, Пг., 1924.
204. Б е т м а н Г., Мысли о войне, М., 1925.
367
205. «Библиография Турции» (1913—1917), М., 1961.
206. «Библиография Турции» (1917-1958), М., 1959.
207. Боев Ю. А., Ближний Восток во внешней политике Франции, Киев, 1964.
208. Бондаревский Г. Л., Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888—1903), Ташкент, 1955.
209. Б у т а е в И., Проблемы Турции, М., 1925.
210. Бьюкенен Д., Мемуары дипломата, пер. с англ., М., 1925.
211. Бюлов Б., Воспоминания, М.— Л.,

1935.

212. Вакс Л., Очерки истории национально-буржуазных революций на Востоке, М., 1931.

213. Валуйский А. М., К вопросу о создании первых младо-турецких организаций,— «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. XIV, М., 1956.

214. Вартанян С., Победа Советской власти в Армении, Ереван, 1959.

215. Вашапели Г., Турецкая Грузия. Лазистан, Трапезунд и Чо-рокский край, М., 1916.

216. Вейдемюллер К., Пробуждение Турции,— «Современный мир», 1908, № 8.

217. Вейдемюллер К., Конец Абдул-Гамида,— «Современный мир», 1909, № 5.

218. Вейдемюллер К., По поводу турецких событий,— «Современный мир», 1912, № 8.

219. Вельтман М. П., Революционная Турция. Величие и падение Оттоманской империи (старая Турция). Турция Энвер бея и Ахмед Ризы. Турция Кемаля. Коммунистическое движение в Турции, [М.], 1921.

220. Виноградов К. Б., Буржуазная историография первой мировой войны, М., 1962.

221. Водовозов В., Старый режим в Турции; Младотурки,— «Турецкий сборник», СПб., 1909.

222. Вольский С., Македония и новый режим,— «Заветы», 1912, № 2.

223. «Война Италии с Турцией», СПб., 1912.

224. Габидуллин Х. З., Младотурецкая революция, М., 1936.

225. Галкин И., Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции (1905— 1912 гг.), М., 1960.

226. Гасанова Э. Ю., Идеология

буржуазного национализма в Турции в период младотурок (1908—1914), Баку, 1966.

227. Гафуров Б. Г., Октябрьская революция и национально-освободительное движение на Востоке,— «Коммунист», 1957, № 15.

228. Гении И., Экономическое проникновение Германии в Турцию,— «Труды Московского института востоковедения», т. 5, 1947.

229. Гельферих К.. Накануне мировой войны, пер. с нем. М., 1924.

,

,

230. Гешов И., Балканский союз. Воспоминания и документы, СПб., 1915.

231. [Гинденбург], Воспоминания Гинденбурга, Пг., 1922.

232. Гире А. А., Россия и Ближний Восток, СПб., 1906.

233. Гире А. А., Австро-Венгрия, Балканы, Турция, Пг., 1917.

368

234. Гоголев З., Советско-турецкие отношения 1918—1923 гг.,— «Ученые записки», вып. 2, Якутск, 1950.

235. Голобородько И. И., Старая и новая Турция, М., 1908.

236. Голобородько И. И., Турция, М., 1913.

237. Готлиб В. В., Тайная дипломатия во время первой мировой войны, пер. с англ., М., 1960.

238. Готовцев А., Операция в Палестине и Сирии. 1915—1918,— «Военно-исторический журнал», 1940, № 9.

239. Гордлевский В. А., Силуэты Турции,— Избранные сочинения, т. III, М., 1962.

240. Горцев, Младотурки и рабочий

вопрос,— «Современник»,
СПб., 1912, апрель.

241. Гранку р К., Тактика на Ближнем
Востоке, М.—Л., 1928.

242. Г у р к о-К р я ж и н В. А., Ближний
Восток и державы, М.,
1925.

243. Г у р к о-К р я ж и н В. А.,
Национально-освободительное движение на Ближнем
Востока, ч. I, М., 1923.

244. Г у р к о-К р я ж и н В. А.,
Политические группировки в Турции,— «Новый Восток»,
т. 3, 1923.

245. Г у р к о-К р я ж и н В. А., Четыре
конфликта,— «Новый Восток»,
1925, №1 (7).

246. [Гусейнов И.], Выступление доктора
исторических наук Гусейнова на обсуждении монографии
Е. А. Токаржевского...,— «Труды Азербайджанского
филиала ИМЭЛ», вып. VIII, Баку,
1947.

247. Г у т о р М. Д., Новейшая история
Турции и Персии (XVIII,
XIX и XX вв.), ч. I, Тифлис, 1913.

248. Дэвидсон А., К событиям в
Турции,— «Рассвет», 1909,
№ 16, 28.

249. Данциг Б. М., Пути экономического
развития Турции,— «Мировое хозяйство и мировая
политика», 1926, № 12.

250. Данциг Б. М., Турция (политико-
экономический очерк), М.,
1940.

251. Данциг Б. М., Турция, М., 1949.

252. Д е б о р и н Г., Международные

отношения в период завершения перехода к монополистическому капитализму 1894—1903 гг., М., 1941.

253. Денстервиль, Британский империализм в Баку и Персии в 1917—1918 гг. Воспоминания, пер. с англ., Тифлис, 1925.

254. Д р и о Э., Что ожидает Турцию, пер. с франц., Пг., 1916.

255. Д е р е н т а л ь А., Письмо из Константинополя,— «Вестник Европы», кн. 12, 1911.

256. «Доклад капитана Ап§1теиг о поездке по Персии и Месопотамии», пер. с франц.,—ИШКВО, № 26, 1909.

258. Елеонская Е., Турция (из серии «Война и культура»), М., 1915.

259. Енукидзе Д., Крах империалистической интервенции в Закавказье, Тбилиси, 1954.

260. Еремеев Д. Е., Кемализм и пантюркизм,— «Народы Азии и Африки», 1963, № 3.

261 Ерусалимский А., Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в., М.— Л., 1951.

262. Ефремов М., Взятие Баку,— «Военный вестник», 1922, № 7.

263. Ефремов П., Внешняя политика России 1907—1914 гг., М., 1961.

24 Г. 3. Алиев

369

264. Желтяков А. Д. и Петросян Ю. А., История просвещения в Турции, М., 1965.

265. З а в р и е в Д. С., К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции, Тбилиси, '1947.

266. З а в р и е в Д. С., Восточная Анатолия. Экономические очерки, Тифлис, 1936.

267. З а в р и е в Д. С., Экономика современной Турции, Тифлис, 1934.
268. З а и о н ч к о в с к и й А. М., Мировая война 1914—1918 гг., изд. 3, т. I—III, М., 1940.
269. Зарине Д., Основные черты национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах, М., 1958.
270. З и я - б е и, Убийца на троне. Записки начальника тайной полиции в Турции, Пг., 1918.
271. Зурабов А., Германский империализм в Турции,— «Летопись», 1917, № 5—6.
272. Извольский А., Воспоминания, пер. с англ., М., '1924.
273. Искендеров М. С., Из истории борьбы Коммунистической партии Азербайджана за победу Советской власти, Баку, 1958.
274. «История Азербайджана», т. II, Баку, 1963.
275. «История великой войны», т. I, М., 1915.
276. «История дипломатии», изд. 2, т. II, М., 1963.
277. И р а п д у с т, Движущие силы кемалистской революции, М.—Л., 1928.
278. Кабульский С., Политика возрождения Турции,— «Международная жизнь», 1926, № 7.
279. К а д и ш о в А. Б., Интервенция и гражданская война в Закавказье, М., 1960.
280. Кайзер Ж-, Европа и новая Турция, пер. с франц., М., 1925.
281. Капчев Г. И., Турецкое наследство и мировая война, Стокгольм, 1917.
282. К а р а п е т я н П. В., Армянский вопрос в Турции и политика империалистических держав накануне 1-й мировой войны (1908—1914), автореф.

канд. дисс., М., 1950.

283. Кауфман А. Е., Коронованный узник. Из тайн Ильдиз-киоска, СПб., 1910.

284. Кауфман А., Дни свободы в Константинополе,— «Турецкий сборник», СПб., 1909.

285. Кашивцев И., Конституционная Турция и ее перспективы (письмо из Болгарии),— «Русское богатство», 1909, № 3.

286. Кемаль Мустафа, Путь новой Турции, т. I—II, М., 1929.

287. Кемаль Мустафа, Воспоминания президента турецкой республики, М., 1924.

288. Кербаллай, Современная Турция,— «Мусульманин», 1910, № 1.

289. Керимов М. А., Закавказские советские республики и Турция (1920—1922),— «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. 19, 1958.

290. Киров С. М., Избранные статьи и речи, т. I (1912—1934), М., 1939.

291. Китайгородский П., Турция, М., 1929.

292. К л е и г е л ь с А. Н., Несколько слов об албанцах и весеннем восстании 1910 г., СПб., 1913.

293. Ковалевский М., К оценке недавних событий в Турции,— «Вестник Европы», кн. 6, 1909.

370

294. Ковалевский Е., Русские научные интересы в Палестине и прилежащих областях, Пг., 1915.

295. К о л ю б а к и н Б., На Малоазиатском театре всемирной войны (1914—1916), Пг., 1917.

295а. «Коммунистический Интернационал», 1927, № 16.

296. Кон ду ру шкин С., Оживает ли Турция,— «Русское богатство», 1909, № 5.

297. Корниенко Р. П., Рабочее движение в Турции 1918—1963 гг., М., 1965.

298. Короткое Т. С., Германо-турецкое вторжение в Иранский Азербайджан (1914—1915),— «Вопросы истории», 1948, № 1.
299. Корсун Н. Г., Сарыкамышская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1914—1918 гг., М., 1937.
300. Корсун Н. Г., Первая мировая война на Кавказском фронте, М., 1940.
301. Кузнецова С., Крах турецкой интервенции в Закавказье,— «Вопросы истории», 1951, № 9.
302. Кузьмин Д., Рабочее движение в Турции,— «Новый Восток», 1922, № 2.
303. Кудрин Н. Е., Очерки-иностранной жизни. Поражение контрреволюции в Турции,— «Образование», 1909, № 5.
304. Куро Ж-, Железные дороги Азиатской Турции, пер. с франц., СПб., 1900.
305. Къосев Д. Г., Борбите на Македонския народ за освобождение, София, 1950.
306. Ладыженский А. М., Отмена капитуляций в Турции, М., 1917.
307. Лазарев М. С., Крушение турецкого господства на Арабском Востоке, М., 1960.
308. Лазарев М. С., Курдистан и курдская проблема, М., 1964.
309. Левин И. О., Турецкий кризис,— «Русская мысль», кн. IX, 1912.
310. Лиддель-Гарт, Правда о войне 1914—1918 гг., М., 1935.

311. Лир а у В., Новая Турция, ее экономическое состояние и виды на будущее, пер. с нем., М.—Л., 1924.
312. Л о р е й Г., Операция германо-турецких морских сил в 1914—1918 гг., пер. с нем., М., 1934.
313. Ллойд Джордж Д., Военные мемуары, т. I—VI, М., 1934—1938.
314. Ллойд Джордж Д., Правда о мирных договорах, т. 2, пер. с англ., М., 1957.
315. Лоуренс Т. Э., Восстание в пустыне. Воспоминания об англо-арабских операциях против Турции, сокр. пер. с англ., М., 1929.
316. Л у д ш у в е й т Е. Ф., Турция, экономико-географический очерк, М., 1955.
317. Лудшувейт Е. Ф., Турция в годы первой мировой войны. Военно-политический очерк, М., 1966.
318. Л у ц к и и В. Б., Новая история арабских стран, М., 1965.
319. Людендорф Э., Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., пер. с нем., М., 1923.
- 319а. М а м е д к у л и з а д е М. Д., Избранные сочинения, т. I, Баку, 1951 (на азерб. яз.).
320. Манатов Ш., Турецкая жизнь в отражении турецкой прессы,— «Новый Восток», 1922, № 1. 24*
- 371
321. М а н д е л ь ш т а м А. Н., Младотурецкая держава. Историко-политический очерк, М., 1915.
322. М а р е с к о т т и Л. и Альдрованди,

Дипломатическая война. Воспоминания и отрывки из дневника (1914—1919 гг.), М., 1944.

323. «Материалы по изучению Востока», вып. I, СПб., 1909; вып. II, СПб., 1915.

324. Миллер А. Ф., Краткая история Турции, М., 1948.

325. Миллер А. Ф., Очерки новейшей истории Турции, М., 1948.

326. Миллер А. Ф., Буржуазная революция 1908 г. в Турции,— «Советское востоковедение», 1955, № 6.

327. Миллер А. Ф., Рецензия на книгу Э. Рэмсора,— «Советское востоковедение», 1958, № 3.

328. Миллер А. Ф., Пятидесятилетие младотурецкой революции, М., 1958.

329. Миллер А. Ф., Формирование политических взглядов Кема-ля Ататюрка,— «Народы Азии и Африки», 1963, № 5.

330. Миллюков П., Балканский кризис и политика Извольского, СПб., 1910.

331. Миллюков П., Константинополь и проливы,—«Вестник Европы», кн. 2, 4—6, Пг., 1917.

332. Минахорян В., Трагедия Турции, Баку, 1919.

333. Мирный С., К вопросу об определении стоимости мировой войны для Турции,— «Новый Восток», 1923, № 3.

334. «Мировая война в цифрах», М—Л., 1934.

335. Могилевич А. А и Айрапетян М. Э., На путях к мировой войне 1914—1918 гг., Л., 1940.

336. М о з е р Ф., Краткий стратегический обзор мировой войны, 1914—1918 гг., М., 1923.

337. Моисеев П. П., Аграрные отношения в современной Турции, М., 1960.

338. Моисеев П. П., Аграрный строй

современной Турции, М., 1970.

339. Моисеев П. П. и Розалиев Ю. Н., К истории советско-турецких отношений, М., 1958.

340. Муслим М., Современная Турция,— «Мусульманин», 1911, №8, 10, 11, 13.

341. Мухаммед Гаяз Чингиз, Семья и школа в Турции,— «Турецкий сборник», СПб., 1910.

342. Навширванов З., Социалистическое движение в Турции,— «Новый Восток», 1922, № 2.

343. Н а и т Э., Революционный переворот в Турции, пер. с англ., СПб., 1914.

344. «Народы Передней Азии», М., 1957.

345. Н е к о р а Л. С., Арабские политические общества в период 1908—1916 гг.,—«Новый Восток», 1925, №4.

346. Новичев А. Д., Очерки экономики Турции до мировой войны, М.—Л., 1937.

347. Новичев А. Д., Экономика Турции в период мировой войны, М.—Л., 1935.

348. Новичев А. Д., Аграрный вопрос в Турции накануне кема-листской революции,— «Записки Института востоковедения АН СССР», т. V, М., 1935.

349. Новичев А. Д., Крестьянство Турции в новейшее время, М., 1959.

372

350. Павлович (Михаил Вельтман), Азия и ее роль в мировой войне, Пг., 1918.

351. Пи н о н Рене, Новая Турция, пер. с франц.,—«Братская помощь», 1909, № 6, 7.

352. «Первый Конгресс Коминтерна», март 1919, М., 1933.

353. П е т р я е в, Статистико-экономический очерк Турции,— «Сб консульских донесений», вып. V, 1914.

354. П е т р о с я н Ю. А., «Новые османы» и

- борьба за конституцию 1876 г. в Турции, М., 1958.
355. П е т р о с я н Ю. А., К изучению идеологии младотурецкого движения,— «Тюркологический сборник», М., 1966.
356. Поварнин С., Ислам и революция,— «Мир», 1908, № 1.
357. Покровский М. Н., Империалистическая война (сб. статей), М., 1934.
358. П о л е т и к а Н. П., Возникновение мировой войны, М., 1964.
359. Поцхверия Б. М., Проникновение США в Турцию в XIX— начале XX в.,— «Советское востоковедение», 1957, № 1.
360. «Пробуждение Азии. 1905 год и революция на Востоке» (сб. статей), Л., 1935.
361. Пуанкаре Р., Происхождение мировой войны, М., 1924.
362. Преображенский И. В., Царьград и Святая София, Пг., 1915.
363. Р а в и ч Н., Молодость века. Военные мемуары, М., 1960.
364. «Религиозная секта кызылбашей в Малой Азии»,— ИШКВО, 1905, № 7—8.
365. Розалиев Ю. Н., В. И. Ленин и Турция,— «Ленин и Восток», М., 1960.
366. Р о т ь К., История христианских государств Балканского полуострова, СПб., 1914.
367. Салим, Письмо из Константинополя. Комитет «Единение и прогресс» и мусульманство,— «Мир ислама», вып. XI, 1913.
368. Саркисян Е. К-, Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны, Ереван, 1962.
369. Семенюта П. Г., Турция сегодня, вып. 1—111, СПб., (1908].

370. Сенкевич И. Г., Национально-освободительная борьба в Албании в начале XX в., — «Вопросы истории», 1956, № 6.
371. Сенкевич И. И., Младотурецкая революция 1908 г. и албанское национальное движение, — «Советское востоковедение», 1958, № 1.
372. «События в Турции», — «Рассвет», 1908, № 32.
373. Сокольский Н., Очерки современной Турции, Тифлис, 1923.
374. Субхи М., Отчет Центрального бюро народов Востока Коммунистическому Интернационалу, — «Жизнь национальностей», 9.11.1919.
375. Скиталец А., Два года турецкой конституции, — «Московский еженедельник», 1910, № 33, 34.
376. Скиталец А., Старая и новая Турция, — «Московский еженедельник», 1909, № 18.
377. Ставровский А., Закавказье после Октября. Взаимоотношения с Турцией в первой половине 1918 г., М. — Л., 1925.
378. Странник, Письмо из Константинополя, — «Московский еженедельник», 1908, № 38.
379. Талетов П., Старая и молодая Турция, — «Славянские известия», 1909, № 4,
380. Тарле Е. В., Англия и Турция. Исторические корни и развитие конфликта, — «Анналы», М., 1923.
381. Тарле Е. В., Европа в эпоху империализма 1871—1919, изд. II, М.—Л., 1928.
382. Тверитинова А. С., Младотурки и пантюркизм, — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», М., 1956.
383. Тер-Арутюнов, Политические

партии в современной Турции,— «Русская мысль», 1908, № 9.

384. Терешкий Н., Геджазская железная дорога (сб. материалов по Азии), СПб., 1911.

385. Тер мен Р. И., Отчет о поездке в санджак Хеккиари Ванско-го вилайета в 1906 г., Тифлис, 1910.

386. Т о к а р ж е в с к и и Е. А., Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане, Баку, 1957.

387. [То м и л о в П. А.], Отчет о поездке по Азиатской Турции генерального штаба подполковника Томилова в 1904 г., ч. I—II, СПб., 1907.

388. Тотомианц В., Экономическая почва турецкой революции,— «Современный мир», 1908. октябрь, разд. 2.

389. Тошев А., Балканские войны, тт. I—II, София — Пловдив, 1929—1931.

390. «Труды Азербайджанского филиала ИМЛ», т. VIII, Баку, 1948.

391. «Турция. Материалы к военно-географическому и статистическому описанию», СПб., 1912.

392. Тыркова А., Старая Турция и младотурки, Пг., 1916.

393. Фальк ен гейм Э., Верховное командование 1914—1916 гг. в его важнейших решениях, пер. с нем., М., 1923.

394. Фей С., Происхождение мировой войны., пер. с англ., М., 1934.

395. Ферди Б., Рабоче-крестьянское движение в Турции в 1917 — 1923 гг. (стенограммы лекций), М., 1935.

396. Хаджетлаше Мохамед-бек, Мрачные времена (из записок начальника тайной полиции в Турции), пер. с франц., СПб., 1911.

397. Хаджетлаше Мохамед-бек. Убийца на троне (записка начальника тайной полиции в Турции), пер. с франц., Пг., 1918.
398. (Хауз Э.], Архив полковника Хауза, т. I—IV, М., 1937—1944.
399. Х а л ф и н Н. А., Борьба за Курдистан (Курдский вопрос в международных отношениях XIX в.), М., 1953.
400. Хальгартен Г., Империализм до 1914 г., М., 1961.
401. Хвостов В. М., Ближневосточный кризис 1895—1897 гг.,— «Историк-марксист», т. 13, 1929.
402. Х е и ф е ц А. Н., Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на угнетенные народы Востока,— «Великий Октябрь и народы Востока», М., 1957.
403. Х е и ф е ц А. Н., Великий Октябрь и угнетенные народы Востока, М., 1959.
404. Х е и ф е ц А. Н., Исторические документы ленинской политики дружбы с народами Востока (первые договоры Советского государства с Афганистаном, Ираном и Турцией),— «Народы Азии и Африки», 1962, № 2.
405. Хейфец А. Н., Ленин — верный друг народов Востока, М., 1960.
406. Хейфец А. Н., Советская Россия и сопредельные страны Востока в год1/ гражданской войны (1918—1920), М., 1964,
374
407. Хошйллёр М., Экономическое значение Дарданелл,— «Проливы», М., 1924.
408. Чеку но в, Война с Турцией, Екатеринослав, 1915.
409. Черчилль У., Мировой кризис, М., 1932.
410. Чирнер Г., Арабский плацдарм и война

в Европе, М., 1941.

411. Чобанян А., Турецкие армяне и их культурная деятельность,— «Армянский сборник», изд. 2-е, М., 1916.

412. Цветков П., Турция и Абдул Гамид,— «Средняя Азия», Ташкент, 1910, кн. 1—6.

413. Циммерман М., Босфор и Дарданеллы, СПб., 1912.

414. Цхакая М., Грузия и Армения под пятой империалистов, Тифлис, 1925.

415. Цовикян Х. М., Влияние русской революции 1905 г. на революционное движение в Турции,— «Советское востоковедение», т. III, М.— Л., 1945.

416. Цыбульский В. В., Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока, М., 1966.

417. Шамсутдинов А. М., Участие султанской Турции в интервенции против Советской России в 1918 г.,— «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. XIV, 1956.

418. Шамсутдинов А. М., Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Турции (1919—1922),— «Великий Октябрь и народы Востока», М., 1957.

419. Шамсутдинов А. М., Турецкая Республика. Краткий очерк истории, М., 1962.

420. Шамсутдинов А. М., Национально-освободительная борьба в Турции 1918—1923 гг., М., 1966.

4_21. Шнуров А., Турецкий пролетариат, М., 1929.

422. Шпилькова В. И., Империалистическая политика США в отношении Турции (1914—1920), М., 1960.

423. Штейнберг Е. Л., История Британской агрессии на Среднем Востоке, М., 1951.

424. Штемберг Е., Германский стоке

накануне мировой войны журнал», 1943, № 1.

425. Эрцбергер М., 1-Германия и Антанта.

Мемуары, пер. с нем., М., 1934.

426. Э ф е н д и е в а Н. З., Борьба турецкого народа против французских оккупантов на юге Анатолии, Баку, 1966.

427. Юс т К., Анатолийская печать, Тифлис, 1922.

428. Юст К-, Письма из Турции,—«Красная новь», 1926, № 5.

429. Юст К., Кемализм (письма из Турции),—«Красная новь», 1926, № 9.

430. Яхимович З. П., Итало-турецкая война 1911—1912 гг. М 1967.

431. Якушкин В., Балканские войны и их результаты, М., 1914.

империализм на Ближнем Во-1914—1918 гг.,—
«Исторический

432. А Ъ а ё а п У., 1 п 1 с Пар 1 а п Ъ ше § ш § (1908—1923), Апкага, 1960

433. А Ъ а и а п У., Тйгк ткПаЫ по11ап, Апкага, 1951.

434. А Ъ а (1 а п У., 1 п Ъ 1 ар уе ткПарсПЖ, Апкага, 1933.

435. А Ъ а (1 а п У., Миз1а!а Кета! уе се1есШк, ЪапЪи!, 1964.

436. Ас11уаг НаПйе Е (Л р, Тйгкйп а1е§1е 1т1Шаш, ЪапЪи! 1962.

437. Adivar Halide Edip, İstiklâl savaşı hatıraları, İstanbul, 1962.
438. Adivar Halide Edip, Türkiye'de şark, garp ve amerikan tesirleri, İstanbul, 1956.
439. Aktepe M., Abdülhamid'dle ilgili belgeler,— «Belgelerle türk tarihi dergisi», İstanbul, 1968, № 5.
440. Ağa oğlu A., İhtilâl mi, inkılâp mı?, İstanbul, 1944.
441. Ağa oğlu S., Babamın arkadaşları, İstanbul, 1957.
442. Ahmet İhsan, Matbuat hatıralarım,— «Hakimiyet-i Milli'ye», 26.XII.1929.
443. Ahmet İhsan, Matbuat hatıralarım (1888—1923), İstanbul, 1930.
444. Ahmet Reşit Bey, Gördüklerim, yaptıklarım (1890—1922), İstanbul, 1945.
445. Akçura Y., Osmanlı devletinin dağılma devri (XVIII, XIX asırlar), İstanbul, 1946.
446. Alâettin İbrahim Govsa, Türk meşhurları Ansiklopedisi, Ankara, 1945.
447. Ali Ayni, Milliyetçilik, İstanbul, 1943.
448. [Ali Cevat Bey], İkinci meşrutiyetin ilâhı ve otuz bir mart hadisesi, Ankara, 1960.
449. Ali Hasan, Türk edebiyatına toplu bir bakış, I. kitap, İstanbul, 1932.
450. Ali Haydar Mithat, Hatıralarım (1872—1946), İstanbul, 1946.
451. Alip Tekin, Kemalizm, İstanbul, 1936.
452. Avni Hüseyin, Bir yarım müstemlike oluş tarihi, İstanbul, 1932.
453. Amca H Doğanayan Hürriyet (bir devrin iç yüzü, 1908—1918),

470. Bayur Y. H., Türk inkılâbı tarihi, cilt 2, kısım 1—2, Ankara, 1943.
471. Bayur Y. H., Türk inkılâbı tarihi, cilt 2, kısım 3, Ankara, 1951.
472. Bayur Y. H., Türk inkılâbı tarihi, cilt 3, kısım 3, Ankara, 1957.
473. Belen F., Nereden geliyoruz, nereye gidiyoruz, Ankara, 1956.
474. Belen M., Türkiye iktisadî tarihi hakkında tetkikler, İstanbul, 1931.
475. Berki A., Hukuk tarihinde islâm hukuku, Ankara, 1955.
476. Berkuk M., Büyük harpte (334) şimali Kafkasyadaki faaliyetlerimiz ve 15 fırkanın hareketi ve muharibeleri, İstanbul, 1934.
477. Borak S., Atatürk, Gençlik ve Hürriyet, İstanbul, 1960.
478. Borak S., İktidar koluğundan idam sehpasına. Yakın tarihizmde siyasi cinayetler ve idamlar, İstanbul, 1962.
479. Bozkurt E., Atatürk ihtilali, İstanbul, 1940.
480. Bülent D., Türkiye cümhuriyetinde laiklik prensipleri, Ankara, 1955.
481. «Bütün Osmanlı tarihinin resim ve yazı ile hulâsesi», İstanbul, [6. r.].
482. «Büyük adamlar. Türk ve yabancı 230 ünlü kişi», İstanbul, 1960.
483. Bıyıklıoğlu T., Reiscumhur Hazretlerinin Terceme-i Halleri, [6. m., 6. r.].
484. Cavit O. T., Prens Sabahaddin, İstanbul, 1954.
485. Cavit O. T., Ziya Gökalp üzerine notlar (genişli yeni baskı), İstanbul, 1964.
486. Cavit O. T., Yeni Osmanlılardan bu yana İngilterede türk gazeteciliği. 1867—1967, İstanbul, 1969.
487. Cebesoy A. F., Milli mücadele hatıraları, İstanbul, 1953.
488. Cebesoy A. F., Moskova hatıraları, İstanbul, 1955.
489. Cebesoy A. F., Ali Fuat Cebesoy'un siyasi hatıraları, İstanbul, 1957.
490. Cemal Kutay, Karabekir Ermenistanı nasıl yok etti, İstanbul, 1956.
491. Cemal Kutay, Atatürk—Enver Paşa hadiseleri. Yakın tarihin meşhul sahifeleri, İstanbul, 1956.
492. Cemal Kutay, Enver Paşa Lenine karşı, İstanbul, 1955.
493. Cemal Kutay, 1913-de Garbi Trakya'da ilk türk cumhuriyeti, İstanbul, 1962.
494. Cemal Kutay, Türkiye istiklâl ve Hürriyet mücadeleleri tarihi, İstanbul, 1957.
495. [Cemal Paşa], Hatıralar ve vesikalar. Cemal Paşanın hatıraları üzerine tetkikler, İstanbul, 1933.
496. Cerrahoğlu A., Türkiye'de sosyalizm. II kitap, İstanbul, 1966.
497. Çark I., Türk hizmetinde ermeniler (1453—1953), İstanbul, 1953.
498. Çapanoğlu M., Türkiye'de sosyalizm hareketleri ve sosyalist Hilmi, İstanbul, 1964.
499. Çaycı A., Mithat Paşanın Taif kalesinden kaçma tasavvuruna dair yabancı belgeler,— «Belgelerle türk tarihi dergisi», İstanbul, 1968, № 8.
500. Danişmend I. H., İzahlı osmanlı tarihi kronolojisi, cilt 1—4, İstanbul, 1947.
501. Danişmend I. H., Türkiye'de islamiyat tetkikleri külliyyatı, İstanbul, 1956.
502. Danişmend I. H., Sadrazam Tevfik Paşanın dosyasındaki resmî ve hususî vesika'ara göre 31 mart vakası, İstanbul, 1961.

О п

-3

└^

."

си

•

*

-

го СО •

л • ^

Ьч Н^"

О) "

Г ч^< с

О . 1/^ и

1ч "3

Ю

о*э ^

М ~*~ >

га *

•

T--

^

ГО

'П ^

С -"с

-С — " •

<: "3 о

Е га

л С>ч Е

— Г

Г1

'П си 3 с

и п го 7

га Е^ я >

^3 П

"^ <ц с

га -*-'

га

-^

го ^

^о

<

О

Т

~

С ~сл

го си ||

го г С

Е

ч^ > ^

^г >ЬЙ з

о :з

*

сл л" ^

с го л

.< со о

°О~ ^

С :з

IX ">.о Л

„ ?-2

га

з^ !§7 и

^< ,

'П С

ю

н н

га_2 -ИГ—

О>

— о

1-ч ОС ОТ

ХМ—.

си „

>—. о

П Ч-. Т5

3 ~ •-

Ео го Н-"

5с -

-И 3г- _ '2 с^>м^

-1"- О ^10^2

11г^§2с

С _ га с

и л^'

ест,

:3

: <С < ^' и Д,,

, — ^-х ьч га

го

^ и, 1_ (/>•—! со- от- ^ >> гагогого^гогогого"

о — ' <м' со •* ю со г-'

СО СО СО СО СО СО СО СО

со

^Г

СО

со

СЛ СЛ

СПСЛСЛ СП СЛ слсл сл слсл СЛ СП сп

сл СЛ СЛ СЛ слслслсл^^1 сл сл 2!\$?

сл слет СЛСЛ Сл

СО со

СОСООО СО СО

№0 К> Ю •>>

Ю Оз СЛ 4^- СО Ю ^- О СО О СОоо

ООКЗ 1— О СО 00 -0 -^ С73 СЛ Г^1?5

ОО ^1 СЛ 4^ 4^ СО Ю — СЛ4^ ОС

с7Х о^Х соХХ р^д^ДйГ^дсо^мим!^^»" ^

^co^,ГГ'^"'^^Г'co!Г^' тм_""!	тсогааоТоОг
~ч1	с аа^с
аГаэ 5. аз слаз аэ> « о3 овГ-ЕгЕ?»014 о=^^с« 1"14^^с3""а>	
§о \$ » и о. » со » НГ «> 5: ^ -п ~?< ^ ^	^лп'Еоз
3	
3 ц гс _ . ^а а П-333 , ^1^1-1-1^^1^1-;^!	р'«ГГ = 5.1«
^^.Э^з оэ ^=Г оэ гс.	
аэ 0.=. аз 2-	
Маэ^: ^ ^ 2/ -]	
	1
	X^^^гсоаэ'—
	а х-Р >' -
	-^сгр^ §гс
	ь ^ %?<*^^
	1-Я- г2
	х^71н ««
	"3 С. в* §
	»^ - ; с
~ О* !^; сГ го	
1— < и-, ^1 "" /-	
Хе0 -"">•'	
_гс рггс д	
! ? СЛ^вГ^!— ^ »:•"!?- г-г «- с™1 -у-=« - =*о. „ ^-	
3^Е*: --к-~ дд' н^ 8* 1	й:^^^ —
Р. к- ^ «_ -^н^н^ - ~ и 2- 3^ ю ё\<:	'гс Е" ^
^^ 3 2. 3^Й-Е-Й- _"н>- ^'с^Д^Й ^ ~Г5	аз С: -1 >«<
0 ж~, р _ ^ т ?.^-Ъ - СОХ^ - ^:ГН:-	н-
дет § Н-^ПП!ьТ5,Р - «	г §!^ з
^о 3 га .1 «<• " 2.8- *Н, <\$3?\$***?>*1а-	^^§;« '
^2. 1 „ Д51 ?Г ю ю ~\$ \$ЪЪ*3Ъ	•* >-*
к °Нге з ге =. й.^й 1 ^^ ^л.^цз^.^ц	•••' 1
§.^55 ^°:1з§ з - о- гс «аэ з^ю аз д 5^	Г\1 - М*
^м3 ^с <^^. ^^з5Т=со§ Н™^_	*_Λ"
Й:±;оз -* ЕГаГз- 8 Б 3г^_ о^»й 8-г	г! ^Н
2- 5 а « ^3§:с ^ ~на= г!-1э? г§.д= . 1й{	§3сГБл с :и
^ -§.5. ' аТ й.-. НИ 3 0-Д. Н^Г^--	л> ^
й-^Й- «<' ^ с^НГ гсвТаэаз1Н, ^ Е7 ~' -	^'3'ся -1
о.слз - 2"».-. ». ё-8 1 й< ?^3"п =г^ '	"2. з-3
5' ^с,;	^оГз§§ 2 -

«, аэх*
и^сгЗ "<

з- .— • з 'З^^ЗмЗ

^ о-аэ п>

<сигг аз^ст^й 3-
гс

Н1^^ |-|1-(аз

^^пэ^гс1-! ;т сг соЗ

а- оэ> -1 '< ^^:гс^

»

3^1 11 г ё^гс^^ ^ о

-!! 3 ^ ^1^1 а 3

со 22. Ж

^^ В" ся 2

?»1 1.Ц 313Ц! |

§& § к-" ^0,1:3^1155?
0 <-§4'

2^ " г^ йЗдг,,5§2- оГ <3|

1 г «• "5 §Е« 1 з§=^й- 3 - 1з; 8-й

~з^

1> -2- *;- ^^"-сь|^гс"< з-

з^^ 3§. - з^ йа^5- !<= |

Е§.-1 ^^ з з-^: Зсл-^_з

ЕГС _ г <<-з:

^Р | В^ !-""§.» Й =

| §. 2.-

2^ 3-Е
„ЭТЕ-М §

Г? 1=^

гс-3,^^^ П

г«8<1: §

5- с*2 й-

0^3.^ 1 а !§

ьт§ д<г |

со МЗ ^3

_•§ -

т 1— » •-«

С ^ и

1 ^^ "8 Я

ЗР? §

^аэ 21?!

Й^вэ 5

"з" ^-СГ

ЭР^ гс*!-

* "

2 азе гс

• -«ел п

«->• П ->~'

Λ- 2" ~

аТ - _ §-

со ^3 "

5 I ^ з7^-^!- ё,|§- л =>»

пзсо 3 ^,-, —

аТ^сг^ <5: о ^^

Ш.^ 2-й. ^зсьЕ."-

^«оз 9 §.

^ § с§ "§"&- > --«й- з

&1 Г 1 П гС Ш &л§ 1. ^

Λ — 3-

Зсосоаз^э' - со

< ^5 !\$ ^2 -&0 -

5-2

1 ; ц» 1ИЙ ? I

* 8 ^ » § !егм_с?

^ г*

- 2- -ь. о- соР

с^со- Λ -

» ^. ?|-Е ?г§^ I" &

Г Э >5а >"1 о х

$\wedge -\S \text{ ч}^\wedge \text{o! E}$
 $\wedge <-*-\sim \text{ч}$
 с
 $\text{к-} \quad 3 \quad \text{со}$
 $3 \quad \text{Со}$
 $1 \text{ СО} \quad 3 \quad \text{!T !-"}' \quad 5. \quad \wedge \wedge \quad 1 \quad \wedge \quad \text{Д}^\wedge 3 \quad 3 \text{ гс} \quad \gg \bullet \quad -$
 $\text{РС} \quad \bullet\text{—}' \quad \text{го} \quad 2 \quad \text{ч-} \quad \text{—} \quad .$
 $,$

$7 \S^* \quad \wedge \quad \text{ЕЙ}$
 $4^\wedge. \S \gg \text{со} \quad \text{аэсо} \quad \S \text{ и, «'} \quad \& \text{т} \quad \S -\text{э} \S \text{ Е а} \quad 1$
 $\text{соХ} \quad \gg \quad \text{г-} \quad > \text{o} \quad 3 \quad \text{я} \quad \text{—} \quad ?$
 $* \quad 1 \gg \wedge \quad \gg \text{и} \quad \text{T} = \quad \text{Р} \quad \text{т} \quad 3 = \bullet \quad \text{г} \quad \text{РКГ} \quad =; \text{Р} \quad .^\wedge$

$\text{СЛслСл} \quad \text{слСЛСлСЛСЛ}$
 $\text{—}^\wedge, \quad 05 \text{ ст} > \text{сл} \quad \text{слслслслсл}$
 $\text{СЛ} \quad 4 \gg. \text{СО} \quad \text{ю} \quad \text{Г}''1 \text{ О СО} \quad \text{ОО} \quad \text{Г}^\wedge 1 \text{ Оз СЛ} \quad 4\text{ь-}$
 $^\wedge \text{л сл} \quad \text{сл} \quad \text{сл} \quad \text{сл сл}$
 $4 > 4 > \quad \text{нБ-} \quad 4^\wedge\text{-} \quad 4^\wedge \quad 4^\wedge < 73 \text{ СЛ} \quad 4^\wedge \quad \text{СО} \quad \text{Ю}^\wedge\text{-}$
 ФО
 $^\wedge >$
 $\ll \text{О}$

- Karal E. Z., Türkiye Cumhuriyeti tarihi (1918—1933), İstanbul, 1958.
 Karal E. Z., Osmanlı tarihi, VIII cilt. Birinci Meşrutiyet ve istibdat devirleri. 1876—1907, Ankara, 1962.
 Kaynar R., Türkiye hukuk devleti kurma yolunda hareketimiz, İstanbul, 1960.
 Kemal Sütker, Türkiye sendikacılık,—«Sendika kültürü», 1955, № 1.
 Kılıç A., İstiklal mahkemesi hatıraları, İstanbul, 1955.
 Kızıldoğan H. S., «Vatan ve Hürriyet»,—«T.T.K. Belleken», VII—X, 1937.
 Kızıloğlu Z. F., XIX asırda Türkiye dışında Türk gazeteciliği ve Tarsusizade Münif Bey (1873—1930), İstanbul, 1962.
 Kur'an A. B., İnkılâp tarihimiz ve «İttihat ve Terakki», İstanbul, 1945.
 Kur'an A. B., İnkılâp tarihimiz ve yön tükler, İstanbul, 1945.
 Kur'an A. B., Osmanlı imparatorluğunda ve Türkiye cumhuriyetinde inkılâp hareketleri, İstanbul, 1959.
 7. Levend A. S., «İttihat ve Terakki», kongreleri,—«Memleket», 16.XII.1947.
 3. Mardin Ebü'lîâ, «Fetvâ»,—«İslâm Ansiklopedisi», cilt 4, İstanbul, 1945.
 9. Mete Tunçay, Türkiye sol Akımlar (1908—1925), Ankara, 1967.
 2. Meylanzade R., Türkiye İnkılâbının iç yüzü, Halep, 1929.
 1. Mümtaz S., Evvel zaman içinde, İstanbul, 1946.
 2. Okandan R. G., Amme hukukumuzda Tanzimat ve İkinci Meşrutiyet, İstanbul, 1946.
 3. Okandan R. G., Amme hukukumuzun ana hatları. Birinci kitap, İstanbul, 1957.
 Okyavus M., İstiklal harbi (1918—1923), İstanbul, 1950.
 Osman N., Türkiye maarif tarihi, İstanbul, 1940.
 «Osmanlı tarihleri. Beş kitap bir arada», İstanbul, 1949.
 Osmanoğlu A., Babam Abdulhamid, İstanbul, 1960.
 Öner S. S., Türk idare hukukuna takamülü sahnaları, Ankara, 1936.
 Özden C. M., Hatıraları, İstanbul, 1945.
 Özet C., Türkiye lâiklik, İstanbul, 1962.
 Pınalın M. Z., Osmanlı tarih deyimleri ve terimleri sözlüğü, İstanbul, 1946—1955.
 [Parvuz], Türkiye'nin esareti,—«Yön», 1963, № 8.
 Peker R., İnkılâp dersleri notları, Ankara, 1935.
 Reşat E. K., Türk inkılâbına bakışlar, İstanbul, 1933.
 Rağıp M., «İttihat ve Terakki» tarihinde esrar-perdesi, İstanbul, 1934.
 Reşat E. K., Osmanlı muhalefeti ve karutulusyonlar ve Lozan muahedesi (1300—1920), İstanbul, 1934.
 Rey A. R., Gördüklerim, yarıkları, 1890—1922, İstanbul, 1945.
 Rıza K., Türkiye ziraatı ve Türkiye ziraatının mühim şubeleri, Ankara, 1935.
 Rüştü M., Büyük harpte Bakı yollarında 5 Kaifas piyade fırkası,—«Askerî mecmuanın tarih kısmı», İstanbul, 1934, sayı 34.
 Sabiha Sertel, Tefik Fikret (ideolojisi ve felsefesi), Sofya, 1957.
 0.
 5 «2 "5 ..

.2Г аз

'0

е

3

-8 3

с

'-2

га _си С *о3

< т

4 4

2

23

I

си" л

(^

^ |

ю

оо

-л -

Г*.

УЗИЛ

<го ^

.5 3 н-

си сч

С ^О

*&** й2

-05 - •= <м

-ГЮ

•« п

ап М

ё ^

Л\

сегеу Ъи&й

.2

-а

-^

с

x1

да

си

«

.2?

"О

-1^

,_ 1181*1*

М

га

-o

•*. .a « - 'Ъ

Н ^й ^й Ь-' ^ —'

— A 1 -I

» ч "1

1

-Г

—

8 1

00 с

604. Tunaya T. Z., Türkiye'de 1952.
605. Tunaya T. Z., Türkiye'nin 1960.
606. Tunaya T. Z., İslâmcılık hayatı boyunca gelişmesi ve 1962.
607. Tunaya T. Z., Hürriyetin bakışlar, İstanbul, 1959.
608. Tunaya T. Z., Türkiye'nin Jön Türk Hareketlerinin fikri 609. Turhan M., Garbılaşman 610. Türkel'di A. F., Görüp i 611. Unat F. R., Hicri tarihle (genişletilmiş üçüncü basım), 612. Unat F. R., Atatürkün masındaki rolüne ait bir bi Nisan, 1962, sayı, 102.
613. Ustünel S., Savaş yolu Sofya, 1950.
614. Uzunçarşılı İ. H., Osi ra, 1942.
615. Uzunçarşılı İ. H., 19 ten», 1956, №1.
616. Uzunçarşılı İ. H., O Ankara, 1948.
617. Uzunçarşılı İ. H., Mithat P 1950.
618. Uzunçarşılı İ. H., 1908 yılı ile ilâh edileceğine dair vesikalar 619. Unal T., 1700-den 1958-e kada 1958.
620. [Vardar Galip], «İttihat ve tan Vardar Galip, yazar Samih 621. Ziya Gökalp, Türkölüğün 622. خود تاريخچه انقلاب كبير
بانيدن بير صحيفه، استانبول، ۱۳۲۶
جلاد ، استانبول، ۱۳۳۹
مليه، استانبول، ۱۳۴۲
ن عبدالعزيز، مصر، ۱۹۰۲
اول سلطنتی، استانبول...
مای انقلاب، مصر، ۱۳۱۸
ن کوچوگ عثمانی تاريخی»
۱۳۳۰، دوسعات،

!Э

1 % ?^

•?

'% -3' -Л

^^ 1

I §

- Sabis A. I., Harp hatıralarım, 2-ci basılış, cilt 1, Birinci Dünya harbinden evvelki hadiseler — harbin zuhuru ve seferberlik ilanı. Harbe nasıl sürüklendik, İstanbul, 1943.
- «Sarklı ihtilâlcı Ali Suavi», İstanbul, 1946.
- Seiçuk T., İktisadi ve ticarî Türkiye, İzmir, 1950.
- Sertoğlu M., Resimli Osmanlı tarihi ansiklopedisi, İstanbul, 1958.
- Sertoğlu M., Muthava bakımından baş vekâlet arşivi, Ankara, 1955.
- Sertoğlu M., Türkiye'de Ermeni meselesi, — «Belgelerle türk tarihi dergisi», İstanbul, 1968, № 4.
- Server F., Anayasalar ve siyasal bilgiler, İstanbul, 1962.
- Seymen F., Türk medenî hukuku, cilt I, İstanbul, 1956.
- [Söylemezoğlu G. K.], Hatıraları, İstanbul, 1946.
- Söylemezoğlu G. K., Yok edilmek istenen millet, İstanbul, 1951.
- Şakir Z., 1914—1918. cihan harbini nasıl idare ettik, İstanbul, 1944.
- Şakir Z., Tanzimat devrinden sonra Osmanlı nizam ordusu tarihi, İstanbul, 1951.
- Şakir Z., Yakın tarihimizin üç büyük adamı, İstanbul, 1943.
- Şanda H. A., Türkiye'de 54 yıl önce işçi hareketleri, İstanbul, 1962.
- Şanda H. A., 1908'de ecnebi sermayesine karşı ilk kalkınmalar, İstanbul, 1932.
- Şapalyo E. B., Türk büyüklüğü, Ankara, 1960.
- Şapalyo E. B., Türkiye Cumhuriyeti tarihi (1918—1950), İstanbul, 1961.
- Şapalyo E. B., Kuvvayi milliye tarihi, Ankara, 1957.
- Şapalyo E. B., Osmanlı sultanları tarihi, İstanbul, 1961.
- Şemseddin Günaltay, Hürriyet mücadeleleri, İstanbul, 1958.
- «Şeyhülislâm Cemaleddin efendinin hatıratı siyasiyesi», İstanbul, [6. r.].
- a. Şerif Mardin, Jön türklere siyasî fikirleri, 1859—1908, Ankara, 1964.
- Şevket Süreyya, Cihan iktisadiyatında Türkiye, Ankara, 1931.
- Tahsin Paşa, Abdülhamid ve Yıldız hatıraları, İstanbul, 1931.
- [Talât Paşa], Talât Paşanın hatıraları, İstanbul, 1946.
- Şevket Süreyya, Cihan iktisadiyatında Türkiye, Ankara, 1931., İstanbul, 1942.
- Tansel F. A., Dr. E. E. Ramsourun eseri hakkında tenkit ve düşünceler, — «T.T.K. Belleten», 1962, cilt XXVI, sayı 102.
- Tekinalp, Kemalizm, İstanbul, 1936.
- Temol, «İftih ve Terakki» cemiyetinin teşekkülü ve hizmetî vatanîye ve inkılâbî millîye dair hatıratım, Mecdîye (Romanya), 1939.
- [Tarih], cilt III—IV, İstanbul, 1933—1934.
- Tepedelenlioğlu N. N., İlâni hürriyet ve sultan II Abdülhamit han, İstanbul, 1960.
- [Topuzlu C.], Operatör Cemil Paşa hatıraları, İstanbul, 1945.
- Tönük V., Türkiye'de idare teşkilâtının tarihi gelişmesi ve bugünkü durumu, Ankara, 1945.
- Tugay A. I., Abdülhamid'e verilen jurnallar ve jurnalciler, İstanbul, 1961.

•
Ю Ю (о

со (--

ОО да Ю ю

оо оэ о -ч

ОО ОО ОЭ Оз 1О Ю Ю Ю Ю

см со -* см «5 И; ?5

03 03 03 03 03 03 03

Ю ЮЮЮ >я ЮЮ

^О — см ^

С'''

о о о о оо

Ю со О со со

со''

631.

632. 633.

ИГо

634.

635.

(Зл Н И/иг Г '

636.

^» — ^

ИГЛ

637.
ИГУ ' 638.

'сой*.

639.

640.

Λ '

641.

642. 643.

Т» ' 644.

645.

— ип

и и—И Г Г

с ^л) »-

646. нп 647.

648.

649. [б. г.]

— и

382

650.

651.

ну 652.

653. А а г о пзоЪ п А., ШШ 1Ъе ТиНсз т
Рале31те, Бопйоп, 1917.

654. А Ъ Ъ о И О. Е., Тиг1<еу т Тгапз1!1оп,
Бопйоп, 1909.

655. А Ъ Ъ о Н О. Е., Тиг1<еу, Огеесе апс!
Ше Огеа! Ро^егз, Бопйоп, 1916.

656. [А с! I V а г Н а П с! е Е и I р], Мето!гз
о? На1Ме Ей!р, Бопйоп, 1926.

657. А <11 V а г Н а Н и е Е и 1 р, Соп1Нс1
о! Баз!: апй Шез! 1п ТигБу, ЪаБоге, 1936.

658. АЬтес! Епмп, Тиг1<еу т 1Ъе \уог!й
\^аг, Ме^ Науеп, 1930.

659. АЬтей Ет1П, Тиг1<еу т ту "Пте,
Ои1аБота, 1957.

660. Аьтас! Регог, Тье Уоишд Тигьз. Тье
СоттШее о! Ш5оп апс! Рго^гезз т Тиг1<1зЪ РоННсз 1908—
1914, ОхГогй, 1969.
661. А 1 Ь е г Н п 1 Ь., Тье Опдшз оГ 1Ъе
Шаг о! 1914, уо1. I, Ыопйоп— Ме\^ Уог1< — ТогопЪ, 1952.
662. А11 е п Н. Е., Тье Тигьз т Еигоре. А
5се^сЪ-5!ис1у, Ыопйоп, 1919.
663. А11 е п Н. Е., Тье ТигьзЪ
ТгапзГогта1!оп. А 51ийу 1п 5ос!а1 апй КеЪ'^оиз
ОеуеЪртеп^, СЫса^о, [б. г.].
664. А г т 5 п 1 и з Ш., Регзона! КесоШсНопз
о! АМиШатМ апй Ыз СоиН, N^пе^ееп^Ъ Сегйигу, Ыопйоп,
1909.
665. АздиН Н. Н., Тье Оепез13 о! *Ъе \\\^аг,
Ыопйоп, 1923.
666. Вес1<ег С. Н., Пеи1зсЫапс} ипА йег
1з1ат, ВегНп, 1914.
667. Вес1<ег С. Н., 11пзег Шг1<15сЪег
Випейз^епоззе, ВегНп, 1916.
668. В е г а г с! V., НеуоШюп 1игрие, Рапз,
1909.
669. Вигу О. Н., АгаЫа РеНх оГ 1Ъе
Тиг1<з \п Уетеп, Ыопйоп, 1915.
670. Вих^оп С. Рч., Тиг1<еу ш КеуоЪНоп,
Ыопйоп — Ые1рг1р, 1909.
671. Во\уеп Н., ВгШзЪ Соп^п'Ъи^опз 1о
Тиг1<1'зЪ 51исИез Ыопйоп, 1945. ..
672. С а с Ь е т а {11 е Е. Р., ТипЧеу Раз!
Ргезеп^ апс! Ри1иге т РгорЪезу, Соп11пиоз-Ыз1ог1С
Ехр1апаЙоп, Ыопйоп, 1916.
673. СатЪоп Р., Соггезропйапсе (1870—
1914), Рапз, 1946,
674. СатП1е Р., Без ргет5егз]'оигз с!е 1а
Ти^^и^е НЪге, 1е1!ге с!'ип 1ёто1П, Раг1з, 1909.
675. Соп1епзоп 1^., Без гё!огтез еп Ти^ше

с!Аз1а. Ыа диезНоп агтѣп1еппе Ыа ^иез1^оп зиг1еппе, Раг1з. 1913.

676. «СоггезропсЗепсе Ые1шееп 5!г Непгу Мс МаБоуп апс! 1Ъе 5Ъег1Г Низзет о^ Месса, Ли1у 1915 — МагсЪ 1916», 81аЙопагу ОГПсе, Ыопйоп, 1939.

677. О а & о Ы е г I V о п М 11< и з Ы,
(ЗНаг! Миз1арЪа Кета1, Раг!з, 1954.

678. Е а г 1 е Е. М., ТипЧеу, 1:Ъе Огеа!
Родуегз апс! !Ъе Ваџс!ай КаЛшау, Ме\у Уог1<, 1935.

679. Е с! 1 Ы Н., Тиг1^еу Расез Мез!,
Ыопйоп, 1930, .

383

680. Ее! топ из С. I., Кигйз, Тигкз апй
АгаЪз, Ыопйоп, 1957.

681. Еуапз Ы., Ыт1ей 5Ыез РоПсу апй Ше
РагШюп о! Тиг1<еу. 1914—1924, ВаШтог, 1965.

682 Е V е г з 1 а у О. апй С Ы г А 1 V., ТЪе ТигИзЪ Етр1ге
{гот 1288 1о 1914 апй Ггот 1914 1о 1924, Ыопйоп, 1924.

683. Е V п и г е з Р. К., Ше Тйгке!, 1918.

684. РгазЪег Р., Регз1а апй Тигкеу т
Кеуо11, Ыопйоп, 1910.

685. РезЪ К., Сопз1ап11пор1е с1ез йегшегз
Јоигз й'АЪйиЪ-'Напий, Рапз, 1908.

686. О а Ъ г 1 е 1 е ? е п Й 1, КесиеП Йопе1ез
т1егпа1юпах йе ГЕтр!ге ОЙотап, УО!. VI!, 1[б. м.], [б. г.].

687. Оагс1а Ы., ТЪе СЗгеа! Рочуегз апй Ше
Масейотап риезНоп, 1902, 1908, СаШогта, 1934.

688. О ай! его! О., Ыа Ргапсе еп 5ипе е! еп
СШае, Рапз, 1920.

689. Оеог^ез СаиНз ВегШе, Ыа диезШѣп
{игдие, Рапз, 1931.

690. О е о г џ е з ОаиНз ВегШе, Ыа
паЙопаНзте 1игс, Рапз, 1922.

691. ШЪЪопз Н., ТЪе Мечу Мар о! Аз1а
1906—1919, Ме\у Уогк, 1921.

692. О 1 о П 1 И О., Мётсмгез йе та уле,
Рапз, 1923.
693. О о Н 1 Ъ е П К., Тпе Уоип^ Тигкз апй
О1Й Тигкеу,— «Рогит», ХЪ, 1908.
694. Оогйоп У. I., Атепсап КеЫюпз \УЙЬ
ТиЛеу, 1830—1930, РЫIас1е1рЫа, 1932.
695. «Огеа! Вгиа1п апй Ра1езИпе, 1915—
1945», Мечу УопЧ, 1946.
696. Огеу Е., Т\уеп1у Р1уе Уеагз 1892—
1916, УО!. 1—2, Ыопйоп, 1925—1926.
697. О г о 1 Ъ е г Н., Оеи*5сЫапс1, Й1е
ТйпЧеу ипй йег 1з1ат, Ье1рг1^, 1914.
698. Н а т 1 Н о п А., РгоЫетз о! Ше МШ1е
Еаз^, Ыопйоп, 1909.
699. Н а АУ 1 е у \У. А., Аз1а М1пог,
Ыопйоп, 1918.
700. Не1тге1сЬ Е., ТЪе 01р1отаеу о! Ше
ВаШап Шагз 1912—1913, СатЬпйее, 1938.
701. НозПег СЪ. XV., ТигЫзт апй 5оу1е1з,
Ыопйоп, 1957.
702. Н о \У а г д. Н., ТЪе Раг111!оп о!
ТигЪеу. А О1р1ота1!с Н1з1огу, 1913—1923, ОЫаЬота, 1931.
703. Л а Ъ 011 п 8 Ъ у V., ТипЧеу апй Ше
^аг, Ыопйоп, 1917.
704. Кгезз УОП Кгеззеп51е1п, М11 с!еп
ТйЛеп ги 5иег1<апа1, ВегНп, 1938.
705. «КоггезропйепзЫаИ йет
ЫасЬпсЫепз1е11е Шг йеп ОпеПЬ, ВегНп, 1917.
706. БатоисЪе Ъ., Ошпге апз й'ЫзЫге
Ва1сап1яие 1904—1918, Рапз, 1928.
707. Б а г с Ъ е г М., Ба диегге 1игяие йапз
1а диегге топсИа!е, Рапз, 1926.
708. Ба\угепсе Т. Е., Зеуеп Р111агз о!
^1зс1от. А ТпитрЬ, Ыоп-йоп, 1935.
709. [Ба\угепсе Т. Е.], Ье^егз о! Т. Е.

Ба>угепсе, Бопйоп, 1938.

710. 'Б е АУ 1 з В., Колез апй Воситеп1з Ггот Ше ТигИзЪ АгсЫуез. А СопШЫШоп 1о Ше Н1з1огу о{ Ше Леитз 1п Ше Ойотап Етр1ге, Легиза1ет, 1952.

711. Б е \У 1 з О. Б., Тиг1сеу, Бопйоп, 1957.

712. Бе\\мз V. Т., На^^опа1^зт 1п ТипЧеу, На^^опа1^зт 1п Ше М1с1й1е Баз*, №азЪтд1оп, 1952.

713. Ы т а п УОП 5 а п с! е г з, РйпГ ЛаБге Тйг1<е1, ВегПп, 1920. Имеется также на английском языке: «Пуе Уеагз о! Тигкеу»,

384

АппороНз, 1927; на турецком — «Тйгк!уес1е Бе§ .',епе». 1з1-1, 1337 (1920).

714. Б и к е 51г Наггу, ТЪе ОЫ Тигкеу апс! ТЪеп Ые\у. Ргот В\2.ап-1шт 1о Апкага, 'Бопйоп, 1955.

715. Бике 51г Наггу, ТЪе Макт^ оГ Мойегп Тигкеу. Ргот В1гап-Иит 1о Ап^ога, Бопйоп, 1936.

716. Мапс1е151ат А., Бе зог! йе Б'Етр1ге ОНотап, Рапз, 1917.

717. Магй1п ЗЪег!!, ТЪе Оепез{в Уоип§ О^отап. А 81ис1у т Ше Мос1егп1за11оп о! ТигЫзЪ РоНйса! Иеаз, Мечу Легзеу, 1962.

718. Маг1о1 Л. А. К., ТЪе Еаз^егп риезИоп. А Н1з1опса1 51ис1у 'т Еигореап О1р1отасу, ОхГогй, 1951.

719. Меагз Е. О., Мойегп Тиг^еу. А Ро1Шса1-Есопогт'с 1п1егре-1а11оп 1908—1923, Ме\у Уогк, 1924.

720. М1 Пег \У., ТЪе (Шотап Етр1ге апй Из Зиссеззогз. 1801 — 1922, СатЪпй^е, 1923.

721. Мои к! а г расБа, Ба Ти^ше, Б'АПетадпе е! ГЕигоре йе-ри!з 1е Тга^ё йи ВегНп ^из^и'а 1а яиегге топсНа1е, Рапз, 1924.

722. М о г § е п 1 Б а и Н., ТЪе ЗесгеЪ о! Ше Возрогиз, Ме\у Уог1<, 1918.

722а. Мог§еп1Баи Н.. АтЪаззайог Мог^епШаиз 51огу,

Me\y Уогк, 1926.

723. МиЫтапп С, ОеиГзЫапй ипй Й1е
Тйгке! (1913-1914), ВегНп, 1929.

724. М и Ы 1 т а п п С., Оаз йеи1зсЪ-
Шгк1зЪе \^а!1епЪйп(1п15 1П ^з11-Нпе^е, Ье1р21§, 1940.

725. С'М а 1 т В е у], ТЪе Мепкмгз оГ
Ма1т Веу. ТигИЗЪ ОГПс1а1 Роситеп!з Ке1а11п^ 1в Ше
ОеройаНопз апй Маззасгез о! Агтетапз, Ьопйоп, 1920.

726. Меапп^ 5., Ргеетеп Л., ОоПаг
О!р1отасу, Ме\у УогЪ, 1921.

727. Шуах! ВегКез, ТЪе Оеуе1ортеп1 о!
5еси1ашт 1п Тигкеу, Моп1геа1, 1964,

728. О т а г Ъ и ! И, Раз 1п1пдепзр1е1 т
Оепеп!. Рег Меие Оепеп1, ВегНп, 1919.

729. ОуегЪеск АНгей УОП, Р1е
КарИи1аЙопеп йез Озтап1зсЪеп Ке1сЪез, Вгез1аи, 1917.

730. «Реасе НапйБоокз, МоЪаттейашт.
Тигкеу т Аз\а». Ьопйоп, 1920.

731. Реагз Е., Роg1у Уеагз т
Сопз1ап1тор1е 1870—1915, Ьопйоп, 1916.

732. Р 1 п о п Р ч е п ё, Ьа зирргеззюп йез
агтёп{епз. Ме^Ъаие аНе-тапел1е-1гапзШиге, Рапз, 1916.

733. Рот1апко\узк1 Л., Рег 2изаттепЪгисЪ
йез Ойотап1зЪеп РчысЪез. Еппегип^еп ап Й1е Тйгке! аиз
йег 2еН йез ^еНЫедез, 2йпсЪ — Ье1рг1§ — ^1еп, 1928.

734. Ка!Ътапп Ъ., 51оззпсЫп§ МаЪоз!.
1914—1918, ВегНп, 1963.

735. К а т з а у Ш. М., ТЪе Кеуо1иНоп т
Сопз1ап11пор1е апй Тигкеу, Ьопйоп, 1909.

736. К а т з а и г Е. Е., ТЪе Уоипд Тигкз.
Рге1ийе 1о Ше КеуоШюп о! 1908, Ме\у Уогк, 1957.

737. 5 аГг аз11 ап А г з Ъ а к, Кигйз апй
Кигй1з1ап, Ьопйоп, 1948.

738. 5а1й НаПт РасЪа, Мо1ез роиг зеу1г а
1а КёГогте йе 1а зосгё{ё Мизи1тапе,— «Оепеп! е1

Осс1ЙепЬ>, Рапз, 1922.

739. 5 а г г о и А., Ба Леипе Тигдиге е! 1а
Кёуо1и11оп, Рапз, 1912.

25 Г. 3. Алиев

385

740. 5 с 1 р 1 о Бипп, Му ТЫг1у Уеагз т
Тигкеу, Ке\у-НатрзЫге, 1955.

741. «51а!езтеп Уеаг ВооЬ, Ыопйоп, 1922.

742. 5 р е с 1 о г I., Тье 5оУ1е1 Шюп апй
Ше МизНт ШогЫ, 1917— 1956, ШазЫт^оп, 1957.

743. 5 1 и г т е г Н., Т\УО \\\^аг Уеагз т
Сопз1ап1тор1е. 5келсЬез о! Оегтап апй Уоип^ ТигЫзЬ
ЕШ1сз апс! Ро1Шсз, Ыопйоп, 1917.

744. 5 I е Г а п V е П 1с о V, 5иг 1е
тоиуетеп! оиупег е! зоааНз^е еп
оргёз 1а НёуобЫюп ^ипе-лигяие с!е 1908, — «Е1ис1ез
1964, № 1.

745. Тек1п А1р, ТйгЫзтиз ипд РапШгЫзтиз,
Шгтаг, 1915.

746. «Тье Епсус1оресНа о! 1з1ат», УО!. IV,
БеМеп — Ъ^опйоп, 1934.

747. ТоупЬее А., МаНопапЧу апй 1Ье \^аг,
Ыопйоп, 1915.

А., Тье \^ез1егп риезНоп \п Огеесе апс! Тиг^еу. Ше
Соп^ас! оГ С1У1НгаЙопз, Ыопйоп, 1922. А. апй К 1 г 1< XV
о о А Р., Тиг1сеу, Ыопйоп, 1926. АгаЬ-ТигЫзЬ Не1а^опз
апс! Ше Етегеп^е о! АгаЬ 1958.

748. ТоупЬее А 51ис1у \п

749. ТоупЬее

750. 2 е 1 п е 2., МаЙопаНзт,

А. Р., Тье Ра1езИпе Сатра!§пз,

— Сопз1аЬе,

751.

1929.

752. \^ауе!1 А. Р., АНепЬу т Е§ур1, Ыопйоп

— ТогопЪ — Вот-Бау~5уапеу, 1913.

753. \Мзоп АгпоЫ Т., ЁоуаННез.

Мезоро^агта 1913—1917 апй Мезоро1ат1а 1917 — 1920.
А С1азЪ о! ЁоуаННез. А Регзопа! апА Н1з!опса1 Кесогй, 1.
I— II, Ёопйоп — ОхГогй, 1930—1931.

754. XV о о с! Н. СЪаг1ез, ТЪе Папдег 2опе
о! Еигоре. СЪапдез апс! РгоЫетз 1п Ше Кеаг Еаз{, Воз^оп,
1911.

755. ^оос! Н. СЪаНез, ТЪе Сгас11е оГ Ше
Шаг, ЁопДоп, 1918.

756- ШооИ Ёеопагй, ТЪе РиЪге о! Сопз*апНпор1е, Ёопйоп,
1917.

V. Периодические издания

757. «Бакинский рабочий» (1918).

758. «Братская помощь» (1908—1912).

759. «Вестник Европы» (1908—1918).

760. «Заря Востока», 5.11.1925,

761. «Жизнь национальностей» (1918).

762. «Известия», 5.У1.1951.

763. «Известия штаба Кавказского военного
округа» (ИШКВО) (1904—1914).

764. «Коммунистический Интернационал»
(1927, №6).

765. «Мир ислама» (1910).

766. «Московский еженедельник» (1908 —
1918).

767. «Мусульманин» (1910—1911).

768. «Правда» (1918).

769. «Одесский листок» (1898—1910).

770. «Рассвет» (1908).

771. «Русская мысль» (1908, 1910, 1913).

772. «Современник» (1908—1912).

773. «Средняя Азия» (1910).

776. «МаПуе шеспшаз!» (1937).

777. «Ташп» (X—XI. 1944).

778.	«ТйгИуе ТапЪ кигити Ъelle1еш».
779.	«Уа1ап», 23.11.1950.
780.	«ВеґНпег ТаёеЫаП», 28.1.1920.
781.	«Веґ Меие Опеп!» (1917, № 6/7).
782.	«Б'НшпапИё» (1908).
783.	«Кеуие йез йеих топйез» (1908—1909).
784.	«Йеуие с!и топйе тизи1тап» (1908, №
1—4; 1921).	
785.	«Тетрз» (1908—1915).
786.	«Лоигпа!» (1915).
786а.	«1з1апЪи1» (1908—1909).
786б.	«ТЪеТппез» (1908—
1912).	
787.	
^ \ «*.1 ' ^ Я « * \	
788. 789.	
790.	
791.	
Г ч—	
792. 793. 794.	
795.	
^ — в 796. 797. 798 . 799.	
800.	
801. 802 . 803. 804,	
^ — ГЛ	
иг Г	
и— и «л мм ч	
ч Г ГУ	
Т Ч— \ в^* Ч V Г * с КГ» ЧГП Ч Г Г в	
— ИГ Г	
и» Ч	
774.	«АуЫс апзШоресШ!» (1960, № 60).
775.	«ЫаШКк уЩф» (1931—1932, сШ 5).
386	
25*	
СОДЕРЖАНИЕ	

7	29
56	
95	95
131	
Введение.....	3
Глава I. Социально-экономические и политические пред-
посылки революции 1908—1909 гг. в Турции . . .	7
Экономическая отсталость Османской империи и
ее причины	
Деспотический режим султана Абдул Хамида II.
Возникновение буржуазно-революционного движения
.....	
Глава II. Революция 1908—1909 гг. и приход к власти
младотурок	
Первый этап революции.....	
Контрреволюционный мятеж 31 марта (13 апреля) 1909 г. и
его подавление. Второй этап революции.....	
Глава III. Внутренняя политика младотурок в 1909—
1914 гг.....	151
Некоторые мероприятия по укреплению власти	151
Младотурки и аграрно-крестьянский вопрос .	159
Отношение младотурок к рабочему движению .	166
Реакционная сущность национальной политики
младотурок.....	178
Обострение внутривнутриполитического положения в
стране.....	202
Глава IV. Влияние первой мировой войны на экономику
Турции.....	237
Глава V. Обострение политического кризиса в Турции
в годы войны.....'	
	266
Глава VI. Военное поражение Турции и крушение
Османской империи	303
Заключение.....	327
Примечания.....	337

Список использованной литературы 361

1 р. 4В к.